

История морской культуры Южно-Китайского моря

Viktor Frazin

2024-08-31

Contents

История морской культуры Южно-Китайского моря 1

История морской культуры Южно-Китайского моря

Сыту Шанцзи

Русская академическая исследовательская пресса

2023

Содержание

Глава I Основная теория морской культуры.....
001

Раздел 1. Концепция морской культуры.....
001

Раздел 2. Содержание морской культуры.....
009

Раздел 3. Особенности морской культуры.....
017

Глава II Географическая среда формирования морской культуры в Южно-Китайском море.....	027
Раздел 1. Природная среда Южно-Китайского моря.....	028
Раздел 2. Гуманитарно-социальная среда.....	031
Раздел 3. Роль и влияние китайцев, живущих за границей, а также городов Гуанчжоу, Гонконга и Макао на морскую культуру в Южно-Китайском море.....	037
Глава III Зарождение морской культуры в Южно-Китайском море в доисторические времена.....	052
Раздел 1. Культурный обмен в Южно-Китайском море сквозь призму археологических доказательств.....	053
Раздел 2. Тотемизм и происхождение морской культуры в Южно-Китайском море в доисторический период.....	072
Глава IV Первоначальная морская культура Южно-Китайского моря в доциньскую эпоху.....	084
Раздел 1. Морская деятельность древних народов региона Южно-Китайского моря, зафиксированная в древних циньских текстах, включая «Шань хай цзин».	085
Раздел 2. Морская аграрная культура Южно-Китайского моря.....	087
Глава V Развитие морской культуры в Южно-Китайском море в период династий Цинь, Хань, Южных и Северных династий (420–589 гг.).....	089
Раздел 1. Морская деятельность человека и культурные обмены, отраженные в медных барабанах древнего народа юэ.....	089
Раздел 2. Открытие морского Шелкового пути во время династии Западная Хань	092
Глава VI Расцвет морской культуры в Южно-Китайском море во времена династий Суй, Тан и Южной Хань.....	107

Раздел 1. Установление суверенного управления и администрации китайского правительства в регионах Южно-Китайского моря.....	108
Раздел 2. Открытие «Морского прохода Гуанчжоу» и возвышение статуса Гуанчжоу как мирового порта.....	111
Раздел 3. Обмен и распространение морской культуры между Китаем и зарубежными странами.....	117
Глава VII Расцвет морской культуры в Южно-Китайском море в контексте открытости династий Сун и Юань.....	133
Раздел 1. Суверенное управление Южно-Китайским морем в период династий Сун и Юань.....	133
Раздел 2. Введение политики морской торговли — приоритетное направление деятельности власти Сун и Юань.....	135
Раздел 3. Технологический прогресс в судостроении и мореходстве.....	140
Раздел 4. Затонувший корабль династии Южная Сун «Наньхай-1» несет в себе послание морской культуры.....	147
Раздел 5. Внедрение новых сельскохозяйственных культур и первая революция в производстве зерна.....	154
Глава VIII Пик развития морской культуры в Южно-Китайском море в период династии Мин (1368–1644 гг.).....	159
Раздел 1. Исключительный доступ к морской торговле в Южно-Китайском море в условиях запрета морской торговли.....	160
Раздел 2. «Семь морских путешествий Чжэн-хэ на Запад и распространение китайской морской культуры во внешнем мире.....	165
Раздел 3. Импорт новых зарубежных сортов сельскохозяйственных культур и их преимущества.....	175

Раздел 4. Бурное развитие морской сельскохозяйственной культуры, использующей море в качестве поля.....	181
Раздел 5. Становление Макао как центра культурного обмена между Востоком и Западом.....	190
Раздел 6. Прибытие Маттео Риччи в Гуандун.....	202
Раздел 7. Возрождение пиратской культуры.....	212
Глава IX Чередование расцвета и упадка морской культуры в Южно-Китайском море в начале правления династии Цин.....	222
Раздел 1. Упадок морской торговли под влиянием запрета морской торговли в начальные годы династии Цин.....	223
Раздел 2. Расцвет морского Шелкового пути в середине эпохи Цин и формирование глобальной структуры торговой циркуляции.....	229
Раздел 3. Возникновение торговых объединений и их морской культурный стиль	235
Раздел 4. Установление традиционных границ Южно-Китайского моря и суверенитет Китая над ним.....	260
Глава X Метаморфоза и новая жизнь морской культуры Южно-Китайского моря в переходном периоде Новой истории.....	269
Раздел 1. Конец морского Шелкового пути после двух Опиумных войн.....	270
Раздел 2. Новый облик культурного обмена между Востоком и Западом.....	273
Раздел 3. Политические, идеологические и культурные достижения, возникшие в результате культурных обменов между Востоком и Западом.....	323
Раздел 4. Формирование культуры китайцев, живущих за границей (хуацяо) и ее вклад в национальную и мировую культуру.....	369
Глава XI Извилистый путь развития китайской морской культуры в Южно-Китайском море в период Новой истории.....	

386

Раздел 1. Борьба китайского правительства и народа в защиту суверенитета Южно-Китайского моря и территориальных вод и островов Южно-Китайского моря..... 388

Раздел 2. Возникновение и развитие концепции Южно-Китайского моря Новой и Новейшей истории..... 399

Раздел 3. Потеря и возвращение территориального суверенитета Гонконгом и Макао 407

Раздел 4. Возникновение современной морской деловой культуры..... 415

Раздел 5. Большие культурные обмены между Востоком и Западом в условиях политики реформ и открытости 425

Глава I

Основная теория морской культуры

Раздел 1. Концепция морской культуры

Культура — это очень широкое понятие, и ее определение является спорным вопросом. Американские антропологи Альфред Кребер (Alfred Kroeber) и Клайд Клакхон (Clyde Kluckhohn) в своей книге «Культура: Критический обзор концепций и определений» перечислили как минимум 164 определения культуры за 80 лет с 1871 по 1951 год. [1] И с тех пор было выдвинуто еще больше определений культуры. Независимо от количества пониманий культуры, наиболее популярное относится к совокупности материальных и духовных богатств, сотворенных людьми, а также к способам, которыми они приспособились к окружающей среде. В применении к морям и океанам эта концепция культуры

означает совокупности материальных и духовных богатств, созданных людьми с использованием морских ресурсов, а также способы их адаптации к морской среде. Первые способы, такие как: окружение (прибрежных земель дамбой) и вспашка земель под сельхозкультуры, превращение пустынных земель пустыни в плодородные пахотные, трансформация непригодных под посадку зерновых культур земель, или окружение морей плотинами, выращивание рыб, жемчужин или использование морской воды для получения соли, извлечения различных химических элементов, а также использование приливов и отливов, силы ветра, разницы температур, разницы солености для производства электроэнергии и т.д., — все это материальные богатства морей и океанов. Чтобы приспособиться к соленому морскому бризу и сильным ветрам люди используют коррозионностойкие материалы, строят невысокие дома и сажают защитные лесонасаждения вокруг деревень. Эти материальные аспекты морской культуры видимы, понятны, они имеют непосредственное восприятие и подлинны. Они являются важнейшей частью морской культуры и поэтому привлекают общественное внимание. Другой не менее важной составляющей является нематериальный аспект морской культуры. Ее можно разделить на морскую системную культуру и морскую духовную культуру. Первая — это обязательная и универсальная политическая, правовая система и различные нормативные акты и договоры, принятые для надзора и управления морскими ресурсами и окружающей средой. Например, в древнем Китае функционировал ряд систем, касательно муниципальных портов, проживания иностранцев, граждан, торговых сделок на определенный срок, монополии на продажу поваренной соли, речных причалов, управляемых населением на воде. Современная система территориального моря, морское право, закон о территориальных водах и прилегающих к ним зонах, «Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву», международные воды, континентальный шельф, исключительная экономическая зона, исходные линии территориального моря и ряд других систем и кодексов поведения — все это морская системная культура. Различные концепции, сформированные человечеством в процессе понимания, освоения и охраны моря, включая религиозные верования, поклонение морским богам, истории и легенды, обычаи и события, праздники, эстетические восприятия, черты характера, системы ценностей, произведения искусства, научную философию, этику и мораль и т.д., являются составляющими частями морской духовной культуры. Наиболее распространенными и вдохновляющими являются поклонение небесной императрице Мацзу (богиня-покровительница мореходов в китайской

мифологии) и такие известные как: «Начжа покоряет морского дракона» (анимационный фильм 1978 года, КНР), Цзинвэй заваливает камнями море и Чжан-юй вываривает море. Эти в высшей степени мифические и широко распространенные истории стали своего рода духовным пристанищем для людей, а также образцом морской духовной культуры.

Здесь мы можем привести определение морской культуры, данное Цюй Цзиньяном, профессором Китайского университета в «Общем введении в морскую культуру», а именно: «Морская культура, как важный компонент и система человеческой культуры, — это духовные и материальные достижения, сформированные людьми в социальной практике освоения моря путем понимания, постижения и освоения моря, регулирования отношений между человеком и морем. Это совокупность духовных и материальных результатов социальной практики освоения моря. Она в основном проявляется в понимании, сознании, идее и мысли человека о море, а также в вытекающем из этого образе жизни человека.»[2]

Культура — это историческая категория, проекция времени и накопленная в течение продолжительного периода история, поэтому она меняется от времени к времени, т.е. она характерна для эпохи. Это характерно для материковой культуры, но и не является исключением для морской культуры. Культура может бесследно исчезнуть с течением времени, но некоторые из них сохраняются или интегрируются и проникают в новую рождающуюся культуру, образуя культурную иерархию, подобно стратиграфической палеонтологии, слои накапливаются и представляют продольный разрез культуры, который является эффективным способом понимания и изучения истории развития культуры, а также результатом исследований. Культура Гонконга и Макао, как мы все знаем, изначально являются частью культуры провинции Гуандун и Гуанси, но в силу особых исторических причин, после того как Гонконг и Макао оказались колониями Англии и Португалии, туда проникла западная культура и распространилась в большом масштабе, интегрировалась с местной культурой и сформировала характерную морскую культуру Гонконга и Макао. Местная культура была если не смешана, то отложена в качестве низкой культуры, создавая феномен суперпозиции западной и местной культур. С помощью культурного аналитического метода можно разделить хронологическую последовательность культур Гонконга и Макао: верхний слой — западная культура, нижний слой — местная, каждая из которых соответствует истории британского и португальского колониализма и китайского феодального правления над Гонконгом и Макао.

После воссоединения Гонконга и Макао в 1997 и 1999 годах появилось больше материковой культуры, что добавило материковый культурный колорит к культуре двух городов. Эта культурная иерархия, которая явно возникла после передачи власти, является новой культурной главой в истории Гонконга и Макао и сильно напоминает современность. Иерархия культуры Гонконга и Макао иллюстрирует динамическую природу понятия культуры, которая меняется вместе со временем, но культурные изменения часто отстают от социально-экономических изменений. Кроме того, смешение и интеграция культурных элементов размывают границы между ними. Но в любом случае, разница в культуре во времени является фундаментальной отправной точкой для понимания концепции культуры, в том числе и морской культуры. Как отметил известный историк и географ профессор Фуданьского университета Тань Цисян (1911-1992 гг., китайский историк, один из основоположников китайской исторической географии): «Ни в одну эпоху не существовало единой общей культуры», то есть существуют различия в культурах, в том числе и в морской культуре. Тема морской культуры меняется от эпохи к эпохе, в древние времена в морской культуре преобладали рыбная ловля, окружать (прибрежные земли дамбой) и вспашка земель под сельхозкультуры, мореплавание и морская торговля, а в современное время морская торговля стала одним из основных элементов морской культуры. В средневековой Европе, особенно с эпохи Возрождения, центром морской культуры была морская торговля. Морская торговля и установление морской гегемонии сыграли важную роль в подъеме ранних капиталистических стран, таких как Нидерланды, Португалия, Испания и Великобритания. Во времена династий Тан (618-907 гг.) и Сун (960-1279 гг.) морская торговля Китая процветала, а семь путешествий Чжэн-хэ (семь плаваний китайского торгового флота в Юго-Восточную Азию и Индийский океан в 1405-1433 гг.) в начале правления династии Мин стали важным событием в мировой истории морской культуры. Однако, поскольку династии Мин и Цин проводили политику закрытости, морская торговля Китая деградировала, и развитие морской культуры сильно замедлилось, уступая западным странам. В наше время освоение моря превратилось в огромную индустрию с высочайшим технологическим содержанием, а культура моря, таким образом, поднялась на самый высокий уровень развития.

Подобно культурным различиям во времени, существуют также региональные различия в культуре, которые возникают из-за различий в географической среде, в которой формируются культуры. Профессор Тань Цисян также отмечает, что

«китайская культура имеет региональный характер, и нельзя говорить о китайской культуре в общих чертах, не задаваясь вопросом о регионах»[3]. В последние годы Ляонинское образовательное издательство опубликовало серию сборников о региональных культурах Китая, разделив страну на 24 региональные культуры, включая культуру провинций Гуандун и Гуанси, культуру Гуанси-Чжуанского автономного района и культуру острова Хайнань. Они отражают региональные различия в культуре и показывают, что общность культурных концепций существует и в индивидуальности этих региональных культур. Действительно, региональный характер морской культуры имеет свои особенности, и вопрос о том, как классифицировать области морской культуры, открыт для дальнейшего обсуждения. Однако его региональные различия, как и у материковых культур, объективны и не могут быть проигнорированы, например, морские культуры Бохайского залива (в сев. -зап. части Жёлтого моря у берегов Китая), Желтого, Восточно-китайского и Южного-китайской морей, каждая из них имеет свои собственные культурные особенности и стили. Но тот факт, что море имеет циркуляцию, а мировые океаны являются единым целым или взаимопроникающими, позволил морским культурам иметь больше общего, чем континентальные. Вообще говоря, там, где море близко, морская культура должна быть основной частью местной культуры, но по разным причинам бывают и исключения. Древний рыболовный и соляной промысел в Шаньдуне был очень развит, но в начале династии Мин, из-за политики «запрета ловли и морской торговли», положения правления не разрешали выходить в море, тем самым разорвав морские связи, к середине династии Мин, жители Шаньдуна даже не могли есть рыбу, морская экономика находилась в упадке, морская культура начала увядать, Шаньдун не являлся регионом морской культуры в то время.[4] В том же контексте «запрета на морскую торговлю» Гуанчжоу сохранил свой статус открытого торгового города, и жители прибрежных районов по-прежнему выходили в море, чтобы заниматься морским делом, и морская экономика и культура не были нарушены. Даже в горных районах где жили народ хакка, которые находились в глубинах провинции Гуандун и Гуанси, в период династий Мин и Цин демографический взрыв и нехватка земельных ресурсов заставили большое количество людей мигрировать на побережье, например, в район Чиси в Тайшане, горы Вугуй в Чжуншане, побережье Цюнлэй, северное побережье залива Бакбо и некоторые острова (например, остров Ланьчжоу), и, сохраняя свою культуру внутри страны, они также восприняли морскую культуру и занялись морским рыболовством и земледелием; Некоторые

из них уехали за границу и стали заморскими китайцами. Помимо создания предприятий в своих странах, они также занимались морской торговлей, что стало распространением морской культуры Гуандун и Гуанси за рубежом. Многие из представителей народности хакка, оставшиеся на родине, занимались как традиционным предпринимательством, так и морской торговлей. Эта группа купцов хакка, помимо «Гуанчжоуской банды» и «Чаочжоуской банды», сыграла важную роль в коммерческой истории провинции Гуандун и Гуанси. Таким образом, регион, где жил народ хакка также может быть включен в географические рамки морской культуры.

Как видно из вышесказанного, понятие морской культуры неотделимо от конкретного исторического времени и пространства и имеет ярко выраженный современный и региональный характер; даже в одном и том же временном и пространственном контексте уровень развития морской культуры различается от региона к региону и от этнической группы к этнической группе, что обусловлено разной степенью понимания и освоения моря. В провинциях Гуандун и Гуанси народ, проживающий в районах Чаочжоу и Шаньтоу восточного Гуандуна, народ Лэйчжоу на полуострове Лэйчжоубаньдао (полуостров на юге Китая, в провинции Гуандун) и народ гуанфу в дельте Жемчужной реки полагаются на море и используют его ресурсы в гораздо большей степени, чем народ хакка северо-восточного и северного Гуандуна, чей уровень морской культуры, естественно, выше, стабильнее и имеет более глубокое и широкое влияние. Более углубленное понимание этих особенностей концепции морской культуры необходимо для теоретических, исторических и практических вопросов, связанных с морской культурой в Южно-Китайском море, которые будут рассмотрены ниже.

Раздел 2. Содержание морской культуры

Морская культура — это изучение морей и океанов, крупнейших географических единиц, занимающих 71% поверхности Земли, характер которых сильно отличается от характера континентов. Моря и океаны дают нам идею неопределенности, безбрежности и бесконечного; когда человек чувствует свою бесконечность в бесконечности морей и океанов, он вдохновляется выйти за пределы всего. Моря и океаны приглашают человека к завоеваниям, к захватам, но они также побуждают его стремиться к прибыли, заниматься торговлей. Обычные земли, обычные равнины бассейнов рек, привязывают человека к почве,

но моря и океаны принуждают человека выйти за пределы этих ограниченных кругов мыслей и действий. Мореплаватели хотят получить наживу, свою прибыль, свое ремесло. Их призвание, их прибыль и ремесло стали смелым и благородным делом, большим, чем прибыль и ремесло. Все мореплаватели хотят получить наживу, свою прибыль, свое ремесло. Их призвание, их прибыль и ремесло стали смелым и благородным делом, большим, чем прибыль и профессия. Для того чтобы заниматься торговлей, необходима храбрость в сочетании с мудростью. Ведь когда отважные мужчины выходят в море, им приходится иметь дело с самыми коварными обманами и ненадежными элементами, поэтому они должны быть находчивыми и бдительными одновременно. Эта бескрайняя водная гладь абсолютно уступчива - она не сопротивляется никакому давлению, даже малейшему дуновению ветра. Она кажется невинной, покорной, доброжелательной и приветливой; но именно эта покорность превращает моря и океаны в самую опасную и жестокую стихию. Человек полагается на маленькое судно, чтобы противостоять этому обману и насилию, он полагается на свою храбрость и хладнокровие; таким образом, он переходит с твердой суши на неустойчивую поверхность моря, неся с собой свой искусственный участок земли, лодку — словно лебедь, которая мастерски и ловко разбивает волны и плывет вперед. Изобретение лодки — величайшая слава человеческой смелости и разума. «Это занятие — пересекать моря и океаны, выходя за пределы суши, — не встречается в странах Азии.»[5] Хотя Гегель отрицает здесь наличие в Азии морской культуры, он сделал глубокий анализ отличия морской культуры от континентальной, сущности и коннотации морской культуры, и это утверждение неоднократно цитировалось на протяжении более 200 лет, особенно роль морской среды на морскую культуру и утверждение ее коммерческого характера, которое стало высказыванием не подлежащему изменению. С этой точки зрения изучение морской культуры можно рассматривать в следующих аспектах.

1. Историко-географические предпосылки для возникновения морской культуры

Фридрих Энгельс говорил: «Если Земля была чем-то ставшим, то чем-то ставшим должны были быть также и теперешнее геологическое, географическое, климатическое состояние, ее растения и животные, и она должна была иметь историю не только в пространстве — в форме расположения одного подле другого, но и во времени — в форме последовательности

одного после другого.»[6] Морская культура, как и любой региональный культурный облик, всегда формируется под воздействием различных элементов, действующих длительное время. Сюда входят природные, политические, исторические, технологические, экономические, психологические и другие элементы, которые являются продуктом конкретной исторической миграции. Поскольку основным объектом морской культуры является человек, который живет в основном на континенте, морская культура должна базироваться на континенте, а это значит, что изучение морской культуры должно включать в себя также изучение континентальной, а не только морской среды. Единство или синтез континентальной и морской среды, вместе с соответствующими историческими процессами, формируют историческую и географическую основу для возникновения морской культуры.

2. Экономическая основа морской культуры

Вся экономическая деятельность человека, связанная с морем, является частью экономической основы морской культуры, включая морской транспорт, торговлю, добычу полезных ископаемых, промышленность, ремесла, морское рыболовство, растениеводство и т.д. [7] Морская культура производится на этих экономических основах, но они — не то же самое, что морская культура. Морская культура — это сочетание научных и технологических достижений этих экономических основ, это теоретическое обобщение и регулярная сублимация этих основ, с более рациональными принципами и ценностями, а не ограничивается изучением и выражением самих этих отраслей. Например, морской транспорт как отрасль производства затрагивает различные отрасли морехозяйственного сектора экономики, но с точки зрения морской культуры изучаются только технология судостроения, искусство мореплавания, кораблевождения и уровень технического прогресса судоходных путей и портов, отражающие научно-технические достижения морского транспорта в определенную эпоху. Они относятся к сфере экономики морского транспорта, но фокусируются на транспортных издержках, структуре грузопотоков, экономических выгодах и их распределении. Морская культура связана с экономикой морского транспорта, но эти два понятия нельзя заменять друг друга или путать их, иначе морская культура будет слишком широкой по охвату и слишком большой по объему понятия, потеряв свое содержание. Поэтому очень важно уточнить внутреннее содержание и расширение понятия морской

культуры в исследовательской практике. Как мы все знаем, чем шире расширение понятия, тем меньше его внутреннее содержание.

3. Социальная структура морской культуры

Основными субъектами создания морской культуры являются социальные группы, включая фермеров, рыбаков, купцов, рабочих и военных. Они образуют социальную структуру морской культуры. У них есть свои профессии, поведение, темперамент и личные качества, которые являются важными элементами морской культуры. Население, проживающее в прибрежных районах «осваивало водные ресурсы на прибрежных полях», занималось сбором морепродуктов, рыбалкой и вспашкой земель, являются основной частью морской сельскохозяйственной культуры; те, кто дрейфует по морю и используют суда в качестве жилища, представляют собой особую группу людей, чей образ жизни основан на море, брачная жизнь, привычки и обычаи отличаются от людей, живущих на суше. Группа торговцев из провинций Гуандун и Гуанси, которая скиталась по свету и создавала объединения по всему Китаю, также «сделала море своим бизнесом» и вела дела по всему миру, став самой богатой и авантюрной группой людей, вышедших за рамки духовной культуры. Некоторые острова в Южно-Китайском море уже давно захвачены «морскими пиратами», многие из которых — безземельные крестьяне, не имеющие средств к существованию и скитающиеся по островам, зарабатывая на жизнь грабежом торговых судов. Они были непокорны, осмеливались противостоять органам власти, при разумном руководстве и организации могли стать мощной силой против феодализма, колониализма, также являются носителями морской культуры. Все эти люди, связанные с морем, включая их социальную стратификацию, состав семьи и клана, культурную одаренность и обычаи жизни, все это раскрывает характер морской культуры и становится объектом изучения морской культуры.

4. Морская духовная культура

В более узком смысле морская культура включает в себя почитание человеком моря, морские легенды, верования, религии, драму, искусство, народные песни и пляски, все это тесно связано с распространением морской культуры. Например, китайцы, живущие за границей, как особая группа морской культуры, странствовала и исследовала зарубежные

страны, благодаря чему китайская культура, особенно культура провинций Гуандун и Гуанси, развивалась, продолжалась и распространялась за рубежом, и внесла положительный вклад в достижение китайской морской культуры на пяти континентах.

5. Морская институциональная культура

Моря и океаны настолько обширны, что деятельность человека часто дрейфует и находится в свободном состоянии, и ее трудно регулировать. Эта особенность жизни на море предъявляет более высокие нормативные требования, чем жизнь на суше, и требует надлежащего регулирования со стороны правовой системы.

Перелистывая страницы морской истории, то истории про морское пиратство и грабежей странствующих купцов были очень распространены. И по сей день морское пиратство является бедой для ряда акваторий Южно-Китайского моря и Индийского океана. На самом деле, в период первобытного накопления капитала все действия и поступки европейских колонизаторов на водных просторах Азии, Африки и Америки, были в основном связаны с морским пиратством, и практически не было никакого правового регулирования. С ростом значения морей и океанов в социальной и экономической жизни, особенно с открытием и освоением подводных нефтегазовых ресурсов, споры о морских правах и интересах стали источником беспокойства в современном мире. Принятие «Конвенции ООН по морскому праву» 1982 года и ее последующая реализация, особенно делимитация исключительной экономической зоны в 200 морских миль, привели к возникновению все более сложных и острых конфликтов и споров по поводу морских прав и интересов между сопредельными странами, поэтому отсутствие интеграции между самоопределенными морскими законами и правилами соседних стран, и международными морскими законами и правилами тем более необходимо решать путем координации и консультации на равных правах. Строительство морской правовой системы Китая серьезно отстает от строительства системы континентального права, а также сталкивается с проблемой взаимодействия с международным морским правом, поэтому изучение морской институциональной культуры остро стоит перед исследователями морской культуры.

Волны морей и океанов сформировали удалые народные нравы и обычаи у людей, проживающих на прибрежных районах. Во многих историко-географических описаниях говорится, что древний народ Юэ, живший у моря, был агрессивным

и легкомысленным, и что даже отцы и сыновья дрались друг с другом при первой же возможности. Было отмечено, что «количество деревенских боев в прибрежном районе Чжаньцзяна является редким в Китае. Независимо от причины драки, люди одной фамилии спешили на помощь, что часто приводило к резне, когда тысячи людей, вооруженных оружием, убивали друг друга. В истории есть множество примеров деревенских боев, которые приводили к серьезным жертвам».[8] Это явление характерно для прибрежных районов. Коренной причиной по-прежнему является слабое правосознание и пренебрежение или неуважение к законам.

Даже среди многих правительственных чиновников распространена неосведомленность или небрежное отношение к морской правовой системе. В древние времена было много случаев морской контрабанды, а в начале 1980-х годов дело о контрабанде автомобилей на острове Хайнань потрясло страну. Таких случаев до сих пор много, особенно в прибрежных районах, и во многих из них замешаны сотрудники таможни, которые затем потеряли должность и понесли строгие наказания. По этой причине просвещение и популяризация изучения культуры морской системы является долгосрочной и неотложной задачей.

6. Развитие и использование морских культурных ресурсов

За всю историю развития моря было оставлено много ценных морских культурных ресурсов в материальной и нематериальной форме, все они богаты научными, философскими, литературными и художественными ценностями и могут служить важными ориентирами для принятия решений в области истории морской науки и техники, истории морской натурфилософии, истории морской литературы, истории морского искусства, развития прибрежных городов и регионов, морского туризма и других проектов развития моря. Например, комплексное исследование затонувшего корабля династии Сун «Наньхай-1», который был обнаружен в водах Янцзяна в Южно-Китайском море 22 декабря 2007 года, имеет исключительную научную ценность. Наскальные рисунки в бухте Баоцзин на острове Гаолань в Чжухае, обнаруженные несколько лет назад, сохранили много необъяснимой культурной информации о деятельности древнего народа юэ, которую еще предстоит расшифровать. Экономический подъем на дельте Жемчужной реки, рост специальных экономических зон Шэньчжэнь и Чжухай, экономическое лидерство Гонконга и Макао, углубление концепции верховенства закона в этих регионах — вот те многочисленные человеческие и социальные явления,

которые должны быть укоренены в их культурной морской природе, а их планы развития должны опираться на опыт и уроки их морских культурных сокровищ. Красивые пейзажи морей и океанов, их притягательная сила, а также и развития круизов по морям — это мощный рычаг для возрождения морской индустрии. Все это говорит о том, что потенциал для развития и использования морских культурных ресурсов огромен и имеет блестящие перспективы.

Раздел 3. Особенности морской культуры

Господин Фэн Тяньюй, специалист по истории культуры, сделал пронципальное обобщение о сущности или особенностях культуры: «Существенный характер культуры — это «гуманизация», предметизация человеческих ценностных воззрений в процессе социальной практики, процесс реализации культурных ценностей, созданных людьми с помощью символов в коммуникации, к тому же процесс реализации включает в себя создание внешних культурных продуктов и формирование самого человеческого разума». [9]По сути, культурные особенности — это ценности культуры, которые, с одной стороны, воплощают роль и изменения природы в создании культуры человеком, а с другой — подразумевают природу самих людей, их внутренние характеристики и их изменения, и являются продуктом их тесной связи и взаимодействия.

Это различие особенности культуры, применительно к континентальным культурам, представляет собой вовлечение природных ресурсов и окружающей среды континента в производство культуры и, что более важно, активную роль человека в нем, в результате чего создаются культурные продукты, отражающие единство природы и человеческой деятельности. В то время как на континентах много гор и долин, которые разделяют страны и народы, создавая региональные или национальные культуры в определенной среде, каждая со своими культурными качествами и стилем, моря и океаны не имеют естественных границ и поэтому глобальны. Некоторые утверждают, что морская культура — это глобальное культурное явление. [10]Если это так, то и характерные особенности морской культуры должны быть такими же. Однако тот факт, что морская культура зависит от континентальной, будь то континент или часть океана, имеет свои экологические и ресурсные характеристики, и это не может не сказаться на том, что морская культура также имеет региональную

идентичность. Однако при сравнении общих и особенных черт морской культуры на первое место все-таки выходит первая. Господин Сюй Цзешунь из Национального университета Гуанси обобщил основные характеристики морской культуры как экстраверсия, открытость, рискованность, коммерциализм и плюрализм, что кажется очень хорошо продуманным. Но как сказано в «Комментариях к канону водных путей» (трактат по древней китайской географии авторства Ли Даюаня): «Вода добродетельна и гармонична, а ее покорность — зависит от меня». [11]Казалось бы, что для полного и систематического отражения особенностей морской культуры следует добавить толерантность или совместимость.

1. Экстраверсия

Как носитель или посредник морской культуры, моря и океаны находятся в вечном движении, в непрерывном потоке. Человечество должно адаптироваться к этому свойству и окружающей среде, чтобы создать морскую культуру. Поскольку моря и океаны постоянно перемещаются из одной морской зоны в другую, с постоянным движением наружу, морская культура также распространяется наружу из той морской зоны, где она возникла, или от края моря. Особенно в древние времена, когда транспорт не был развит, море было важным каналом для контактов между людьми, через который происходил культурный обмен, что было гораздо проще, чем на материке, и это также определило внешний характер морской культуры. В древние времена изолированный остров Хайнань не только полагался на море для своих жителей, но и народ ли, живший глубоко в горах Учжишань, также экспортировал плоды бетелевой пальмы и кокосы в качестве источника своей экономики. Культура плодов бетелевой пальмы поддерживала экономическое развитие Хайнаня, эта культура полностью ориентирована на внешний мир и является примером ориентированности морской культуры на внешний мир.

2. Открытость

Моря и океаны — это большая система, под ней все определенные морские зоны, острова, заливы, проливы, прибрежные полосы и т.д. являются ее подсистемами. В этих больших и малых системах постоянно происходит обмен материалами и энергией, для того, чтобы поддерживать собственное выживание, движение и баланс. Тем временем и между океаном и материком проходит тот же процесс, без которого морская

культура не может быть сформирована, именно это и определяет открытость морской культуры. Более того, только благодаря этой открытости структура, функция и ландшафт морской культуры могут постоянно корректироваться, а ее культурный потенциал и кинетическая энергия могут уменьшаться и увеличиваться, порождая потенциальные различия, формируя культурные движения, то есть культурные обмены, создавая культурные региональные эффекты и способствуя социально-экономическому развитию. Эта открытость морской культуры является одним из качеств, которые делают ее лучше материковой культуры. Япония — островное государство с большим дефицитом природных ресурсов, и она развивалась исключительно за счет привозных ресурсов и технологий, а морская культура является основой ее нации. «Четыре малых дракона» Азии (Гонконг, Сингапур, Тайвань и Южная Корея), будучи островами или полуостровами, также открыли свои двери и поглотили все виды ресурсов с четырех морей, чтобы обогатить и укрепить себя и завоевать место на мировой экономической арене. Экстраверсия и открытость — две стороны одной медали. Первая может быть достигнута только при наличии открытости; точно так же результатом открытости должна быть экстраверсия. Ценность этих двух качеств оказывает глубокое влияние на отношение страны, нации или региона к иностранным культурам, а также неизбежно и на собственное развитие. В истории Китая, хотя он долгое время придерживался политики закрытых дверей, Гуандун всегда был открыт для внешнего мира благодаря своему географическому расположению и политическому укладу, поэтому жители Гуандуна всегда шли по пути взаимодействия с остальным миром, впитывая передовые культуры из-за рубежа и питая себя, формируя морской стиль культуры провинций Гуандун и Гуанси, которая намного превосходит культуру внутренних районов. Именно благодаря этому стилю культуры провинция Гуандун выглядела особо ярким в новой и новейшей истории Китая, и внес значительный вклад в развитие китайского государства.

3. Рискованность

Морские ветра и волны — коварны и непредсказуемы. До династии Мин, даже когда морское сообщение было хорошо развито, те, кто отправлялся на Хайнань, старались обходить этот район, поскольку пролив Цюнчжоу был огромным препятствием. Современные морские технологии шагнули далеко вперед, однако выход в море по-прежнему сопряжен с множеством

рисков, включая сильные ветра и волны, а также нападения морских пиратов. Морская культура, созданная в этой среде, характеризовалась рискованностью как одной из наиболее распространенных и отличительных черт. Во времена династий Мин и Цин процветала морская контрабандная торговля, и фактически многие купеческие группы носили пиратский характер. Эти купеческие группировки были вооружены, с одной стороны, для самозащиты, а с другой — грабежа. После Опиумной войны большинство торговых судов, торговавших с иностранными государствами, прекратили свою деятельность, а большинство тех, кто ранее работал на этих судах, остались без работы, не могли удовлетворить свои потребности в выживании и превратились в разбойников. Среди известных пиратских торговых групп, действовавших в Южно-Китайском море, были Чжан-лянь и Чэнь-цзуйи в Гуандуне, Линь-даоцянь в Чэнхае и Линь-фэн в Чаочжоу.[12] Вот почему рискованный характер морской культуры означает наличие менталитета рискованного человека, ценность риска своей жизни в море, бесстрашие перед морем и вызов ему. Заморские китайцы из провинций Гуандун и Гуанси пересекали море, чтобы населить и работать в чужбинах, а это значит, что они подвергались большому риску от природных и антропогенных опасностей моря. Авантюризм саморасчесывающихся женщин (прим. сообщество женщин в южной части Китая на рубеже XIX — XX веков, самостоятельно укладывающих свои волосы в прическу замужней женщины, чтобы показать, что они не собираются вступать в брак до конца своей жизни; иногда воспринимались современниками как лесбиянки) в Шуньдэ и «красных бандан» Саньшуй, которые отправились в Южные моря, чтобы заработать на жизнь, являются яркими примерами морского характера культуры провинций Гуандун и Гуанси.

4. Коммерциализм

В своей «Философии истории» Гегель говорил о морской культуре Запада, которая на самом деле является морской торговлей, и утверждает, что Китай не имеет морской культуры, не разделяет цивилизацию, данную морем, то есть не имеет морской торговли. Этот парадокс, противоположный истине, не слишком хорош, но он показывает, что морская торговля действительно является одним из важных составляющих морской культуры. Морская торговля, которая ведется не только вдоль побережья, но и через внутренние районы океана к дальним портам, является одним из самых коммерциализированных и опасных видов деятельности, и поэтому она является

неотъемлемой частью изучения морской культуры. Жители провинций Гуандун и Гуанси с древних времен в полной мере выражали свое отношение к товарам как в материальном, так и в духовном плане. В истории Китая город Гуанчжоу дольше, чем все остальные города, был центром внешней торговли в стране: знаменитый «морской проход Гуанчжоу», образованный во времена династии Тан, обеспечивал товарный обмен с более 50 и 140 странами и регионами мира в периоды династий Сун и Юань соответственно. Согласно историческим записям, большинство чиновников в Гуандуне в то время также занимались бизнесом. Кантонская купеческая группа, сформировавшаяся в течение долгого времени, была известна своим бизнесом на импортных товарах, а знаменитые «Тринадцать коммерческих фирм в Гуанчжоу» были местом, где продавались иностранные товары. В последние годы купеческая экономика Гуандуна значительно укрепилась благодаря реформе и открытости страны. С одной стороны, «гуандунские товары» идут на север, а с другой стороны, большое количество людей с севера страны едут на юг, формируя тенденцию «Если [в стране] есть место, где можно разбогатеть, то это Гуандун», что является отражением меркантильного характера морской культуры провинций Гуандун и Гуанси в современное время. Она стала мощной движущей силой для Гуандуна в процессе перемещения центра мировой экономики и торговли на восток в условиях современной экономической глобализации.

5. Многообразие

В «И-цзин» («Книга перемен») сказано: «Океан вмещает сотню рек и может вмещать многое». Связь между реками и морем позволяет морю принимать широкий спектр культурных компонентов, включать и интегрировать их, формируя тем самым плюралистический культурный характер. Морской характер культуры провинций Гуандун и Гуанси обусловлен не только морской средой Южно-Китайского моря, но и заморскими индийской, персидской, арабской и современной западной культурами, распространившимися через Южно-Китайское море, которые не только сливаются друг с другом, но и отличаются, сосуществуют и совместно развиваются, образуя «смешанную» культуру, разнообразие которой превосходит разнообразие многих региональных культур на материке. Профессор Ху Чжаоган из Пекинского университета, известный ученый в области антропогеографии, сказал: «Гуандун — очень сложная и поэтому типичная провинция в мире с точки зрения истории и культуры, вместе с островом Хайнань,

который образует самостоятельную историко-культурную область, необходимо провести глубокие исследования».[13] Конечно, разнообразие не является уникальным для морской культуры, многие региональные культуры также имеют такую характеристику. Однако, так как площадь морей и океанов намного больше, чем материки, и благодаря этому морская культура, безусловно, более богата разнообразием. Культурное многообразие Гонконга и Макао, как центров культурного обмена между Востоком и Западом, является и предпосылкой и следствием самого культурного обмена. И это многообразие тесно связано со средой морской культуры.

б. Инклюзивность (толерантность)

Море обладает естественным свойством растворять все, оно постоянно течет и обменивается. Море обладает способностью приводить к тому, что культуры различных регионов и этнических групп находят свое место в море, терпят друг друга, свободно развиваются, общаются и интегрируются друг с другом. В этом заключается инклюзивность морской культуры. В истории развития культуры провинций Гуандун и Гуанси было очень мало крупных конфликтов и противостояний из-за культурных различий, начиная с внедрения науки и технологий с Запада, которые некоторые жители севера описывали как «странные и гениальные», с конца правления династии Мин, и заканчивая внедрением новых вещей в последние годы в связи с реформами и открытостью. И наоборот, недостаточная инклюзивность некоторых материковых культур подчеркнула и усилила их исключительность, в результате чего культурные противоречия привели к политическим и военным конфликтам. Насилие на Ближнем Востоке в последние годы имеет глубокие корни в исключительности культур.

На самом деле, все эти качества морской культуры едины, и они не только взаимодействуют друг с другом, но и влияют друг на друга. Это касается отношений между экстраверсией и открытостью, а также отношений между плюрализмом и инклюзивностью. В центре внимания морской культуры находится морская торговля, а производство и оборот товаров ориентированы на внешний мир и экспансию с целью погони за прибылью, что неизбежно требует мужества, смелости и находчивости, чтобы бросить вызов морю, пройти по бурным волнам и доплыть туда, где есть прибыль, и по этой причине также неизбежен риск. Именно поэтому морской культуре присущ авантюрный характер, а в контексте коммерции и торговли ценности товара, обмена и конкуренции глубоко

укоренились в сердцах людей, делая купечество одной из самых существенных культурных черт морских народов.

Эти характеристики морской культуры сформировались в процессе развития морской культуры, и они могут различаться по степени выраженности и акватории в зависимости от различий во времени и месте, но все они являются элементами, которые необходимо изучать и отражать в истории морской культуры. Из четырех традиционных китайских морей Южно-Китайское море является самым большим, и эти культурные черты, несомненно, являются наиболее полными, насыщенными и представительными.

Глава II

Географическая среда формирования морской культуры в Южно-Китайском море

Морская культура Южно-Китайского моря основана на характере и особенностях географической среды Южно-Китайского моря и граничащих с ним континентов, также она является культурной системой, которая была создана и накоплена человечеством в течение длительного периода социально-политической, экономической, культурной и военной деятельности, сосредоточенной на море. В географических границах морской культуры, несомненно, первостепенным является море. Однако морская деятельность человека должна полагаться на материк, а морская культура оказывает глубокое влияние на местное социально-экономическое и культурное развитие. Морская культура Южно-Китайского моря возвращается, формируется и развивается благодаря этому взаимодействию между морем и материком.

Раздел 1. Природная среда Южно-Китайского моря

1. Географическое расположение

Среди пяти основных морских акваторий вдоль китайской границы Южно-Китайское море является самым большим окраинным морем, расположенным на широте $3^{\circ}11' - 23^{\circ}15'$ северной широты и долготе $98^{\circ}00' - 120^{\circ}15'$ восточной долготы. Его длина с севера на юг составляет примерно 1 600 км, ширина с востока на запад — 1 212 км, он имеет форму ромба или буквы «U» с северо-востока на юго-запад. Его площадь составляет около 3,5 млн кв. км, что примерно в три раза превышает совокупную площадь Бохайского залива, Желтого и Восточно-Китайского морей (площадь Тихого океана к востоку от провинции Тайвань отсутствует). Средняя глубина воды составляет 1 212 метров, а максимальная глубина — 5559 метров. Южно-Китайское море — это тропический регион с самым большим количеством морской фауны и флоры, и оно может круглогодично использоваться для плавания и операций производства, включая прибрежный сбор, разведение и рыболовство и т.д. По богатству морских продуктов и развитию морской культуры он превосходит субтропики или субтропический Бохайский залив, Восточно-Китайское и Желтое моря, где ярко выражены четыре сезона.

К основным рекам, впадающим в Южно-Китайское море, относятся Жемчужная река в Китае, реки Хонгха и Меконг во Вьетнаме и река Чаупхрая в Таиланде. Жемчужная река, состоящая из рек Сицзян, Дунцзян, Бэйцзян и сетей речной системы дельты Жемчужной реки, богата стоком, уступая лишь реке Янцзы. Река Сицзян берет начало в горах Масюн в Цюйцзине которая находится в провинции Юньнань, и имеет длину 2 214 км. Внутренние районы реки обширны и соединяют большинство провинций южного Китая, принося с собой большое количество аллювиальных отложений в устье реки и прибрежных районах, образуя большие речные дельты (такие как дельта Жемчужной реки, дельта реки Ханьцзян и дельта реки Янцзян) и приливно-отливные зоны для освоения земель, марикультуры и разведения, а также играя огромную роль в морской торговле и культурном обмене между Китаем и зарубежными странами в качестве связующего звена между сушей и морем. В частности, речная система Жемчужной реки создала портовый город Гуанчжоу, который существует уже тысячу лет и является одним из крупнейших центров морской культуры у Южно-Китайского моря. Как правило, у больших рек должны быть крупные города. На других реках и устьях образовались морские культурные центры разных масштабов,

такие как Чаочжоу, Шаньтоу, Шаньвэй, Гонконг, Шэньчжэнь, Чжухай, Макао, Янцзян, Чжэньцзян, Хайкоу, Санья, Бэйхай, Циньчжоу, Фанчэн и т.д., расположенные вдоль береговой линии Южно-Китайского моря. Они более многочисленны, более широко распространены и имеют самобытную морскую культуру, чем любой другой приморский город Китая.

2. Многочисленные гавани

Гавани являются частью океана, в соответствии с геологической структурой, геоморфологическим фоном и динамикой прибрежной зоны, и их сочетанием с региональными различиями, в северной части Южно-Китайского моря существует 48 гаваней разных типов, включая горные лиманы, низменные лиманы, бромные озера, эстуарии и искусственные гавани, что составляет около 30% от общего числа возможных мест для гаваней на побережье Китая.[14] Большинство из этих гаваней являются глубокими, с высокой приливной способностью и низкой осадкой, и могут быть построены в качественные порты. В первые годы Китайской Республики Сунь Ятсен в своей «Программе строительства страны. Промышленный проект» перечислил развитие и строительство портов Гуанчжоу, Циньчжоу, Шаньтоу, Дяньбай, Хайкоу, Шаньвэй, Хайань и Юйлинь. С тех пор были взлеты и падения в строительстве гаваней, но после начала проведения политики реформ и открытости началось формирование и бурное развитие портов. Эти гавани опираются на материковый Китай, который имеет обширную внутреннюю территорию на суше, а также более широкую внутреннюю территорию на море в Юго-Восточной Азии, Индийском океане, Аравийском море и даже на Тихоокеанском кольце. Через Морской шелковый путь Китай с древних времен вел торговлю с этими приморскими странами и регионами, что привело к формированию морской коммерческой культуры и традиции «морского бизнеса», которая стала одним из наиболее ярких проявлений морских культурных особенностей Южно-Китайского моря.

3. Богатые морские ресурсы

Южно-Китайское море не только богато химическим составом морской воды, энергией, морской фауной и флорой, приливно-отливными зонами, островами, гаванями, заливами и туристическими ресурсами, но в последние годы, с развитием морских технологий и методов морской разведки, один за другим были разведаны нефтегазовые месторождения, некоторые из них уже эксплуатируются.

По имеющимся данным, в Южно-Китайском море находится не менее 200 нефтегазовых месторождений с общими доказанными извлекаемыми запасами нефти около 20 млрд тонн нефти и около 4 триллионов кубических метров природного газа. В последние годы эти цифры постоянно обновляются. Острова Наньша известны как «второй Персидский залив» благодаря богатым нефтяным и газовым ресурсам. На континентальном шельфе в северной части Южно-Китайского моря имеются месторождения нефти и газа в бассейне устья Жемчужной реки, а также бассейнах Бейбувань, Ингехай, Цюндуннань и мелководном южном бассейне Тайваня (бассейн Тайсинань), некоторые из этих месторождений уже эксплуатируются, а некоторые находятся в стадии разведки и имеют весьма многообещающие перспективы.

Раздел 2. Гуманитарно-социальная среда

1. Историческое геополитическое устройство

Открытый, экстраверсивный, коммерческий и авантюрный характер морской культуры в полной мере проявился в истории морской культуры в Южно-Китайском море. Южно-Китайское море окружено странами и регионами, с которыми Китай взаимодействует больше всего, и является крупным морским транспортным узлом в Юго-Восточной Азии, формируя стабильный исторический, политический, экономический, религиозный, дипломатический и культурный обмен, который заложил важную геофизическую основу для возникновения и развития морской культуры в Южно-Китайском море. Географическое положение морских границ Китая таково, что Желтое море граничит с Северной и Южной Кореей на востоке, а Восточно-Китайское море — с Японией. Желтое и Восточно-Китайское моря были основными путями сообщения между Китаем и этими странами, и у Китая не было возможности выйти за пределы Тихого океана. В отличие от Южно-Китайского моря, оно окружено Филиппинами, Индонезией, Малайзией, Брунеем, Вьетнамом, Сингапуром, Камбоджей и Таиландом. Проходя через Малаккский пролив, Индийский океан граничит с Индией, Шри-Ланкой, Пакистаном, Ираном, Саудовской Аравией, Йеменом и странами Восточной Африки. Все эти страны и регионы, имевшие в истории разные названия, поддерживали политические, экономические и культурные отношения с Китаем, и до многих из этих стран можно было добраться

по морскому Шелковому пути из портов Сюйвэнь и Хэпу во времена династии Западная Хань. Во времена династии Тан, согласно «Новой истории династии Тан: Географические описания», длина морского пути из Гуанчжоу в зарубежные страны составляла 14 000 километров, проходя по пути через более чем 30 стран и регионов вплоть до Восточной Африки и Европы. В период правления династии Сун с Гуанчжоу торговали более 50 стран и регионов, а к периоду династии Юань их число увеличилось до более чем 140. В период династий Мин и Цин были проложены маршруты из Гуанчжоу на Яву (остров в Индонезии) и остров Тимор, через Филиппины в Южную Америку, в Нагасаки в Японии, в Океанию и в Россию, образовав глобальный морской транспортный цикл, который позволил культуре провинций Гуандун и Гуанси, а также Жемчужной реки вступить в культурные контакты с остальным миром. Во все времена эти маршруты проходили через Южно-Китайское море и приносили с собой заморские культуры, включая индийскую, персидскую, арабскую, культуру Юго-Восточной Азии и западную культуру. Эти разнородные культуры стали частью культуры провинций Гуандун и Гуанси, Жемчужной реки и китайской культуры, подчеркивая морской стиль культуры Жемчужной реки на юге страны, и оставил после себя большое количество стихов, повествующих об этом мирном и дружественном обмене между литераторами и писателями на протяжении веков. Зарубежные культуры занимали культурное пространство и горизонты Гуанчжоу, казалось бы, отталкивая традиционную китайскую культуру. Большая часть времени правления династий Мин и Цин существовал запрет на мореплавание, но вскоре Гуанчжоу оставили в покое и открыли для внешней торговли. Все семь крупномасштабных морских торговых экспедиций в Западно-Китайское море, возглавленные Чжэн-хэ возглавлявший, проходили через Южно-Китайское море, они также представляли собой важные культурные обмены между Китаем и зарубежными странами. Плавание Чжэн-хэ оставили после себя большое количество географических названий, связанных с людьми и событиями во время его плаваний в Южно-Китайском море, включая риф Чжэн-хэ, архипелаг Юнлэ, архипелаг Сюаньдэ, остров Цзиньцин, риф Дао Мина, остров Цзин Хун, остров Ма Хуань и остров Фэй Синь, которые стали вехами в истории морской культуры Южно-Китайского моря.

После Опиумных войн широкомасштабное вторжение европейских колонизаторов в Китай в основном проходило через побережья Южно-Китайского моря. В Южно-Китайском море, к 1983 году насчитывается 252 острова, рифа, материка, темных песков

и темных пляжей, а у берегов провинций Гуандун, Хайнань и Гуанси — 1 758 островов площадью более 500 квадратных метров.[15] На многих из этих островов и рифов располагались морские транспортные порты, объекты навигации и снабжения, они сыграли важную роль в налаживании экономических и культурных обменов между провинциями Гуандун и Гуанси и зарубежными странами и стали фактором формирования морской культуры в Южно-Китайском море, который нельзя оставлять без внимания.

2. Прошлые политики руководства китайского правительства по управлению Южно-Китайским морем

Морская и сухопутная территория провинций Гуандун и Гуанси охватывает тропические, субтропические и экваториальные пояса, а под влиянием рельефа она также характеризуется вертикальными зонами холодного, умеренного и субтропического поясов, создавая сложную географическую среду как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях. Она богата водой, почвой, светом, теплом и биологическими ресурсами, обеспечивая человечеству мощную резервную базу для одомашнивания биологических видов, рыболовного промысла и создания богатой и разнообразной материальной цивилизации. Сюда входили, помимо того, что производилось в самом Гуандуне, редкие драгоценности, получаемые из-за границы через морскую торговлю в Южно-Китайском море для удовлетворения потребностей правящей династии в этих товарах. Кроме того, огромные доходы от морской торговли были источником финансирования для центрального и местных правительств. Существует множество примеров того, как страны, опираясь на Южно-Китайское море, вели торговлю для собственного обогащения.

Большая часть южной части Китая расположена на берегах Южно-Китайского моря, где производятся особые местные товары. В период Чуньцю (770–476 гг. до н. э.) могущественное государство Чу покорило народ юэ и получило контроль над Южно-Китайским морем. После покорения шести царств и объединения Поднебесной Цинь-шихуан отправил 500 000 солдат для умиротворения провинций Гуандун и Гуанси и основал три уезда, а именно Наньхай, Гуйлинь и округ Сян, отчасти ради получения носорожьего рога, слоновой кости и жемчуга народа Юэ. В начале правления династии Хань Чжао Туо основал царство Южное Юэ (прим. древнее царство 207–111 до н. э. на территории современного северного Вьетнама и китайских провинций Гуандун и Гуанси) и придавал

большое значение международной торговле. Африканская слоновая кость и персидские серебряные шкатулки, найденные в гробнице правителя Наньюэ (прим. древнее государство на территории нынешних пров. Гуандун и Гуанси-Чжуанского авт. р-на, КНР) в Гуанчжоу, являются косвенным доказательством процветания морской торговли в Наньюэ. Во времена династии Тан морские пути из Гуанчжоу в зарубежные страны простирались вплоть до Восточной Африки, и приморские внутренние районы города были обширны. Во времена династии Сун китайские торговые суда из Южно-Китайского моря пересекали Индийский океан, и многие арабские купцы приезжали в Гуанчжоу для ведения бизнеса. Во времена династии Сун три района Гуанчжоу — восточный, западный и центральный, — были в четыре раза больше, чем при династии Тан, и был открыт новый южный район, частично финансируемый за счет пожертвований арабских купцов. Во время правления династии Юань масштабы торговли еще расширился по сравнению с периодом династии Сун. Морская торговля процветала во времена династий Мин и Цин, во времена династии Цин в «Тринадцати коммерческих фирмах» появлялись международные купцы, такие как семьи У Хао-гуаня и Пан-чжэнвэя, которые ежегодно выплачивали налоги в размере 50 000–150 000 лян серебра, проведение юбилеев императора, военные расходы и управление реками также часто полагались на купцов.

Эти примеры показывают, что торговля в Южно-Китайском море давала феодальным династиям большой источник богатства, поэтому центральное правительство всегда проводило политику защиты и открытости по отношению к провинциям Гуандун и Гуанси, и даже когда династии Мин и Цин проводили политику закрытых границ, они оставили порт Гуанчжоу открытым, чтобы поступление средств от морской торговли не прекратилось. В начале правления императора Суй-вэньди была принята политика открытых дверей для морской торговли, провинции Гуандун и Гуанси не стали исключением и строительство Храма Южного моря в порту Гуанчжоу — один из лучших примеров открытия региона для внешнего мира. Династия Тан была более открытой, чем когда-либо прежде, и в 661 году император Тан-гаоцзун издал «Указ об определении рынка для иностранных кораблей», в котором дополнительно уточнялось, что купцы Гуанчжоу начали торговать с иностранными купцами. Танское правительство придавало большое значение морской торговле провинций Гуандун и Гуанси, что в значительной степени способствовало процветанию морской коммерческой культуры этих провинций, где «море было бизнесом».

Во время правления династии Мин, в целях обороны от японцев

и пресечения связей между повстанческими силами Чжан-шичэна и Фан-гожэня с материком, был наложен строгий запрет на морские перевозки вдоль китайского побережья, разрешая вести данническую торговлю только тем странам, с которыми династия Мин имела трибутарные отношения. Исключение было сделано для Гуандуна, где разрешалось торговать со всеми странами, и в водах Гуанчжоу процветала жизнь заморских судов.

На протяжении веков центральная династическая власть без исключения проводила различные специальные политики открытости для Гуандуна, поддерживая сильный морской торговый путь в Южно-Китайском море и возникшие экономические, социальные и культурные последствия также стали благоприятным фоном и сильной мотивацией для формирования морской культуры в Южно-Китайском море и ее отличительных качеств от других морских районов.

Раздел 3. Роль и влияние китайцев, живущих за границей, а также городов Гуанчжоу, Гонконга и Макао на морскую культуру в Южно-Китайском море

1. Заморские китайцы и морская культура в Южно-Китайском море

Китайцы, живущие за границей, являются как носителями морской культуры в Южно-Китайском море, так и внешним условием ее формирования и развития. Эта двойная роль опосредована и находится под влиянием формы китайской культуры. Живущие за границей Китайцы из провинций Гуандун и Гуанси — это огромная многочисленная и относительно сплоченная группа, которая сыграла ключевую роль в истории морской культуры в Южно-Китайском море.

Культура, возникшая и распространенная заморскими китайцами, — это культура хуацяо. Хотя культура зарубежных китайцев формировалась за границей, ее корни все еще находятся в Китае, поэтому культуру зарубежных китайцев можно разделить на две части: одна — по месту фактического жительства, другая — в районе, где проживают эмигранты (вернувшиеся китайцы в Китае). Некоторые вернулись в свои родные города для организации бизнеса, осуществления благотворительных проектов в виде строительства учебных заведений и больниц, тем самым влияет на местную культурную структуру и характеристику местности, придавая ей более

заморскую особенность и стиль. Южно-Китайское море является важнейшим или даже единственным каналом выезда за рубеж для китайцев, а также посредником и связующим звеном между местом проживания зарубежных китайцев, и их родным городом. Поэтому китайские культурные особенности, стили, сильные и слабые стороны культурных потенциалов и их различия в пространственном и временном распределении обязательно наложат глубокий отпечаток на процесс формирования и результаты культуры Южно-Китайского моря, выявив его собственную отличительную морскую культурную индивидуальность и превзойдя культуры других морских районов.

Самый ранний выезд людей из провинций Гуандун и Гуанси за границу прослеживается со времен эпохи династии Восточная Хань (25–220 гг.). Во времена династии Тан процветала морская торговля на юге страны, и многие китайские купцы путешествовали в Персидский залив через Южно-Китайское море, поэтому последующие поколения заморских китайцев называли себя жителями империи Тан, а Китай — Таншанем. Во времена династии Юань море было хорошо освоено, и торговцы из провинций Фуцзянь и Гуанчжоу достигли побережья Красного моря и Месопотамии (историческая область на территории Западной Азии). Во времена династий Мин и Цин морской Шелковый путь в Южно-Китайском море расширялся все дальше и дальше, и следы китайцев были по всему миру. Однако только после Опиумной войны китайцы в большом количестве выезжали за границу и имели больше возможностей встретиться и впитать передовую на тот момент западную культуру или другие иностранные культуры, а также интегрировать и смешать их с культурой провинций Гуандун и Гуанси. В рамках культуры двух провинций сформировалась заморская китайская культура, которая является одним из наиболее характерных компонентов морской культуры Южно-Китайского моря. Согласно соответствующим статистическим данным, примерно в 1945 году общее число заморских китайцев в мире составляло почти 11 миллионов человек, из которых около 7 миллионов[16] были выходцами из Гуандуна, самыми крупными и широко распространенными, и почти везде в мире, куда доходит морская вода, есть след заморских китайцев гуандунского происхождения. В 1985 году за границей проживало 10 346 200 гуандунских (кантонских) китайцев, из которых 8 477 500 (81,9%) были из Азии, 1 468 200 (14,2%) — из Америки и 40 500 (3,9%) — из Европы и Австралии.[17] Принято считать, что в Китае насчитывается около 30 миллионов китайцев иностранного гражданства, две трети из которых

проживают в Гуандуне. В любом случае, провинции Гуандун и Гуанси являются самыми крупными регионами, которые являются родиной китайцев, живущих за границей. Культурное содержание двух провинций обогащается тем фактом, что китайцы живущие за границей распространены на обширных природных территориях, с различными этническими группами, национальностями, обычаями, языками и религиями, и что культура этих территорий была привнесена в страну китайцами. При династии Сун в провинции Гуандун и Фуцзянь впервые были завезены рис и арахис, а при династии Мин были завезены такие культуры, как батат (сладкий картофель), кукуруза, ананасы, тыквы, перец и капуста — все они прямо или косвенно связаны с китайцами живущих за границей. Внедрение тропических культур, таких как каучук и кофе, на Хайнане в последнее время стало беспрецедентным событием в истории землепользования в Китае. В начале XX века китайцы из Средиземноморья привлекли внимание к строительству зданий с аркадой, которая широко использовалась в провинциях Гуандун и Гуанси. А каменные башни-крепости, встречаемые в уезде Уи, считается ярким примером слияния китайской и западной архитектурной стилей. В современной истории Китая многие выдающиеся исторические личности либо были из Гуандуна, либо им помогали заморские китайцы, такие как Сунь Ятсен (1866–1925, китайский революционер, основатель партии Гоминьдан), Хуан Цзунсянь (1848–1905, китайский поэт), Чэнь Иси, Чжань Тянью (1861–1919, китайский инженер, автор проекта первой китайской железной дороги Пекин-Чжанцзякоу) и Сыту Мэйтан. Их темпераменты, характеры, мышления и поведения отражают траекторию сочетания и развития западной культуры и культуры провинций Гуандун и Гуанси. В частности, заморские китайцы зависели от морского транспорта в Южно-Китайском море, чтобы открывать иностранные рынки, экспортировать китайские товары или заниматься морскими перевозками и развивать прибрежную торговлю, все это способствовало развитию экономики провинций Гуандун и Гуанси. Поэтому, как с точки зрения материальной, так и духовной культуры, заморские китайцы являются незаменимым элементом в истории формирования и развития морской культуры в Южно-Китайском море.

Гуандун делится на пять основных культурных регионов, а именно: дельта Жемчужной реки, Уи, Чаошань, Дунцзян-Синмэй (прим. северо-восточная часть провинции Гуандун в верховье реки Ханьцзян) и Северо-Восточная часть острова Хайнань, в соответствии с критериями классификации зарубежных китайцев.[18] Район Дунцзян-Синмэй глубоко укоренился во

внутренних районах Гуандуна, и из-за участия заморской китайской культуры местная культура по-прежнему проявляет сильные морские культурные особенности. Например, многие мужчины отправлялись на заработки в Южные моря, а дома, построенные китайцами на родине их предков, также были в китайском и западном стиле, и для китайцев было обычным делом финансировать различные проекты общественного благосостояния, такие как строительство мостов, дорог, школ и больниц. Присутствие английского и малайского языков в местных диалектах предполагает, что заморские культуры также занимают важное место в этих районах где проживает народ хакка, так что более отдаленные заморские китайские деревни Гуандуна также могут быть включены в морскую культуру Южно-Китайского моря. Таким образом, пространственная картина распространения морской культуры в Южно-Китайском море включает не только побережье провинций Гуандун и Гуанси, но и внутренние районы, образуя пространственное взаимодействие между морем и внутренними районами, то есть между морем и сушей. Например, в регионе Дунцзян-Синмэй Хакка существует культурная традиция уважения к учителям и важности образования, китайцы в этом регионе в основном занимаются промышленностью и торговлей, добычей полезных ископаемых и посадкой каучука в Юго-Восточной Азии, и не многие из них богаты, но в родных городах заморских китайцев основное внимание уделяется культуре и образованию, здесь много начальных и средних школ разного типа, что стало главной особенностью культуры заморских китайцев, а также является проекцией местной морской культуры. В отличие от них, заморские китайцы сосредоточены в экономически развитой Северной Америке, где денежные переводы были основным источником дохода, а экономическая основа заморской китайской культуры была прочной. Экономическая основа заморской китайской культуры сильна, она была построена на средствах заморских китайцев, включая Синьнинскую железную дорогу, большое количество башен в Кайпине и Тайшане, здание с аркадой в районе Чикань и Университет Уи (Цзянмынь), все это стоило огромных средств. Местная культура также находилась под глубоким влиянием западной культуры, например, американские и канадские доллары, фунты стерлингов и гонконгские доллары, известные под общим названием «западные бумаги», пользуются популярностью на рынке. Что касается идеологического и культурного уровня, то в прошлом в некоторых сельских районах женщины осмеливались спорить с мужчинами в храмах предков, чтобы продемонстрировать равенство между мужчинами и женщинами.

Это было немыслимо на материке и продемонстрировало глубину и влияние западной морской культуры в регионе.

2. Роль и влияние городов Гуанчжоу, Гонконга и Макао на морскую культуру Южно-Китайского моря

Протяженная морская береговая линия, многочисленные гавани и острова являются основой для формирования и распространения морской культуры, а портовые города играют в этом формировании и распространении центральную роль. Как сказал Маркс: «Город — концентрация населения, капиталов, потребностей, наслаждений; деревня — изолированность и разобщенность». Роль городов в культурном и региональном развитии была беспрецедентной во все времена. Поэтому изучение истории морской культуры в Южно-Китайском море нельзя игнорировать и отрывать от городов, особенно в Южно-Китайском море, которое имеет тесную и неразрывную геополитическую связь с бассейном реки Чжуцзян (Жемчужная река) и многими реками, и чье культурное формирование, и распространение, в конечном счете, зависело от коммерческих и торговых условий, предоставляемых портовыми городами, где концентрировались их культурные черты и стили. Три портовых города — Гуанчжоу, Гонконг и Макао, расположенные в районе слияния трех рек, являются центрами роста, сплочения и распространения морской культуры Южно-Китайского моря в устье реки Чжуцзян. Их городской характер, функции, условия функционирования и управления не только непосредственно определяют культурные характеристики и стили собственных городов, но и, будучи региональными центрами культурного роста и излучения, оказывают глубокое влияние на культурные характеристики и стили окружающих районов. Фактически, как региональный культурный комплекс города Гуанчжоу, Гонконг и Макао, как по отдельности, так и все вместе, сыграли важную роль в формировании и распространении истории морской культуры Южно-Китайского моря, о чем свидетельствует история их культурного развития.

Город Гуанчжоу, находящийся в высшей точке дельты Жемчужной реки, пользовался преимуществами близлежащих рек Дунцзян, Сицзян и Бэйцзян и стал портом для внешней торговли в начале правления династии Хань. После строительства канала Линцюй (канал в уезде Синъань Гуанси-Чжуанского автономного района, создан по приказу императора Цинь Шихуана в 214 году до н.э.) в период правления династии Цинь и открытия дороги Даюй Чжаном Цзюлином в период правления династии Тан, внутренние районы Гуанчжоу как

речного порта не ограничивались бассейном Жемчужной реки, но могли достигать бассейнов рек Янцзы и Джун; а как морской порт, он мог достигать Восточного и Западного океанов, а также Восточной Африки, Европы, Северной и Южной Америки и Океании через морской Шелковый путь, открытый со времен династий Цинь и Хань. В древние времена Гуанчжоу был в пышном расцвете, где собралось большое население, лодки, китайские и иностранные купцы. Культурные обмены между Китаем и зарубежными странами также были постоянной составляющей политических и экономических обменов.

Гуанчжоу является центром культуры провинций Гуандун и Гуанси, которая обладает мощным культурным потенциалом и с большой силой распространяется в Китае и за рубежом. Это может быть полностью отражено в достижениях движения тайпинов (революционное крестьянское движение в империи Цин, 1850–1865 гг.) Хун-сюцюаня, «Политической реформы» Кан-ювэя и Лян-цичао, демократической революции Сунь Ятсена, а также в научных и культурных достижениях Чжан-тянью и Жун-хуна. После основания Нового Китая культура на материке свободно развивалась в рамках социалистической системы, но застопорилась из-за неудач в экономическом строительстве и потрясений Культурной революции. Только за 30 лет после реформы и открытия страны дельта Жемчужной реки стала экономическим пиком страны, где доминирует морская коммерческая экономика, что привело к более богатому и продвинутому культурному развитию Гуанчжоу. Таким образом, культура провинций Гуандун и Гуанси приобрела более мощный культурный импульс, это признак того, что культура созревает в новую эпоху, поскольку она распространяется по всей стране в виде кантонского языка, кантонских товаров, фильмов, аудиовизуальных произведений, моды, популярной музыки, а также нового образа жизни и ценностей. Однако эти характеристики культуры провинций Гуандун и Гуанси имеют сильный западный привкус, в основном благодаря внедрению западных культурных достижений в Гонконге и Макао, их адаптации, усовершенствованию и инновациям. Гуанчжоу никогда не менял этой культурной роли и всегда был центром культуры провинций Гуандун и Гуанси, стимулируя культурное развитие окружающих районов и обеспечивая, чтобы дельта Жемчужной реки была центром притяжения и представителем морской культуры Южно-Китайского моря.

Расположенный на западном берегу Жемчужной реки город Макао, был заселен португальцами в 1553 году и быстро превратился в мировой торговый порт и одну из самых ранних баз для культурного обмена между Востоком и

Западом. Это привело к распространению западной культуры на материк, сначала в дельту Жемчужной реки, а затем на север, в остальные районы страны. Что касается культурных особенностей Макао, то был сделан вывод, что «здесь присутствует сильная латинский колорит, и, в отличие от англосаксонской традиции Гонконга, Макао находится под большим влиянием латинской культуры в плане происхождения, языка, закона, администрации, архитектуры, этнической принадлежности и еды, и здесь заметно гармоничное сочетание китайской и западной культур».[19] Стабильная и спокойная социальная обстановка в Макао, его долгая история и преобладающее китайское население привели к тому, что культура Макао сохраняет большую часть традиционной кантонской культуры и в то же время включает в себя элементы различных западных культур. Морской характер культуры Макао полностью выражен на всех культурных уровнях, от культуры Наньюэ внизу, культуры Гуанчжоу в середине, до португальской культуры наверху. Стабильная и спокойная социальная обстановка в Макао, его долгая история и тот факт, что китайцы составляют большинство местного населения, тем самым позволяя культуре Макао формироваться на этом фоне, сохраняя большую часть традиционной кантонской культуры, и в то же время вбирая в себя различные западные культуры, что делает ее разнообразной и смешанной. Европейские классические и неоклассические здания, и даже зебровые переходы на дорогах раскрашены в форме водных волн. Большое разнообразие религиозных верований и народных культур, широкий спектр диалектов. Культурный ландшафт города — это «музей языков» с широким спектром диалектов, праздничных обычаев и традиций питания. Например, у большинства португальских торговцев в Макао существует обычай «молиться ветру». Они использовали муссонные ветры чтобы выходить в море для торговли в течение всего года. Когда торговые суда собирались возвращаться, женщины и дети обходили дома и молились о южном ветре, а если те, кто уплывал в море, не возвращались, они молились на улице, часто вместе с тысячами нищих, что иллюстрирует сильную зависимость Макао от моря. С момента формирования культуры Макао она продолжала распространяться на дельту Жемчужной реки, всю провинцию Гуандун и за ее пределы, начиная с первых дней, когда Матфей приехал в Чжаоцин из Макао, чтобы распространять католицизм и западные технологии, и заканчивая самой важной базой для западной культуры перед Опиумной войной. Что касается места и роли Макао в истории культурных обменов между Востоком и Западом, то как известный ученый по изучению древних китайских

культур и профессор Пекинского университета Цзи Сяньлинь в своем предисловии к книге Чэнь Яня «Морской шелковый путь и культурный обмен между Китаем и зарубежными странами» (неопубликованная рукопись) в 1993 году сказал: «За пять тысяч лет истории Китая было несколько кульминационных моментов культурного обмена. Последним и самым важным из них был приход западной культуры. Отправной точкой этой передачи хронологически был конец династии Мин и начало династии Цин, а географически — город Макао. На протяжении всей династии Цин, которая длилась почти триста лет, эта передача была прерывистой, с разным уровнем интенсивности, но никогда не прерывалась (конечно, китайская культура также передавалась на Запад, но это не то, о чем я хочу здесь говорить); «Движение 4 мая» (прим. антиимпериалистическое, преимущественно антияпонское, движение в Китае в мае-июне 1919 года), каким бы мощным оно ни было, было лишь остатком этого культурного обмена. Жаль, что так мало внимания уделяется очень важному месту Макао в культурном обмене между Китаем и Западом. Я говорю это исключительно на основании исторических фактов. В конце правления династии Мин первая западная культура была фактически привнесена португальцами, а опорный пункт находился в Макао».[20] Это очень справедливая оценка. Португальцы — морской народ, и бесспорно, что культура Макао — это морская культура. Культура Макао распространялась внутри страны и за ее пределами благодаря судоходству в Южно-Китайском море, и его незаменимая историческая роль в формировании и развитии морской культуры в Южно-Китайском море неоспоримо признана всем миром.

Гонконг, расположенный на восточном берегу устья Жемчужной реки, до войны был внешним портом Гуанчжоу, а во времена династии Тан морской путь из Гуанчжоу в зарубежные страны проходил через воды нынешнего Тхуньмунь в Гонконге. В годы под девизом Чжэнде и Цзяцзин династии Мин корабли португальского военного флота неоднократно входили в воды Тхуньмунь и требовали доступа к китайскому рынку, но правительство династии Мин отказывало им. Позже, с утратой португальского морского господства, Макао пришел в упадок, а Гонконг приобрел большую известность. В 1841 году во времена правления императора Даогуана губернатор Фуцзянь и Чжэцзян, Бо-тао, сказал: «Гонконг — это неизбежный путь для торговых судов вглубь страны».[21] Именно из-за выгодного расположения Гонконга с точки зрения морского транспорта он был уступлен британцам после Опиумной войны. После этого большое количество жителей материка переселилось сюда, сделав кантонскую культуру основной частью местной культуры.

Британский колониализм и капиталистическая политическая и экономическая система в Гонконге, а также политика свободного порта, позволили западной культуре, в основном британской морской культуре, распространиться, укорениться и развиваться в Гонконге, например, английский язык, британская политическая система, право, западная архитектура, религия, искусство, этикеты, праздники, культура питания, одежда, и даже стиль поведения и ценности. Поскольку британские власти не проводили культурную политику ассимиляции в Гонконге, китайская и западная культуры смогли сосуществовать и смешиваться друг с другом, в результате чего культура Гонконга имеет сильный иностранный колорит, поскольку она имеет те же корни, что и культура дельты Жемчужной реки, но при этом является самым прямым последователем западной культуры. Их сочетание является отражением коммерческого, светского и гедонистического стиля гонконгской культуры. Однако характер и функции Гонконга как центра мировой торговли определяются его статусом морского порта. Вся его деятельность сосредоточена на море, из Гонконга проходят маршруты во все крупные порты мира, и Гонконг является одним из ведущих портов мира по объему грузовых и пассажирских перевозок, поддерживая очень тесные связи с крупными городами мира и с крупными городами материка. После 1950-х годов Гонконг развивался независимо от материка, и его экономика пошла в гору, он стал одним из «четырех маленьких драконов» Азии. Это способствовало формированию более открытой и международной культуры в Гонконге, а также новому уровню развития морской культуры, который не изменился и после своего возвращения под юрисдикцию КНР. Поэтому культурной основой Гонконга как космополитического города является морская культура, а морская культура Южно-Китайского моря — главный компонент этой основы. Это тем более очевидно в период после Опиумной войны, когда морской характер гонконгской культуры оказал глубокое влияние на исторические процессы и последствия материковой культуры. Благодаря слиянию восточной и западной культур и самым передовым технологическим достижениям современности, культура Гонконга обладает мощным культурным потенциалом, который постоянно распространяется на материке и за рубежом. Первым регионом, который оказался под влиянием гонконгской культуры стала дельта Жемчужной реки, за ней последовали провинции южного, восточного, юго-западного и северного Китая. Это включает распространение во внешний мир человеческих, материальных и духовных продуктов. Такое распространение оказало глубокое влияние на социальную и культурную жизнь, науку и технику, общественные обычаи,

язык, идеологию и поведение людей внутренних регионов Китая. Следует заметить, что в ходе распространения гонконгской культуры во внутренние регионы просачивались и некоторые негативные элементы, такие как порнография, азартные игры, наркомания и мафии. В последние годы гонконгские фильмы и телевидение, популярная музыка, мода, виды развлечения и поклонение звездам эстрады стали популярны на материковой части Китая, что свидетельствует о большом влиянии гонконгской культуры.

Гуанчжоу, Гонконг и Макао географически едины, хотя они и превратились в три культурных центра из-за различий в историческом развитии и политических системах, фундаментальных различий в их культурных качествах нет. Эти три города не только самостоятельно выполняют свою функцию культурного излучения, но и формируют «региональный культурный комплекс Гуандун-Гонконг-Макао»[22] посредством культурного взаимодействия между ними, что приводит к эффекту культурного излучения «1+1>2». Пан-дельта Жемчужной реки, или «9+2», которая была создана в последние годы, должна быть поддержана культурой Жемчужной реки. Морской характер является неотъемлемой чертой культуры Жемчужной реки, а Гуандун, Гонконг и Макао, как лидеры Пан-дельты Жемчужной реки, являются основой этого регионального экономического объединения. Также неоспоримо, что география реки и моря определила, что морская культура Южно-Китайского моря будет возрождаться и развиваться в процессе создания и реализации Пан-дельты Жемчужной реки.

Глава III

Зарождение морской культуры в Южно-Китайском море в доисторические времена

Доисторические времена относятся к периоду до появления письменных источников, в основном к природному и антропогенному ландшафту, на который повлияла деятельность человека, начиная с 10 000 лет в послеледниковой эпохе четвертичного периода. В этот период началось формирование морской культуры в Южно-Китайском море, первобытные жители этого

района, используя различные средства, начали заниматься сбором морепродуктов, рыболовством, морскими плаваниями и другими видами деятельности, адаптированные к морской среде, и все это являлось формой выражения морской культуры. Но поскольку письменных источников не существовало, доисторическая морская культура в основном отражена в своих культурных содержаниях через вещественные доказательства найденных при археологических раскопках и морских легендах. Но поскольку письменных источников не существовало, доисторическая морская культура в основном отражалась в своей культурной коннотации через вещественные доказательства, найденных при археологических раскопках и морские легенды. Около 6 000 лет назад в районе Южно-Китайского моря уже блистала заря морской культуры.

Раздел 1. Культурный обмен в Южно-Китайском море сквозь призму археологических доказательств

1. Археологические исследования культуры палеолита

В доисторические времена не существовало никаких государств и государственных границ; первобытные люди часто жили в естественных географических районах, и их экономическая жизнь и созданная ими культура были тесно связаны с физической географией. Физическая география была не только источником условий жизни, но и источником средств к существованию. И средства производства, и орудия труда были созданы в каменном веке с помощью каменных орудий. Сходство характера и характеристик каменных орудий из разных регионов предполагает, что между ними происходил культурный обмен. Во время последнего ледникового периода в четвертичном цикле континентальные шельфы Южно-Китайского, Восточно-Китайского и Желтого морей были над поверхностью воды, а их глубины были не такими большими, как в наше время. Они не представляли собой особый барьер для общения между людьми. Согласно палеоантропологическим исследованиям, считается, что предки человека зародились в Африке и затем распространились на другие континенты. Эти древние гоминиды вышли из Африки и проникли на территорию Китая двумя маршрутами: один с западной стороны Тибетского нагорья, другой — с южной. Второй маршрут следует вдоль системы реки Сицзян на Индо-Китайский полуостров и в Юго-Восточную Азию. По пути он проходит через плотину Байсэ в Гуанси, эти древние люди создали палеолитическую культуру,

представленную байским рубилом, поэтому там, где найдены байские рубила, происходили региональные культурные обмены. Байское рубило — тяжелый, габаритный инструмент с острыми краями и остриями для разрубания или выкапывания корней растений, это древнее каменное орудие, датируемое 700 000 лет назад. Появление байского рубила в бассейне Жемчужной реки и в Юго-Восточной Азии основано на том, что существует много сходств в физической и биогеографической природе этих двух регионов, что неизбежно привело к культурной общности и неизбежному обмену человеческими группами. Само собой разумеется, что это происходило через Южно-Китайское море, из чего следует, что культурные обмены с севера на юг уже происходили. Не случайно археологические находки артефактов раннего палеолита из Индии, Мьянмы, Таиланда, Лаоса, Вьетнама и острова Явы имеют много общего с байским палеолитом. Таким образом, морская культура в районе Южно-Китайского моря берет свое начало в ранний период, согласно возрасту ручного рубила из Байсэ, она старше «пекинского человека». Это указывает на то, что морская культура древних гоминидов началась раньше континентальной, и что Южная Азия, включая юг Китая, является колыбелью древнего человечества и культуры палеолита, созданной древними гоминидами которая распространялась во все стороны. Регион Южно-Китайского моря является одновременно каналом распространения и получения и стал колыбелью самой ранней морской культуры человечества. Одним из источников этого распространения являются археологические памятники эпохи палеолита на северном побережье Южно-Китайского моря. Одним из таких мест является развалины города Сайкунг в Гонконге. Место, найденное в 2003 году на пляже города Сайкунг в Новых территориях (Гонконг), является местом производства изделий из камня эпохи палеолита, датируемого примерно 40 000 лет назад, а также содержит остатки мезолита и неолита с большим количеством каменных отщепов, ядрища и каменных орудий, включая клинья, скребки, остроконечники, рубила и каменные тесла. Каменные ядра суматранского стиля, найденные на одном из участков указывает на возможную связь между мастерством изготовления каменных орудий региона Гонконга и доисторической Юго-Восточной Азии. Профессор Жун Гуаньцзы, антрополог из университета Чжуншань (прим. имени Сунь Ятсена; основан в 1924 году в Гуанчжоу), отметил: «Я считаю, что орудия и технологии обработки, обнаруженные в 2004–2005 годах на месте находки Шэньюнхуан в Гонконге, указывают на то, что территория вокруг была как базой для производства различных типов инструментов предками племени Юэ (прим. территория прибрежных провинций от Цзянсу до

Гуандуна), так и первобытным поселением древнего народа Юэ. На самом деле, мы также видим, что предки народа Ли оставили свой след на пути к острову Хайнань через полуостров Лэйчжоубаньдао».[23] Другими словами, народ Ли на острове Хайнань изначально был частью населения материка у моря. Позже они переправились через море на остров Хайнань, а гоминиды (прим. семейство наиболее прогрессивных приматов, включающее в том числе и людей) являлись частью предков народа ли, проживающих на острове Хайнань.

Пещера Луобидун, находящаяся в городе Санья на острове Хайнань также является прибрежной пещерой эпохи палеолита. Возраст самого древнего культурного слоя составляет около 10 000 лет, а найденные гоминиды называются «Пещерные люди Луобидун в Санья». Помимо ловли и охоты, пещерные люди Луобидун также занимались ловлей морской рыбы, в основном улиток, и имели относительно развитую рыболовную экономику. В связи с «материковой теорией» происхождения народа ли на острове Хайнань. Эта этническая группа изначально считалась как морское племя, в последствии они переселились на склон горы Учжишань. Этнологи считают, что дома в форме лодок, сохранившиеся у народа ли, являются доказательством того, что они были общиной, живущей на воде.

Небольшие каменные орудия позднего палеолита, известные как «Сяншаньские каменные орудия», были обнаружены на острове Наньтоу (прим. в провинции Гуандун), крупном морском транспортном узле между провинциями Фуцзянь и Гуандун, и использовались для таких производственных операций, как прибрежное рыболовство и сбора морепродуктов. Вблизи Сяншань (прим. район городского округа Гуйлинь в Гуанси-Чжуанском автономном районе КНР) также обнаружено множество останков моллюсков, что свидетельствует о том, что первоначальные жители острова зависели от моря в качестве источника средств к существованию. Все эти палеолитические артефакты с прибрежных островов северной части Южно-Китайского моря иллюстрируют длительный геологический период от 700 000 до почти 10 000 лет назад. Первобытные люди были активны на побережье, на островах и даже в далеких океанских глубинах, занимаясь морской культурной деятельностью, основанной на рыболовстве, которая передавалась из поколения в поколение вплоть до среднего неолита.

История человеческой культуры обычно начинается с периода мезолита, около 12 000 лет назад, когда окружающая среда значительно изменилась из-за последнего ледникового периода.

На юге Китая появление крупных континентальных ледников привело к значительному падению уровня моря, уровень воды опустился ниже 130–145 метров. Появился большой континентальный шельф, соединились друг с другом полуострова, континентальные плиты и архипелаги. Таким образом, образовались некие каналы, которые значительно облегчили миграцию древних людей и фауны, предоставив более широкое пространство для человеческой деятельности и культурного обмена, а Южно-Китайское море вновь стало каналом для взаимодействия древних людей. В северной части Южно-Китайского моря есть много культурных объектов, относящихся к этому периоду, включая пещеру Гайтоу в Гуанси Бинсянь, Сидоянь и Чэньцзяцунь в Лицзяне, пещеру Чунцзоай, пещеру Байлянь в Лючжоу, нижний слой устья реки в Далунтане, пещеру Дунъянь и скалу Кайпи в Гуйлине, скалу Цзэнпи, монолит Яньчунь в Гуандуне, пещеру Хуанъянь в Фэнкае, верхний слой скалы Луоша, Чжуоянь в Цинтане, Индэ и пещеру Ниуцян в Юньлине. Каменные орудия, найденные в этих местах, преимущественно больших и средних размеров, а также относительно прогрессивные, включая семь «суматранских» каменных орудий из монолита в Янчуне провинции Гуандун, что позволяет предположить, что на их происхождение могли повлиять заморские культуры каменных орудий. Более очевидно, что подобные культуры изготовления изделий из камня можно найти в Южной и Юго-Восточной Азии, например к ним относятся «культура Хоабинь» в провинции Хоабинь (во Вьетнаме), пещера Ниа на северо-западе Саравака в Малайзии, монашеская братия в поселке Шиюэсян, провинция Канчанабури в Таиланде, и пещера Богов на северо-западе Таиланда. Их общность с современными литическими культурами бассейна Жемчужной реки, упомянутыми выше, свидетельствует о том, что культурный обмен, начатый с эпохи палеолита по Южно-Китайскому морю, никогда не прерывался.

2. Археологические исследования неолитической культуры

В неолитическую эпоху географическая среда Южно-Китайского моря изменилась: большинство островов в Южно-Китайском море вышло из-под воды около 5 000 лет назад, согласно данным ^{14}C исследования (прим. тест ^{14}C также известен как дыхательный тест на углерод 14, который используется для выявления хеликобактер пилори), что способствовало перемещению гоминидов между островами и материком на каноэ или плотках в этот период. Помимо того, что они были найдены на Тайване и Филиппинах, они также были

обнаружены в южной части Тихого океана на Полинезийских островах, островах Общества (прим. Таити, в Тихом океане) и Сулавеси (прим. остров, море в Индонезии), а также на Северном [Британском] Борнео, что позволяет предположить, что древний народ юэ мог воспользоваться удобными условиями в Южно-Китайском море, чтобы доплыть до этих районов и вступить в культурный контакт и обмен с тамошними жителями. Наиболее типичным примером является гора Сицзяо в Южно-Китайском море, огромное место обработки неолитических изделий, чьи представительные мелкие каменные орудия и двуплечие каменные орудия не только распространились в дельту Жемчужной реки, центральный, восточный, северный и южный Гуандун, южный Гуанси и остров Хайнань, но, вероятно, также пересекли море в Синьчжу, Цзилун, Тайчжун, Гаосюн и Тайтун на Тайване, а также вверх по реке Сицзян на плато Юньнань-Гуйчжоу, и распространились на юг в зарубежные страны и регионы, включая страны Центрального и Южного полуостровов, Малайзию, Индию и Бангладеш. Создателями культуры каменных орудий на горе Сицзяо были предки байюэ, известные своим умением управлять суднами. В условиях открытого континентального шельфа Южно-Китайского моря и обмеления моря вполне возможно, что они могли использовать простые навигационные инструменты на поверхности моря для распространения созданной ими культуры каменных орудий, куда бы они ни отправились, оставив следы своей морской культуры во многих районах Тихого и Индийского океанов.

Каное периода Южных династий, найденное в городском уезде Хуачжоу (провинции Гуандун КНР), предоставлено Управлением по делам культуры, телерадиовещания и печати городского округа Маомин

В доисторический период в дополнение к палеолитическому культурному обмену между древними этническими группами Южно-Китайского моря, до поздней эпохи неолита в нынешних провинциях Гуандун и Гуанси, древний народ Юэ, коренное население северной части Южно-Китайского моря, некоторые из которых жили вдоль побережья и жили за счет сбора и ловли морепродуктов или занимались мореплаванием, создали самую примитивную морскую культуру. Она также является источником морской культуры Южно-Китайского моря. Французский географический детерминист Монтескье (1689–1755 гг.) в своей книге «О духе законов» («Дух закона») предложил концепцию «приморской культуры» в противовес концепции «культуры гор». Примитивная морская культура древнего народа юэ, которая должна относиться к этой «приморской культуре», была первым шагом к освоению морских ресурсов путем адаптации к тропической морской среде Южно-Китайского моря, и с тех пор открыла одну из самых ранних глав в истории китайской морской культуры в Южно-Китайском море. Археологические находки показывают, что древние люди юэ употребляли в пищу дары моря и собирали в кучу останки моллюсков, рыб и земноводных, оставшиеся после употребления пищи, образуя кьёккенмединги (прим. кухонные кучи. Кучи состоят из остатков раковин съедобных моллюсков, костей диких животных, рыбы, золы, черепков грубо вылепленной посуды.) 4000–6000 лет назад, широко распространенные вдоль северного побережья Южно-Китайского моря. Согласно статистике, в Китае насчитывается около 200 прибрежных кьёккенмедингов, в том числе более 70 в Гуандуне, и около 80 в Гуанси, что составляет 75% от общего количества в стране. Они широко распространены в дельте реки Хань в восточном Гуандуне, в Чаочжоу, Цзюане и Чэньхай Биньхай, и представлен деревней Чэньцяо в западном пригороде Чаочжоу, известной как «кухонные кучи Чэньцяо». Около 6 000 лет назад, когда уровень моря был относительно стабильным на уровне современного уровня моря, на северном побережье Южно-Китайского моря и его островах образовались многочисленные гавани и заливы, в основном эстуарного типа, которые приносили

большое количество ила и песка, образуя отмели или песчаные наносы в эстуариях или устьях рек, на которых в результате деятельности человека образовались так называемые дюнные участки, широко распространенные вдоль побережья. В дельте Жемчужной реки остатки кухонных куч и дюн составляют подавляющее большинство из более чем 300 неолитических стоянок, включая Гаояо, Сыхуэй, Сانشуй, Наньхай, Фошань, Гуанчжоу, Синьхуэй, Чжуншань, Болуо, Цзэнчэн, Дунгуань и другие уезды, со скоплениями различных моллюсков, рыб и земноводных, что отражает тот факт, что некоторые из древние предки народа юэ занимались сбором морепродуктов и рыболовством в устьях рек и заливах. В Чжуншане, Чжухае, Думэне, Гонконге, Макао и других местах, где больше останков рыб, и большинство из них — морские виды, а также раскопаны грузила для сети и другие вещи, только вокруг устья Жемчужной реки, то есть 44 грузила для сети эпохи неолита и бронзового века, из которых в месте Баоцзинвань на острове Гаолань в Чжухае раскопано 1207 штук[24] подвесных каменных инструментов, связанных с рыболовством и мореплаванием. Это указывает на то, что предки жителей этих мест занимались морской рыбалкой или прибрежным сбором морепродуктов. Например, в неолитических местах Луобидун в Санье, Синьцзе в уезде Дунфан и деревне Даган в Шигуне в уезде Линшуй найдено большое количество раковин улиток, мидий и устриц. Кроме того, встречаются керамические грузила для сетей и другие рыболовные снасти. Это говорит о том, что основным образом жизни предков в северной части Южно-Китайского моря в доисторический период была рыбалка и охота, добывали жизненные ресурсы из моря, и эти руины являются яркими моментами в истории культуры Южно-Китайского моря.

По мнению некоторых этнографов, народ юэ был коренной этнической группой северного побережья Южно-Китайского моря. Археологические находки подтверждают, что древние люди юэ умели пользоваться лодками и строить корабли, а лодки были их основным средством передвижения. В последние годы на песчаных дюнах вокруг эстуария Жемчужной реки было найдено множество каменных якорей, которые использовались для решения проблемы остановки лодок в море, например, в Тхюньмун на Новых территориях Гонконга и в Пингша в городском округе Чжухай. После 1970-х годов множество каноэ было обнаружено в Цзеяне, Хуачжоу, прибрежной части Хайнаня и даже в глубине Хуайцзи, начиная с династий Хань и заканчивая периодом Вэй и Цзинь (прим. 220–420 гг. н. э.), все эти места были населены древним народом юэ. В 1989 году в Баоцзинвань на острове Гаолань в Чжухае была найдена резьба на скалах,

относящаяся к периоду Весен и Осеней (прим. 770–476/403 гг. до н. э.) или более раннему, с многочисленными изображениями лодок с двумя заостренными концами и плоским дном, а также декоративными мотивами, такими как волны, вода, облака, гром и глаза феникса. Вокруг корпуса лодки расположено множество фигур, танцующих и пляшущих, в форме прощания, ритуала и молитвы к небесам о мире. По словам исследователя, «каменные надписи в Баоцзинвань — это молитвы древнего народа юэ, местного коренного народа, который жил на берегу моря и зарабатывал на жизнь плаванием и работой на воде, о безопасности моря и защите моря, включая молитвы к своим предкам. Всякий раз, когда они застревали на острове перед отплытием или попадали в шторм, они совершали религиозные ритуалы, поклоняясь своим тотемам, духам и предкам, чтобы молиться о благословении, избежать бедствий и благополучно добраться до места назначения».[25] Эти изображения на камне были признаны самым убедительным свидетельством древнего плавания юэ в период до династии Цинь. На самом деле, все устье Жемчужной реки, включая Чжухай, Макао и Гонконг, изобилует подобными каменными барельефами. Каменные барельефы в Баоцзинвань были найдены и широко оценены, потому что «они указывают на то, что вдоль юго-восточного побережья от Ляньюньгана в Цзянсу до Фуцзяня, Гуандуна и Гуанси существовали скалы, которые стоит изучить».[26] Другие комментаторы считают, что «в древности народ юэ, населяющий Южно-Китайское море, концентрировался в одном морском порту, и всякий раз, когда различные фактории выходили в море для работы или деятельности, они сначала концентрировались на островах гавани Жемчужной реки, готовили припасы и ждали возможности отплыть. Перед отплытием они сначала проводили ритуалы религиозного характера, такие как принесение в жертву тотемам, богам и предкам... (им) различных изображений, высеченных на поверхности скал для поклонения, как способ выражения уважения богам и предкам. Эти тотемы, боги и духи были либо животными, либо абстрагировались в геометрические фигуры, которые стали объектами поклонения для народа юэ».[27]

В настоящее время встречающиеся в Китае наскальные рисунки в целом делятся на три региональные группы: северная, юго-западная и юго-восточная. К юго-западной группе относятся наскальные рисунки в прибрежных районах провинций Цзянсу, Фуцзянь, Гуандун, Тайвань, Гонконге и Макао. Эти рисунки в основном имеют абстрактный дизайн и высечены в технике резьбы.

Факсимиле топографии военной раскраски снаружи бронзовой трубы для переноски, раскопанной из гробницы короля Наньюэ (древнее государство на территории нынешних пров. Гуандун и Гуанси-Чжуанского авт. р-на, КНР) Предоставлено Музеем гробницы короля Наньюэ

Петроглифы в Гонконге относятся к доисторическому периоду и находятся на островах Дунлун, Шиби, Путай, Даланвань, Чанчжоу, Дамявань и Лосичжоу, в основном в небольших бухтах. Изображение на них наполнено таинственным и загадочным содержанием, но общее мнение таково, что все они относятся к бронзовому веку.

Самый большой участок наскальной росписи находится на острове Дунлун. В «Хронике уезда Синьянь», составленной в годы под девизом Даогуан записано, что «каменные стены были расписаны драконами, а у дверей зала Будды на боковой стороне камня были вырезаны фигуры драконов». Некоторые специалисты утверждают, что по извилистым линиям и частичным формам, таким как глаза, усы и когти на мотивах скальных стен острова Дунлун, можно судить, что это «вид дракона». Наскальные рисунки в Далангване, с другой стороны, могут изображать обнаженного мужчину, держащего какой-то предмет. На одном конце наскальной резьбы в Чанчжоу находится «изгиб в форме головы змеи», который представляет собой изображение мужских гениталий,

похожее на совокупление, что отражает желание увеличить численность населения. Эти наскальные рисунки, датируемые периодом от 4 000 до 3 200 лет назад, показывают, что жившие на берегу народ юэ уже был на островах и занимались различной деятельностью на море.

Наскальные рисунки Макао были обнаружены в 1982 году в долине Чанковань на острове Коулоу. Изображения уже трудно разглядеть, но возможно, что это корабль с мачтой. Если это так, то это имеет смысл в свете мореходных традиций народа юэ. Эти наскальные фигуры являются маяками морской культуры, освещавшими в древности северное побережье Южно-Китайского моря.

Археологи и антропологи также доказали, что некоторые предки народа ли, мигрировавшие на остров Хайнань в древние времена, пересекали море с материка на этих каноэ. [28] Другие ученые считают, что некоторые предки народа ли в древности прибыли на остров Хайнань в Южно-Китайском море из различных районов Юго-Восточной Азии. [29] Профессор Линь Хуэйсян считает, что «индонезийцы и народы черных пигмеев пришли в южный Китай из Индокитая», и что «индонезийцы, известные своими мореплаваниями, скорее всего, двигались на восток вдоль побережья провинций Гуандуна, Фуцзяня и Чжэцзяна». [30] Исследователь Лю Яоцюань отметил, что предками народа ли на острове Хайнань «могли быть малайцы, или индонезийцы в более широком смысле, другая ветвь южнотонгской расы, они дрейфовали из Южно-Китайского моря на остров Хайнань и долгое время жили в море, не питаясь зерновыми, а только мидиями и черепаками». [31] В 1976 году в гробнице Луоповань Хань в Гуйсяне, Гуанси, был найден медный барабан с изображением двухместной лодки, по форме очень похожей на двухместные каноэ, которые сегодня используют народы островов южной части Тихого океана (например, Тонга, Самоа). И это не был единственный случай, в 1982 году в гробнице короля Наньюэ в Гуанчжоу были обнаружены четыре набора лодочных узоров на внешней стене, изображающих убийство пленников и охоту за головами, показывающих, что древний народ юэ праздновал свои достижения, принося жертвы богам реки или моря. В частности, корабль приводится в движение тремя парусами и шканцами, а мачта имеет отделку из перьев, поднятую навстречу ветру, когда он плывет вперед. Морская деятельность была важным образом жизни древнего народа юэ, которые плавали по Южно-Китайскому морю и, вероятно, достигли некоторых из вышеупомянутых островных групп. находка в 1973 году в захоронениях периода династии Цинь в Суншань, Чжаоцин, глазури (т.е. стекла), которая могла

быть привезена только из-за границы, из Паньюй или другого прибрежного района вблизи моря. Находка предполагает, что экономический и культурный обмен уже происходил между прибрежными районами провинций Гуандун и Гуанси и каким-то заморским регионом, подразумевая возникновение и развитие морской культуры в Южно-Китайском море.

Палеолингвистические исследования показали, что в доисторические времена на трех крупных архипелагах юго-западной части Тихого океана, а именно на Индонезии, Филиппинах и Тайване, а также в провинциях Гуандун и Гуанси, были широко распространены языки группы Южных островов: предки племени юэ были неотъемлемой частью языковой семьи южных островов и были глубоко связаны друг с другом. Физико-антропологическое исследование показывает, что «древний южнокитайский тип» близок к индонезийским народам Юго-Восточной Азии и меланезийским народам Океании. Результаты данного исследования подтверждают связь южно-островных языковых групп в Южном Китае, включая обе стороны Тайваньского пролива, на запад до юга провинций Гуандун и Гуанси, и на север до провинций Цзянсу и Чжэцзян, как часть культуры интегрированного племени юэ и Южного острова. С 1930-х годов такие антропологи, как Линь Хуэйсян и Линь Чуньшэн, выдвинули теорию происхождения группы языков южных островов в материковом Китае на основе сравнения культурных факторов в этнологии и археологии, утверждая, что народ юэ является древним малайским народом, то есть «первоначальным малайским народом», и что коренные культурные сообщества между материковым Китаем, Юго-Восточной Азией и тремя архипелагами юго-западной части Тихого океана составляют «азиатскую (азиатско-австралийскую) средиземноморскую культурную сферу». Южно-Китайское море — это регион, где говорят на языках группы южных островов, и они включены в систему морской культуры Южно-Китайского моря. По мере того, как власть династии Цинь и Хань продвигалась на юг, народ хань в большом количестве переселился на юг, была введена уездная система, и культура хань стала доминирующей культурой в провинциях Гуандун и Гуанси, а культура коренных народов системы юэ и южного острова была заменена или перекрыта культурой сино-тибетской языковой группы и сошла со сцены истории. Однако, это еще не конец, он все еще сохраняется как культурное наследие, и таких наследий много в семьях языков чжуандун на юго-восточном побережье Китая, включая провинции Гуандун и Гуанси, и в ханьских диалектах этих районов, например, разговорные языки и диалекты групп Ли, Шуй,

Дун и Чжуан разделяют многие основные словарные черты с народностью гаошань (прим. одно из национальных меньшинств КНР, Тайвань, пров. Фуцзянь, Хэнань, Гуанси-Чжуанский авт. район), коренными филиппинскими и малайскими языками. Миньский и кантонский диалекты китайского языка, а также диалекты хакка также имеют много общих языковых черт с языками народностей амэй и пайвань, относящимися к гаошаньской этнической группе на Тайване. Это означает, что южный китайский диалект сильно отличается от северного из-за интеграции южных островитян, что является важной причиной большого количества диалектов южного китайского языка. Например, из семи главных диалектов китайского языка в провинции Гуандун и Гуанси имеется три, а именно кантонский, хакка и чаошаньский диалекты. Многие из этих диалектов отличаются от северного китайского языка в лексических единицах и словообразовании. На самом деле, многие лингвисты в Китае давно подтвердили путем сравнения лингвистических материалов, что некоторые жители островов южной части Тихого океана говорили на общем языке с нашими предками народа юэ, а также сравнили языки южных островов, представленные современными филиппинскими и малайскими языками, с языками группы дун-тай, включая народность ли на Хайнане. Только в словарном запасе дун-тайского языка насчитывается около 330 слов. Этнолингвисты объясняют, что до прихода ханьцев в провинции Гуандун и Гуанси народ ли уже откочевал от моря и, поскольку находился далеко от материка, позже принял китайскую культуру и меньше подвергся ее влиянию, поэтому сохранил присущие ли числительные, которые близки к индонезийским и тайваньским гаошаньским формам.[32] Это является убедительным доказательством прихода языка южных островитян в Гуандун и Гуанси и показывает, что носители языков южных островов были морскими народностями, и их жизненная деятельность в основном проводилась на Южно-Китайском море.

Доисторические археологические утвари также подтверждают общность культуры этой морской группы. Одним из самых убедительных доказательств является ткань из коры. Китайские и зарубежные антропологи и археологи в основном сходятся во мнении о происхождении тканей из коры деревьев. Ткань из коры использовалась в качестве одежды многими коренными жителями островов Индонезии, Полинезии, Меланезии и Микронезии в Юго-Восточной Азии. Она была описана в ряде западных работ по первобытному искусству и этнографии. Археологические находки показали, что кипарисы, используемые для изготовления ткани из коры, были обнаружены в Гонконге,

Шэньчжэне, Чжухае и Чжуншане, а палочки из тканей коры с бороздками были обнаружены в Тайнани (Тайвань).[33] Соответственно, некоторые ученые считают, что происхождение ткани из коры могло быть в провинциях Гуандун и Гуанси. Господин Дэн Цун провел полевые и углубленные исследования тканей из коры. Он отмечает, что «ткани из коры кипариса — признак культуры устья Жемчужной реки, она была популярна между 6000 и 5000 лет назад, на сегодняшний день является самой древней известной тканевой корой культурной системы в Восточной Азии. От устья Жемчужной реки на юг в сторону Индокитайского полуострова и культура Пинюань на севере Вьетнама богата материалами для изготовления тканей из коры, вероятно, датируемыми 4000–3500 лет назад. Культуры тканей из коры в Таиланде и на Малайском полуострове являются более поздними и датируются периодом до 3500 лет назад. На Филиппинах и Тайване существуют самобытные культуры тканей из коры, возраст которых, по имеющимся данным, не превышает 3500 лет. Почти на всех тихоокеанских островах процветала культура тканей из коры, и их датировка должна быть еще более поздней, чем 3500 лет назад».[34] Далее Дэн подчеркивает, что «культура берестяных изделий, зародившаяся в южном Китае, пронеслась из Юго-Западного Китая через острова Индокитая и Юго-Восточной Азии, а затем по морю пересекла Тихий океан и попала в Центральную Америку. В Центральной Америке ткань из коры более широко использовалась в качестве бумаги, которая служила культурной записью и оказала глубокое влияние на историю Центральной Америки». Народность ли на Хайнани умела изготавливать ткань из коры, и в современном этническом музее Тонши Хайнани до сих пор можно увидеть технику и узоры изготовления ткани из коры. В апреле 2011 года автор увидел в павильоне Хайнани на выставке культуры и музеев в Шэньчжэне одежду сделанную из дерева анчар (прим. род вечнозелёных деревьев или кустарников семейства Тутовые (Moraceae))[35] стоимостью 10 000 юаней. Предки народности ли населяли остров Хайнань и полуостров Лэйчжоу, и ткань из коры должна была быть их обычной одеждой. Во Вьетнаме также существовала процветающая культура изготовления тканей из коры, ткани из коры в Филиппинах пришли из Вьетнама, и вместе с вышеупомянутыми тканями из коры из Юго-Восточной Азии. Таким образом, факт того, что ткань из коры была распространена по всему району Южно-Китайского моря неоспорим, и независимо от места ее происхождения, поскольку эти острова посещались коренными жителями по крайней мере с доисторических времен.

На самом деле, ткань из коры является лишь одним из средств, связывающих народ ли на острове Хайнань с другими народностями Юго-Восточной Азии. Еще в 1930-х годах немецкий этнограф Ганс Штюбель (нем. Hans Stübel) дважды посещал Хайнань для полевых исследований, а затем написал «Этнографию острова Хайнань», опубликованную в Берлине в 1964 году. Позже Гуандунским институтом этнических исследований был сделан ее перевод с японского на китайский язык. В книге перечислены почти 30 культурных черт, которые народность ли разделяет с народами Юго-Восточной Азии и Тайваня, включая подсечно-огневое земледелие, инструменты сбора урожая, такие как косы, амбары, пахота на волах, молотба зерна, курятники, телеги для волов, постройки с деревянными столбами, набедренные повязки, повязки, женские юбки, головные уборы, хлопковые и льняные ткани, ткани из коры, ткацкое искусство, большие серьги, большие заколки, длинные красные ткани, прически, круглые корзины (для ножей ли), корзины, горные ножи (ножи ли), губные гармошки, носовая флейта, деревянные барабаны, изобразительные искусства, рисунки татуировок, водоотводы из бычьих рогов и браки вне племени. Эти культурные черты заметно отличаются от ханьских, что свидетельствует о том, что народ ли с острова Хайнань имели тесные связи с доисторическими народами Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, Бирму, Вьетнам, Филиппины, Микронезию и остров Тайвань. Они отражают тот факт, что все эти народы были морскими народами, объединенными в морское культурное сообщество или культурный круг Южно-Китайским морем.

Раздел 2. Тотемизм и происхождение морской культуры в Южно-Китайском море в доисторический период

В своей «Философии истории» Гегель утверждает, что море «на поверхности кажется вполне невинным, прирученным и доброжелательным; однако именно эта прирученность превращает море в самую опасную и жестокую стихию».[36] Вот почему люди, живущие в прибрежных районах, еще не понимающие законов существования и движения океана, еще не умеющие бороться с его изменениями и противостоять его стихийным бедствиям, естественно, испытывают трепет и страх перед его величиной, глубиной и тайной. Богатство и продуктивность моря заставляли людей чувствовать бесконечную привязанность и влечение к нему, поэтому феномен тотемического поклонения морю заполнил все уголки социальной жизни и

духовного мира людей в прибрежных районах, представляя собой один из самых ранних источников морской духовной культуры. В регионе Южно-Китайского моря это примитивное тотемическое поклонение в основном было выражено в следующем:

1. Поклонение Дракону и Змее

В провинциях Фуцзянь, Гуандун, Чжэцзян, Гуанси и Хайнань ходит легенда о браках между человеком и змеей, что отражает отношения между древним народом юэ и культом змеи.

Татуировка женщины из этнической группы ли на Хайнане, предоставленная Сунь Ли

В последние годы в бухте Баоцзинвань на острове Гаолан в Чжухае, в устье Жемчужной реки, были найдены наскальные рисунки периода Весны и Осени (прим. 770- 476/403 гг. до н. э., охватываемый летописью «Чуньцю») или более раннего периода, на которых изображены цветы, фрукты, змеи, обезьяны, олени и другие звери и животные в фантастическом и мистическом контексте. Это самый ранний из когда-либо найденных каменных тотемов такого рода.

Состязания на драконьих лодках в устье Жемчужной реки. Фото: Ван Пэйчжун

Татуировки на теле включают рисунки драконов, змей, черепах и лягушек, что отражает значение поклонения этим водным животным, которым придавалось тотемическое значение. Эти животные мотивы до сих пор можно найти на татуировках или украшениях одежды народностей ли и чжуан на острове Хайнань и в Гуанси, что свидетельствует о том, что древние юэ, как предки этих меньшинств, действительно поклонялись драконам и змеям как своим тотемам и были неразрывно связаны с реками, морской средой и своей деятельностью.

Первоначальной формой дракона на самом деле является крокодил. По сей день крокодилы обитают во многих районах Юго-Восточной Азии, нанося вред людям и животным. Кроме того, морской воздух вызывает множество торнадо в прибрежных районах, образуя столбы воды, напоминающие погружающиеся в воду драконы.

Храм Лун-му (женщина, которая, по легенде, воспитала и вырастила пятерых драконов) в Дэцин (уезд в провинции Гуандун, КНР). Предоставлен Управлением по делам культуры, телерадиовещания и печати города Чжаоцин

Сила торнадо чрезвычайно разрушительна, часто вызывает большой хаос, и считалось, что это дело рук драконов. Записи о южноморском крокодиле были впервые зафиксированы во времена династии Хань, но больше всего записей относится к династии Тан (618-907 гг.). До династии Тан крокодилы были широко распространены на юге страны, но позже, по мере активизации человеческой деятельности, на них стали охотиться в больших количествах, хотя во времена династии Цин их все еще регистрировали на острове Хайнань и в Гонконге. Крокодил причиняет вред людям и животным, но полон мистических сил, был тотемом Лун-му и почитался на протяжении многих поколений вплоть до наших дней. Если понимать Лун-му как предводительницу матриархального родового общества, то она существовала уже в доисторические времена, и только позже появились легенды или истории о ней. В эпоху Южной династии в книге Шэнь-хуайюаня «Описание Наньюэ») записано, что Лун-му была женщина с фамилией Вэнь. Когда первый император династии Цинь Шихуан (прим. основатель династии Цинь, 259-206 гг. до н.э.) услышал о ее добродетели и заслугах перед народом и страной, он хотел

взять ее в свой гарем, но она не подчинилась и превратилась в дракона. После обожествления Лун-му она стала местным богом-покровителем. На восьмой день пятого месяца по лунному календарю Лун-му поклоняются десятки тысяч людей из региона Сицзян в Гуандуне, дельты Жемчужной реки, Гонконга и Макао, Хунаня, Цзянси и даже из-за рубежа. Дракон и змея часто упоминаются вместе, и змеи часто встречаются в провинциях Гуандун и Гуанси. В древности в провинции Фуцзянь также практиковалось человеческое жертвоприношение змеям, что свидетельствует о том, что древние люди придавали большое значение богам-змеям и что человеческие жертвоприношения были высшей формой поклонения змеям. Позже народ минь в большом количестве переселился в восточную часть Гуандуна и район острова Хайнань, где поклонение змеям также было популярно, а боги имели высокий статус. В Чаошане змею называют Цин-Лун (зеленый дракон), а храмовый день — «Зеленый дракон-змея». Во времена династии Мин человек из Юньнани приехал в Чаочжоу в качестве чиновника и построил на юге города храм для поклонения бессмертному змею Ван-цзю. Эта легенда в сочетании с местным поклонением богу-змее в Чаошане вскоре привела к строительству храмов Цин-Лун в разных местах. Фестиваль обычно начинается на 23-й день первого месяца. В прошлом, когда местные жители видели маленькую змею, они подбирали ее и отправляли домой, чтобы намотать на палочку, затем били в гонги и барабаны, шествовали по городу и отправляли обратно в храм, формируя яростную культуру поклонения богу.

Кроме того, на полуострове Лэйчжоубаньдао было популярно поклонение змееподобному духу. К северу от Хугуанянь была воздвигнута статуя бога-змеи для поклонения и воскурения благовоний. Поклонение богу-змее сформировалось в результате культурного переноса, произошедшего с миграцией народа минь (народность в провинции Фуцзянь) на полуостров Лэйчжоубаньдао.

Таким образом, поклонение богу змей — это вера, общая для всех этнических групп и общин региона Южно-Китайского моря. Однако есть и исключения, например, народность хакка из Синьи, Гуандун, считает, что змеи — это воплощения дьявола и что вступать с ними в брак — плохая примета. В районе Янцзян также говорят, что «если вы, увидев змею не убьете ее — то это преступление», и что поклонение богу змей не имеет места в этих районах. Это может быть разновидностью поклонения под влиянием окружающей среды или оригинальной культуры. Кроме того, в районе проживания народа ли на острове Хайнань существует культ тотема змеи, где ли верят, что змея является

их предком и что от змеи в паре рождается большое количество потомства. По сей день некоторые люди из народа ли не едят змеиное мясо и сохраняют свои верования в змеиный тотем. Народ ли также поклоняется драконам (рыбам), существам, живущим в море, — концепция, сформированная предками ли, которые жили в воде. В любом случае, поклонение дракону и змее — очень древняя и широко распространенная традиция в Южно-Китайском море.

2. Поклонение Богу Грома

Храм Лэйшеня (Бога Грома). Фото: Сыту Шанцзи

Побережье Южно-Китайского моря расположено в зоне взаимодействия суши и моря, и контакт между двумя различными типами воздушных течений в сочетании с парным климатом стимулирует возникновение молний. Полуостров Лэйчжоубаньдао назван именно в честь многочисленных грозовых явлений. На побережье восточного Гуандуна есть много горных хребтов, идущих параллельно побережью, где водяной пар поднимается по склонам, также легко порождая молнии и становясь географической основой для поклонения Богу Грома. Молния напоминает летящего в небе дракона, поэтому ей также поклоняются в храме Бога Грома. Поскольку большинство этих громовых храмов находится в прибрежной зоне, а взаимодействие между морем и сушей неотделимо от грозовых

районов, Бога Грома также можно включить в ряд морских богов. Самый большой храм Бога Грома на побережье Южно-Китайского моря находится на холме Инпэн, к западу от города Лэйчжоу, и известен как Храм предков Бога Грома. Бог грома, известный на местном языке как «Лэйшоугун», имеет устрашающую форму. Местные жители верят, что «гром — глава всего сущего», и это не лишено правды, поскольку гром на самом деле является продуктом взаимодействия инь и ян, неба и земли. Одна из теорий происхождения жизни на Земле заключается в том, что молния ионизировала воздух для получения азота, который вместе с углеводородами синтезировал самые примитивные белки, существовавшие в первобытных океанах, и что белки были средством, благодаря которому возникла жизнь, а позже эволюционировала и дала начало различным организмам. В смутном сознании древних это, по-видимому, так и было.

Храм Грома на острове Цюэчжоу Фото: Сыту Шанцзи

В районе Дунцзе уезда Жаопин (городского округа Чаочжоу в провинции Гуандун КНР) расположен Храм Богу Грома,

который был построен в 1637 году. В нем находится статуя наполовину птицы, наполовину человека. Она похожа на те, что встречаются в Чжанчжоу и Цюаньчжоу в провинции Фуцзянь и в регионе Чжуан в Гуанси. Поскольку все эти районы в прошлом были населены древним народом юэ, они имеют общее происхождение в поклонении Богу Грома. Храм Бога Грома в уезде Жаопин — единственный существующий большой храм Бога Грома в восточной части Гуандуна. Однако исторически в районе Чаошань должно было существовать множество таких храмов, и в наши дни есть храм Бога Грома в Чаочжоу, который имеет ту же форму, что и храм Бога Грома в Лэйчжоу. Видно, что в прошлом поклонение Богу Грома было довольно популярным в районе Чаошань, но позже такая традиция пришла в упадок, и количество храмов также уменьшилось. Поклонение Богу Грома было также популярно среди народа ли на острове Хайнань.

3. Поклонение Богу дождя

Храм Фэншэнь (божества ветров) в Лэйчжоу. Предоставлено Музеем городского уезда Лэйчжоу

Храм Юйсянь в Дэнгане, уезд Цзэси. Предоставлено Управлением по делам культуры, телерадиовещания и печати городского округа Шаньтоу

Морские туманы очень сильны в прибрежных районах, и вдоль Южно-Китайского моря расположено множество дельтовых равнин и прибрежных равнинных плоскогорий, которые являются основными сельскохозяйственными районами. Равнина Чаошань также была одним из основных районов выращивания риса в провинциях Гуандун и Гуанси, поэтому сезоны дождей и региональное распределение имели большое значение для урожайности сельскохозяйственных культур. Поклонение Богу Дождя возникло из молитв древнего народа юэ о дожде. Дождь, гром и молния часто происходили одновременно, а в небе появлялись летающие драконы, поэтому боги дождя и поклонение драконам могут быть связаны друг с другом и попадать в категорию доисторического поклонения прибрежным

божествам. Конечно, в исторические времена поклонялись многим богам дождя, которые были связаны с сельскохозяйственными потребностями в дожде, например, феям дождя Чаошань, описанным ниже. Поклонение Богу Дождя в Южно-Китайском море можно увидеть в Чаошане, Гуанчжоу и на полуострове Лэйчжоубаньдао, вдоль всей береговой линии. Самый представительный храм Бога Дождя находится в поселке Дэнган, Цзеси, где бог известен как «Посланник ветра и дождя». Говорят, что фамилия этого необычного человека — Сунь, он родился на девятом году правления династии Сун (1173 год) и, как говорят, обладал способностью носить шляпу и вызывать дождь, после своего вознесения он был включен в класс бессмертных и ему поклонялись в храме. На местном уровне он также известен как «Бог дождя».

Дворец Цзинхай в Лэйчжоу, династия Мин. Фото: Сыту Шанцзи
Во дворце Саньюань в Гуанчжоу также есть бог дождя, который, как говорят, был приглашен из Чаошаня, чтобы стать «посланником дождя и ветра». Таким образом, Бог Дождя стал общим для населения на побережье Гуандуна. На полуострове

Лэйчжоубаньдао, где климат сухой и жаркий, а засухи угрожают существованию людей, богу дождя поклонялись с древних времен. Западное озеро в Лэйчжоу было древним местом, где чиновники и народ молились о дожде, а позже на озере был построен «Дворец Царя Дракона» для поклонения Лунван, Лун-му, Лун-ню, Лун-бину и другим водным божествам. Тот факт, что полуостров Лэйчжоубаньдао с трех сторон окаймлен морем, а бог грома, дождя и ветра (на севере района Лэйчжоу), и что все три бога неотделимы от моря, а также перекликаются друг с другом, и что им поклоняются, отражает тот факт, что сухая и жаркая среда полуострова Лэйчжоубаньдао имеет более острую потребность в дожде, чем другие районы, и что поклонение и почитание бога моря более частое, восторженное и грандиозное. Во Вьетнаме богу моря поклоняются как «Король Гуанлай», который на самом деле является храмом Царя Дракона Южно-Китайского моря, но был изменен на «Король Гуанлай» только во времена династии Ли. Ежегодно во второй день второго месяца отмечается праздник Лунтайтоу, весенний праздник дракона (второе число второго месяца по лунному календарю, когда дракон поднимает голову), и в этот день рыбаки двух побережий, особенно в заливе Бакбо, проводят торжественный ритуал, чтобы помолиться духу Царя драконов Южно-Китайского моря, и чтобы он благословил ветер и дождь, а людей — миром.

Глава IV

Первоначальная морская культура Южно-Китайского моря в доциньскую эпоху

В провинциях Гуандун и Гуанси под доциньским периодом понимается период от первобытно-общинного строя до объединения шести царств циньской империей. Этот период истории до того, как провинции Гуандун и Гуанси стала частью объединенной китайской империи, соответствует периоду от династий Ся, Шан и Чжоу до периода Сражающихся царств (прим. период китайской истории: 476/403–221 гг. до н. э.) на Центральной равнине, который длился

около 2 100 лет. В провинциях Гуандун и Гуанси, где сосуществовали неразвитые рабовладельческие и примитивные общества, уровень производительности труда был все еще очень низким, со смешением культур сбора природных биоресурсов, рыболовства, охоты и земледелия, а коренное население не только имело очень ограниченные знания о море и его эксплуатации, но и испытывало страх перед многими морскими явлениями и катастрофами, и продолжало поклоняться морским богам. В Южно-Китайском море, с другой стороны, углублялись и расширялись связи и распространение культуры на доисторической основе, и наступил новый этап в отношениях с окружающими территориями, особенно с северными Центральными равнинами. Хотя у коренного древнего народа юэ не было письменности, но культурное содержание, выраженное в бронзовых изделиях и исторических записях, составленных народом Центральных равнин о провинциях Гуандун и Гуанси и морях, показывают, что морская культура Южно-Китайского моря достигла определенного уровня адаптации к морской среде и начального освоения морских ресурсов.

Раздел 1. Морская деятельность древних народов региона Южно-Китайского моря, зафиксированная в древних циньских текстах, включая «Шань хай цзин»

Написанная в период Чуньцю (770–476/403 гг. до н.э.) и Сражающихся царств (476/403–221 гг. до н.э.), «Шань хай цзин» (прим. «Книга гор и морей» древнекитайский трактат, описывающий реальную и мифическую географию Китая и соседних земель и обитающих там созданий) является редкой энциклопедией по географии древних времен. Она основана на географии, но ее содержание очень широко, включая астрономию, календарь, метеорологию, флору и фауну, минералы, медицину, геологию, водное хозяйство, археологию, людей, народы, мифы, моря и океаны, историю науки и техники и т.д., а также множество красочных легенд и мифов. Но лишённые этих атрибутов, они представляют большую научную, литературную и художественную ценность и имеют огромное значение для прослеживания знаний и освоения человеком морей и океанов в древние времена.

Концепция Богов Четырех морей (обр. о Китае)

В древности Китай назвался Серединым государством, так как в сознании древних китайцев она находилась в центре мира, и ее

окружали необъятные морские просторы, также известные как Четыре моря.

Китайцы верили, что существуют боги, которые управляют судьбой морского сообщества. Морского бога, управляющего Южно-Китайским морем, звали «Шу», того, кто управлял Северным морем, звали «Ху», а властителя, управляющего средней землей, звали «Хуньдунь». Эти три бога разделили весь мир. Два морских бога, однако, являются мифическими фигурами, которые неопределенно перемещаются, но в конечном итоге они являются самыми примитивными и древними морскими богами в Китае и в Южно-Китайском море.

В «Шань хай цзине» описаны еще четыре морских бога. Все они изображены с человеческими лицами и птичьими телами, с двумя змеями, свисающими из ушей, и двумя змеями на ногах, но цвета змей разные: у богов Южного, Западного и Северного морей змеи свисают из ушей, а на ногах у них красные змеи; у богов Восточного моря на ушах и ногах желтые змеи. Что касается бога ветра, который часто встречается вместе с богом Южно-Китайского моря, то он должен быть связан с многочисленными тайфунами в Южно-Китайском море и отвечает за подъем и спад ветров в Южно-Китайском море. Это отражает тот факт, что племена юэ имели смутное представление о тайфунах, которые воздействовали на районы вокруг Южно-Китайского моря, и считали их доминирующей силой.

Раздел 2. Морская аграрная культура Южно-Китайского моря

В доциньскую эпоху небольшие царства в провинциях Гуандун и Гуанси находились в состоянии взаимной независимости друг от друга, и не обладали свойствами государства. Однако, к этому времени жители Центральной равнины уже многое знали о Южно-Китайском море, вместе с ними на юг отправлялись политические и экономические силы, и культурные обмены происходили один за другим. Концепция Южно-Китайского моря и морская деятельность древнего народа юэ также хорошо известны жителям Центральных равнин, они отражали определенные традиционные черты морской культуры Южно-Китайского моря в этот период.

1. Предметы (продукты) для принесения в дань Южно-Китайского моря

Ничто лучше не иллюстрирует зарождение морской сельскохозяйственной культуры в Южно-Китайском море в доциньский период, чем дань. В период Сражающихся царств в письмах упоминается использование морепродуктов, таких как жемчуг и панцирь черепахи, в качестве дани, что делает Южно-Китайское море основным источником предметов (продуктов) для принесения в дань. В эпоху династий Цинь и Хань обширная территория Южно-Китайского моря была объединена с центральной династией, и на острове Хайнань были созданы два уезда и 16 округов, из которых уезды Чуя, Цзыбэй и Даймао были названы в честь морепродуктов Южно-Китайского моря.

2. Производство соли из морской воды

Приготовление соли также имеет долгую историю на юге страны, поскольку Гуанчжоу в древности был известен как Паньюй, одно из значений которого — древнее слово из языка юэ, означающее «соляная деревня». В Гуанчжоу уже существовало примитивное производство соли в устье Жемчужной реки. Во времена династии Хань в Гаояо на реке Сицзян были созданы соляные ведомства, которые отвечали за перевозку соли, добытой в Южно-Китайском море, в различные места на севере провинций Гуандун и Гуанси.

Глава V

Развитие морской культуры в Южно-Китайском море в период династий Цинь, Хань, Южных и Северных династий (420–589 гг.)

Раздел 1. Морская деятельность человека и культурные обмены, отраженные в медных барабанах древнего народа юэ

Хотя в период династии Цинь и Хань в провинциях Гуандун и Гуанси были учреждены административные округа и уезды и установлено феодальное управление, клановая система рабства все еще была сильна, и немногие ханьцы уходили на юг, а древний народ юэ по-прежнему составляли большинство

жителей этих провинций. Древняя культура Юэ также была доминирующей культурой. Это отражено в сохранившихся медных барабанах народа Юэ, которые дают представление о морской деятельности в этот период.

Медный барабан древнего народа юэ

Древние люди юэ были искусны в литье медных барабанов, которым придавался высокий статус и всевозможная мистическая сила, и в сознании народности юэ они почитались как священные инструменты. Медные барабаны также использовались в качестве ударных инструментов и широко применялись во время общественных мероприятий. На северном побережье Южно-Китайского моря обнаружены медные барабаны различных форм и стилей, которые были изысканно изготовлены на полуострове Лэйчжоубаньдао, острове Хайнань, в дельте Жемчужной реки, долине реки Сицзян, Юньнани и Гуйчжоу. Согласно статистике, к 1986 году в музейных коллекциях по всему Китаю насчитывалось около 1500 медных барабанов, в том числе около 200 в Юньнани, 435 в Гуанси и 113 в Гуандуне, всего 548 барабанов в этих двух регионах, что составляет около 37% от общего количества сохранившихся древних медных барабанов по стране. [37]Поскольку народность юэ была морским племенем, его медные барабаны также связаны с морской культурой. Начиная с династии Цинь и продолжая через династию Хань до династий Суй и Тан, морская культура медных барабанов процветала, играя роль музыки времени в истории морской культуры в Южно-Китайском море.

Самый высокий медный барабан периода династии Хань в Китае, найденный в деревне Чжоухэн, Янцзян (городской округ в провинции Гуандун). Фото предоставлено Цзо Чжанцзе

Медный барабан типа Бэйлюй времен династии Хань, раскопанный в Лэйчжоу (в городском округе Чжаныцзян в провинции Гуандун). Предоставлен Музеем Чжаныцзяна

Бронзовые барабаны были символом власти, богатства и статуса древнего народа юэ, а также обладали силой магического оружия и использовались в самых разных случаях, в том числе на море. Орнаменты на бронзовых барабанах, такие как святые, узоры и орнаменты лодки, грома и водной волны, указывают на то, что древние люди юэ выходили в море ловить рыбу, сражаться в битвах, поклоняться богу грома и моря и имели неразрывную связь с морем. Например, нижняя часть корпуса барабана и его верхняя часть талии типа лэншуйчун,

раскопанного в Юэси (западный район провинции Гуандун), украшены святыми, гребущим на лодке. В 1976 году из гробницы эпохи Западной Хань в Луоповань, уезд Гуйсянь, провинция Гуанси, были извлечены два медных барабана, на которых был изображен мотив двухкорпусной лодки. Лодка имела две головные и хвостовые части и управлялся экипажем из шести человек.[38] Историки считают, что «эти двухкорпусные лодки были плавучими и устойчивыми, и использовались древним народом юэ для рыбалки или транспортировки в море. Их и сегодня можно увидеть в Южных морях»[39]. Эти орнаменты похожи на те, что изображены на внешней стороне бронзовой гробницы короля Наньюэ в Гуанчжоу, где изображен древний народ юэ в море. Так помимо внутренних регионов Китая в прибрежных районах северной части Южно-Китайского моря также существовало немало медных барабанов. Узоры и орнаменты на медных барабанах в полной мере демонстрируют морскую культуру древнего народа юэ на побережье.

Раздел 2. Открытие морского Шелкового пути во время династии Западная Хань

В древние времена Паньюй (Гуанчжоу) уже был центром распределения товаров Южно-Китайского моря, а в доциньской эпохе древний народ юэ уже начал морские перевозки и торговлю, в период династии Хань во время правления У-ди (156–87 до н. э., седьмой император династии Хань) в «Исторических записках» Сыма-цяня упоминаются 19 городов страны, и Паньюй был указан как одна из главных экономических центров, где торговали жемчугами, амбровым деревом, рогами носорога и панцирями черепахи. Эти предметы в основном производились в Южно-Китайском море и его окрестностях.

1. Морские каналы и гавани (бухты)

В начальные годы династии Хань в южной части провинций Гуандун и Гуанси развивалось судостроение и навыки мореплавания благодаря развитию Наньюэго (древнее царство 207–111 до н. э. на территории современного северного Вьетнама и китайских провинций Гуандун и Гуанси). Прежде чем династия Хань завоевала Наньюэ, император приказал построить много кораблей, что означало, что военно-морские силы двух сторон были равны, поэтому Наньюэго осмелилось сражаться с военно-морскими силами династии Хань. Позже, когда Паньюй был

завоеван династией Хань, сотни подданных Наньюэ бежали в море, и вполне возможно, что Наньюэ давно плавал в Южно-Китайском море. Однако считается, что официальное открытие Южно-Китайского моря, известного в Китае как «Морской шелковый путь», впервые упоминалось в «Ханьшу: Географические описания» (историческая хроника династии Хань с 260 г. до н. э. по 20 г. н. э.).

Это самая ранняя запись о китайском морском судне, плывущем через Малаккский пролив в Индийский океан через Южно-Китайское море. Однако названия стран, перечисленных в этом отрывке «Ханьшу: Географические описания» не были общепризнанными в научных кругах, за исключением порта отправления и места высадки. Однако, единым мнением было то, что это были страны и регионы вокруг Южно-Китайского моря, включая Суматру, Бирму, Индию, Шри-Ланку, Малайзию и др. Из-за своих небольших размеров и плохой ветроустойчивости суда не подходили для глубоководного плавания, поэтому флот Западной Хань мог плавать только вдоль побережья Тонкинского залива и побережья центральной части Южного полуострова. Далее они сошли на берег и пешком прошли через перешеек Кра (Тайланд) в центре Малайского полуострова, а затем двинулись в сторону вышеупомянутых районов. После династии Западная Хань этот морской шелковый путь через Южно-Китайское море распространился дальше и охватил все больше стран и регионов, включая путь из Гуанчжоу в современный Вьетнам и Камбоджу, из Гуанчжоу на Яву или Суматру в Индонезии, из Гуанчжоу в Индию и Шри-Ланку и из Гуанчжоу в Персидский залив в Римскую империю. Гуанчжоу был центром судоходства в Южно-Китайском море. В 1974 году во время археологического обследования архипелага Сиша сотрудники Гуандунского провинциального музея нашли такие артефакты, как шестиухие кувшины и керамические кольца с Северного рифа Сиша, предполагая, что эти маршруты могли проходить через архипелажное море островов Сиша.

Руины порта Сюйвэнь времен династии Хань. Фото Сыту Шанцзи

Индийское хлебное дерево, привезенное из-за границы. Фото Сыту Шанцзи

Три порта отправления этого морского маршрута во времена династии Хань являются вехами в истории морской культуры. Порт Хэпу находится на юге Гуанси, точное его местоположение не установлено, но определенно он находится в районе устья реки Наньлюцзян, так как название Хэпу означает слияние множества пляжей. Порт Хэпу связан с течениями рек с севера на юг, связывающими провинции Хунань и

Гуанси. Эти реки протекают через территорию царство Чу и Центральные равнины на севере, и на юг вниз через Тонкинский залив, во внутренние районы Южно-Китайского моря, в Юго-Восточную Азию и Индийский океан. Порт является узловым для китайских и иностранных морских перевозок и имеет незаменимое значение для морского культурного обмена. Рядом с портом Хэпу во времена династии Хань находился уезд Хэпу, региональный политический центр, где проживало значительное количество людей. В последние годы на территории 68 квадратных километров уездного города Лянчжоу было обнаружено около 10 000 ханьских могил, а в 800 раскопанных могилах было найдено около 10 000 ценных культурных реликвий, включая бронзовые изделия, глиняную утварь, изделия из яшмы и стекла и т.д. Большое количество украшений, таких как глазурь, янтарь, оникс и хрусталь, были идентифицированы экспертами как импортированные и происходящие из Индии, Африки и Европы, в соответствии с маршрутами, зафиксированными на морском Шелковом пути. Очевидно, что порт Хэпу был важной отправной точкой для морских перевозок во времена династий Цинь и Хань, а также портом отправления древнего морского Шелкового пути.

Сюйвэнь, расположенный на южной стороне Гуандуна, также был одним из портов, откуда начинался морской Шелковый путь во времена династии Хань. Во времена династии Хань уезд Сюйвэнь имел юрисдикцию над всем полуостровом Лэйчжоубаньдао, поэтому точное географическое расположение порта Сюйвэнь во времена династии Хань остается спорным вопросом. В последние годы, археологическими раскопками было установлено, что в деревне Эрцяо на юго-западе современного уезда Сюйвэнь находилась гавань в период династии Хань. Здесь есть три пирса, защищенные от ветра. В деревне Эрцяо рядом с Шивэйлинг раскопали «вечные круглые черепицы» (прим. замыкающая черепичный жёлоб: на ней делались узоры и надписи), местные условия, включая стройматериалы, отвечали требованиям учреждения властных структур и строительства порта. На месте порта Сюйвэнь была создана туристическая зона, названная «Дахань Саньдунь», которая привлекала большое количество туристов. Однако скептики утверждают, что рядом с Саньдуном нет большой реки, что затрудняет соединение морского и наземного транспорта, и что место порта должно быть расположено в другом месте. Было высказано предположение, что на обширной территории, подведомственной уезду Сювэнь, существовало более одного порта, и что современный город Лэйчжоу, расположенный недалеко от реки Нанду, крупнейший на полуострове Лэйчжоу,

также подтверждается раскопанными артефактами времен династии Хань, и мог быть местом расположения порта Сювэнь.[40] Этот вопрос подлежит дальнейшему изучению путем археологических раскопок.

Порт Хюэ находился на территории современного Вьетнама. Считается, что он был отправной точкой заграничного путешествия империи Хань, поэтому это место обладало функциями налогообложения и таможни. Флот Западной Хань прибывал сюда для пополнения запасов и грузов, а торговые суда из стран Юго-Восточной Азии приплывали сюда, чтобы временно стоять на якоре, загрузить и выгрузить товары и дожждаться северного ветра, так что это был один из отправных портов морского Шелкового пути.

После открытия морского Шелкового пути при династии Западная Хань, этот путь непрерывно развивался в эпоху Троецарствия и династии Восточная Хань. В период династии Восточная Хань южная часть провинций Гуандун и Гуанси открылась для европейского морского сообщения, а Бирма стала транзитным пунктом. В 131 году во время правления императора Восточной Хань Шунь-ди (115–144 г., седьмой император династии Восточная Хань) Евэй (ныне Индонезия) отправил своего посланника в Китай, чтобы поднести дани императору Китая. А в девятом году правления императора Хань-хуаньди (166 год) в исторической записи зафиксирован первый прямой контакт между Римской империей и Китаем. После прерывания сухопутного Шелкового пути через западные регионы во времена династии Восточная Хань, морской Шелковый путь в Южно-Китайском море стал более оживленным, превратившись в основной морской маршрут между Востоком и Западом.

По мере изменения политической ситуации в Китае, в 226 году Цзяочжоу был разделен на новый политический округ и был основан город Гуанчжоу, т.е. Цзяочжоу-Гуанси был разделен, а Паньюй был официально переименован в Гуанчжоу, что значительно повысило его политический и экономический статус. В период династии Восточная Цзинь (317–420 гг.) Гуанчжоу стал портом отправления на морском Шелковом пути, и здесь процветало морское сообщение и торговля. С тех пор Гуанчжоу стал крупнейшим морским и речным портовым городом в регионе Южно-Китайского моря.

Персидские серебряные монеты эпохи Южных династий, найденные в уезде Суйси (в городском округе Чжэньцзян в провинции Гуандун). Предоставлены Музеем уезда Суйси

После открытия морского Шелкового пути в начале правления династии Хань на побережье Южно-Китайского моря возникли порты и города, в том числе Лунцзянь, Симянь и Йинлоу (оба в районе Ханоя, Вьетнам) в устье Красной реки на берегу Тонкинского залива, которые также были экономическими центрами империи Хань и центрами внешней торговли.

Во времена династии Хань существовало два пути: первый путь проходил через Западный край (прим. принятое в китайских исторических хрониках наименование регионов, расположенных западнее заставы Юймэньгуань; Центральная Азия), а второй — через Южное море. Путь через Южное море, возможно, предшествовала пути через Западный край. Во втором веке проход к Южно-Китайскому морю в Цзяочжоу также был необходимым маршрутом для распространения буддизма. В конце второго века, во время Восстания Желтых повязок (прим. народное восстание в Китае, которое привело к дестабилизации положения в стране и послужило одной из причин падения ханьской династии), Цзяочжи (прим. бывшая южная окраина империи, на юге нынешних пров. Гуандун и Гуанси и севере Вьетнама) был единственным местом, где укрывались китайские ученые, а их было немало. Исследователи считают, что со времен династии Хань правители придавали большое значение управлению Цзяочжи, при этом ревизор округа Цзяочжоу располагался в Лунбяне, что делало его политическим и экономическим центром региона Цзяогуань. Очевидно, что порт Лунбань занимал видное место в торговле Южно-Китайского моря и был одним из центральных городов

династии Хань, где встречалась и распространялась морская культура Южно-Китайского моря. Вдоль побережья Гуандуна также появилось множество портов. Например, порт Янцзян в устье реки Моян был частью уезда Гаолян со времен династии Хань, а во времена династии Восточная Цзинь и Южной династии превратился в рынок труда. Порт Янцзян был расположен в центре маршрута от Гуанчжоу до порта Сюин на полуострове Лэйчжоу, вверх по реке Моян, реке Синьцзян, реке Сицзян и коридору Сянгуй, поэтому внутреннее и внешнее сообщение было очень удобным, и он смог стать транзитным портом для Морского шелкового пути. В 1984 году в деревне Бяньвань уезда Суйси на восточном побережье залива Бэйбу были обнаружены персидская серебряная чаша, золотой кубок куй, золотое кольцо, серебряное кольцо, серебряная шкатулка, серебряный браслет, золотое кольцо и серебряные украшения времен Южной династии, что свидетельствует о том, что Суйси также был морским портом.

Царство У (одно из трех царств Эпохи Троецарствия) уделяло особое внимание морскому транспорту. По мере развития судостроения и навигационных технологий, судоходство в Южно-Китайском море из Гуанчжоу могло напрямую проходить через восточные воды острова Хайнань, через архипелаг Сиша в страны Юго-Восточной Азии, и не следовали вдоль береговой линии, как раньше. Так был определен статус города Гуанчжоу как транспортного узла Южно-Китайского моря. В 1974 году во время археологического обследования архипелага Сиша Музей провинции Гуандун собрал на северном рифе архипелага Сиша шестиушные кувшины и керамические кольца времен Южной династии, что свидетельствует о том, что некоторые корабли могли проходить через воды архипелага Сиша. Открытие маршрута Сиша значительно сократило путь из Гуанчжоу в Юго-Восточную Азию и непосредственно привело к упадку портов Хэпу и Сюйвэнь. Это, конечно, был исторический процесс, который привел к открытию дороги Даюйлинь на востоке Южного хребта при династии Тан, ослаблению канала Линь и смещению центра тяжести Южного хребта на восток, что стало концом процветания портов Хэпу и Сюйвэнь.

2. Первый крупный обмен китайской и иностранной морскими культурами

Развитие морского Шелкового пути привело к первому крупному культурному обмену между Китаем и странами и регионами, окружающими Южно-Китайское море. Он включал новые сорта сельскохозяйственных культур, оружие и религию, и оказал

глубокое влияние на сельскохозяйственное землепользование, ремесла, идеологию и религиозные верования Китая. Такой обмен продолжается и по сей день.

От периода Троецарствия до эпохи Южных династий представители 15 стран и регионов прибывали в Китай по морю, чтобы заниматься даннической торговлей. Новые сорта культур, привезенные в Китай из Южно-Китайского моря, включали хлопок[41], хлебное дерево, помело, локва, личжи, финиковую пальму, инжир, джекфрут и жасмин, из которых провинция Гуандун и Гуанси превратился в знаменитую фруктовую страну. Хлопок, в частности, был завезен на Хайнань из Индии и вскоре размножился и вырос на острове, получив широкое распространение в Фуцзянь и Гуанси во времена династий Тан и Сун, во времена династии Юань он быстро распространился в долине реки Янцзы, сделав остров Хайнань базой для распространения хлопка на север, а во времена династии Мин он еще больше распространился в долине Желтой реки, став основным материалом для одежды китайцев. Считается, что джекфрут был завезен в Гуанчжоу Даси Сыконгом (прим. был уроженцем королевства Поло (древнего индийского вассального государства) во времена династий Суй и Тан, и, как говорят, посадил два дерева джекфрута перед воротами храма после того, как отдал дань уважения Богу Южного моря) во времена династии Лян и посажен в храме Южно-Китайского моря, а позже широко разросся к югу от тропика Рака в Линьнани, где он известен своими крупными плодами и ароматным запахом. Храм был построен при династии Суй, поэтому большинство людей считают, что он был посажен при династии Тан, о чем будет рассказано позже. На юге страны жасмин и цветы жасмина были широко распространены. Во времена династии Южная Хань придворные прислужницы украшали свои волосы цветами гвоздики. Таким образом, со времен династии Цзинь Гуанчжоу известен как Город цветов, в этом отношении нельзя было недооценивать заслуги заморских цветов.

Крупноцветные жасмины всегда были любимыми цветами жителей районов Южно-Китайского моря, их сажали в цветущих районах и садах, а также они были самыми востребованными видами на цветочных рынках в Гуанчжоу и других местах.

Со времен династий Цинь и Хань морская торговля в Южно-Китайском море также является носителем культуры. Множество янтарных бус, агатовых бусин, хрустальных шаров и глазурированных бусин было найдено в ханьских гробницах в портах Хэпу и Сюэнь, и все они были импортными товарами. Ханьское правительство установило в этих портах ворота для импорта и

экспорта, и они стали важными портами и центрами культурного обмена между Китаем и заграницей.

Этот великий культурный обмен на море оказал огромное влияние на китайскую культуру, в первую очередь на распространение буддизма, и провинции Гуандун и Гуанси были первыми районами, куда буддизм пришел в Китай. Согласно археологическим открытиям со времен основания Нового Китая в Гуандуне, Чжэцзяне и Фуцзяне, найдены деревянные или керамические погребальная статуэтки, также известные как гончарные монахи, с высокими носами и глубокими глазами, выдающимися скулами, бородами, обнаженные или полуобнаженные, сидящие на корточках, держащие чашу на голове или чашу в руках, которые на первый взгляд можно принять за южных или западных азиатов, которых антропологи обозначили как индийский средиземноморский тип европеоидной расы. Большинство китайских и зарубежных ученых считают, что это были монахи из западной Азии, которые прибыли на восток на судах. На заре расцвета буддизма не было ни буддийских канонов, ни статуй, ни пагод, ни храмов, поэтому эти монахи были первыми буддистами, приплывшими в провинции Гуандун и Гуанси, и они согласуются с историческими фактами морского движения по Шелковому пути из Хэпу.[42]

Гончарные статуэтки лампы династии Западная Хань, раскопанная в Гуанчжоу Предоставлено Народным политическим консультативным советом города Гуанчжоу

Дхарма, Дамо (Бодхидхарма, основатель чань-буддизма) в Гуанчжоу «Монастырь «Силай Чуди» Предоставлено Музеем города Гуанчжоу

В начале правления императора Лян-уди (464–549 гг., основатель и император китайского государства Лян в 502–549 гг.) буддийский монах Чжи-яо впервые приехал в Гуанчжоу из Индии, а затем поднялся к водному устью Цао Си в реке Цюйцзян. Там он построил храм Баолин, который сейчас известен как храм Наньхуа. В середине правления императора Лян-уди, Дхарма, основатель дзен-буддизма, прибыл в Гуанчжоу по морю и построил храм Силай. Место высадки называлось «Силай Чуди». С тех пор этот храм стал известным памятником культуры и сохранился до наших дней. В первый год правления Датун династии Лян (535 год) на горе Лофушань (гора на юге Китая, священная для даосов) был введен буддизм и построен храм Наньлоу, после чего

на горе были построены монастыри, ставшие одним из мест зарождения буддизма в провинциях Гуандун и Гуанси. В период шести династий (220–589 г., между династиями Хань и Тан) буддизм процветал, и в Гуандуне было построено 87 монастырей разного размера, в том числе 19 в Гуанчжоу, 11 в уезде Шисин (городского округа Шаогуань провинции Гуандун) и 4 на горе Лофушань. Хотя это и был первый случай, когда буддизм был представлен в провинциях Гуандун и Гуанси, но это был первый шаг в обогащении культурных коннотаций этих мест и расширении культурных горизонтов людей. В дополнение к памятникам, мифам и легендам, оставленным после себя, в материальном искусстве и ремеслах появились новые темы. Фарфоровые изделия, найденные в гробницах Гуандуна во времена Южной династии, стали украшать различными мотивами лотоса, которые отличались от традиционного китайского стиля. Буддизм уже проник в светское общество и имел определенное количество последователей. Однако в этот период буддизм в основном переводился на китайские письмена, а индийский буддизм, в частности, был впервые завезен морем в Гуансинь, столицу Цзяочжоу (ныне Фэнхай и Учжоу в Гуанси-Чжуанский автономный район), которая стала культурным центром провинций Гуандун и Гуанси. Многие буддийские каноны были переведены с санскрита на китайский, сначала они появились в Гуандуне и Гуанси, а затем распространились на север Центральных равнин. В период Шести династий многие другие известные монахи приезжали в Гуанчжоу и переводили священные писания. Так Гуанчжоу стал центром перевода буддийских писаний в Китае. Богатство буддийской философии, литературы, искусства, живописи и архитектуры, содержащееся в этих буддийских текстах, также распространялось в письменной и языковой форме среди светского мира, проникая в различные области и внося положительный вклад в развитие материальной и духовной культуры.

Культурный обмен — это движение в двух противоположных направлениях. Китайская культура также распространилась в Юго-Восточную Азию и Индийский океан через Шелковый путь в Южно-Китайском море. Шелк обладает богатым культурным содержанием и пользуется благосклонностью зарубежных стран.

Культурные реликвии династии Хань, сохранившиеся сегодня в ряде стран и регионов Юго-Восточной Азии, свидетельствуют об истории дружественных связей и культурного взаимодействия между китайским народом и жителями этих стран и регионов более 2000 лет назад. По словам исследователя Ян Хао из

Гуандунского музея, посетившего Индонезию, в музеях таких городов, как Сурабая, Семаронг и Бали, выставлено множество китайской керамики и медных барабанов разных династических периодов. Это говорит о том, что китайцы, особенно с юга страны, возможно, мигрировали в Индонезию во времена династии Хань[43] или, занимаясь коммерческой деятельностью, распространяли китайскую культуру за границей и оставили свои следы в этом регионе.

Глава VI

Расцвет морской культуры в Южно-Китайском море во времена династий Суй, Тан и Южной Хань

Возрождение единого феодального государства в период правления династий Суй и Тан заложило прочную политическую основу для управления Южно-Китайским морем и культурного обмена с внешним миром. К тому же этот период национального процветания привлек соседние страны в Китай через Южно-Китайское море, и в результате коммерческая торговля, судоходство, религиозные, политические и дипломатические обмены обогатили и усилили морскую культурную коннотацию. Морская духовная культура этого периода также приобрела новые культурные элементы и расцвела в эпоху пяти династий Южной Хань, что сделало морскую культуру Южно-Китайского моря в этот период беспрецедентно процветающей, с отличительными проявлениями во всех областях и регионах морской культуры, намного превосходящей культуру предыдущих эпох.

Раздел 1. Установление суверенного управления и администрации китайского правительства в регионах Южно-Китайского моря

Административный район — это система региональной организации государственного административного управления, форма пространственной организации для осуществления территориального управления. Территориальный суверенитет страны определяется ее включенностью в политическую систему, будь то на суше или на море. С точки зрения институциональной культуры, административное устройство также является системой территориального деления и управления, что одинаково важно, как для материка, так и для моря.

Основание района Линьхай (городской уезд городского округа Тайчжоу провинции Чжэцзян) в период правления династий Суй и Тан

С приходом власти династии Суй завершилось раздробленное состояние Китая, когда страна была разделена на север и юг. Вся страна была заново воссоединена, а административная структура была значительно скорректирована: на территории современного Гуандуна было образовано 12 округов и 72 уезда, что примерно вдвое меньше, чем при предыдущей династии. В северном прибрежном районе Южно-Китайского моря было учреждено 11 кругов и около 25 уездов. А создание 3 кругов 10 уездов на острове Хайнань стало особенно важным событием. В период династии Западная Хань на острове были созданы первые уезды, однако, менее чем через столетие они были упразднены и остров Хайнань находился в состоянии национальной автономии. Оно не способствовало юрисдикции острова Хайнань и прилегающих акваторий. В начале правления династии Суй административное управление было восстановлено, что заложило основу для административного управления островом Хайнань и сыграло большую роль в политическом, экономическом, культурном и морском развитии острова и близлежащих морских районов.

Хотя династия Тан во многом унаследовала систему Суй, но в ней были и некоторые новшества: создание провинций над округами или уездами, первоначально с целью надзора, но позже превратившихся в административные районы первого уровня. А в некоторых важных местах были учреждены губернаторства. Историки отмечают, что в поздние годы правления династии Суй округи находились в противостоянии друг другу, и только к подъему власти Тан начали сдаваться один за другим центральной власти. Ли-юань, первый танский император, создал округа и уезды для своих территорий и использовал лидеров меньшинств в качестве наследственных губернаторов. В этот список были включены приграничные районы Хайнань

и Гуанси. Таким образом, в 741 году в прибрежных районах Гуандуна было создано 12 округов и 48 уездов, на острове Хайнань — 5 округов и 22 уезда, а в районе залива Бэйбувань в Гуанси — 4 округа и 12 уездов. В северном прибрежном районе Южно-Китайского моря насчитывалось в общей сложности 21 окружный район и 82 уезда, наиболее важными региональными представительствами центральной власти были в Гуанчжоу и Ячжоу (на территории современного Цюньшань). С точки зрения сферы полномочья такие представительства власти функционировали над округами и уездами, и таким образом, укрепили общее административное управление дельтой Жемчужной реки, островом Хайнань и прилегающими к ним морскими акваториями.

Самым значимым для Южно-Китайского моря было образование административных регионов первого уровня в виде провинций. В первом году правления императора Тайцзуна (627 год) вся страна была разделена на 10 провинций, а в южной части были образованы провинции Гуандун и Гуанси со столицей в Гуанчжоу. Эти провинции охватывали современные районы Гуандун, Хайнань и северо-восточный Вьетнам. Во времена династии Тан границы империи достигали вод у восточного побережья на территории современного Вьетнама. Территория под управлением провинции Линнань (пров. Гуандун и Гуанси) была обширной, она охватывала множество островов, включая, острова Южно-Китайского моря. Кроме того, с развитием дальнего плавания со времен династии Хань, накоплением знаний в области морской географии и обогащением концепции ориентации, понятие «Южно-Китайское море» постепенно превратилось в обозначение исключительно моря к югу от Китая, а также Юго-Восточной Азии и Индийского океана, и сфера его применения была расширена. В период правления династии Тан из понятия «Южно-Китайского моря», которое относилось исключительно к северной части Индийского океана, было разработано новое понятие «Юго-Западное море». Оно было более точным, чем понятие «Южно-Китайское море», и впоследствии использовалось династиями Сун, Юань и Мин для обозначения морей Северного Индийского океана. Это нашло отражение и подтверждение в открытии «морского прохода Гуанчжоу» в период правления династии Тан, что свидетельствует о значительном расширении морского культурного видения танского народа. Однако, с точки зрения административного устройства, политическое и военное присутствие власти Тан на островах Южно-Китайского моря эффективно поддерживали безопасность морского судоходства и обеспечивали надежную гарантию для экономического

и культурного обмена между соседними странами, именно поэтому при династии Тан был открыт «морской проход Гуанчжоу», как описано ниже.

Раздел 2. Открытие «Морского прохода Гуанчжоу» и возвышение статуса Гуанчжоу как мирового порта

Расцвет китайского феодального общества пришелся во времена династии Тан, в основном на севере, на центральных равнинах. А на юге страны, вдали от политического центра, морская цивилизация Южно-Китайского моря в этот период привела к высокому уровню развития морской экономики и культуры, ядром которой был город Гуанчжоу. Морская экономика и культура города, в центре которой находился Гуанчжоу, стала отличительной чертой морской культурной истории Китая, что, в свою очередь, было бы невозможно без расцвета морского Шелкового пути в Южно-Китайском море и превращения Гуанчжоу в мировой порт.

1. Открытие «Морского прохода Гуанчжоу»

Танская империя, обладавшая невиданной и неслыханной мощью, со здравым умом и широким сердцем открыла свои двери для заморских стран и с этой целью открыла океанский маршрут по Шелковому пути между Азией, Африкой и Европой, который танцы называли «морским проходом Гуанчжоу». Стартуя из Гуанчжоу, маршрут следует традиционным морским путем через Южно-Китайское море, Малаккский пролив, в Индийский океан, Персидский залив и, в стране Уссури, Оманский залив, Аденский залив и побережье Восточной Африки, если плыть вдоль западного побережья Персидского залива, после выхода из Ормузского пролива. Путешествие проходило через более чем девяносто стран и регионов, это был самый длинный океанский маршрут в мире в VIII и IX веках и самый важный морской путь династии Тан, охватывавший в общей сложности 14 000 км (сокращенный до 10 300 км в современное время).

В некоторых арабских географических трудах IX века также зафиксировано путешествие из Персидского залива в Гуанчжоу, которое заняло в общей сложности восемьдесят семь дней, примерно столько же, сколько и «морской проход Гуанчжоу». К востоку от Персидского залива и к западу от Малаккского пролива два маршрута с востока на запад идентичны. Разница

заключается в том, что после пересечения проливов восточный маршрут не идет на север к побережью Вьетнама, а продолжается на восток через Яванское море и море Сулавеси к Филиппинским островам, после чего поворачивает на запад к водам Вьетнама и направляется в Гуанчжоу. Это показывает, что династия Тан не только добилась больших успехов в морском транспорте в Персидском заливе и Индийском океане, но и сделала новые открытия в странах Южно-Китайского моря, и острова, расположенные в его акваториях в основном были включены в круг морской торговли между Востоком и Западом.

За последние сто лет филиппинские археологи нашли множество керамических изделий и монет династии Тан на островах Батанес, Бабуян, Илоко, Пангасинан, Синьи Шися, Пампанга, Санта-Ана, Ризал, Неху, Миндоро, Себу, Пауджа, Калаян Сулу и острове Хуалак. Очевидно, они были привезены купцами из разных стран, что доказывает существование вышеупомянутых маршрутов и возможность прямого пути из Гуанчжоу на острова. [44]

Кроме того, маршрут между Южно-Китайским морем и Индийским океаном также зафиксирован в труде арабского купца Сулаймана «Записи об Индии в Китае» и в труде китайского монаха Ицзина «Жизнеописание Высоких наставников (памятник буддийской исторической литературы конца V — начала VI вв.) в западных краях Великой династии Тан», которые, возможно, не совпадали с начальным портом «морского пути Гуанчжоу», но оба проходят через Южно-Китайское море. Многие порты в районе провинций Гуандун и Гуанси торговали со странами Южно-Китайского моря или Индийского океана, Китай экспортировал шелк и керамику, поэтому Шелковый путь Южно-Китайского моря был также известен как «Керамический путь Южно-Китайского моря», а иностранные корабли привозили такие товары, как жемчуг, ароматические вещества, слоновую кость, рог носорога и панцири черепах, поэтому этот транспортный и торговый маршрут был также известен как «Путь пряностей Южно-Китайского моря». Независимо от названия, одним из главных результатов движения и торговли по Южно-Китайскому морю стал культурный обмен между Китаем и иностранными государствами и его культурные последствия, ознаменовавшие наступление периода расцвета морской культуры в Южно-Китайском море.[45]

2. Рост Гуанчжоу как крупного мирового морского порта

Гуанчжоу — город, где сливаются реки Бэйцзян, Дунцзян, Сицзян и дельта Жемчужной реки и где река и море сливаются в одно целое, был начальной и конечной точкой «морского пути Гуанчжоу», обширной внутренней территории суши и моря. Это был морской портовый город мирового значения и город-центр морской культуры. Для него династия Тан была золотым веком его расцвета.

Гуанчжоу был крупным торговым портом мира, и купцы со всего мира приезжали сюда, чтобы вести торговлю. В первые годы правления императора Тайцзуна более 20 стран и регионов имели дипломатические отношения с династией Тан, а в период правления императоров Сюаньцзуна Кайюаня и Тяньбао (713–755 гг.) их число возросло до более чем 70, причем большинство из них проходило через Гуанчжоу. По словам Чжана Синьняна, эксперта по истории китайских и западных перевозок, во времена династии Тан в Гуанчжоу ежедневно прибывало около 11 судов, а в год — около 4 000 судов. Если бы каждый корабль перевозил 200 пассажиров, то среднее количество людей, высаживающихся в Гуанчжоу, составило бы 2 200 человек в день, или 800 000 человек в год.[46] Это были приезжие из таких стран, как Арабский халифат, Персия, Индия, Шри-Ланка, Чэньла (кхмерское средневековое государство) и Алин. Можно предположить, что заморская торговля Гуанчжоу процветала. В произведениях таких литераторов, как Ду-фу, Хань-юй, Ван-бо и Лю-юйси периода династии Тан, показано процветание, которое принесло городу Гуанчжоу судоходство по Южно-Китайскому морю.

Поскольку во времена династии Тан китайские товары отправлялись за границу через Гуанчжоу, все больше и больше людей оставалось за границей, и поэтому по сей день жители южного Китая и даже Европы и США часто называют китайцев «танский народ», Китай «Таншань», а место, где собираются китайцы за границей, называют «Чайна-таун».

В период Пяти династий и Десяти царств нынешние провинции Гуандун и Гуанси находились под властью династии Южная Хань с фамилией Лю (одно из десяти царств в эпоху пяти династий, 90–971 гг.) и были относительно стабильными и экономически развитыми. Одной из причин процветания династии Южная Хань было то значение, которое она придавала морской торговле. Она поощрялась посредством ряда политических мер, таких как свободная торговля и открытие хороших портов. Торговля в Южно-Китайском море приносила большие доходы, и политическая власть династии Южной Хань утопало в роскоши. Было построено большое количество дворцов и резиденций в

Гуанчжоу с использованием импортных материалов, во многом награбленные силой у морских купцов. Вот почему морская торговля в Южно-Китайском море в период правления династии Южная Хань железом и кровью вписана в историю торговли в Южно-Китайском море, крупнейшим портом которого по-прежнему оставался Гуанчжоу. Это подтвердила недавняя надводная подводная археология. В 1990-х годах в городе Фучжоу, провинция Фуцзянь, была обнаружена гробница Лю-хуа, второй дочери Гао-цзу (256–195 до н. э., первый император династии Хань) династии Южная Хань, в которой были найдены стеклянные бутылки павлиньего цвета из Аравийского региона, свидетельствующие о заморской торговле династии Южная Хань.[47] В 2004 году на месте строительства студгородка Университета Гуанчжоу была раскопана гробница императоров Лю-иня и Лю-лина, в которых были найдены стеклянные бусы из западной Азии. В 1997 году немецкие и индонезийские геологоразведочные компании обнаружили на нефтяных месторождениях Индо-Тихого океана в 150 км к северу от столицы Джакарты затонувший корабль из Юго-Восточной Азии, содержащий большое количество китайской керамики, серебряных слитков и монет времен Южной Хань, большая часть содержимого которых датируется 920–960 годами нашей эры. Считается, что это было торговое судно, возвращавшееся с торговли в Гуанчжоу, возможно, даже официальное судно, перевозившее посланников, и оно богато реликвиями, которые редко встречаются в азиатской подводной археологии. На одном из серебряных слитков есть надпись «Гуйянцзянь».[48] «Гуйян» и есть нынешний район Ляньчжоу в Гуандуне. Эта территория входила в состав империи Южная Хань. Это говорит о том, что торговая связь между портом Гуанчжоу и Юго-Восточной Азией процветала в период Южная Хань.

Раздел 3. Обмен и распространение морской культуры между Китаем и зарубежными странами

Расцвет морского Шелкового пути, отмеченный «морским проходом Гуанчжоу», поместил страны и регионы, окружающие Южно-Китайское море, в новую открытую систему, так начался новый виток морского культурного обмена, в ходе которого важное место занимала династия Тан и ее регион Линнань в особенности. Период расцвета морской культуры в Южно-Китайском море был отмечен приходом ислама, созданием

Хуэйнан (патриарх китайского чань-буддизма 638–713 гг.) южной школы и буддийских храмов, вторым приходом новых культур, подъемом культа богов Южного моря, подъемом поэзии в Южно-Китайском море и инновациями соответствующих морских институтов.

1. Проникновение исламской культуры через море в провинцию Гуандун и Гуанси

Ислам пришел в Китай по суше и по морю. Морской путь пролегает от Персидского залива через Индийский океан и вокруг Малайского полуострова до Гуанчжоу. Самым ранним свидетельством об этом является то, что на седьмом году правления императора династии Суй Кайхуана (587 год) Вагысы прибыл в Гуанчжоу во время плавания из Арабского халифата и построил там монастырь, дав ему название «Хуайшэн».[49] С тех пор на юге страны стала распространяться культура ислама.

Во времена династии Тан в провинции Гуандун и Гуанси активизировалась заморская торговля и культурный обмен, и число арабов и персов, проживавших в городе, значительно увеличилось. Говорят, что, когда повстанческие войска Хуан Чао завоевали Гуанчжоу, было убито до 120 000 верующих арабов. Их поселения в Гуанчжоу назывались «кварталы расселения иностранцев». Во времена династии Тан люди были в основном буддистами, поэтому исламская культура была принята в основном арабами на юге страны. Кроме того, Танское правительство установило, что «китайцам не разрешалось общаться с иностранцами, вести с ними бизнес, вступать в брачные отношения, иметь связь»[50], что помогло сохранить исламские обычаи и культуру, и эти кварталы стали изолированным островком в культурном ландшафте Гуанчжоу. Там были построены храмы и минареты, и там жило много персов, которые дополнили уникальный культурный ландшафт Гуанчжоу. Они жили в переулке Пунинг, который был известен как переулок Пуйи, на восточной стороне минарета. Так например, богатый купец по имени Синья Торо, живший в Гуанчжоу много лет, в период Синин (1068–1077 гг., девиз правления сунского императора Шэнь-цзуна) пожертвовал большие средства для градостроительства, этим он внес свой вклад в культурное строительство Гуанчжоу. Считается, что он занимал должность главы начальника этих кварталов в Гуанчжоу, а указ о его назначении был составлен Су-дунпо. Согласно книге Юэ-кэ «История Чэн», на улице Дэнта, где жили купцы с фамилией Пу, стояли великолепные здания высотой в сто футов, с прудами и причудливыми павильонами и беседками

в заднем дворе. Все строительные объекты были окутаны ухоженными деревьями и цветами. Минарет была похожа на серебряную кисть и настолько высока и внушительна, что иностранные предприниматели часто поднимались на нее, чтобы помолиться о ветре. Жители с фамилией Пу были очень богаты и любили жарить целых ягнят для своих гостей. В районе побережья Хайнань, от Линшуя до Санья, есть сотни исламистских коралловых захоронений периода династий Тан и Сун. По сравнению с исламской культурой в Гуанчжоу, здешний культурный подтекст немного раньше и скромнее. Это период интенсивной исламской деятельности на Хайнане, который совпадает с миграцией мусульман из Тямпы (Чампа) — (древнее государство на юге Вьетнама) на побережье Хайнаня, зафиксированной в документах Сун.[51] Тан-цзяньчжэнь со своей группой возвращается на материк с Хайнаня, он встретился с местным вождем Фэн-жуофангом в Ваньяньчжоу, где жила его рабыня, считавшаяся персидской деревней рабов. Согласно «Императорской энциклопедии эпохи Тайпин» Ли-фана, Чэнь-Ужэнь, влиятельный человек в Чжэньчжоу, также нажил свое состояние, грабя персидские торговые суда.[52] К северо-востоку от города Ваньянь, построенного при династии Сун, находится храм Хозяина лодок Ду-гана, в народе этот храм называют Храмом предков. Во время ритуала жертвоприношения использование свинины строго запрещено. Этот храм свидетельствует о корнях исламской архитектуры и культуры на острове Хайнань.

Храм Хуайшэн в Гуанчжоу (династия Тан). Фото: Чэнь Сюй

Ислам — это мировая религия, которая изначально была представлена в провинции Гуандун и Гуанси. Как и другие культуры иностранного происхождения, он вырос на плодородной почве на юге страны, сформировав свой собственный культурный ландшафт и став одной из различных религиозных культур. Исламская архитектурная культура, от Корана до отдельного здания, имеет свою собственную хорошо разработанную лексику и знаковую систему, а отдельное здание органично интегрировано в урбаническую структуру. Мечеть Хуайшэн в Гуанчжоу и минарет являются шедеврами и примерами такого сочетания. Считается, что мечеть Хуайшэн был построен в первом году правления императора Тайцзуна (627 г.) и является самым ранним исламским учреждением в Китае. Она состоит из большого молебного зала, башни для наблюдения за луной, павильона и крытой галереей с востока на запад, которые вместе с пагодой образуют большой комплекс. Форма главного зала напоминает юрту, выполненный в западном стиле, а его крыша такая же, как у Дома наблюдения за луной, с тяжелым карнизом, шатровая, в той же форме, что и южные здания из сухого бруса в Китае. Это указывает на то, что они были построены с учетом географических особенностей юга Китая. Башня минарета, построенная в тот же период, имеет высоту 36,3 метра, это цилиндрическая кирпичная башня, большая внизу и маленькая сверху, гладкая, без окон, кирпично-серого цвета, отсюда и название минарета. Кроме того, когда верующие находятся на вершине башни, они кричат «Бангка», название происходит от того, что слово «банга» похоже на слово «свет». Вершину башни раньше украшал золотой петух для измерения направления ветра и для навигации. Во времена династии Тан территория, на которой был расположен минарет, была огромным океаном, он был построен из раковин жемчужин и моллюсков, смешанных с клейким рисом, что стало большим вкладом в китайскую архитектурную культуру. Башня не имеет громоотводов и пережила стихию на протяжении тысяч лет. Эксперты считают, что поскольку она была построена на водоеме, то была защищена от ударов молнии. Архитектурный и культурный ландшафт мечети Хуайшэн и минарета не только дополнили архитектурную культуру Гуанчжоу, но и сыграли

важную роль в культурном обмене между Востоком и Западом, поскольку это был конец арабского восточного пути и начало восточного распространения ислама, а также китайского морского Шелкового пути. Как маяк на Морском шелковом пути в Гуанчжоу, пагода Хуайшэн заслуживает высокой оценки.

Древняя гробница мудрецов, Гуанчжоу. Фото: Чэнь Сюй

Религия Ислам серьезно относится к искусству, и на мечетях и гробницах по всему региону сохранилось много арабской резьбы, они варьируются от религиозных стихов и молитв до исторических и хронологических ссылок; от надписей на камне или надгробных записей до деревянных резных дощечек и двустежков; от арабской традиции до китайских каллиграфических форм. Надгробия на исламских комплексах гробниц на побережье от Линьшуй до Сяньи, Хайнань, исписаны арабскими текстами и рисунками. На них изображены яркая луна и облака, с флангов которых летят птицы, которые, по-видимому, являются мифическими персидскими хищными птицами. Текст также содержит фрагменты Корана. Владелец гробницы похоронен с согнутыми коленями в сторону запада, чтобы смотреть на райское место на западе. Археологи пришли к выводу, что это надпись династии Тан и, вероятно, самый

большой, самый примитивный и самый древний памятник исламской культуры в Китае, хотя на многие вопросы еще предстоит ответить. Гробница мудрецов в северном пригороде Гуанчжоу (также известная как Гробница Сянфэн) — еще одно место, где сосредоточена исламская культура. В элегантной сельской обстановке гробницы, являющейся местом отдыха мусульман, можно увидеть множество высоких каменных мемориальных арок, крытое крыльцо с горизонтальной доской, настенных табличек и могильных досок. Помимо подлинных средневековых памятников, гробница в основном состоит из вышеупомянутых современных культурных артефактов. На самом деле, гробница считалась очень священным местом, и мусульманские паломники часто приезжали издалека, чтобы выразить свое почтение. На кладбище также находятся десятки гробниц в архитектурных стилях других стран. Это показывает, что здесь есть место и зарубежной культуре. В 1955 году недалеко от Синьши, пригорода Гуанчжоу, было образовано еще одно кладбище хуэй (мусульманская народность в Китае), на надгробиях которого были надписи на арабском, персидском или английском языках. Это еще одно место, где иностранная культура сочеталась с культурой провинций Гуандун и Гуанси.

Во времена династий Тан и Сун арабский язык распространился в Гуанчжоу и других городах Китая, его элементы даже вошли в кантонский диалект. Они активно используются и сегодня, но их истоки не всегда известны людям. Кроме того, в Гуанчжоу есть ряд арабских географических названий, все они сосредоточены на улице, где расположен минарет и охватывают исторический центр города, образуя кластер исламских культурных названий. Эти географические названия отражают верования, обычаи, язык, одежду, коммерческую и архитектурную культуру арабов, оставляя ценное заморское культурное наследие в пространственной смеси культурного ландшафта Гуанчжоу.

2. Бум развития буддийского обмена

Династии Суй и Тан вели политику открытости, общество было относительно либеральным, распространение различных религий в Китае достигло кульминации. Помимо ислама, зороастризм, манихейство и несторианство также распространились в Китай по Шелковому пути Южно-Китайского моря, причем Гуандун был первым регионом, где это произошло. Однако, в связи с тем, что все это происходило в очень далекие времена, и следов их проникновения в Китай мало осталось в наши дни. А буддизм достиг пика своего распространения именно в эпоху династии Тан, после того как был перенесен в провинции

Гуандун и Гуанси при династии Восточная Хань.

Благодаря статусу Гуанчжоу как крупного морского порта, многие иностранные монахи и мастера, прибывшие в Китай через Южно-Китайское море, высаживались в Гуанчжоу, а затем перебирались на внутренние районы.

В течение более чем 30 лет в Гуанчжоу приезжало много известных монахов, и примерно в то же время в районе Сицзян были построены Храм Белых облаков, Храм Луншань и Храм Янцзян Шицзюэ, все они были значимыми буддийскими местами. В частности, появившийся Хуэйнэн основал Южную школу, которая положила начало революции в истории китайского буддизма и сделала индийский буддизм первым китайским, популяризированным и секуляризованным на юге страны, став высшим представителем китайской буддийской культуры. Хуэйнэн почитался как Шестой патриарх дзен-буддизма и преподавал в храме Шаочжоу Баолинъ (ныне храм Наньхуа). В седьмом году правления императора Сюаньцзуна Тяньбао (748 г.), когда монах вернулся в Гуанчжоу с острова Хайнань, губернатор Гуанчжоу Лу-хуан вывел своих чиновников и людей за город, лично встретил его и проводил его в буддистский храм Гуансяо. Осведомитель (чиновник, в обязанности которого входил сбор сведений о поведении других чиновников, дин. Тан) Лю-жулинь был лично посвящен (в бонзы), что сразу же стало темой для разговоров.

Храм Наньхуа в районе Цюцзян города Гуанчжоу. Фото Лай Цзиньтана

Храм Саньцзян в уезде Линьшуй. Фото Сыту Шанцзи

Храм Шицзюэ в городе Янцзян. (пров. Гуандун, династия Тан).
Фото, Цэн Юэ

Буддизм также широко распространялся из-за рубежа в Гуанси благодаря удобному доступу к Тонкинскому заливу и связи с провинциями Хунань и Гуанси. Во времена династии Тан в Гуанси было построено 45 новых буддийских храмов, 32 из которых находились в Гуйлине и 11 в Учжоу. Также в Гуанси приезжало немало известных буддистских монахов и мастеров, 10 из которых было упомянуто в «Жизнеописания знатных монахов» (памятник буддийской исторической литературы конца V– начала VI вв.).

В то же время, когда буддизм пришел с запада, китайские монахи также отправились на запад, чтобы усвоить учения Будды. Такое явление стало тенденцией во времена династии Тан. Согласно историческим записям, в период правления династии Тан более 40 монахов отправились на запад по морю, большинство из них были китайскими монахами, а некоторые — из Корё, Силла и Японии. Большинство этих монахов путешествовали по морю из Гуанчжоу и Цзяочжоу через Южно-Китайское море, проходя через Империю Шривиджайя (средневековое государство на территории совр. Индонезии), Хэлинь (т.е. Ямбу, современная Ява или Суматра) и Молююй (современная Джамби, Суматра, Индонезия) в Индию и Шри-Ланку, где они выражали почтение Будде, обращались за опытом и изучали каноны. Однако Южно-Китайское море было коварным и полным кризисов. По оценкам господина Лян Цичао, около 25% от общего числа монахов, отправившихся на запад по суше и морю в поисках Дхармы, вернулись домой после завершения обучения, 25% умерли в пути, многие возвращались с полпути, а некоторые остались за границей и не вернулись.[53] Как видно, стремление освоить учение Будды за границей был

очень трудным делом, и многие монахи не решались на него. Лучшие из них, Ицзин, Хуэйчао и Букун, были первопроходцами морского путешествия на запад.

Проникновение буддизма, и в частности перевод буддийских канонов, значительно обогатило китайскую философию, литературу, живопись, музыку, архитектуру, язык, географию, медицину и другие дисциплины и способствовало их развитию. Так, китайский язык заимствовал многие слова из санскрита. Санскритская лексика сначала была введена в кантонский язык, а затем постепенно распространилась на все диалекты китайского, поскольку Гуанчжоу и Цзяочжоу были первыми районами, куда пришел буддизм. Существует бесчисленное множество лексических единиц в китайском языке, взятых из текстов буддистских канонов. Эти слова были заимствованы с санскрита либо по транслитерации, либо по значению. Их происхождение не всегда известно современным людям, но они до сих пор используются везде. Это показывает, насколько обширна и глубока буддийская культура.

3. Внедрение новых зарубежных сортов сельскохозяйственных культур

Во времена династии Тан, с появлением «морского прохода Гуанчжоу», движение и торговля в Южно-Китайском море достигли своего апогея, и через морские пути в провинции Гуандун и Гуанси были завезены экзотические культуры, в том числе дерево бодхи, розовое яблоко и джекфрут, которые оказали глубокое влияние на распространение буддизма и жизнь людей. Эти два растения были завезены на юг страны во времена Южных династий. Однако широкое распространение культивирования этих двух растений началось в эпоху династии Тан, когда Шестой патриарх Хуэйнэн отправился на север в храм Дуншань в Хуанмэй, провинция Хубэй, чтобы глубже понять буддийское учение. Дерево бодхи ассоциировалось с достижением Хуэйнэном просветления, поэтому на протяжении тысячелетий оно занимало высокое положение в буддийской культуре и среди широкой публики и стало обычным декоративным деревом в монастырях, ландшафтных садах и зонах отдыха, а также предметом воспевания поэтов и художников.

Считается, что джекфрут был впервые посажен в Гуанчжоу, в храмах бога Южного моря в период династии Суй. Во времена династии Тан это дерево пользовалось особой популярностью. Согласно записям династии Мин, джекфрут был завезен в уезд

Линьгао на острове Хайнань и стало данью двора, за которую назначалась высокая цена. С тех пор этот тропический фрукт стал обычным на юге страны и значительно обогатил жизнь людей. Джекфрут также является растением-индикатором, как и каучук встречается в северной части страны, от Шаньтоу до Гаочжоу через Янцзян, а в Гуанчжоу не плодоносит или плоды слишком малы для употребления в пищу. Ананасовое дерево стало одним из маркеров разделения на тропики и субтропики в научных кругах и, в частности, в сельскохозяйственной практике.

Кроме того, фрукты, привезенные в провинции Гуандун и Гуанси из-за границы во времена династии Тан, такие как манго, оливковое масло и дичэньши (разновидность инжира), значительно изменили землепользование и культурный ландшафт юга страны, обогатили быт и социальную жизнь людей. Особое значение имело появление морских лекарств в Гуанчжоу и успешная пересадка некоторых лекарственных растений на юг страны, что пополнило ассортимент «южной медицины». Некоторые из новых видов распространились на север, став ярким примером распространения морской культуры на материк.

4. Обмен и технический прогресс в области судостроения и мореходства

«Морской проход Гуанчжоу» проходил по различным маршрутам в Южно-Китайском море, где морские условия, прибрежный рельеф и погода были сложными и непредсказуемыми. Для обеспечения безопасного прибытия в намеченные порты требовались современные суда и навигационные технологии, чтобы эта главная артерия морского транспорта была беспрепятственной и выполняла свои различные функции.

Во времена династии Тан провинции Гуандун и Гуанси был лидером в судостроении, а построенные корабли были разнообразными, большими, прочными и безопасными, что делало их приятными для китайских и иностранных купцов пассажиров.

Во-первых, Гуанчжоу был крупнейшим центром судостроения в Китае, откуда казенные и частные корабли могли отправляться на юг в порты близлежащих стран. Во втором году под девизом Тяньбао правления танского императора Сюань-цзуна (743 г.) монах Цзяньчжэнь отправился из Янчжоу в Японию. Для этого он купил военный корабль, изготовленный военным флотом Линнань, с экипажем 18 человек. Корабль мог перевозить 120

человек и 200 ши благовоний и других товаров[54]. Понятно, что его водоизмещение было немаленьким, а технология судостроения в Гуанчжоу была относительно высокой, поэтому Цзяньчжэнь был рад использовать корабль флота провинций Гуандун и Гуанси.

Во-вторых, в Гуанчжоу строилось множество типов кораблей, каждый из которых имел свои функции и преимущества. Согласно «Сводной хронике Гуандуна», составленной Хуанцзуо в годы Цзяцзина, изготовление военных кораблей находилось под надзором Танского генерал-губернатора, и характеристики, оборудование, нагрузка и движущая сила этих военных кораблей были на высоком уровне. По словам арабского Сулаймана, китайские корабли были особенно огромными во времена династии Тан, они были способны противостоять коварным ветрам и волнам Персидского залива и господствовать на море. В то время порт Чаочжоу был крупным портом на морском Шелковом пути.

Порт Янцзян также был глубоководным портом в Южно-Китайском море. Согласно историческим записям, торговые суда из Цзянсу и Чжэцзяна могли добираться сюда, и велась торговля со странами и регионами Юго-Восточной Азии. Это говорит о том, что техника судостроения также была очень высокой. Тот факт, что Янцзян сохранил высокие позиции в судостроении в более поздние времена, является продолжением этой традиции.

Южно-Китайское море окружено особым рельефом и морскими условиями, чтобы приспособиться к сложным условиям этой морской акватории, жители провинций Гуандун и Гуанси времен династии Тан также создали медные лодки, которые плавали по маршруту между Гуандуном и Южно-Китайским морем. Из-за прибрежной земли каждый мыс, то есть, выступающий из морской суши, кварцит, кварцевый песчаник, вулканические породы и т.д., в составе содержащие магнитный железняк, легко производят магнитные силовые линии, железные инструменты на борту судна притягивались к мысу, или замедляли ход судна, или даже высасывали гвозди и повреждали корпус судна. Это приводило к утечке воды или даже к затоплению, что становилось серьезным препятствием для навигации. Народ провинций Гуандун и Гуанси давно осознал эту особенность, и заменил железные лодки на медные, чтобы можно было свободно плавать, не подвергаясь влиянию магнитных силовых линий. Бронзовые лодки начали пользоваться еще в период Наньюэ династии Западная Хань. В период династии Восточная Хань люди уже понимали воздействие магнитов на навигацию.

Во времена династии Тан между Гуанчжоу и Аннамом (букв. «Укрощённый юг», невьетнамское название северной части современного Вьетнама в период китайской колонизации) проводилась ежегодная морская торговля, торговые судна отправлялась и возвращалась за год.

Согласно расследованию профессора Цзэн Чжаосюаня, в 1982 году в устье реки Цзяньцзян в уезде Учуань, Гуандун, под водой был найден медный корабль, но он до сих пор не вытасчен из воды. Рыбаки пилили медное покрытие корабля по частям и продавали. Как стало известно, что длина судна составляет более 40 метров, на поверхности и днище имеются медные куски, обернутые кожей[55], возможно, это медный корабль династии Тан. Но есть и скептики. В любом случае, появление медных лодок в династии Хань и Тан показывает, что судостроение и технологии мореходства в Южно-Китайском море в те времена значительно продвинулись вперед.

Этот прогресс в технологии судостроения также является результатом культурного обмена между китайскими и иностранными судостроителями. Во времена династии Тан техника сшивания деревянных лодок волокнами персикового молотка в арабских странах уже была в ходу на побережье юга страны. Специалисты по истории кораблестроения считают, что эта техника была введена арабскими торговцами и что она была принята и использована народом провинций Гуандун и Гуанси для строительства морских судов. В то же время народ этих провинций также изобрел технологии выделений оливкового дерева для заполнения швов кораблей. Во времена династии Сун была разработана техника заполнения швов кораблей сушеной травой, выращенной на берегу. Она разбухала под воздействием воды и обеспечивала водонепроницаемость кораблей. С использованием компасов для навигации в эпоху династии Сун морская торговля в Южно-Китайском море поднялась на новый уровень.

Глава VII

Расцвет морской культуры в Южно-Китайском море в контексте открытости династий Сун и Юань

Династии Сун и Юань унаследовали и развили политику открытости внешнему миру династий Суй и Тан, еще больше укрепив и расширив дипломатические и торговые отношения со странами и регионами вокруг Южно-Китайского моря предыдущих династий. Власть двух династий обеспечила прочную политическую гарантию для процветания морской культуры, которая также развивалась в гораздо большей степени, чем в предыдущие династические периоды.

Раздел 1. Суверенное управление Южно-Китайским морем в период династий Сун и Юань

Во времена династий Сун и Юань по мере углубленного понимания китайским народом природных и географических особенностей Южно-Китайского моря и его островов, их освоение вступило в новую фазу.

1. Суверенное управление при династии Сун

В ответ на новые реалии в Южно-Китайском море власть Сун в 1073 году создало официальный департамент для надзора за островом Хайнань, островами Южно-Китайского моря и прилегающими водами.

Власть Сун также приняло различные меры по защите Южно-Китайского моря и его островов, создав военный флот и усилив морское патрулирование

2. Суверенное управление при династии Юань

К периоду династии Юань китайское мореходство стало еще более развитой. Правители Юань были склонны к демонстрации своей мощи и заслуг. В 1292 году император Юань-шицзу поручил генералу Ши-би возглавить войска из 5 000 человек для военного похода на Яву. Считается, что сначала флотилия напала через архипелаг Сиша, а затем, возможно, и через Спратли. Хотя эта военная кампания не достигла своих целей из-за большого расстояния, она все-таки стала важным шагом вперед в освоении Южно-Китайского моря. Правительство Юань также создало флот Байша у порта Хайкоу для патрулирования моря и дальнейшего укрепления своей юрисдикции над водами Южно-Китайского моря.

Таким образом, эффективное политическое и военное присутствие династий Сун и Юань в районах Южно-Китайского моря обеспечили развитие хозяйственной деятельности в данных регионах. В то же время это и стало одной из причин того, что развитие морской культуры в Южно-Китайском море во времена династий Юань и Сун было намного прогрессивнее, чем в предыдущие династические периоды.

Раздел 2. Введение политики морской торговли — приоритетное направление деятельности власти Сун и Юань

В своей статье «Место Гуандуна в мировой истории» Лян-цичао (прим. 1873–1929 гг. — китайский философ, историк философии, ученый, литератор, государственный и общественный деятель, один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае конца XIX - начала XX вв), анализируя положение Гуандуна в морских перевозках Востока и Запада, утверждал, что со времен династий Хань и Тан южные морские перевозки были лучше северных сухопутных перевозок. В поздние годы династии Тан была открыта дорога Даюлинь, и Гуандун неожиданно расцвел, «с тех пор Гуандун постепенно стал играть важную роль в стране в плане перевозок». Также было сказано, что «с тех пор, еще до династии Сун, транспортное сообщение Гуандуна стало источником прибыли для целой страны».[56] Это относится к тому факту, что прибыли гуандунских портов приносили центральной власти огромные доходы, главным образом от морской торговли в Южно-Китайском море. Это было неотделимо от политики правительств Сун и Юань, придававших большое значение морской торговле, и являлось мощной движущей силой развития морской культуры в Южно-Китайском море.

1. Морская торговля при династии Сун

В четвертом году правления императора Сун-тай-цзу (971 год), всего через четыре месяца после гибели династии Южная Хань, династия Сун создала в Гуанчжоу управление торговыми кораблями (прим. создавались в крупных портовых городах, в их задачи входил контроль за внешней и внутренней морской торговлей, а также обложение купцов налогом), которое непосредственно занималось морской торговлей, и его доходы стали основным источником расходов для

двора. Поскольку южная часть Гуанчжоу и Цзяннань были богаты за счет морской торговли, это было региональным экономическим преимуществом, поэтому центральная власть придавала ей большое значение. Она также опиралась на успешный опыт династии Южная Хань в развитии торговли в Южном море, которая приносила большой доход в казну. Помимо экономических выгод, развитие морской торговли также служило цели укрепления политической позиции Китая и принудить всех к покорности. Хотя для династии Сун были характерны взлеты и падения морской торговли и доходов, городу Гуанчжоу всегда придавалось большое значение. Тот факт, что портовое управление города Гуанчжоу было самым важным в стране, показывает, что власть Северной Сун придавал большое значение развитию морской торговли.

В период династии Южная Сун, чтобы справиться с огромными репарациями Цзинь и огромными расходами императорского двора, власть Южной Сун испытывала острую необходимость в развитии внешней торговли для поддержания приходского режима. С этой целью двор Южной Сун издал ряд указов и мер по защите интересов внешней торговли. Они включали запрет на эксплуатацию купцов чиновниками, суровое наказание коррумпированных чиновников и поощрение честных чиновников; приказ местным чиновникам ловить пиратов для поддержания безопасности морского судоходства; снижение налогов на импорт для защиты интересов купцов; поощрение купцов и неоднократное возвеличивание бога Южного моря, чтобы молиться за безопасность морских торговцев; поддержание и повышение эффективности работы городского портового управления. Особенное внимание было уделено управлению торговыми кораблями в Гуаннань, которое никогда не упразднялось и имело самый богатый доход в стране.

2. Морская торговля при династии Юань

В период династии Юань, хотя официальная монополия на торговлю сохранялась, частная торговля была опустошена, и запрет на морскую торговлю вводился несколько раз, в результате чего внешнеторговый статус Гуанчжоу на некоторое время снизился и уступил место Цюаньчжоу. Однако в последующие годы, когда внешнеторговая политика Юань была скорректирована, влияние центральной власти ослабла, и китайские морские купцы стали относительно свободными и активными, а отношения юаньского правительства с соседями в Южно-Китайском море улучшились. Поскольку проблемы пиратства и японского вторжения были не такими серьезными,

как в Фуцзяни и Чжэцзяне, многие купцы с радостью выбрали Гуанчжоу в качестве порта для ведения внешней торговли, и статус города восстановился. В то время насчитывалось 144 заморские страны и региона, с которыми Китай поддерживал отношения, большинство из них вели свою торговую деятельность в Гуанчжоу. Деление обширного морского пространства на «Восточный океан» и «Западный океан», в центре которого находится Южно-Китайское море, также началось при династии Юань и использовалось последующими поколениями в результате расширения географических знаний о Южно-Китайском море в результате развития морской торговли. В знак подъема и процветания внешней торговли в период правления династии Юань, внешняя торговля Гуанчжоу процветала. Даже заморская торговля Чаочжоу в восточной части Гуандуна процветала во времена династии Юань.

Это положение показывает, что число заморских стран и регионов, с которыми власть Сун и Юань поддерживала связь, росло, а объем импортируемых и экспортируемых товаров увеличивался. Это потребовало усиления управления внешней торговлей, и с этой целью династия Северная Сун начала общенациональную реформу системы внешней торговли в периоды Синин и Юаньфэн (1068–1085 гг.). В третьем году под девизом Юаньфэн (1080 г.) был обнародован важный юридический документ «Положение о торговых судах в Гуанчжоу в период Юаньфэн», в котором говорилось, что только Гуанчжоу, Минчжоу и Ханчжоу могут пропускать (без задержки) иностранные торговые суда. Все торговые суда, направлявшиеся в Юго-Восточную Азию и регион к западу (Наньфан), пропускались управлением торговых кораблей города Гуанчжоу, а суда, направлявшиеся в Японию и Корё, пропускались управлением торговых кораблей города Минчжоу, а те, кто нарушал правила, обвинялись в неповиновении императору. Суда, следующие от побережья Гуандуна до острова Хайнань, должны заранее подать заявку на получение подтверждающего документа выхода в море в портовое управление торговых кораблей города Гуанчжоу. Кроме того, были приняты постановления о налогообложении, иностранной судоходной деятельности и ограничениях в отношении моряков. Это постановление, усиливая централизованную власть императорского двора над внешней торговлей, придавало большее значение управлению торговыми кораблями города Гуанчжоу, наделило его еще больше полномочиями. Все это указывает на то, что внешняя торговля Южно-Китайского моря занимала лидирующую позицию в стране.

Династия Юань первой в истории Китая установила единое и

систематическое регулирование внешней торговли. Во-первых, в 1293 году император Юань-шицзу ввел «23 статьи закона о торговых судах», основные положения которого ограничивали доходную деятельность влиятельных групп и требовали от тех, кто занимается торговлей, платить свою долю (налоги) в соответствии с правилами, а нарушителей наказывали, демонстрируя решимость юаньского правительства защищать свои интересы во внешней торговле законными средствами. В первом году под девизом Яньюй (1314 г.) император Юань-жэньцзун пересмотрел «Закон Чжююань», внес в него некоторые поправки и переиздал его под новым названием «Закон Яньюй» Этот закон закрепил и систематизировал указы по подавлению влиятельных групп в форме законов, включая управление импортом и экспортом торговых судов и товаров, а также систему налогообложения, сделав его более зрелым законом с точки зрения финансовых интересов центральной власти.[57]

Эти два закона были общегосударственного масштаба, и, несмотря на отсутствие других нормативных актов для управления торговых кораблей города Гуанчжоу, внешняя торговля Гуанчжоу процветала под регулированием этих двух законов. Это было следствием большого значения, которое власть Сун и Юань придавала морской торговле, а если рассматривать это с точки зрения морской институциональной культуры, то эти два закона ознаменовали собой новый шаг в институциональных инновациях в период династий Сун и Юань.

Раздел 3. Технологический прогресс в судостроении и мореходстве

О плодотворности морской культуры Южно-Китайского моря свидетельствуют развитие судостроения и технологий мореходства в династии Сун и Юань, а также публикация работ по морской гидрографии, которые были в авангарде культурных достижений страны.

1. Технический прогресс в судостроении

Во времена династии Сун города Гуанчжоу, Минчжоу и Цюаньчжоу были тремя основными базами морского судостроения, и на побережье Гуандуна производились огромные корабли, ничуть не уступавшие иностранным судам. Марокканский путешественник Ибн Батутай в своих странствиях также записал, что в Гуанчжоу умели строить огромные корабли.

Материалы, использовавшиеся для строительства кораблей в эпоху династии Сун, различались в зависимости от региона, где они строились. Корабли, сделанные в Гуанчжоу, часто изготавливались из цейлонского железного дерева, которое было исключительно твердым, в то время как корабли, сделанные в Фуцзяни, в основном делались из сосны или китайской пихты. Некоторые корабли были полностью деревянными, а швы заполнялись тунговым маслом и известью для предотвращения протечек. Каждый корабль был разделен более чем на 10 изолированных отсеков, так что даже если один отсек был затоплен, корабль не тонул. Конструкция корпуса подходит для морского плавания, т.е. заостренное дно, поперечное сечение в форме буквы «V», и большой бамбук, привязанный по обе стороны корабля, который выполняет функцию стабилизации корабля и увеличения скорости. На судне также имеются железные якоря и магниты для обеспечения надежной швартовки. Железный якорь или каменная чаша могли весить сотни цзиней, к якорю крепились четыре крюка с толстыми веревками, которые поворачивались вверх и вниз с помощью колес, так что якорь мог быть прочно закреплен независимо от того, стоит ли судно в доке или плывет по морю. Именно поэтому, говоря о размерах китайских кораблей, их часто называют возвышенными над водой горами.

В эпоху династии Сун паруса были настолько усовершенствованы, что для плавания в Южно-Китайском море использовался достаточно один парус. Паруса в Гуанчжоу можно было менять, меняя силу паруса и двигаясь кружным путем по «зигзагообразному» маршруту, продолжая разбивать волны при разных направлениях ветра.

Помимо Гуанчжоу, судостроительные инфраструктуры имелись в округах Чаочжоу, Чжаочжоу и Шаочжоу. Так как реки и моря в Китае были соединены друг с другом, поэтому судостроение могло производиться на реках внутренних районов, и эти районы также подвергались влиянию морской культуры.

2. Технический прогресс в мореходстве

Древнее мореходство во многом зависело от ветра, причем муссон в Восточной Азии был главной движущей силой морских путешествий в Южно-Китайском море. Этот муссонный ветер, меняющий направление в зависимости от времени года, был известен как пассат. Преобладающее направление ветра было тесно связано со временем прихода четырех сезонов, миграцией перелетных птиц и урожаем пшеницы. Во времена династии

Сун, с расцветом морской торговли, пассат стал называться «ветром несущий корабль», и люди стали лучше понимать его меняющиеся направления, что стало главной основой для организации морской торговли.

Во времена династии Сун закономерности изменения пассатов были освоены мореплавателями для использования при выходе в море, и этот регулярный пассат стал известен иностранцам как «пассатный ветер». Это изменение в терминологии свидетельствует о том, что развитие международной морской торговли вступило в новый этап в эпоху династии Сун. Кроме того, династия Сун провела дноуглубительные работы на морском пути между Цзяочжоу и Юнчжоу (ныне Наньнин) и Гуанчжоу, а также убрала рифы вдоль этого маршрута, что облегчило путь кораблей в Гуанчжоу во время юго-западного муссона. Поскольку муссон имел регулярный график, важно было максимально использовать это время для торговли, отправки с миссией и учебы. Если вы не успеваете до ветреного сезона, то должны оставаться за границей до следующего ветреного сезона. Это иногда называют «чжуфан», или «ядун», которое длилось год, то есть два года в оба конца. Китай и Аравию разделяют тысячи километров, и путешествие туда и обратно занимает два года. Путешествие из Китая в Аравийский регион также занимало два года, только ветер был не попутный: корабли, отправлявшиеся из Китая, становились на якорь на Яве или в Малайском проливе, а возвращавшиеся из Аравийских стран — на якорь в Южной Индии, оба обратных рейса проходят через Южно-Китайское море. Таким образом, муссоны в Южно-Китайском море были самым важным препятствием для морской торговли, и жители провинций Гуандун и Гуанси имели высокий уровень их понимания и использования.

Хотя компас был изобретен китайцами еще в более древние времена, однако его был впервые использован для навигации в Южно-Китайском море только в период династии Сун компас, и это стало беспрецедентным событием в истории морской культуры Южно-Китайского моря. Кроме того, во времена династии Сун для океанских путешествий использовались карты. По словам профессора Южно-Китайского педагогического университета Цзэн Чжаосюаня, уже во времена династии Сун рыбацкие лодки использовали измерительную ленту для определения местоположения лодки по солнцу, луне и звездам, а также для измерения высоты и широты по звездам, чтобы определить местоположение лодки. Этот навигационный инструмент, известный как «секстант», до сих пор используется рыбаками на острове Хайнань[58]. Это говорит о том, что технология навигации широко использовалась на практике во

времена династий Сун и Юань. Это также основано на том факте, что кораблям из таких портов, как Гуанчжоу, не нужно было следовать вдоль побережья, а полагаться непосредственно на компас, чтобы выходить в Южно-Китайское море, поэтому острова Сиша и Наньша уже были пройдены этими маршрутами. Об этом эпохальном изменении свидетельствует обнаружение 22 декабря 2007 года в водах Янцзян Южно-Китайского моря затонувшего корабля эпохи Южная Сун «Наньхай-1» и тысяч артефактов, а также недавнее обнаружение большого количества медных монет эпохи Тан и Сун в подводных раскопках вокруг архипелага Сиша.

3. Появление научных трудов о гидрологических процессах

Основанное на многолетнем опыте народа провинций Гуандун и Гуанси понимания и освоения моря, «Предисловие к морским приливам и отливам» Юй Цзина является представительной работой по китайской морской гидрографической науке. Юй-цзин (1000–1064 гг.) был уроженцем Цюйцзян (район городского подчинения городского округа Шаогуань провинции Гуандун), и происходил из семьи чиновников. В юности он обладал большой эрудированностью и отличной памятью, превосходно знал все четыре раздела литературы в классической китайской библиографии: философские каноны, исторические трактаты, изречения мыслителей, собрания поэзии и прозы, хорошо разбирался в календаре, буддизме и учениях Лао-цзы и Чжуан-цзы (основоположники даосизма). Во втором году под девизом Тяньшина (1024 г.) он прошел императорский экзамен. В 1044 году Юй-цзин стал начальником округа Гуанчжоу, где просил исправить налогообложение торговли в Гуанчжоу и запретить чиновникам покупать и продавать южные лекарства и другие иностранные товары. В это время он написал научный трактат под названием «Предисловие к морским приливам и отливам». На самом деле в древнем Китае приливы и отливы наблюдались и изучались уже давно, а законы и причины их движения были исследованы досконально. Древние китайцы понимали, что приливы и отливы связаны с изменениями фаз Луны, и считали, что самый верный, как прилив, который бывает дважды в день, с прибывью и убылью Луны, точный и верный, прилив — это результат индукции Луны и морской воды. Однако некоторые считают, что приливы и отливы вызваны гравитационной силой солнца (например, Гэ-хун (китайский даосский учёный и алхимик, один из святых бессмертных в даосской традиции, 283–343)). Юй-цзин, напротив, правильно указал, что причиной приливов и отливов является движение Луны, а не Солнца.

Чтобы доказать свою теорию, Юй-цзин лично посетил Хаймэнь в Тунчжоу (ныне Шанхай) и Ушань в Гуанчжоу (рядом с Хумэнь в Дунгуане), чтобы понаблюдать за взаимосвязью между приливами и отливами моря и движением луны, и пришел к выводу, что приливы и отливы связаны с изменениями Луны. Этот вывод исправил прежнее мнение о том, что «восходы и закаты солнца рождает прилив», что соответствует научному мнению о том, что в наше время приливы и отливы возникают под действием гравитации Луны. Он также отметил, что прилив и отлив происходят после первого и пятнадцатого дней лунного месяца, а отлив — после первого и последнего дней месяца (восьмой и девятый дни месяца и двадцать второй день месяца) а в течении года «прилив часто бывает чрезвычайно высоким в середине весны и осени». Он также указал, что приливы задерживаются на «три четверти часа» каждый день, так что за месяц происходит один прилив. Это соответствует современному 24-часовому 50-минутному циклу приливов в солнечные сутки. Это имеет большое научное значение не только для понимания закона приливов и отливов, но и для управления морским сельским хозяйством, рыболовством и мореплаванием, эффективно повышая производительность труда. Поэтому научное открытие Юй-цзина было высоко оценено последующими поколениями, а доктор Джозеф Нидэм (британский исследователь китайской цивилизации, 1900–1995 гг.), британский специалист по истории науки и техники, отметил, что «в середине XI века, то есть до эпохи Возрождения, они (имеется в виду Китайцы) всегда были гораздо более продвинутыми, чем европейцы, в плане теории приливов и отливов». Это одна из самых славных страниц древней морской культуры в Южно-Китайском море.

Часть фарфора с судна «Наньхай-1». Предоставлено Гуандунским музеем морского шелкового пути

Место извлечения затонувшего в Янцзяне корабля династии Южная Сун «Наньхай-1» Фото предоставлено «Наньфан дэйли», 2010 г.

Раздел 4. Затонувший корабль династии Южная Сун «Наньхай-1» несет в себе послание морской культуры

1. Ход раскопок

В августе 1987 года спасательная служба при Министерстве транспорта города Гуанчжоу и Британская компания морских исследований и спасения во время поиска затонувшего в 1772 году судна Голландской Ост-Индской компании «Римсберг» в водах у острова Шаньхачуань, Гуандун, неожиданно обнаружили другое затонувшее судно, погребенное на глубине 23 метров под илом, и назвали его «Затонувшим судном Сон Юань на островах Чуаньшань». Из него извлекли более 200 единиц изделий из золота, серебра, олова, керамики и других артефактов. Это открытие привлекло широкое внимание мирового археологического сообщества, и затонувшее судно впоследствии получило название «Наньхай-1». Государственное управление культурного наследия Китая и правительство провинции Гуандун придали большое значение этому археологическому открытию и приняли множество мер по охране места кораблекрушения, а также продолжали подводные исследования и работали с соответствующими сторонами над разработкой научных, безопасных и строгих мер по извлечению. С января 2007 года спасательная служба Гуанчжоу отвечает за «спасение» извлечения корпуса судна. Примерно через год, 22 декабря 2007 года, «Наньхай-1» был извлечен целиком из-под воды специальным гигантским краном «Хуатяньлун» (прим. крупнейший в Азии плавучий подъёмный кран), принадлежащим Службе спасения города Гуанчжоу, и доставлен в недавно построенный Гуандунский музей морского Шелкового пути на острове Хайлин в Янцзяне, и где пока продолжают археологические раскопки реликвий на борту. Успешное извлечение из воды затонувшего корпуса судна «Наньхай-1» и богатый морской культурный контекст, который он несет, безусловно, являются мировой сенсацией. И более значимым стало то, что это поможет решить многие из основных проблем морского Шелкового пути и оставить славную страницу в истории морской культуры в Южно-Китайском море.

С момента извлечения из воды в 2007 году было проведено несколько пробных раскопок, и, судя по найденным артефактам, это морское судно времен династии Южная Сун, которое по неизвестной причине затонуло в водах Янцзяна. Было раскопано и очищено около 4 000 артефактов, а общее количество артефактов насчитывается от 60 000 до 80 000 единиц. Хуан Вэйцзун, профессор Университета Сунь-ятсена, президент Ассоциации исследований культуры Жемчужной реки провинции Гуандун, и Сыту Шанцзи, исполнительный

председатель, назвали его «морским Дуньхуанем». Бывший член Национальной академии наук США и всемирно известный океанограф У Цзин считают, что открытие «Наньхай-1» переписет историю мирового океана. «Наньхай-1» в будущем изменит историю китайской морской культуры и является ценным культурным наследием китайской нации»[59]. Эти прогнозы непременно подтвердятся дальнейшим раскопкам и очистке затонувшего судна на ближайшие годы, и мы можем ожидать обнаружения все более важных результатов.

2. Значение морской культуры

С точки зрения морской культуры Южно-Китайского моря, историческое значение «Наньхай-1» является не только односторонним, но и целостным, всеобъемлющим и всесторонним.

В случае с первым есть несколько уровней. Первый — это маршрут плавания. Судно «Наньхай-1» было затоплено в районе острова Хайлин в Янцзяне, где на протяжении веков проходил морской Шелковый путь. В древние времена остров Хайлин был промежуточной пунктом снабжения и транзитным портом для морских путешествий в Южно-Китайском море. Затонувший корабль подтверждает, что династия Сун все еще следует прибрежным географическим признакам в качестве навигационного ориентира со времен династий Цинь и Хань. Хотя компас применен для навигации в эпоху династии Сун, но на основе этой области прибрежной и подводной топографии, течений, направления ветра и других факторов, прибрежная городская гора как навигационный ориентир все еще надежна, например, место кораблекрушения находится примерно в 20 морских милях от побережья, примерно в 30 метрах от моря, что подходит для древней прибрежной навигации. Гора на острове по-прежнему является надежным ориентиром для навигации. С острова Хайлин море было открыто для бурных внутренних районов Южно-Китайского моря и Южного океана, Индийского океана и Аравийского моря. Во времена династии Сун между островом Хайлин и Гуанчжоу активно осуществлялось морское сообщение. Седьмое путешествие Чжэн-хэ на Запад по морям в эпоху династии Мин показано в «Морской карте Чжэн-хэ», маршрут проходил через море к югу от «Шань и Ся Чуань Шань»[60], где расположен остров Хайлин. Начиная с XV века в этих водах коммерческую деятельность вели китайские, португальские, голландские и купцы из Юго-Восточной Азии. В последние годы специалисты обнаружили в этом районе фрагменты фарфора с такими надписями, как «Сделано в годы правления Чжэн-хэ», «Сделано в годы Цзяцзин Великой Мин» и

«Годы Цзяцзин Великой Мин».[61] Нос судна «Наньхай-1» был ориентирован на 240 градусов на юго-запад, все это указывает на существование этого морского прохода и его историческое значение.

Династия Сун достигла очень высокого уровня судостроительного мастерства, включая судостроительные материалы, технику, конструкторские решения и эксплуатационные характеристики. В прошлом об этом судили по историческим документам или по тем немногим обломкам затонувших кораблей. Корабль «Наньхай-1» имеет длину около 30 метров, ширину 10 метров и высоту 4 метра, с грузоподъемностью почти 500 тонн, сделан из сосновой древесины, произрастающего в Фуцзяни, Гуандуне и Гуанси, и поэтому предполагается, что он был построен в гавани в северной части Южно-Китайского моря. В носовой части судна «Наньхай-1» была найдена огромная ромбовидная каменная чаша длиной около 3 метров, толщиной почти 0,3 метра и весом 500 килограммов, которая служила каменным якорем для корабля. В династии Сун и Юань корабли не использовали железные якоря, а каменный якорь очень характерен для династий Сун и Юань, что еще раз подтверждает, что эпоха судна «Наньхай-1» не выходит за рамки династии Южная Сун, т. е. его построили около 800 лет назад, именно в период процветания морского Шелкового пути. «Наньхай-1» является лучшим материальным свидетельством для восстановления техники и стандартов кораблестроения периода династии Сун.

На судно «Наньхай-1» было загружено более чем 10 000 медных монет, включая «монеты с квадратным отверстием» династии Хань, деньги «весом в пять чжу» династий Суй и Тан и «Кайюань Тунбао» династий Суй и Тан. Небольшая часть найденных на судне представляет денежные средства периода Пяти династий и Десяти царств, а большинство медных денег относятся к разным годам периода династии Северная Сун, самыми поздними были монеты «Шаосин Юаньбао», выпущенные в годы правления императора Гао-цзуна династии Южная Сун. Они показывают, что торговля процветала в династии Сун и что судовладельцы были богаты. Большое количество этих медных денег ушло за границу, в основном в Юго-Восточную Азию. В последние годы профессора Хайнаньского университета Чжоу Вэйминь и Тань Линьлин посетили малайзийский штат Теренггану и обнаружили, что местные жители обладают большим количеством медных монет Северной Сун. Также стало известно, что монеты династии Сун были найдены в Сингапуре, на Яве, Занзибаре в Восточной Африке, Сомали и Баха в Южной Индии. Все это свидетельствует о процветании морской торговли во времена династии Сун, что согласуется

с монетами, найденными на корабле «Наньхай-1». Главными товарами были в основном фарфоровые изделия, но также было большое количество железных кастрюль и сковородок, золотых украшений, лаковых изделий и других предметов домашнего обихода. Большая часть извлеченных фарфоров были произведены в знаменитых местах, таких как Лунцюань в Чжэцзяне, Дэхуа в Фуцзяни, Цзиндэчжэнь (городской округ провинции Цзянси КНР; также именуется столицей фарфора) и Гуанчжоу, включая миски, тарелки, блюда, горшки, бутылки, пудреницы и т.д. На некоторых изделиях также были написаны имена «Ли-даюн», «Лю-гэ» и «Ли-чанбао». Общее количество предметов не только велико, но и уникально по форме и изысканно по мастерству, большинство из них можно отнести к национальным культурным реликвиям первой и второй категории. Артефакты с экзотическими стилями, такие как фарфоровые чаши, похожие на арабскую национальную посуду из-под риса. Скорее всего эти чаши были произведены по заказу. Поэтому Шелковый путь иначе еще называется «Фарфоровый путь», и это ярко иллюстрируется на «Наньхай 1».

Формы и предназначения большого количества предметов быта, обнаруженных на «Наньхай-1» отражают славу экзотических обычаев и культуры. Например, золотой пояс куи длиной почти 2 метра, большое золотое кольцо и золотой браслет куи с изображением дракона на борту показывают, что их владельцы, вероятно, были очень богатыми людьми. На самом деле, в Гуанчжоу во времена династии Сун находилось огромное количество богатых арабских купцов. Так, например, городские стены неоднократно строились и ремонтировали во времена династии Сун при финансовой поддержке арабов. Бронзовые зеркала и киноварь на борту, шкатулка для пудры, статуя Гуаньинь и каменная подушка, по мнению некоторых, являются предметами домашней утвари женщин, и, вероятно, на борту судна находились жены и дети купцов. В свете огромных масштабов лодок Мулан династии Сун становится понятным, что экипаж корабля на борту был разный, а разделение труда — было тщательным и в рамках здравого смысла. Череп кобры на борту корабля также вызывает недоумение и, похоже, связан с религией или каким-то верованием, поскольку у арабов и индийских купцов был обычай держать кобр в качестве домашних животных, но это требует дальнейшего изучения. Кроме того, история морской экономики, дипломатии, религии, ремесла и социальной жизни, отраженная в корабле «Наньхай-1», содержит ценный культурный подтекст. Интеграция этих элементов истории позволит получить общую характеристику и базовую картину морской культуры династии Сун, заполнить

пробел в морской культуре Южно-Китайского моря, что имеет чрезвычайное научное и культурное значение. С момента передачи «Наньхай-1» в Гуандунский музей морского Шелкового пути (широко известный как Хрустальный дворец) наблюдается большой поток посетителей и исследователей разных смежных научных направлений.

На самом деле, «Наньхай-1» — лишь одно из многих затонувших судов в Южно-Китайском море. Согласно смелому предположению, со времен династий Сун и Юань в «китайских водах» могло затонуть около 100 000 судов, большинство из которых находится в Южно-Китайском море, в основном вдоль побережья Южного Китая и архипелага Сиша. Среди них были затонувший у острова Дунша корабль династии Сун, обнаруженный в 1936 году, [военный] корабль поздней династии Сун в Ямэне в Жемчужной реке, корабль Сиша, обнаруженный в 1998 году; затонувшие корабли «Хуангуанцзяо-1» династии Южная Сун, корабль «Хоучже-1» династии Сун, обнаруженный в 1973 году в водах Пинтаня, Фуцзянь, и многие другие затонувшие корабли периода династий Мин и Цин. О том, какое значение династия Южная Сун придавала морскому делу, можно судить по огромному количеству затонувших кораблей и их широкому применению. В статье одного западного синолога, опубликованной в журнале «National Geographic China» говорилось, что империя Южная Сун «была самой богатой и развитой страной в мире в то время». В том же журнале отмечается, что династия Южная Сун «принесла самый высокий годовой доход среди всех династий за последние пять тысячелетий — 160 миллионов лян серебра». Это ошеломляющая цифра, поскольку династия Мин, когда она была на пике своего расцвета, едва смогла достичь 1/10 этой суммы. Даже в период Сяньфэн (1851–1861) династии Цин, когда население было в четыре-пять раз больше, чем в период Южной Сун, имела годовой доход всего 30–40 миллионов лян. Некоторые ученые даже предполагают, что экономика династии Южная Сун составляла 75% мировой экономики того времени. Именно поэтому некоторые западные ученые до сих пор утверждают, что «династия Сун, особенно Южная Сун, вышла в «иное море» и стала «первой в мире морской державой». Это может быть подтверждено большим количеством информации о морской культуре, выявленной из затонувшего судна «Наньхай-1».

Раздел 5. Внедрение новых сельскохозяйственных культур и первая революция в производстве зерна

В основе цивилизации или культуры лежит использование природных условий и ресурсов. В северной части Южно-Китайского моря только во времена династий Сун и Юань люди стали лучше понимать местную климатическую среду, особенности и характер прибрежных низменностей и аллювиальных равнин, и начали развивать морскую сельскохозяйственную культуру, в центре которой стало землепользование. Это включало не только мелиорацию илистых и дельтовых равнин, как упоминалось выше, но и выращивание и внедрение новых культур, социально-экономические последствия и далеко идущие последствия которых четко запечатлены в истории морской культуры в Южно-Китайском море.

1. Внедрение рисового зерна из Чампа

Одним из крупнейших событий династии Сун стало внедрение и широкое распространение риса из Чампа. Это событие открыло новую веху в культуре риса в Китае, а провинции Гуандун и Гуанси были одними из мест зарождения китайского риса. Рис Чампа был произведен на Индо-Китайском полуострове и является высокоурожайным, раннеспелым, засухоустойчивым сортом риса, который культивировал народ Чампа (ныне центральный Вьетнам). В первые годы правления династии Северная Сун император Чжэньцзун обменял сокровища на 20 дань (прим. мера объёма сыпучих тел, равная 100 л) семян риса Чампа и посадил их в императорском дворце и в регионе Фуцзянь на пробной основе. Этот сорт устойчив к засухе, два урожая быстро созревают, и обладает высокой адаптивностью к местным условиям. Он подходил для выращивания как в равнинных, так и в холмистых районах, и вскоре успешно прошел экспериментальный засев. В 1011 году император Чжэньцзун из династии Северная Сун отправил своего посланника в Фуцзянь, чтобы собрать 30 000 драхм риса Чжаньчэн, который был распространен в регионах Янцзы, Хуайхэ и Гуандун. Высокое качество и блестящие характеристики этого сорта риса позволили ему стать превосходной зерновой культурой на юге страны, а благодаря различным географическим условиям на юге страны были культивированы новые сорта, что оказало глубокое влияние на рисовую систему провинций Гуандун и Гуанси. В своем родном регионе рис был оставлен расти естественным образом из-за отсутствия ирригационных сооружений, поэтому урожайность была невысокой. Засухоустойчивость и паводкоустойчивость риса Чампа развивались в этой специфической природной среде

и при грубых методах ведения сельского хозяйства. Однако после того, как он был выведен в провинциях Гуандун и Гуанси, условия земледелия изменились, особенно в дельте Жемчужной реки и дельте реки Хань, где в больших масштабах велось интенсивное земледелие, и его урожайность возросла. Согласно исследованиям, урожайность риса в районе Чаошань в период правления династии Юань составляла 377 кг/му, что на 7,7% больше, чем в предыдущий период. А к концу правления династии Цин урожайность еще выросла, до 606 кг/му, прирост составил 49,3%[62]. И это в основном было связано с внедрением риса из Чампа. Кроме того, в соответствии с тепловыми условиями на юге страны, при наличии достаточного количества рабочей силы и других социально-экономических условий, рис можно было выращивать три раза в год, а индекс засева земель был на 100% выше, чем если бы его выращивали два раза в год. Это стало возможным только с внедрением риса Чампа с коротким сроком созревания, что привело к возможности трех урожаев в год.

В период династии Сун в регионе Чаошань уже сформировались три системы земледелия: ранний рис и поздний рис, осенний рис и пшеница, осенний рис и зимние садовые культуры; на острове Хайнань эти культуры могли приносить три урожая в год. В результате производство зерна на юге страны значительно увеличилось, и большие площади посевов риса появились в дельте Жемчужной реки, на равнине Чаошань и океанических полях на восточном побережье полуострова Лэйчжоубаньдао, породив в этих регионах мир и процветание. Так что к моменту окончания правления династии Южная Сун в Чаочжоу имелись излишки риса позднего сбора, которые можно было поставлять в другие места. Исходя из огромного экономического и культурного эффекта, рис считается первой революцией[63] в производстве продуктов питания в Китае за последнюю тысячу лет и памятником в истории культуры риса провинций Гуандун и Гуанси. В производстве и потреблении риса в Китае преобладает короткозерный рис к северу от реки Хуай, а к югу — рис Чампа. Схема распространения этих двух сортов риса сформировалась с появлением сорта риса Чампа, который затем постепенно распространялся с юга на север, такая схема распространения установилась и наследуется до сих пор.

2. Внедрение подземного арахиса

Арахис также является важной масличной культурой, но его происхождение не в Китае, и обмен сортами как культурной

формой происходил между Гуандуном и другими районами Южно-Китайского моря во времена династий Сун и Юань. Существует две основные разновидности арахиса по размеру. Говорят, что мелкие семена арахиса были впервые завезены из-за границы. Песчаная красная (краснозем) почва провинций Гуандун и Гуанси подходит для выращивания арахиса, но, конечно, более важной причиной является расположение вблизи моря и удобные пути сообщения. В конце династии Мин и начале династии Цин из-за границы были завезены семена арахиса с высоким содержанием масла, и к концу династии Цин они стали основным маслом для повседневного использования, «заменив или сократив старую привычку готовить с салом и маслом из семян чая, а также оказав большое влияние на структуру питания и обычаи жизни людей, и открыв новое направление для использования больших площадей песчаной почвы в Китае». После этого Шаньдун стал крупнейшим регионом по производству арахиса в стране, за ним последовал Гуандун, известными районами производства стали Гаолэй, Хайлуфэн и равнина Чаошань. В этом смысле внедрение арахиса из-за рубежа в Китай было не менее революционным по своему культурному значению.

Глава VIII

Пик развития морской культуры в Южно-Китайском море в период династии Мин (1368-1644 гг.)

Эпоха династии Мин стала важным историческим периодом в социально-экономическом развитии провинций Гуандун и Гуанси. В этот период провинция Гуандун вышла из состояния отсталости в прошлом и вошла в число передовых регионов страны. Также начался расцвет морской культуры, возникла не только новая морская сельскохозяйственная культура, основанная на окружении прибрежных районов дамбами и использование земель под сельхозкультуры в устьях рек, таких как дельта Жемчужной реки и дельта реки Ханьцзян. Более того, развитие морского Шелкового пути привело к

беспрецедентному расцвету морской коммерческой культуры. В дополнение к приходу западной культуры с эпохи Возрождения, морская культура Южно-Китайского моря обогащалась и пополнялась новыми элементами, постепенно интегрируясь в мультикультурную систему. В результате этого сформировался новый расклад морской культуры Южно-Китайского моря, ознаменовавший пик ее развития.

Раздел 1. Исключительный доступ к морской торговле в Южно-Китайском море в условиях запрета морской торговли

1. Осуществление запрета морской торговли

После Великих географических открытий (прим. открытие новых земель и морских путей европейскими мореплавателями в XV-XVII вв.) европейские колонизаторы прибыли на восток, мир вступил в эпоху мореплавания, и постепенно сформировалось европоцентричный экономический миропорядок. К. Маркс отмечал: «Открытие Америки, плавание вокруг Африки открыли новые сферы деятельности для зарождающейся буржуазии. Увеличение рынков Восточной Индии и Китая, колоний в Америке, торговли с колониями, средств сообщения и товаров широкого потребления привело к небывалому подъему торговли, мореплавания и промышленности, а значит, и к быстрому развитию революционных элементов внутри разрушающегося феодального общества.»[64] Но в то время как Европа быстро развивалась благодаря морской торговле, империя Мин пошла в противоположном направлении: она отрезала себя от морей и океанов, проводя политику запрета на морскую торговлю, что привело к резкому упадку ее могущества на море. Например, вскоре после вступления на престол Чжу-юаньчжан, первый император династии Мин, (прим. 1328-1398 гг., девиз правления — Хунъю) объявил запрет на выход частных судов в море. Впоследствии этот указ неоднократно повторялся. Последующие императоры, включая императора Мин-чэнцзу (прим. посмертное (храмовое) имя императора Чжу-ди из династии Мин; годы правления (1402-1424), императора Мин-сюаньцзуна (прим. храмовое имя пятого императора династии Мин, Чжу-чжаньцзи, 1399-1435 гг.) и императора Мин Ин-цзун (прим. храмовое имя шестого и восьмого императора династии Мин, Чжу-цичжэня, 1427-1464 гг.), издавали указы о запрете морской торговли с иностранцами, и в форме «Законов Великой династии Мин», заставляя всех подданных безоговорочно соблюдать их, а те,

кто нарушал эти законы, подвергались суровым наказаниям. С одной стороны, такая политика приносила большие беды прибрежному населению, и вызывала сильное недовольство и сопротивление народа. С другой стороны, для центральной власти было невыгодно прекратить всю заморскую торговлю, поэтому правительство Мин внедрило систему «даннической торговли» и «управление торговых кораблей (прим. создавались в крупных портовых городах, в их задачи входил контроль за внешней и внутренней морской торговлей, а также обложение купцов налогом)» для осуществления максимального контроля и монополии на заморскую торговлю.

2. Исключительный доступ Гуандуна в области внешней торговли

Благодаря своему особому географическому положению и давней традиции морской торговли, власть династии Мин проводила в Гуандуне особую политику. Главным из этой политики было разрешение кораблям из стран, не приносящих дань минскому императорскому двору, вести торговлю в Гуандуне. Например, в четвертом году под девизом Чжэндэ (1509 год), когда Сиамский (прим. ныне Тайланд) корабль попал в шторм на море и дрейфовал в водах Гуандуна, городской инспектор разрешил Сиамскому кораблю торговать согласно соответствующим правилам. В следующем году (1510 год) такой подход был подтвержден Министерством церемоний (прим. ведало государственным церемониалом и экзаменами), которое посчитало, что «плывущие по морю странствующие купцы и иностранные суда» не являются кораблями приносящие дань императорскому двору и не подпадают под юрисдикцию управления торговых кораблей. Такой прецедент пошатнул, а затем разрушил принципы даннической торговли, установленные двором династии Мин. Со временем это способствовало развитию и процветанию частного мореплавания и местной торговли с иностранными купцами, и внешняя торговля Гуандуна стала вновь процветать.

Гуандунский корабль династии Мин. Предоставлена Гуанчжоуским музеем

Это было особенно актуально в 32-м году под девизом Цзяцзина (1522-1566 гг., годы правления минского императора Чжу-шицзуна) (1553 год) после того как Португалия, государство, не являющееся данником, оккупировала Макао и расширила свою морскую торговлю, данническая торговля в Гуандуне фактически прекратила свое существование, и всем государствам и частным лицам было разрешено вести морскую торговлю в Гуандуне. Это фактически открыло ворота Гуандуна, где стоял запрет морской торговли, позволив китайским и иностранным купцам свободно заниматься морской торговлей.

Далее, были упразднены управления торговых кораблей в Фуцзянь и Чжэцзян, подобное государственное учреждение осталось только в Гуанчжоу. Таким образом, провинция Гуандун стала единственным регионом, где могла осуществлять морская торговля. Все страны Южно-Китайского моря торговали с Китаем в Гуанчжоу. Императорский двор также установила, что товары с материка перед вывозом должны быть сосредоточены в Гуанчжоу. В первом году под девизом Лунцина (1567 год) запрет был снят с некоторых морских портов, но вся торговля данью по-прежнему концентрировалась в Гуандуне, а частная торговля по-прежнему была запрещена. Таким образом, город Гуанчжоу стал единственным в стране легальным портом для внешней торговли, а страны и регионы, которые использовали

Гуандун как канал для дани, были в основном сосредоточены вокруг Южно-Китайского моря, и на Гуанчжоу приходилась большая часть торговли с этими странами и регионами, и полученные выгоды были очевидны.

После того, как Макао был оккупирован и превратился в международный торговый порт, он стал вторичным портом для Гуанчжоу. Так взаимодополняющее взаимодействие между двумя портами укрепило позицию Южно-Китайского моря в международной морской торговле. Изначально Макао был небольшой рыбацким поселком под юрисдикцией уезда Чжуншань в устье Чжуцзян, с хорошим укрытием от ветров и условиями причаливания кораблей. В 1553 году португальцам было разрешено временно торговать на полуострове при условии уплаты таможенной пошлины в размере не менее 10%. В 1573 году португальцы арендовали землю, а в 1574 году им было разрешено арендовать Макао при условии подчинения юрисдикции китайских чиновников, и вскоре Макао превратился в центр евроазиатской морской торговли. Купцы из 46 стран и регионов приезжали в Макао для ведения международной торговли. Товары, экспортируемые из Макао, включали не только продукцию, произведенную в Гуандуне, но и большое количество товаров из провинций и регионов Гуанси, Фуцзянь, Аньхой, Цзянси и Чжэцзян, причем наиболее важными были шелк, чай, керамика и тростниковый сахар. Импортировались европейские шерстяные изделия, индийский янтарь, кораллы, слоновая кость, сандаловое дерево, серебряные юаны и серебряные изделия, особенно черный перец, который превосходил количеством. Португальцы получали огромные прибыли от торговли и вскоре стали богатейшими людьми в мире. В то время в Макао было много китайских и иностранных торговцев, даже пастыри местных монастырей, включая женских, занимались бизнесом. Статус Макао как мирового торгового порта сохранялся до рубежа династий Мин и Цин, когда после Опиумной войны его заменил Гонконг.

Макао связан с Гуанчжоу различными водными путями Жемчужной реки. В эпоху парусных судов порт Макао был легко доступен через Хаоцзян на материк и за границу. Большая часть импортных и экспортных товаров Макао направлялась в различные места через Гуанчжоу, поэтому под торговлей в Макао в значительной степени подразумевалась торговая деятельность Гуанчжоу, и в этом отношении Макао стал вторичным портом Гуанчжоу, выполняя функцию пропускного пункта. Хотя во времена династии Мин за пределами Гуанчжоу было несколько портов (например, Фошань), порт Макао имел преимущество перед другими портами, и гуанчжоуские

корабли должны были выходить в море через Макао. Подъем Макао значительно укрепило позицию и роль Гуанчжоу во внешней торговле страны, он накопил огромное богатство и стал основным источником дохода для императорского двора династии Мин. Под влиянием этого интереса в Южно-Китайском море процветало мореплавание, и морская культура достигла своего исторического пика, в то время как остальные моря Китая все еще находились под запретом морской торговли, морская культура была подавлена, и не могла сравниться с морской культурой Южно-Китайского моря.

Раздел 2. «Семь морских путешествий Чжэн-хэ на Запад и распространение китайской морской культуры во внешнем мире

Семь морских путешествий Чжэн-хэ стали беспрецедентным событием в истории Китая времен династии Мин и важнейшим событием в истории развития морской культуры в Южно-Китайском море. Оно не только ознаменовало лидирующее положение Китая в мире в области мореплавания и технологии кораблестроения, но и стало великим достижением в китайском морском исследовании и подвигом в истории мировых географических открытий. В своей работе «История китайской науки и техники» британский историк науки и техники Джозеф Нидэм отметил: «В золотой век Китая, около 1420 года нашей эры, флот династии Мин был, вероятно, лучше, чем у любого другого азиатского государства в истории, и даже лучше, чем у его европейских современников, да и всех европейских государств вместе взятых». Это высказывание говорит именно о Семи путешествиях Чжэн-хэ.

1. Исторический процесс

Путешествие Чжэн-хэ на Запад было не случайным событием, а продуктом определенных исторических условий. Прежде всего, была определена благоприятная материальная база. В годы под девизом Хунъю (прим. годы правления императора Мин, Чжу-юаньчжана в 1368–1398 гг.) экономика восстанавливалась и развивалась более быстрыми темпами, а государство было достаточно финансово сильным, чтобы организовывать масштабные экспедиции. Во-вторых, со времен династий Сун и Юань флотилия коммерческих судов Китая активно действовал в Южно-Китайском море и Индийском океане, выращивая и обучая квалифицированных специалистов, многие из которых

приобрели обширные знания в области мореплавания, а техника судостроения достигла значительного уровня. Опять же, будучи морской державой, Китай имел долгую историю торговли и дружбы с народами Азии и Африки. После прихода к власти императора Юнлэ он отменил «политику запрета морской торговли» Чжу-юаньчжана и разрешил иностранцам приезжать и торговать с Китаем, а также ослабил запрет на китайскую торговлю на море, что и стимулировало путешествия Чжэн-хэ.

Чжэн-хэ (1371-1435 гг.) в юношеские годы приехал в Пекин из Юньнани, чтобы работать евнухом, а затем стал исполнять обязанности старшего дворцового евнуха после службы у императора Чжу-ди из Янь (императора Мин-чэнцзу) во время его военного восстания. Географическое понятие «Запад» в разные времена использовалось для обозначения различных регионов. В годы жизни Чжэн-хэ оно относилось к северной части Индийского океана и его прибрежным районам к западу от Суматры, включая Бенгальский залив и его побережья, полуостров Индостан, Аравийское море и его побережья, Аравийский полуостров и побережье Восточной Африки. Традиционное представление о западном океане как о море к западу от Брунея (древней страны Борнео) является неточным. На самом деле, когда Чжэн-хэ отправился на Запад, люди унаследовали представления династии Юань о географии Запада.

Семь путешествий Чжэн-хэ преследовали определенные политические, экономические и военные цели, но в основном они были направлены на укрепление политического авторитета императорского двора династии Мин, провозглашение богатства и могущества Китая, освоение иностранных рынков, поиск заморских редких драгоценностей, исполнение желания императора Юнлэ создать великое царство и удовлетворение потребностей праздной жизни господствующего класса. Флот под командованием Чжэн-хэ был крупнейшим в мире в XV веке. Флот состоял примерно из 60 больших кораблей, которые могли перевозить тысячу человек, и более сотни малых и средних кораблей, иногда количество таких судов достигало до двухсот. Ширина самого большого из этих кораблей составляла около 60 метров. Однако считается, что длина самого большого судна составляла 55 метров, ширина — 13,3 метра, а водоизмещение — около 1200 тонн, что делало его крупнейшим морским судном в мире в то время. Затем последовала эпоха географических открытий. Корабли, использовавшиеся знаменитым Васко да Гама (прим. португальский мореплаватель эпохи Великих географических открытий) использовал свои корабли в плаваниях в Индийский океан. Самые большие

из этих кораблей имели водоизмещение не более 300 тонн; водоизмещение флагманского корабля, использованного Колумбом для открытия Америки в 1492 году, составляло всего 233 тонны, что намного меньше водоизмещения корабля-сокровища Чжэн-хэ. Постройка такого огромного корабля «Бао» показывает, что китайские кораблестроительные технологии были одними из лучших в мире в то время. Количество людей в каждом путешествии было разным, но не менее 27 000, включая дипломатических представителей, сопровождающих, технический персонал, финансовый, торговый, военный и другой персонал (переводчики, врачи, монахи) династии Мин. За двадцать девять лет, с 1405 по 1433 год, Чжэн-хэ совершил семь путешествий. Маршрут пролегал от Люцзягана в Тайцане, провинция Цзянсу, плыл на юг через Желтое море и Тайваньский пролив, посещал Южно-Китайское море, затем Малаккский пролив, выходил в Индийский океан, посещал Индию, Аравию и Восточную Африку. Восьмое плавание (1435 год) возглавил Ван-цзинхун, поскольку к этому времени Чжэн-хэ уже не стало, но оно не вышло за рамки первых семи плаваний. За эти 29 лет плавание преодолело более 100 000 ли и посетило более 30 стран. С тех пор никто больше не продолжил это славное морское экспедиционное дело. Вместо этого через пятьдесят три года после последнего плавания Чжэн-хэ (1486 год) Бартоломеу Диаш открыл мыс Доброй Надежды, через шесть лет после этого (1492 год) Колумб открыл Америку, а еще через шесть лет (1498 год) Васко да Гама обогнул мыс Доброй Надежды и достиг Индии. Эта серия открытий новых континентов и новых маршрутов является так называемым «Великих географических открытий» в современной истории мира. С тех пор феодальные общества в Европе быстро распались, а капитализм быстро развился после периода первоначального накопления капитала. Однако в Китае феодальный строй остался прежним, а Чжэн-хэ, как родоначальник китайского дальнего мореплавания, не имел своих последователей, и в итоге страны Запада обогнали Китай с большим разрывом. Справедливо, сказать, что это был результат упадка гнилой феодальной системы в Китае.

Культурное значение Южно-Китайского моря особенно велико, учитывая, что дальние плавания Чжэн-хэ всегда проходили через Южно-Китайское море. В 1911 году в районе Галле на Цейлоне была найдена сборная каменная стела на китайском, тамильском и персидском языках времен третьего путешествия Чжэн-хэ на Запад. Она содержит список предметов, принесенных в дар местному буддийскому храму. Это показывает, что Чжэн-хэ, как китайский посланник, принес мир, дружбу и

благословения народу Цейлона и полностью соответствовал цели морского Шелкового пути. Согласно «Морской карте Чжэн-хэ», было более 100 маршрутов (путей) в два конца с указанием береговых линий, устьев рек, островов, рифов, отмелей, прибрежных городов, гор, а также пагод, храмов, мостов и других объектов, которые могли быть использованы для навигации. На карте значится более 500 географических названий, в том числе более 300 иностранных. Большая часть из примерно 200 географических названий Китая находится в районе Южно-Китайского моря, что отражает тот факт, что Южно-Китайское море было важным и наиболее часто посещаемым морским районом в ходе путешествий Чжэн-хэ.

2. Значение дальнего мореплавания Чжэн-хэ

Успехи путешествий Чжэн-хэ были огромными, а их влияние — далеко идущим. Как великий мореплаватель, Чжэн-хэ продемонстрировал мудрость и силу китайского народа, а также свой дух мужества в борьбе с морями, не имевший аналогов в мире в то время. Путешествия Чжэн-хэ на Запад расширили возможности Китая вести торговлю с азиатскими и африканскими странами и оказали очевидное влияние на социально-экономическое развитие государства, например, на развитие судостроения, производства фарфора, шелкоткачества и других ремесленных производств в период правления династии Мин. Благодаря его путешествиям были открыты международные рынки для китайских ремесел, расширены горизонты китайского народа и укрепилась дружба между китайским и африканским народами. Все это общепризнанно и является предметом гордости всех потомков китайской нации.

Плавания Чжэн-хэ обогатили знания Китая в области морской географии, особенно в таких областях, как рельеф береговой линии, глубина моря и морская метеорология. Созданные в этот период некоторые научные работы, посвященные географической науке, также были обоснованы на результатах путешествий Чжэн-хэ и являются свидетельством развития морской культуры в Южно-Китайском море.

Знания китайцев о морской геоморфологии были широко задокументированы еще до династии Мин, также были составлены морские карты. Когда Чжэн-хэ готовился к своему путешествию, он проводил общий обзор прибрежных ландшафтов Южного океана и составил карты для руководства своим путешествием. Морские карты Чжэн-хэ были позже собраны в «Трактат о военной подготовке» (прим. энциклопедия

по военному делу, составленная в конце династии Мин) Мао-юань в поздние годы династии Мин, и сохранились до наших дней. Карта представляет собой длинный свиток, направление на котором обозначено контуром иглы, что сильно отличается от обычной карты севера и юга, и показывает береговую линию, горы, острова, песчаные отмели, мели, коралловые рифы и гавани, встречающиеся на пути от устья реки Янцзы до побережья восточной Африки. Чжэн-хэ также включил острова Южно-Китайского моря, которые уже давно были открыты и заселены нашим народом в древние века, и обозначил их такими названиями, как Шидан, Шисин Шидан и Ваньшэн Шидан. Мао-юань считал карты Чжэн-хэ настолько подробными и правильными, что они были включены в его книгу для будущих ссылок в плаваниях и морской обороне. Некоторые иностранные ученые изучили карты Чжэн-хэ и высоко оценили их точность. Все это свидетельствует о том, что Чжэн-хэ был выдающимся мореплавателем.

Глубина океана, включая субстрат, отмечается на морских картах. Когда к канату привязывают свинцовый груз (длиной 60 или 70 футов), нижнюю часть молота смазывают маслом и поднимают на дно. Зная глубину воды и качество дна, моряки могли лучше судить о положении корабля. Помимо карт, Чжэн-хэ и другие также написали книгу, похожую на руководство по мореходству, но она была утеряна. Это был важный инструмент для навигации по морю в сочетании с картами. Тексты на картах также свидетельствуют о том, что Чжэн-хэ объединил физику земли, астрономию, компасы и измерение глубины воды и грунта, тем самым выведя мореплавание на новый уровень. Путешествия Чжэн-хэ значительно укрепили дружбу между странами и народами Южно-Китайского моря. В частности, посланцы Малайзии и Сингапура, прибыли к императору Мин-чэнцзу и предложили подчиниться империи в качестве сателлитов, ежегодно выплачивая дань. Мин-чэнцзу удовлетворил эту просьбу и лично написал текст для стелы. Позже, когда Чжэн-хэ вернулся из своего третьего путешествия, король Малайзии Бэйли Мосе также посетил Китай со своей королевской семьей и более чем 540 чиновниками, и был принят Мин-чэнцзу с большим гостеприимством и щедрыми наградами. Мин-чэнцзу также написал оду, посвященную дружбе между двумя народами.

В начале XV века Африка все еще была мало неизвестна миру. В сознании европейцев Африка была всего лишь длинным и узким морским побережьем. Однако в книге «Синча шэнлань» дается яркое и подробное описание стран на восточном побережье Африки, к северу и югу от экватора. Эти страны были «сухими,

с малым количеством осадков, и земля была красной и желтой», «у жителей были курчавые волосы» и «они строили свои дома из камня», и там было много диких животных, слонов, львов, тигров, леопардов, жирафов, зебры и антилоп. Местные жители разводят верблюдов, крупный рогатый скот и овец. Среди товаров — ладан, слоновая кость и светлый янтарь. Эти страны часто обменивали слоновую кость и специи на шелк и фарфор, привезенные флотом Чжэн-хэ, а также дарили китайскому императору экзотических животных и птиц, на добрый жест флот также дарили местным жителям подарки. Такое общение стало символом давней традиции дружбы между Китаем и странами восточной Африки, и в то же время книга «Синча шэнлань» представляет собой первую подробную запись о географии восточной Африки.

Конечно, поскольку путешествия Чжэн-хэ преследовали преимущественно политические цели и не учитывали экономических интересов, они имели трагические результаты, то есть мотивация для путешествий Чжэн-хэ была очень слабой. Хотя политические цели могут быть мощным мотиватором на какое-то время, они гораздо менее устойчивы, чем экономические. Когда время меняется, первоначальная политическая цель вскоре исчезает, и плавание теряет свою мотивацию, поэтому всемирно известные ранние плавания династии Мин внезапно прекращают свое существование. Например, большинство товаров, которые Чжэн-хэ вез в своих путешествиях, были распределены в качестве подарков в различные страны по пути следования, а то, что он получил по обмену, было в основном предметами роскоши для удовольствия императорских особ и знати, что оказало ограниченное влияние на производство и развитие отечественных товаров. Стоимость каждого путешествия была настолько велика, что усугубляла финансовые трудности, и в результате не только не способствовала зарождению капитализма, но и имела множество негативных последствий, что стало поводом для некоторых людей обвинять путешествия в «порочной политике». В 1465–1487 годах все пошло совсем по другому сценарию: были приостановлены не только плавания, но и прекратилось строительство крупных кораблей того типа, на которых плавал Чжэн-хэ, и даже архивы путешествий Чжэн-хэ на Запад были сожжены. Такой исход был в основном результатом ошибочной политики ликвидаторства, принятой династией Мин, но были и другие объективные причины. Например, традиционное ограниченное представление китайцев о Земле, т.е. глубоко укоренившееся представление о Земле как о плоской, не позволяло путешествию стать кругосветным. В этом случае оно значительно уступало

традиционному европейскому представлению о шарообразной форме Земли. Недостатками традиционных китайских карт было также то, что на них не были указаны широты и долготы, а квадрат подходил только для мелкомасштабной, но не крупномасштабной картографии. Древние китайские карты мира не были развиты и не порывали с традиционной навигацией, а потому не привели к великим географическим открытиям. Таким образом, после Чжэн-хэ навигация и морская география в Китае начали сильно отставать.

Семь морских путешествий Чжэн-хэ проходили Южно-китайское море, и оставили огромное культурное богатство в виде морских географических названий. В «Морских картах Чжэн-хэ», помимо «Шисин Шитан», «Ваншэнь шитан» и «Шитан», под которыми подразумевались острова Дунша, Чжунша, Сиша и Наньша соответственно, были и другие географические названия, связанные с мореплаванием Чжэн-хэ: рифы Чжэн-хэ, острова Фэй-синь и риф Гун-чжэнь (оба были сопровождавшими Чжэн-хэ в его путешествиях). В соответствии с тем принципом, согласно которому названия следуют за своими владельцами, эти названия также свидетельствуют о суверенитете Китая над рядом островов в Южно-Китайском море.

Семь путешествий Чжэн-хэ в Южно-Китайское море не только оказали значительное влияние на историю, но и фигура Чжэн-хэ стала культом личности среди населения. Из человека он превратился в бога, заняв место на алтаре богов морей.

В Китае существует большое количество реликвий и мест, посвященных Чжэн-хэ. В провинции Фуцзяни, где Чжэн-хэ плавал чаще всего, имеются больше всего его статуи и легенд о нем, а жители Фуцзяни ему особо поклоняются.

Раздел 3. Импорт новых зарубежных сортов сельскохозяйственных культур и их преимущества

Во времена династии Мин процветание морских перевозок и торговли в Южно-Китайском море, особенно прибытие европейцев на восток с XVI века, открыло новую эру великого культурного обмена между Востоком и Западом. Если введение новых культур, таких как рис Чампа, во времена династий Сун и Юань привело к первой революции в производстве китайских продуктов питания, то введение новых культур, таких как батат (сладкий картофель), в конце династии Мин привело ко второй революции в производстве китайских продуктов питания.

Вторая революция была гораздо более масштабной и глубокой, чем первая, и является одним из самых известных событий в истории морской культуры в Южно-Китайском море.

Во времена династии Мин новые заморские сорта сельскохозяйственных культур были выведены в основном на побережье провинций Гуандуна и Фуцзяня, и только после успешных экспериментальных засевов они распространились в другие регионы. В основном это были батат, кукуруза, табак, арахис (крупные семена), ананасы, тыква, чили и капуста, которые были введены в конце династии Мин и значительно изменили способ использования земли в провинциях Гуандун, Гуанси и стране в целом, а также принесли разнообразные социально-экономические выгоды, в очередной раз продемонстрировав огромную силу морской культуры.

1. Импорт батата (сладкий картофель)

На юге страны произрастает сладкий картофель, научное название которого *Dioscorea esculenta* (Lour) Burk, а сладкий картофель был завезен из-за границы во времена династии Мин и является видом семейства вьюнковые, с научным названием *Ipomoea batatas* (L.) Poir.[65] Ошибочно путать батат со местным картофелем. Однако существуют различные теории относительно того, когда и где сладкий картофель был завезен в Китай, но название «батат» возникло именно в Гуандуне.

Статуя Линь-хуайланя. Фото предоставлено Парком скульптур городского уезда Учунь (в городском округе Чжаньцзян в провинции Гуандун КНР)

Какой бы ни была версия, неоспоримым фактом является то, что картофель пришел из-за границы и стал важным культурным трансфером. Будучи воротами для морского сообщения, Фуцзянь и Гуандун были первыми районами, куда был завезен сладкий картофель. В поздние годы династии Мин сладкий картофель превратился в основной продукт питания для местного населения провинций Фуцзянь и Гуандуна. Это сладкий картофель не выдерживает влаги и заморозков, на севере его нелегко выращивать, а в провинциях Фуцзянь и Гуандун может расти круглый год. На территории провинций Гуандун и Гуанси расположено большое количество гор, там больше солнца, есть большая площадь тропических субтропических почв, пляж песчаные почвы и другие подходящие для роста сладкого картофеля. Рис ограничен склоном и ирригацией, и в основном ограничивается речными долинами и бассейнами. Таким образом, сладкий картофель постепенно высаживается на террасах и холмах, а также на нижних склонах гор. Сладкий картофель — это высокоурожайная культура, которая может удовлетворить потребности бедных, спасти большое количество людей в годы голода, тем самым уменьшает потерь рабочей силы. Сладкий картофель, как корм, стимулирует развитие свиноводства и других семейных отраслей, впоследствии будет больше зерна, больше мяса, и биоудобрения, и все это было благодаря сладкому картофелю. Таким образом, как морская культурная форма, сладкий картофель скоро не только занял большое географическое пространство, но и глубоко укоренился в концептуальной культуре людей, образуя новый культурный ландшафт. Благодаря массовому культивированию в некоторых районах появились известные сорта сладкого картофеля. Из-за своих преимуществ сладкий картофель считается второй революцией в производстве продуктов питания в Китае после рисовых семян из Чампы во времена династии Сун, и это было правдой в

прошлом, и даже сегодня сладкий картофель не был поколеблен или заменен. Батат является основным продуктом питания для крестьян на юге страны, либо в виде половины риса и половины картофеля утром и вечером, либо в виде измельченного картофеля (ломтиков), смешанного с рисом для приготовления риса или каши. Это стало привычкой жизни в обширных горных или плоскогорных районах. В 1981 году сладкий картофель в Гуандуне составлял 98,9% от общей посевной площади и 99% от общего объема производства картофеля в провинции, из них площадь сладкого картофеля в Хайлуфэн и Цюнлэй составляла около 30% [66] от посевной площади местных продовольственных культур и была распространена на больших территориях. Тот факт, что от введения одного сорта сладкого картофеля до одомашнивания и выращивания других сортов, а также его разнообразное промышленное использование, и в привычной пище, превращенной в различные блюда, и т.д., действительно является богатством, расширением и инновациями культурного подтекста сладкого картофеля, отражающего великолепную славу морской культуры Южно-Китайского моря.

2. Импорт кукурузы

В период династии Мин другой продовольственной культурой, которая была завезена из-за рубежа раньше сладкого картофеля, была кукуруза. Гуандун был первым местом внедрения кукурузы в Китае, вероятно, из Индии, Бирмы или Центральной Азии в Юньнань, или из Южно-Китайского моря в Гуандун, где она позже распространилась по всей стране. Экологические характеристики кукурузы не были подробно описаны в местных хрониках Гуандуна вплоть до династии Цин. Однако в регионе дельты Жемчужной реки кукуруза не была основным продуктом питания, поэтому ее выращивание было ограниченным, и ее изредка сажали перед деревнями и за домами. Кукуруза — сухая, грубая, устойчивая к болезням, высокоурожайная культура, которую можно выращивать на высоких склонах, где рис и другие зерновые не подходят, и на холмах, где затруднено орошение, поэтому после внедрения в эти районы она хорошо росла. В поздние годы династии Мин и в первые годы династии Цин в Гуанси была завезена кукуруза, которая вскоре стала одной из основных продовольственных культур, обеспечивая в горах продовольственный паек на один-два месяца или даже на полгода. Позже ее засева расширились в этом районе, и многие жители западной Гуйчжоу, северной Гуандун, Хайнаня, чжуань, ли, мяо и яо, а также другие горные народы жили за счет

кукурузы. Таким образом, горы приобщились к цивилизации, которую дало море. Кроме того, из-за боязни морозов сладкий картофель можно было сажать только на нижних склонах, создавая вертикальный сельскохозяйственный пояс с кукурузой наверху и сладким картофелем внизу, превращая бесполезную землю в плодотворную. Таким образом, благодаря импорту сладкого картофеля наметилась новая направленность землепользования на юге страны.

3. Импорт табака

Изначально табак производился в Северной и Южной Америке, затем западные колонизаторы привозили его в Юго-Восточную Азию, а затем в Китай, в провинции Фуцзянь и Гуандун. Некоторые исследователи считают, что табак был завезен с Филиппин в Фуцзянь и Гуандун, а затем в Цзянси, Чжэцзян, в провинцию Хунань и Хубэй и на юго-запад Китая. Другой путь пролегал с Филиппин в Макао, затем на Тайвань, а потом на материк в начале XVII века. Еще один путь пролегал из Южных морей или Вьетнама в Гуандун. Независимо от различных теорий, табак был завезен в Китай с середины-конца XVI века до начала XVII века, причем Гуандун был одним из первых районов, через который проходил морской транспорт.

Табак обладает эффектом лечения простудных заболеваний и удаления миазмов лихорадки. Однако постоянное его применение приводит к наркомании, из-за чего табак был запрещен императорской властью династии Мин, а те, кто грубо нарушал запрет, карался смертной казнью. Однако в то время курение уже становилось социальной тенденцией, и те, кто запрещал, запрещали самого себя, а те, кто курил, так и курили. Поэтому запрет существовал только на словах. В начальные годы династии Цин табак приобрел популярность по всей стране и стал потребительским товаром для широких слоев населения.

Табак имел опору в народных массах, и вскоре площадь возделывания расширилась. В годы под девизом Даогуана гуандунские солдаты отправились на север и также привезли туда табак. В годы правления императора Цяньлун табак был включен в перечень товаров в ряде регионов, включая Гуандун. К годам под девизом Даогуана табак был широко представлен на территории провинции Гуандун. Преобладание товарных культур над рисом было новым явлением сельскохозяйственной культуры, возникшим в дельте Жемчужной реки после середины правления династии Мин не только как проявление зарождения капитализма, но и как результат использования

сельскохозяйственных земель приморской культурой.

Раздел 4. Бурное развитие морской сельскохозяйственной культуры, использующей море в качестве поля

1. Пolder в дельте Жемчужной реки

Во времена династии Мин, по мере расширения и углубления деятельности человека, увеличился объем отложений крупных рек в северной части Южно-Китайского моря, и развитие эстуарных дельт и прибрежных илистых отмелей становилось все более и более процветающим, обеспечивая достаточные ресурсы для эксплуатации человеком, и, таким образом, морская сельскохозяйственная культура достигла еще более высокого уровня развития. В частности, в прибрежных районах дельты Жемчужной реки наблюдалось постоянное увеличение количества песчаных берегов, которые стали основным объектом крупномасштабной мелиорации. По данным «Сельскохозяйственного журнала дельты Жемчужной реки», за 276 лет правления династии Мин в прибрежных низменностях дельты Жемчужной реки была построена 181 дамба общей протяженностью 220 400 чжан, что более чем в два раза больше, чем за 400 лет правления династий Сун и Юань, и не только на двух берегах реки, но и в период расцвета пляжных polderов. В дельте реки Хань в период династии Мин активно совершенствовался проект по сохранению водных ресурсов реки Хань. На восточном побережье полуострова Лэйчжоубаньдао, на основе морских дамб эпохи Сун и Юань, полуостров стал крупнейшим экспортером продовольствия в провинции Гуандун во времена династии Мин. Начиная с периода династии Цин илистые участки и эстуарные дельты прибрежных районов Гуандуна и Гуанси широко распространились в сторону моря. Масштабы и скорость возделывания земель были намного выше, чем при династии Мин. Согласно неполным статистическим данным, общее количество дамб, построенных в дельте Жемчужной реки за 200 лет правления династии Цин, составило 272, что более чем на 50% превышает общее количество дамб, построенных при династии Мин. Эти новые мелиорированные земли, стали важными производственными площадями для выращивания риса и технических культур и сыграли важную роль в ослаблении давления на землю со стороны растущего населения, развитии коммерческого

дамбового сельского хозяйства и стимулировании роста зарождающегося капитализма.

Во времена династии Мин жители провинций Гуандун и Гуанси боролись с морями за землю с применением высоких технологий, что является явным признаком развития морской культуры в Южно-Китайском море. Жители дельты Жемчужной реки изобрели новые методы для ускорения заиления песков на полях. Этот тип земли образуется в результате заиления речного аллювия, как правило, она проходит длительный процесс развития. Жители дельты Жемчужной реки делят его на пять этапов: плавание рыбы (осадок находится на 2–3 метра выше поверхности воды), гребля (небольшие лодки могут добраться до ила), стойка журавля (осадок плывет вместе с приливом, и журавли могут добывать пищу на поверхности), травяной участок (песчаный плоский участок может быть засажен водными растениями) и загон (травяной участок находится на поверхности воды и может быть рекультивирован), полностью отражая двойную роль природных и человеческих сил, прежде чем земля может быть рекультивирована из воды. Развитие прибрежных полей является результатом ряда природных и человеческих факторов, включая гидрологию реки, геоморфологию побережья и деятельность человека. Из-за различий в условиях осадконакопления поля на отмелях наиболее развиты в устьях рек и заливах, по обеим сторонам берегов рек, в зонах неподвижной воды в конце островов и между основными линиями течения. Понимая эти законы, мы можем воспользоваться возможностью ускорить процесс осаднения и своевременной рекультивации, принося пользу для человечества. Кроме того, такие методы, как бросание камней, посадка травы и забивка свай, также используются для содействия заилению с целью скорейшего создания полей. Например, в округе Танчжоу города Чжуншань, где начали мелеть еще во времена династии Мин, к династии Цин в период Гуансюй (1875–1908 гг.) было обработано десять тысяч гектаров заливных рисовых полей. На территории современного Паньюй в поселке Ваньцинша в период с 18-го по 29-й годы под девизом Даогуан (1838–1849 гг.) было огорожено и запружено 145 га песка и гравия, со средним ежегодным расширением на 12 га, а к 18-му году под девизом Гуансюй (1892 год) было огорожено 4 000 га, что заложило прочную основу для превращения Ваньцинша в зернохранилище дельты Жемчужной реки. Прибрежный народ провинций Гуандун и Гуанси намного опередил конкурентов в борьбе за землю с рекой и морем. И это тоже знак того, что море принесло пользу человечеству.

2. Развитие сельского хозяйства на базе плотин

При династии Мин была завершена мелиорация Жемчужной реки, реки Хань, дельты реки Моян и илистых берегов. Земля, которая была окружена (прибрежные земли дамбой) и распахана под сельхозкультуры у переднего края дельты Жемчужной реки, была известна как прибрежное поле. Эта земля, полученная с моря, была не только новым зернохранилищем, но и важной базой для выращивания промышленных культур. Развитое коммерческое сельское хозяйство дельты Жемчужной реки в эпоху династии Мин, включая тутовые, тростниковые и фруктовые рыбные пруды, было основано на мелиорации прибрежных полей. Само собой разумеется, что прибрежные поля производили огромное материальное богатство. Это подарок моря жителям дельты Жемчужной реки. Хотя дельта Жемчужной реки имеет долгую историю шелководства, до династии Мин оно не было широко известно. Со середины правления династии Мин город Гуанчжоу почти монополизировал внешнюю торговлю страны, а Макао превратился в международный торговый порт, через который на международный рынок поступало большое количество шелка-сырца, что значительно стимулировало развитие шелководства в дельте Жемчужной реки. С другой стороны, во времена династии Мин в процессе мелиорации низменностей и предотвращения наводнений, жители дельты Жемчужной реки создали комбинацию прудов, водоемов в сочетании с полями, на которых высаживали тутовники, тростники и фрукты. Среди них рыбоводческие пруды на основе тутовника могут органично сочетать посадку тутовника, шелководство и рыбоводство, полностью используя материальные и энергетические циклы между ними для формирования особой искусственной экосистемы, которая может достичь наилучших экономических, экологических и социальных преимуществ в географических условиях дельты Жемчужной реки. Поэтому, сформировавшись, она развивалась не медленно, а скачками, и быстро заняла доминирующее положение в землепользовании в дельте Жемчужной реки.

Причина быстрого развития тутовых прудов и достижение стольких преимуществ, заключается в том, что тутовые пруды наполнены бесконечной жизненной силой за счет круговорота материала и энергии. Во-вторых, благодаря высокому положению полей и низкому положению пруда, пруд имеет синусные ворота для управления накоплением и сбросом воды внутри пруда, так что он не боится ни наводнений, ни засухи. Хотя в Гуандуне часто идут ливни, на базе пруда круглый год растут сельскохозяйственные культуры, что предотвращает эрозию почвы. С другой стороны, на базе пруда можно

высаживать такие культуры, как арахис и соя, а некоторые даже устанавливают на базе укрытия для дынь, чтобы сохранить воду прохладной, и температура воды не высока даже в летний сезон, что благоприятно для разведения рыбы. На базе пруда также используются органические удобрения, что помогает защитить окружающую среду и поддерживать экологический баланс. Наконец, база пруда может быть продуктивной круглый год, можно было организовать более разумный график сельской работы, подходящей и для женщин, и для людей пожилого возраста. Таким образом, все ресурсы могли использоваться основательно, и не было лишнего участка земли и сезона простоя. Так люди могли, используя ограниченную площадь земли, обеспечить больше людей едой.

Пруды для разведения рыбы в дельте Жемчужной реки

Саморасчесывающиеся женщины (прим. сообщество женщин в южной части Китая на рубеже 19–20 веков, самостоятельно укладывающих свои волосы в прическу замужней женщины, чтобы показать, что они не собираются вступать в брак до конца своей жизни) в районе Шуньдэ. Фото предоставлено Управлением по делам культуры, телерадиовещания и печати городского округа Фошань

Обработка шелка требует большого количества рабочей силы и в этом плане привлечь местное население. Говорят, что в шелковой промышленности в Шуньдэ ежегодно было занято 100 000 работниц, причем некоторые из них, чтобы заработать на жизнь, вели безбрачный образ жизни, образуя особую, уникальную в стране группу — саморасчесывающиеся женщины[67]. Вот почему в таких районах уровень безработицы был невысоким. Мужчины занимались земледелием, а женщины — ткачеством, семьи жили в гармонии, а общество было в мире и согласии. Такое сочетание использования ресурсов является большим вкладом в человеческую цивилизацию жителей дельты Жемчужной реки, поскольку приносит хороший экономический доход, поддерживает хороший экологический баланс и сохраняет относительную социальную стабильность.

Благодаря такому типу сельского хозяйства, начиная с середины династии Мин, дельта Жемчужной реки стала богатым регионом в Китае.

3. Достижения в рыбном и соляном промысле

Во времена династии Мин морская культура провинций Гуандун и Гуанси. «где море было основой для земледелия», также в полной мере проявилась в аквакультуре и рыболовстве, и здесь было много инноваций. К концу династии Мин и в

начале династии Цин устриц стали выращивать в больших масштабах на побережье Гуандуна. Хотя эта технология была впервые замечена в эпоху династии Сун, ее еще не производили в больших масштабах. Другие моллюски, которых разводят искусственно, включают червей и восковиков — яркие примеры эффективного использования морского побережья. Но самым известным из всех является искусственное разведение жемчуга. Начиная с династии Хань, сбору жемчуга уделяли большое внимание во все династийские периоды, однако он превратился в проявление тирании, когда профессиональные сборщики жемчуга спускались в море для сбора жемчуга, и часто погибали. В период династии Сун были разработаны технологии производства искусственного жемчуга, но его объем был скромным. Во времена династии Мин жемчуг собирали в больших масштабах вдоль побережья юга Китая, и он был объектом грабежа как феодальных чиновников, так и богачей. В «Гуандунских неологизмах: о товарах» говорится о десятках тысяч лянов жемчуга, которые поставлялись в Гуанчжоу, за ночь распродавались. Существует поговорка «золото уступает жемчугу», указывающая на то, что жемчуг несет в себе очень значимую культурную ценность. Именно поэтому в начале правления династии Хань на острове Хайнань, когда только начали образоваться уезды, самый большой из которых назывался уезд Чжуя, то есть названный в честь жемчуга.

Освоение богатых солевых ресурсов также было одним из основных компонентов морского земледелия. Коренной народ юэ в провинциях Гуандун и Гуанси еще в древности умел производить соль из морской воды. Во времена династии Тан соляные промыслы были в округах Чаочжоу, Гуанчжоу, Эньсянь, Цюнчжоу и Чжэньчжоу. А в период династий Сун и Юань соляная промышленность получила дальнейшее развитие. Торговля солью традиционно находилась под жесткой государственной монополией, частное производство и торговля солью были серьезным преступлением. Во времена династии Мин технология сушки соли была широко внедрена в Гуандуне, что значительно ускорило развитие соляной промышленности и использование ресурсов морской воды. В 1369 году в Гуандуне и Хайбэе были созданы два соляных департамента, в юрисдикцию которых входило 29 соляных промыслов вдоль побережья от острова Хайнань до Жаопин в восточной части Гуандуна. Согласно «Географическим описаниям провинции Гуандун», в Гуандуне в годы под девизом Хунъю (1368–1398 гг.) насчитывалось около 50 000 солеваров, но в период Цзяцзина их число сократилось до 30 000. Ежегодное производство соли в Гуандуне в период Хунъю составляло 73 800 инь (единица

веса соли), что составляло 20% от национального производства соли в тот же период, что делало Гуандун одной из основных соледобывающих провинций Китая. Согласно историческим записям, объем налога на соль в Гуандуне составляло около 20 000 лян серебра в год, а в 10-м году под девизом Цзяцзин (1531 год) в Гуандуне были собраны налоги на железо в объеме 8 290 лян серебра, что было намного ниже объема налогов на соль. Именно поэтому налог на соль стал одним из основных источников регионального финансовых поступлений и одним из факторов, влиявших на стабильность общества, а также важным проявлением взаимосвязи между элементами морской культуры Южно-Китайского моря и развитием материкового общества.

Во времена династий Мин и Цин морское рыболовство в Южно-Китайском море получило стремительное развитие, и многие прибрежные районы зависели от рыболовства как источника средств к существованию. Развитие морского рыболовства зависело от совершенствования рыболовных снастей. В период династии Мин в провинциях Гуандун и Гуанси была образована многоуровневая система морского рыболовства. Согласно историческим записям, рыболовные снасти использовались на реках и морских побережьях, причем существовали снасти для разных глубин, субстратов, рыб и сезонов, с разным уловом рыбы. В годы правления императора Цяньлуна (1736–1795 гг.) в водах залива Бэйбу появились большие рыболовные суда «Мэнтоу» с высоким уровнем ветроустойчивости и водоизмещением до 295 тонн. Эти корабли плавали не только у берега, но и в обширных водах островов Южно-Китайского моря.[68]

Рыбаки Макао ловят прыгающую рыбу Любезно. Фото предоставлено Музеем Макао

Раздел 5. Становление Макао как центра культурного обмена между Востоком и Западом

Макао занимает особое место в истории морской культуры Южно-Китайского моря. Благодаря своему географическому положению на пересечении суши и моря и портовым условиям, Макао с XVI века был портом морской торговли между Китаем и Западом, а также первым центром контактов и обмена между китайской и западной культурами, оказавшим глубокое влияние на ход истории Китая и распространение его культуры за рубежом. Исторический статус Макао снизился, а его значение уступило Гонконгу лишь после Опиумной войны, но он представляет яркую страницу в истории морской культуры Южно-Китайского моря.

1. Историческая географическая обстановка в Макао

Макао находится на западной стороне устья Жемчужной реки, на одном полуострове в южной части уезда Сяншань (ныне город Чжуншань). Первоначально, на этом полуострове находился храм Мацзу, который португальцы произносили как «Масоу». Согласно исторической записи 1840 года площадь полуострова составляла 2,78 кв. км, но с тех пор она увеличилась за счет заиления, расширения и освоения прибрежной полосы и в 1993 году достигла 7 кв. км. В 1910 году площадь островов Тацай и Колоан составляла 1,78 кв. км и 5,61 кв. км соответственно, к 1993 году они увеличились до 4,5 кв. км и 7,8 кв. км, а площадь всего Макао в том же году составляла 19,3 кв. км, а в 1997 году выросла до 21,45 кв. км. К счастью, под действием отклоняющих сил вращения Земли осадочный материал из Жемчужной реки дрейфовал на запад и оседал в водах вокруг

Макао. С одной стороны, это позволило Макао получить ценную землю с воды для расширения города; с другой стороны, отложение осадка сделало гавань мелководной, препятствуя причаливанию и движению судов в гавань и из нее. В эпоху парусных кораблей малая осадка судов не оказывала большого влияния на Макао, но в эпоху океанских лайнеров гавань Макао стала недостаточно глубокой для размещения огромных судов, в результате чего порт постепенно сдавала свою позицию, и в качестве транспортного узла морского торговли потерял опору своего экономического развития. С тех пор город пришел у падок, а его экономика исключительно опирается на отрасль азартных игр и лотерей.

Макао расположен в середине морского пути между Юго-Восточной и Северо-Восточной Азией, находится в 2500 километрах от Токио на северо-востоке, в 2600 километрах от Сингапура на юго-западе, в 1200 километрах от Мани на Филиппинах на юго-востоке, в 105 километрах от Гуанчжоу на севере и всего в 61 километре от Гонконга. Благодаря своему географическому расположению Макао имеет относительно обширную внутреннюю территорию, как к морю, так и к материк, связывая Восток и Запад и проникая вглубь материкового Китая. В течение более трех столетий Макао был настоящим международным транспортным узлом и центром культурных обменов между Востоком и Западом.

2. Формирование и влияние китайского и западного культурного обмена в Макао

После Великих географических открытий XV века европейские колонисты в поисках золота, рынков сбыта своих товаров и с целью захвата рабочей силы двинулись на восток в XVI веке начали колонизацию чужих земель в пиратском стиле, положив начало «влияния западной моды на восток». Выгодное расположение Макао в качестве международного транспортного узла вскоре было замечено европейскими колонизаторами. Вскоре город превратился в международное общественное место жительства, и люди разных цветов кожи, национальностей и этнических групп приезжали в Макао или ждали возможности попасть на материк, где западная культура прижилась и развивалась, превратив его в многокультурный город. Западные религии, в частности, сначала закрепились в Макао, а затем распространились на материке. В 1576 году Папа Римский учредил в Макао епархию, отвечающий за католические миссии на Дальнем Востоке, первой остановкой которых стал Гуандун. В 1565 году в Макао был основан Пансионат

Святого Павла, который в 1609 году был преобразована в колледж, ставший первым высшим учебным заведением в истории Макао. В основном колледж принимал европейских миссионеров и некоторых китайских и японских учащихся. Максимальное количество студентов составляло 80 человек, а минимальное — 28. Число иезуитов, окончивших этот колледж и ставших миссионерами в Китае, составило около 200 человек, что составляет около 50% от 472 миссионеров, прибывших в Китай за период династий Мин и Цин. Многие из них были исследователями китайской культуры и опубликовали множество работ, что внесло вклад в культурный обмен между Китаем и Западом.

Храм Мацзу (богиня-покровительница мореходов в китайской мифологии) в Макао

Узоры водной ряби и морепродуктов на дорогах Макао. Фото:
Сыту Шанцзи

Около 30 китайских католиков-стажеров изучали теологию в этом колледже, почти все они были из Макао, и несколько человек из Синьхуэя в Гуандуне, Чэнгу в Шэньси и Чаншу в Цзянсу. Все они имели китайское культурное происхождение и сыграли важную роль в распространении западной религии в стране. Последний раз Колледж Святого Павла был уничтожен пожаром в 1835 году, и с тех пор от него остался только каркас, который стал туристической достопримечательностью Макао.

Узоры водной ряби и морепродуктов на дорогах Макао. Фото: Сыту Шанцзи

Макао считается городом слияния китайской и западной культуры, с высокой степенью культурного потенциала, который распространялся вовне. Это было двустороннее движение, включавшее в себя как распространение западных знаний на Восток, так и изучение восточной культуры, что было редкостью в мире в то время. Основными научными трудами, попавшими в материковый Китай через Макао, были математические, такие как «Начала» Евклида (1606 год), которая была продиктована Маттео Риччи (прим. 1552–1610, итальянский миссионер-иезуит, математик, картограф и

переводчик) и переведена Сюй-гуанци (прим. китайский ученый в области сельского хозяйства, математики и астрономии, переводчик, активный проповедник христианства, 1562–1633 гг.), и перевод «Методов измерения» (1607 год), который был продиктован Риччи и переведен Ли-чжицзао (прим. 1565–1630, китайский католик, миссионер, переводчик), и соавторство «Измерения. Различия и сходства» (1613 год), «Начало западной математики в истории китайской математики».[69] Это был первый случай в истории китайской математики, когда западная математика была представлена в Китае. Существует множество других математических работ, которые внесли большой вклад в развитие современной китайской математики. Учебник по геометрии «Начала» до сих пор используется в средних школах. Риччи также познакомил китайцев с западной астрономией, календарной системой, географией и картографией. Западная медицина и фармакология также были представлены на материке, а их рупором стал Макао. В 1569 году Карнейро открыл в Макао первую в Китае больницу западного образца, предлагавшую как терапевтическое, так и хирургическое лечение, а также лабораторные обследования. С тех пор в Макао появились больницы западного образца, а также специализированная офтальмологическая клиника, где за пять-шесть лет 6000 пациентов получали бесплатное лечение. В то же время британский врач, доктор Циннер, с 1781 по 1800 год внедрил в Китае метод прививки для профилактики оспы. В 1805 году британский врач Пирсон успешно сделал прививку против коревой оспы в Макао и написал книгу под названием «Замечательная книга о коревой оспе», которая позже была переведена на китайский язык и опубликована. С тех пор искусство методы лечения оспы прививкой распространилось в Гуанчжоу и других местах. Первая вакцинация была проведена в тринадцати коммерческих фирмах-посредников Гуанчжоу. В течение 30 лет в общей сложности был вакцинирован миллион детей, и были получены хорошие результаты. Позже вакцинация в Китае обрела всенародный характер, и о ней хорошо отзывалось население по всей стране.

Кроме того, основные теории и прикладные технологии естественных наук, такие как физика и инженерная физика, гидрология, архитектура и строительные технологии, также были переданы на материк через Макао и внесли свой вклад в научно-технический прогресс Китая.

Макао также стал форпостом для распространения на материке западных гуманитарных и социальных наук, включая лингвистику, фонетику, философию и этику, а также искусство и музыку, некоторые из этих наук сначала стали популярны в Макао, а

затем распространились на материке. Конечно, эти западные науки и гуманитарные дисциплины пришли с иезуитами как средство достижения миссионерских целей, но в любом случае они внесли большой вклад в то, чтобы открыть глаза замкнутым и консервативным китайцам, расширить их кругозор и изначально применить их на практике.

Культурный обмен между Востоком и Западом был движением двусторонним и интерактивным процессом. В то же время, когда культура Запада росла на Востоке, европейцы также начали учиться у Востока и распространять его культуру на Западе. Распространение китайской культуры в Европу через Макао иезуитами также было тенденцией, начавшейся в конце правления династии Мин, причем главным каналом стало Южно-Китайское море. Сюда входят китайская конфуцианская философия, китайская экономическая мысль с акцентом на сельское хозяйство, китайский язык, классическая литература, китайская медицина и траволечение, математика, китайское искусство и ремесла, живопись и архитектурное искусство, а также китайские традиции и обычаи. По приблизительным подсчетам, в период с XVI по XVIII века иезуитами были переведены и написаны 82 труда [70], охватывающих широкий круг научных направлений, включая такие значимые книги, как «Четверокнижие» и «Пятикнижие». Влияние китайской культуры на западные страны было далеко идущим и до сих пор продолжается. Распространение конфуцианства в Германии вызвало колебания в современной немецкой классической философии. Классический немецкий философ Лейбниц был настоящим приверженцем конфуцианства и, таким образом, стал основателем этой школы в Европе. В 1697 году в своей книге «Последние события в Китае» он отметил, что «сила европейской культуры заключается в математических и интеллектуальных науках, и что даже в военных вопросах Китай уступает Европе, но в практической философии европейцы значительно уступают китайцам». Китайская идея аграрного хозяйства, с другой стороны, способствовала формированию классической политической экономии во Франции и Англии. Основатель французской дисциплины аграризма Франсуа Кенэ, изучал китайские трактаты, переданные из Макао, мысли Фуси, Яо, Шуня и Конфуция, и черпал суть их идей о естественном порядке и законах природы. В 1851 году он написал «Экономические таблицы», а в 1868 году — «Китайское самодержавие» и «Законы природы», отстаивая идею, что сельское хозяйство — единственный путь к увеличению богатства. В своих работах он призывал правительство изменить свою политику, которая пренебрежительно относилась к

сельскому хозяйству и препятствовала его развитию. Классик британской политической экономии Адам Смит вобрал в себя суть «естественной свободы» Конфуция и «свободной экономики» Сыма-цзяня и написал «Богатство народов», которое стало классическим трудом по политической экономии и сохраняет свое значение до сих пор. На рубеже периодов династий Мин и Цин роман «Легенда о прекрасной паре» был переведен на английский язык британским купцом Вэй-цзинсэнем в Макао и Гуанчжоу, вызвал большой ажиотаж в Европе и впоследствии был опубликован на французском, немецком, голландском языках и более чем в 20 сборниках. Знаменитый поэт Гете высокопарно заметил: «У китайцев миллион таких романов, и они начали писать их, когда наши предки еще жили на деревьях!».[71] Китайская медицина и траволечение распространились в Европе и не только использовались местным населением для лечения болезней, но и послужили ценным материалом для научных исследований. В книгах Дарвина «Происхождение человека» и «Мутация животных и растений при одомашнивании» во многих местах цитируется «Компендиум лекарственных веществ» Ли-шичжэнь (1518–1593, китайский врач дин. Мин). Китайский фарфор, садовое искусство и лаковые изделия были популярны среди европейцев, а расписная мебель из Гуанчжоу была отправлена в Англию, где пользовалась большой славой. В Европу поставлялся китайский чай, что побудило европейцев пить чай, особенно англичан. Даже обычай сидеть на паланкине был введен в Европе из Макао, и французы последовали примеру китайцев, и езда на паланкине на время стала некой модой во Франции. Это свидетельствует о частых обменах и взаимном влиянии, которые происходили между Китаем и Западом, от материальной культуры до нематериальной, с Макао в качестве центра этих обменов после окончания правления династии Мин, что сделало Макао, крошечное место, центром внимания в истории культурных обменов между Китаем и Западом. Именно на это указывал профессор Пекинского университета в своем предисловии к неопубликованной в 1773 году книге профессора Чэнь-яня «Морской шелковый путь и культурные обмены между Китаем и Китаем»: «За 5000 лет китайской истории было несколько кульминационных моментов культурных обменов». Последним, и самым важным, был приход западной культуры. Отправной точкой этого прихода был, хронологически, конец династии Мин и начало династии Цин, географически это был Макао. На протяжении всего периода династии Цин, длившаяся почти триста лет, эта передача была прерывистой, но никогда не прерывалась (конечно, китайская культура также передавалась на Запад, но это не та тема, о которой мы здесь

говорим). «Движение 4 мая» (прим. антиимпериалистическое, преимущественно антияпонское, движение в Китае в мае-июне 1919 года), каким бы мощным оно ни было, было лишь остатком этого культурного обмена. Жаль, что так мало внимания уделяется очень важному месту Макао в культурном обмене между Востоком и Западом. Я говорю об этом, основываясь исключительно на исторических фактах. В конце династии Мин и в начале династии Цин именно португальцы были первыми, кто распространял западную культуру в Китае, и опорный пункт находился в Макао».

Раздел 6. Прибытие Маттео Риччи в Гуандун

Первая нарисованная Маттео Риччи в Чжаоцине карта мира на китайском языке. Предоставлена Ли Фэном

До прихода европейского колониализма в XVI веке морская культура провинций Гуандун и Гуанси находилась под влиянием в основном заморских культур, таких как индийская, персидская, арабская и культура Юго-Восточной Азии, которые позже постепенно вытеснялись европейской культурой. Именно в период замена вышеуказанных заморских культур европейской в Китае выделялась фигура Маттео Риччи, которого современники считают «первым человеком, соединившим Восток и Запад». Он провел двенадцать лет в качестве миссионера в Гуандуне, первым принес в Гуандун культуру западных технологий постренессансного периода. В этом смысле Маттео Риччи был эпохальной фигурой, поскольку он первым распространил западные технологии и культуру эпохи Возрождения в Гуандуне, а затем и в других провинциях и регионах, влив новые питательные вещества и жизненную силу в морскую культуру юга Китая, тем самым заложил историческую основу для ее последующего развития в Китае того времени.

1. Жизнь Маттео Риччи в Чжаоцине (городской округ в провинции Гуандун)

Маттео Риччи (MatteoRicci 1552-1610) — итальянец, следуя за древними китайскими традициями также носил имена Сицзян и Ситай. В молодости он изучал богословие и естественные науки, стал очень эрудированным, уверовал в Иисуса и твердо решил посвятить себя миссионерской работе. В 1582 году Маттео Риччи по приказу церкви прибыл из Индии в Макао, который к тому времени был уже отдан в аренду португальцам. В Макао он прошел различное обучение китайской культуре и был хорошо подготовлен. В сентябре 1583 года Маттео Риччи сопровождал другого миссионера, Микеле Руджери (1543-1607, католический священник-иезуит, один из основателей первой иезуитской миссии в Китае), из Макао в Гуанчжоу, где он остановился в государственном учреждении Хуайюань на берегу реки. В то время это ведомство предназначалось для приема приезжих из иностранных государств. Они подарили местным чиновникам карту мира и некоторые предметы новейшего западного производства, которые удивляли жителей Гуанчжоу. Правительство династии Мин проводило политику закрытых дверей, и Маттео Риччи чувствовал, что в Гуанчжоу было много трудностей в миссионерской работе, поэтому он выбрал Чжаоцин, политический, экономический и военный город в нижнем течении реки Сицзян, который в то время был резиденцией губернатора двух провинций, в качестве своей миссионерской базы. В Чжаоцине Маттео Риччи получил

должное внимание и поддержку со стороны губернатора Ван-пана, и смог вести миссионерскую деятельность. В 1585 году Маттео Риччи построил первую католическую церковь в Китае, Храм Сяньхуа, рядом с пагодой Чунси на реке Сицзян. В нем Маттео Риччи выделил зал, в котором выставлял изысканные западные книги, астрономические инструменты, карты мира и различные предметы западного производства и проводил экскурсию на кантонском диалекте. Выставка удивляла всех посетителей, от чиновников и дворян до простых людей. Многие восхищались красотой архитектурного стиля и пейзажей европейских городов, показанных в альбомах — дворцы, арки, мосты и храмы. Посетители были впечатлены высоким уровнем материальной цивилизации на далеком Западе. Они были удивлены тем, что куранты с зубчатым колесом, висящие у входа в церковь, которые могут автоматически определять время, не совсем такие, как таймер типа «водяных часов» в Китае в то время, а также невиданными и неслыханными астрономическими инструментами, такие как небесный глобус, глобус, спектрометр, квадрант, армиллярная сфера, солнечные часы и т.д. Посетители были поражены тем, как Риччи демонстрировал на приборах и объяснял принципы небесных движений, затмений солнца и луны и т.д. И в особенности, когда Маттео Риччи, используя квадрант, точно измерил высоту пагоды Чунси, глубину колодца и длины дорожек, его тут же называли «великим астрономом». А карта мира, висевшая в центральном зале храма, была первой западной картой мира, попавшей в Китай, и она сильно отличалась от тех, которые были в Китае раньше.

Китайцы издавна считали свою страну центральным во всех отношениях, в том числе и на картах. На всех картах мира Китай занимал центр, в то время как все окружающие страны и острова вместе составляли менее площади одной провинции Китая. На картах не были обозначены ни долготы, ни широты, и карты были очень неточными. А на карте мира, привезенной Маттео Риччи, были изображены пять континентов Земли, меридиан, экватор, широта и долгота, пять поясов, и перед глазами посетителей открылся мир, которого они никогда раньше не видели. Впервые люди увидели, что мир так велик, что в нем так много стран и что Китай занимает лишь уголок в восточной части мира. В то время это вызвало бурную реакцию: многие верили, но и скептиков было немало, они были одержимы тем, что Маттео Риччи говорил глупости и вводил публику в заблуждение. Позже, по просьбе Ван-пана, Маттео Риччи перевел все названия на китайский язык, и сделал китайскую версию этой карты. Маттео Риччи пошел к китайцам на компромисс, поместив Китай в

центр карты, и назвав ее «Полная карта гор и морей». Это была первая китайская карта мира западного образца, которая имеет огромное значение в истории карт Китая и мира и является очень ценной исторической реликвией. Продемонстрировав и объяснив в Чжаоцине законы движения небесных светил, Маттео Риччи фактически ввел в Китае идею о том, что земля представляет собой круглую сферу, поколебав популярную в Китае с древних времен концепцию «небо кругло, а земля квадратная», то есть земля неподвижна, а солнце, луна и звезды вращаются в небе вместе с небом. Некоторые специалисты считают, что одна из причин, по которой путешествия Чжэн-хэ в начале династии Мин не привели к великим географическим открытиям, в то время как Колумбу, который отстал от него более чем на шестьдесят лет, удалось в этом, заключается в том, что традиционное представление китайцев о небе и земле не позволило путешествиям Чжэн Хэ быть глобальными, так как древнекитайские карты мира не были грамотно составлены.

Руины собора Святого Павла, Макао Фото: Сыту Шанцзи

Статуя Маттео Риччи в Музее Макао. Фото: Сыту Шанцзи

Руины Храма Сянхуа в Чжаоцине. Фото: Сыту Шанцзи

Маттео Риччи проповедовал в Чжаоцине и воспитал более 80 верующих, которые стали первыми католиками в Китае. В то же время он также делал многое, чтобы соединить китайскую и западную культуры. Например, он и Микеле Руджери совместно издали первый в Китае португальско-китайский словарь, в нем впервые использовали латинский алфавит для произношения китайских иероглифов. В первые годы после образования КНР Китайский комитет по реформе письменности представил этот вклад Маттео Риччи, заявив, что это первая китайская фонетическая схема на латинском алфавите. Маттео Риччи и Микеле Руджери также перевели «Десять заповедей Божьих» и «Божественную запись», которые стали первыми католическими доктринальными книгами, опубликованными в Китае. Маттео Риччи был миссионером в Чжаоцине в течение шести лет, часто перемещаясь между Макао и Чжаоцином, что сделало его самой ранней базой для распространения западной культуры на материке после Макао.

2. Жизнь Маттео Риччи в Шаочжоу (городской округ в провинции Гуандун)

В семнадцатом году под девизом Ваньли (1589 год) из-за возражения некоторых местных дворян, Маттео Риччи покинул Чжаоцин и отправился в Шаочжоу через Бэйцзян, чтобы дальше проводить миссионерскую работу. Проезжая через Индэ, Маттео Риччи получил приглашение от начальника уезда Инсянь посетить знаменитую пещеру Билу в Бэйцзяне. В сопровождении чиновников и солдат Маттео Риччи прибыл в Шаочжоу, где остановился в знаменитом храме Наньхуа и основал вторую католическую церковь на материке. Там он проповедовал в течение шести лет. В дополнение к своей миссионерской деятельности Маттео Риччи перевел «Четверокнижие» конфуцианства на латынь, распространив

китайскую традиционную культуру в Европе, а в других своих трудах он познакомил иностранцев с такими деликатесами Гуандуна, как лонган (глаз дракона), личи и другими цитрусовыми фруктами.

За этот период Маттео Риччи возвращался в Чжаоцин, где он встретился с известным драматургом Тан-сяньцзу (прим. 1550–1616 гг., выдающийся китайский драматург и поэт времён династии Мин), который был низведен в Сюйвэнь, и ознакомил его со многими неслыханными им вещами, которые окажут важное влияние на его последующее театральное творчество. Между ними состоялся хороший разговор, и Тан-сяньцзу написал два стихотворения в память об этой встрече. Стихотворение было написано в присутствии Маттео Риччи, который восхвалял Бога и осуждал буддизм, что застало его врасплох и побудило написать стихотворение. Стихотворение получило широкое распространение и было включено в последнюю версию «Хроники Чжаоцина». В Шаочжоу Маттео Риччи также взял в ученики Цюй-тайсу, сына министра в Нанкине. Этот человек был разорителем семьи, слонялся без дела, увлекался изготовлением пилюли бессмертия и питал иллюзии о бессмертии. Риччи убедил его отказаться от своих глупых идей и стать верным последователем. Он изучал западную астрономию и математику и сделал свои собственные сложные научные инструменты, что стало началом внедрения западной систематической математики в Китае. Риччи также часто появлялся на главной дороге из Шаочжоу в Наньсюн, где он проповедовал и создал общину под горами Даюй. Многие из этих верующих были иностранного происхождения, поскольку Наньсион был городом, куда съезжались купцы с севера и юга. Французский миссионер Пэй-хуасин позже процитировал рассказ Риччи в своем «Критическое жизнеописание Маттео Риччи»:

«Основная часть города Наньсюн, размером с Флоренцию, расположена между рекой Бэйцзян и притоком, по которому можно плыть на лодке. Она соединена с городом двумя каменными и деревянными мостами. Здесь проходили все суда из Европы, Индии, Малакки и Молуккских островов... Мост открывали дважды в день, чтобы пропустить лодки». Во время своего пребывания в Наньсюн Маттео Риччи пользовался уважением правительственных чиновников и поддержкой верующих. В той же книге говорится: «Чиновники со всеми своими семьями и даже соседями ждали визита священника, а улицы были переполнены людьми, многие из которых подбегали к паланкину и поднимали занавески, чтобы увидеть иностранца». Вскоре государство охватило безумие иностранной

религии. Приведенная выше цитата из собственных слов Риччи: «Признаюсь, я не ожидал, что сразу же стану свидетелем в Китае той сцены, о которой я здесь размышлял. Гости толпами прибывали в зал, где многие старики поставили алтарь с изображениями Спасителя и Богородицы. Я просидел там весь день (то есть семь или восемь часов), проповедуя истины нашей веры, иногда почти до полуночи, не имея времени совершить таинства... Многие слушатели оставались в доме всю ночь, пока я совершал мессу на рассвете».[72] Эта сцена явно отличалась от того, что он пережил, когда впервые приехал в Чжаоцин, и миссия прошла успешно.

3. Культурное значение приезда Маттео Риччи в Гуандун

Две таблички, написанные для Маттео Риччи Ван-паном, губернатором Чжаоцина

Страница из весеннего номера «Культурный журнал» за 2008 год (Макао)

После шести лет миссионерской работы в Шаочжоу Маттео Риччи был полон решимости перенести работу по распространению Евангелия Божьего в столицу. В 1595 году он покинул Гуандун и отправился на север по дороге Дайюлинь. В Пекине Маттео Риччи встретился с большим количеством ученых и деятелей науки, проделал большую часть работы по распространению западной культуры, описанной выше, и лично измерил широту и долготу городов Пекин, Нанкин, Датун, Гуанчжоу, Ханчжоу, Сиань, Тайюань и Цзинань. Данные, полученные Маттео Риччи практически не отличались от современных. Работу Маттео Риччи высоко оценили многие ученые при императорском дворе.

Хотя визит Риччи в Китай был задуман как миссионерская попытка распространения знаний о западной науке и культуре, на самом деле он стал мостом между двумя половинами мира, между восточной и западной цивилизациями. Цивилизации, через которые он перекинул мост между Востоком и Западом, затрагивали основные области естественных наук, технологий и гуманитарных наук. Воздействие и влияние этого моста было намного больше, чем культурные обмены, которые сопровождали торговлю между Востоком и Западом в прошлом. Последний был в основном обменом товарами и продуктами, что, естественно, меркло по сравнению с более технологичной западной культурой, которую Риччи принес с собой из эпохи Возрождения. В этом смысле место Риччи в истории не подлежит сомнению. Гуандун, который первым воспользовался преимуществами западной технологии и культуры, стал центром интеграции, объединения и внутренней и внешней связи между Востоком и Западом. В конце династии Мин и начале династии Цин, Гуанчжоу первым скопировал западные часы и часы до материка, и они были известны как «кантонские часы». Многие из существующих часов в Дворцовом музее в Пекине были изготовлены в Гуанчжоу. Кантонская керамическая технология, известная как «гуанцай», также переняла западные манеры живописи и выработала уникальный стиль. В период правления Даогуана в «Географическом описании Гуандуна» Жуань Юань (1764–1849, историк науки, филолог, философ, математик) представил западные изысканные артефакты, такие как куранты, органы, стеклянные зеркала и бинокли, а также западный метод экспертизы «установка странного

предмета для выбора людей». С тех пор морская культура Южно-китайского моря процветает в процессе иностранного обмена, впитывая все иностранные культуры, которые могут быть использованы для нашей собственной пользы. Вклад Маттео Риччи, как отметил британский историк науки и техники Джозеф Нидэм: «В истории культурного обмена, кажется, нет ничего, что могло бы сравниться с тем, что сделала группа европейцев, таких как священники-иезуиты в семнадцатом веке. Ведь они были полны религиозного рвения и в то же время хорошо разбирались в тех науках, которые развивались вместе с европейской эпохой Возрождения и ростом капитализма». «Короче говоря, вклад миссионеров-иезуитов, хотя и сложный по содержанию, имел более спекулятивный характер. Даже если утверждать, что они принесли европейскую науку и математику в Китай только в миссионерских целях, этот обмен остается бессмертным как высший пример связи между двумя цивилизациями, которые все еще были изолированы друг от друга.»[73] История доказала, что такой вывод Джозефа Нидэма объективен и справедлив.

Раздел 7. Возрождение пиратской культуры

Морская торговля является основной коннотацией морской культуры, и помимо обычных купцов, были и такие, которые были либо одновременно купцами и пиратами, либо вели торговлю в мирное время, а в смутное — грабежом. Таким образом, эта особая категория купцов и часть их поведения также являются объектом изучения морской коммерческой культуры. Факт того, что пираты безнаказанно бродили по морям, был во многом связан с некомпетентностью власти управлять морями. Внутри пиратского сообщества также существовали правила вознаграждений и наказаний, управления и распределения имущества, которые поддерживали их деятельность на море. Таким образом, с точки зрения морской институциональной культуры, пиратскую культуру следует рассматривать как неотъемлемую часть морской культуры. Именно по этой причине проблема пиратства стала предметом пристального внимания в китайской и зарубежной науке, и работ на эту тему было не мало.

1. Пиратская культура в Южно-Китайском море до династии Мин
В районе Южно-Китайского моря расположено множество стран

и регионов с разными уровнями экономического развития, социальными строями и культурными традициями. На фоне неравенства между богатыми и бедными и социальных волнений жители суши ушли в море, чтобы зарабатывать на жизнь пиратством, и это продолжалось на протяжении всей истории морской культуры. Во времена династий Цинь и Хань рабы, члены побежденной императорской семьи и моряки бежали в море и становились пиратами. Например, когда Цинь-шихуанди вошел в провинции Гуандун и Гуанси, он встретил ожесточенное сопротивление коренного народа юэ, и после того, как Цинь захватил земли Луляна (т.е. провинции Гуандун и Гуанси), некоторые юэ покинули эти земли, бежали к морю и становились пиратами. Когда император Хань-уди (прим. 156-87 до н. э., седьмой император династии Хань) покорил царство Наньюэго, премьер-министр Лу-цзя и Чжао-цзяньдэ, последний правитель Наньюэго, вывезли сотни своих родных в море и рассредоточили их в устье Жемчужной реки и на некоторых островах в Южно-Китайском море. Некоторые из членов семьи нашли убежище в рядах пиратов. В поздние годы династии Цзинь Сунь-энь и Лу-сюнь подняли восстание в провинции Чжэцзян и под давлением официальной армии бежали на прибрежные острова Гуандуна, зарабатывая на жизнь деятельностью на море. Во время правления династии Тан морская торговля в Южно-Китайском море процветала, и арабы, которые хорошо разбирались в бизнесе, в большом количестве приезжали в Китай и селились в Гуанчжоу и других местах. В шестом году под девизом Цяньфу (879 год) династии Тан повстанцы, возглавляемые Хуан-чао (лидер крестьянского восстания в Китае 875-884 годов) напал на Гуанчжоу из провинции Фуцзянь, в ходе этого 120 000 арабов были убиты. Хуан-чао подал прошение стать местным вассалом провинций Гуандун и Гуанси, так как, считал, что можно разбогатеть на морской торговле в Гуанчжоу. Однако, он получил решительный отказ со стороны императорской власти. После провала восстания часть повстанцев отряда Хуан-чао бежала по морю, и считается, что некоторые из них присоединились к пиратам.

На самом деле, еще во времена династии Тан в Южно-Китайском море уже были лица, в чьей деятельности сочетались торговля и пиратство. Это относится к прибрежной власти местного дворянства на юге страны. Во времена династии Тан Южно-Китайское море слабо управлялось, а прилегающие районы были могущественными, и пираты разгуливали на свободе. Лу-сюнь сражался в морских акваториях провинций Гуандун и Гуанси, а также Вьетнама, и смог на некоторое время держать контроль над морями и сушей этих районов. Хотя в конечном итоге он

потерпел поражение, его считают основателем пиратства в Китае с точки зрения пиратской культуры. По мере того, как Сунь-энь и Лу-сюнь строили флоты, захватывали острова, вели морские сражения, бросали вызов императорской власти и накапливали богатый опыт ведения морских войн, их имена увековечили, и рассматривали как родоначальники китайских пиратов. Морская торговля стала настолько богатой, что в этот район потянулись пираты, и Ли-юань, танский император, назначал специального представителя для подавления пиратов в Цзянсу, Чжэцзян и Фуцзянь. В седьмом году под девизом Чжэньгуань (633 год) на юг страны был отправлен посланник для осмотра островов, а в Дунгуане был учрежден уезд Тхуньмунь для предотвращения пиратства. Все это свидетельствовало о том, что пираты наиболее активно осуществляли свои деяния в районе Южно-Китайского моря.

Власть династии Сун была проводила политику расширения внешних сношений, что привело к подъему морской экономики, появлению группы богатого населения на юго-востоке Китая и категории гуманитариев в Цзянсу и Чжэцзяне. Однако неравенство между богатыми и бедными увеличивалось, и появились пираты в провинциях Чжэцзян и Фуцзянь, их примеру последовали пираты Гуандуна. И при их взаимодействии друг с другом пиратство в Южно-Китайском море вступило в период ожесточенной активности, и морской бич стал более жестоким, чем в прошлом. Пиратство особенно свирепствовало во время правления императора Лицзуна из династии Южная Сун (1241–1252 гг.). Это было связано с тем, что династия Южная Сун была настолько приходской, что источник налогообложения был сокращен, но неумеренная растрата денег и усиление эксплуатации народа разжигали конфликты между властью и народом. Особенно на юго-восточном морском побережье, где земля была серьезно аннексирована, а лодки, от которых зависели средства к существованию рыбаков и лодочников, иногда реквизировались, поэтому люди не могли заработать на жизнь и в отчаянии уходили в море. Были и купцы, которые, не выдерживая нагнетания со стороны чиновников и были вынуждены отказаться от легального бизнеса и заняться вооруженной контрабандой, став одновременно и купцами, и пиратами. Лю Кэчжуан указывал, что первопричиной этого была тирания центральной феодальной власти. Именно поэтому купцам приходилось нарушать все правила и становиться пиратами. Но мощь эти пиратов все-таки были слабее по сравнению с императорской властью, поэтому правительство, с одной стороны, вербовало и уничтожало их, а с другой — активно поощряло морскую торговлю. Таким образом, морская

торговля продолжала развиваться вдоль побережья вплоть до конца правления династии Южная Сун. Когда династия Сун оказалась на грани краха, пиратство вышло из-под контроля, и система управления морским делом морской юрисдикции стала существовать только на бумаге.

Хотя морская торговля в период династии Юань то запрещалась, то оживляла в зависимости от политики императорской власти, но в целом она развивалась, и торговля в Южно-Китайском море была намного лучше, чем при династии Сун. Более 140 стран и регионов имели торговые отношения с Гуанчжоу, а доходы от морских портов по-прежнему были основным источником дохода для казны. Но режим Юань был суровым и деспотичным. Южане были наиболее угнетены и активно боролись против центральной власти. Разложение внешней торговли коррумпированными чиновниками усилило социальную напряженность и привело к появлению пиратов. В частности крупнейший на то время порт Цюаньчжоу в Фуцзяни был главным объектом пиратского нападения. Такое положение дел неизбежно распространилось на побережье Гуандуна и стимулировало рост пиратства. В любом случае, в середине и конце правления династии Юань отношения Китая со странами вокруг Южно-Китайского моря улучшились, все стороны жили в относительном мире друг с другом, и случаев пиратских нападений, как на государственные суда, так и частные, было немного. В целом, в период правления династии Юань на Южно-Китайском море больше царил мир, и пираты не господствовали на море.

2. Возрождение пиратской культуры в эпоху династии Мин

Императорский двор династии Мин вела неоднозначную внешнеторговую политику, иногда поощряла ее, иногда запрещала. Особенно в начальные годы правления династии Мин, когда оставшаяся сила Фан-гочжэня все еще активно действовала на юго-восточном побережье, и политика запрета морской торговли становилась все более суровой. Это серьезно повлияло на средства к существованию купцов на побережье Фуцзянь и Гуандун, поэтому некоторые отчаявшиеся купцы были вынуждены заниматься контрабандой или пиратством. Пираты активно действовали в Южно-Китайском море уже в начале правления династии Мин. Со середины периода династии Мин, с открытием новых маршрутов, Морской шелковый путь стал глобальной сетью, и пиратство получило более широкий размах. В частности, на восток пришли западные колонизаторы, которые, по сути, были и купцами, и пиратами, и страны Юго-Восточной

Азии одна за другой попадали в колонии Португалии, Испании, Голландии и Великобритании. Некоторые разорившиеся китайские фермеры и ремесленники вступили в ряды пиратов. Так на Южно-Китайском море постоянно царил хаос и военные столкновения. В 1921 году два португальских флота под руководством Диого Калво и Коутиньо прибыли в акватории вблизи Гуандуна, вели пиратскую деятельность и были изгнаны флотом под командованием Ван-фу, заместителя посла морских путей Гуандуна. Это была знаменитая битва при Тхюньмунь, в которой португальцы понесли большие потери, 111 мужчин и женщин были взяты в плен, и только трем кораблям удалось спастись. Но преступления, совершенные португальцами при Тхюньмунь, были серьезными и непростительными. Командующий португальского флота обращался с китайцами точно так же, как в свое время португальцы обращались с народами Азии. Он без разрешения китайской власти построил крепость на острове Тхюньмунь, отсюда он воспользовался возможностью грабить и вымогать золото и серебро со всех кораблей, которые выходили из китайских портов. Он увозил с побережья молодых женщин, захватывал китайцев и делал их рабами. Он предавался самым незаконным актам пиратства и вел жизнь, полную постыдного разврата. Матросы и солдаты под его командованием следовали его примеру. Эти слова, написанные кровью и слезами, являются мощным обличением и обвинением пиратства первых западных колонистов.

Следуя за Португалией, Испанией и Нидерландами, Великобритания стала самой мощной колониальной державой, которая не жалела усилий для экспансии на Восток. В 1600 году была создана Ост-Индская компания, которая фактически стала базой для осуществления колониальной деятельности Великобритании в Азии. В десятом году под девизом Чунчжэнь (1637 год) Джон Уэдделл, директор Ост-Индской компании, возглавив флот, вышел из Гоа (Индия) и пытался высадиться в Макао. Однако, попытка не увенчалась успехом, и поэтому 22 августа его флот силой захватил городок Хумэнь, сжег местные правительственные учреждения, насильно отобрал у местного населения продовольствие и имущество. После этого британские агрессоры подкупили Чэнь-цяня, главного командующего, и прибыли в Хуанпу и Гуанчжоу. Там британцы закупили партию товаров, и затем покинул территорию Китая. Это был первый случай, когда британские колонизаторы силой проникли в Гуанчжоу для торговли, и с самого начала они продемонстрировали свое жестокое поведение и пиратскую натуру. Это также показывает, что самые первые западные колонисты были в основном пиратами-торговцами, и

что Южно-Китайское море было одной из главных арен их деятельности, которая мечом, огнем и беззаконием вписалась в историю морской культуры Южно-Китайского моря.

На самом деле многие пираты в Южно-Китайском море были также купцами из Гуандуна и Китая, которые, укрываясь под знаменем морской торговли, занимались грабежом. Например, во втором году под девизом Ваньли (1574 год) знаменитый гуандунский предводитель пиратов-купцов Линь-фэн, уроженец Жаопин, был преследован минской армией из Гуандуна и Фуцзяни, и не мог больше находиться на юго-восточном побережье Китая. Он повел с собой более 5500 моряков, солдат и женщин, и те под его командованием на 62 кораблях поплыли к Филиппинам. Линь-фэн надеялся захватить эти земли и закрепиться там. Однако он проиграл битву под Манилой, а затем бежал от преследования испанской армии. В итоге Линь-фэну пришлось бежать обратно в сторону Чаочжоу и Хуэйчжоу, где он пропал без вести.

В эпоху династии Мин, помимо вышеупомянутых известных пиратов, которые были и пиратами, и купцами, были также рыбаки, которые грабили и разбойничали в свободное от рыболовного сезона время. Две реки в провинциях Гуандун и Гуанси, Жемчужная река, река Хань и другие морские порты становились, где они совершали убийства и грабежи. Согласно неполным статистическим данным, в период династии Мин крупные пиратские группировки, контингент каждой из которых превышал тысячу человек, в основном приходились на годы Ваньли (1573–1619 гг.). В свое время эти группировки обладали 450 военными кораблями, а суммарная численность пиратов насчитывалась почти десять тысяч. А чаще посещаемыми ими местами были акватории Лэйчжоу, Лянцзяна и эстуария Жемчужной реки. Такой расклад дел во многом был связан с пренебрежением к неэффективным законам, свирепыми народными нравами, или развитой местной экономика.

В период династии Мин среди пиратов, занимавшихся грабежом в регионе Южно-Китайского моря, самым известным был Хуан-сяоян из Шуньдэ. В свое время его называли «правителем морских пиратов». Он был родом из села Лунцзян уезда Шуньдэ, был бедным крестьянином. В молодости Хуан-сяоян был арестован за убийство в ходе драки, вызванной спором об имущественной принадлежности участков земли. В 14-м году под девизом Чжэнтун (1449 год) он избежал из тюрьмы и стал морским разбойником. Когда его преследовала власть, Хуан Сяоян воспользовался ситуацией и поднял народное восстание. Повстанцы пытались атаковать Гуанчжоу и

Фошань со всех сторон, но в итоге не смогли захватить эти города. Семнадцатого числа четвертого месяца первого года под девизом Цзинтай (прим. 1450–1457 гг., девиз правления минского императора Чжу-циюя), находясь в осаде правительственных войск, Хуан-сяоян был убит стрелой на реке Байэтань. Вместе с этим провалилось и народное восстание. На пике своего могущества у Хуан-сяояна было более 100 000 солдат и 2 000 лодок. Он установил свою власть в Уяньи (ныне южный район города Гуанчжоу) и стал называть себя «Императором Шуньтянь». Свое летоисчисление он назвал «Дунъян». Хуан-сяоян построил себе резиденцию на острове Хайчжу, учредил структуру власти и установил более совершенную форму политического режима. Этим он сильно отличался от прочих пиратов, и его можно назвать ярким примером иратской культуры.

Глава IX

Чередование расцвета и упадка морской культуры в Южно-Китайском море в начале правления династии Цин

Эта историческая фаза охватывает период с момента установления власти династии Цин до начала Опиумной войны, т. е. поздний период китайского феодального общества, преддверие его краха. После того, как маньчжуры стали доминировать в Поднебесной, они приняли ряд мер по восстановлению общественного порядка и развитию экономики, что привело к периоду процветания династии Цин (прим. от правления императора Канси до Цяньлуна), а также приняли некоторые специальные политические меры в отношении провинции Гуандун. Морская торговля в Южно-Китайском море в основном продолжала развиваться, расширяясь в масштабах, с процветающей морской коммерческой культурой и появлением региональных групп морских торговцев со своими собственными культурными стилями. С одной стороны, цинское правительство продолжило политику Мин в отношении стран, окружающих Южно-Китайское море; с другой стороны, западный колониализм и капитализм еще больше усилили свой назойливый взгляд и проникновение в Южно-Китайское море и на китайский материк, фактически добавив больше иностранных элементов в ситуацию в Южно-Китайском море. Это отразилось в чередовании взлетов и падений морской культуры, но в целом

она продолжала развиваться, и уровень морской культуры поднялся на беспрецедентную высоту.

Раздел 1. Упадок морской торговли под влиянием запрета морской торговли в начальные годы династии Цин

В первые годы династии Цин, чтобы предотвратить возрождение Чжэн-чэнгуна (прим. 1624–1662 гг., китайский полководец; вёл борьбу против дин. Цин; изгнал голландцев с острова Тайвань, где основал государство; на западе известен как Коксинга) и других антицинских сил, укрепить недавно созданный маньчжурский аристократический режим, цинское правительство наложило строгий запрет на морскую торговлю в Южно-Китайском море. Это нанесло сильный удар по морской торговле и морской сельскохозяйственной культуре, развитой во времена династии Мин, и стало регрессом в истории морской культуры в Южно-Китайском море, имевшим далеко идущие последствия.

1. Осуществление политики запрета морской торговли

С двенадцатого года под девизом Шуньчжи (1638–1661 гг., император Цин 1644–1661 гг.) по семнадцатый год под девизом Канси (1678 год) цинская власть пять раз издавала морской запрет, чтобы с помощью жесткой политики пресечь все связи между китайским побережьем и иностранными государствами, полностью искоренить и предотвратить все антицинские силы. Однако такие жесткие меры не принесли желаемого эффекта, и морская торговля не была полностью прервана. Сложившаяся ситуация вынудила цинское правительство пойти еще дальше: оно решило ввести политику «миграции населения с морского побережья».

В 1661, 1662 и 1664 годах трижды издавался императорский указ о переселении населения от морского побережья, жителей приморских районов заставили отступить на 50 ли от моря, никому не разрешалось жить за этой линией, дома разрушались, поля бросили, рыбалка запрещалась, а любого, кто пересекал линию, казнили. Позже вдоль линии были построены дозорные вышки, установлены заборы и выставлена усиленная охрана. В третьем году правления императора Канси было приказано передвинуть линию еще на 30 ли вглубь страны, некоторые уезды в дельте Жемчужной реки, такие как Шуньдэ, Паньюй, Наньхай и Хайян (Чаочжоу) в восточной части Гуандуна, были

включены в этот процесс. Хотя прибрежным уездам острова Хайнань не было приказано передвинуть свои границы, остров по-прежнему окружен линией протяженностью более 2700 ли, запрещающей жителям выходить за его пределы.

Политики запрета морской торговли и миграции населения с побережья привели к катастрофическим последствиям для жителей прибрежных районов. Многие остались без крова и умирали. Некоторые из тех, кто не хотел быть переселенными, подверглись массовым убийствам, были перемещены и остались без средств к существованию, им пришлось продавать своих детей, чтобы спастись. Таким было одно из самых жестоких бедствий в истории Китая. Даже на острове Хайнань, который не был включен в список районов переселения, выход в море был запрещен, и «торговцы исчезали», а «люди боялись выходить в море», потеряв таким образом средства к существованию.

Политики цинского правительства вопреки здравому смыслу вызвали сильное сопротивление прибрежного населения. Хотя восстание против переноса границы было жестоко подавлено, и запрет на выход в море, и перенос границы привели к значительному снижению налоговых поступлений цинского правительства и огромной угрозе региональному правлению. Только во 22 году правления императора Канси (1683 год) после умиротворения Тайваня, указ о переносе границы был отменен, и в следующем году жителям Гуандуна разрешили вернуться в родные места, а рыбакам — заниматься морским промыслом. Однако, к этому времени морская торговля все еще находилась под запретом.

2. Создание Кантонской системы (прим. в рамках которой вся китайско-европейская торговля с середины XVIII по середину XIX века велась только через Кантон (Гуанчжоу))

Хотя власть Цин наложила запрет на морскую торговлю, но частная торговля в Гуандуне все же имела место. Причина этого заключалась в том, что Макао все еще функционировал как крупнейший транзитный порт в Китае, а провинция Гуандун по-прежнему был местом, через которое проходили все импортные и экспортные товары. Таким образом, положение Гуандуна противоречило политике запрета морской торговли, и в то же время серьезно подрывало интересы западных стран, таких как Португалия. По этой причине из Макао португальская власть отправила священников-иезуитов и послов в Пекин в 1670 году, через 15 лет после введения запрета, чтобы попросить цинское правительство освободить Макао от

действовавшего запрета, и после трудной посреднической работы миссионера Адама Шалль фон Белль (прим. 1592–1666 гг.) немецкий монах-иезуит, астроном, миссионер, был советником императора Шуньчжи династии Цин) разрешение от цинской власти было получено, и Макао был утвержден как «епархия иностранцев», а сухопутная торговля между Макао и Гуанчжоу возобновилась. Так торговля в порту Макао могла быть в некоторой степени восстановлена. В результате часть товаров из Гуандуна и материка продолжала поступать в Макао по суше через Гуанчжоу, а затем переправлялась в Юго-Восточную Азию и Европу, поддерживая Морской шелковый путь в Южно-Китайском море. Гуандун от этого только выиграл, и зарубежный торговый путь не был прерван во время запрета. Купцы с материка и из-за рубежа также занимались контрабандой товаров, подкупая цинских чиновников, что стало мощным скрытым потоком торговли под прикрытием морского запрета. В 1653 году, за два года до запрета, сиамские (Тайланд) купцы прибыли в Гуанчжоу и были радушно встречены патрульными властями Гуанчжоу, и с тех пор голландские и другие корабли много раз входили в порт Гуанчжоу, не будучи остановленными. В Гуандуне также существовала группа купцов, специализировавшихся на контрабандной торговле, известная как «царские купцы». Эта особая группа купцов обладала мощными финансовыми ресурсами, получила поддержки со стороны подкупленных ими правительственных чиновников, могла торговать беспрепятственно и получать огромную прибыль. Например, гуандунский купец по имени Шэнь-шаньда, находившийся под покровительством вассала Шан-кэси (прим. китайский военачальник, служивший властям Мин и Цин, 1604–1676 гг.), строил корабли и выходил в море для контрабандной торговли, получая прибыль от 40 000 до 50 000 лян серебра за один выход в море, или 400 000–500 000 лян в год. Он был известен как «удельный ван». Этот огромный флот частных купцов, плававших в различные порты Южно-Китайского моря и обратно, стал одной из главных причин того, что морская торговая культура Южно-Китайского моря не была полностью прервана во время запрета морской торговли.

Несмотря на то, что политика миграции населения от моря была отменена, запрет морской торговли все же остался, и последствия от этого становились все более серьезными, все чаще и чаще слышалось возражение среди чиновников императорского двора. После умиротворения Тайваня, в 1684 году, цинское правительство официально отменило запрет на морскую торговлю, заявив, что «теперь, когда

море едино, мир спокоен, а маньчжурский и китайский народы едины, необходимо выйти в море для торговли, чтобы продемонстрировать управление богатыми природными ресурсами, и приказано открыть море для торговли». Для более эффективного управления морской торговлей цинское правительство в 1685 году учредило Гуандунскую, Цзянсускую, Чжэцзянскую и Фуцзяньскую таможи соответственно в городах Гуанчжоу, Сунцзяне, Нинбо и Сямэне. Создание такого государственного учреждения для управления внешней торговлей и сбора таможенных пошлин считается началом официального создания таможен в истории Китая и важной вехой в истории морской институциональной культуры.

После снятия запрета морской торговли и создания четырех таможен жители прибрежных районов могли выходить в море, а иностранцы также активно приезжали в Китай, наблюдался новый расклад международной торговли. Однако цинское правительство, стремясь устранить «скрытые опасности» и укрепить морскую оборону, ограничило торговлю между Китаем и иностранцами по многим параметрам, таким как количество иностранцев, прибывающих в Китай, размер судов, место проживания, сроки, экспортные товары и т.д. Это вызвало недовольство иностранцев, и количество нарушений увеличилось, особенно в случае с Британией, которая к тому времени уже стала крупнейшей морской державой. Но требование англичан о создании открытых торговых портов со стороны цинского правительства встретило сопротивление, и в итоге европейским странам под руководством англичан пришлось акцентировать торговлю в Гуанчжоу, и ограничиться портом Гуанчжоу Хуанпу в качестве причала. С развитием торговли между Китаем и зарубежными странами, европейские купцы все больше интересовались шелком и чаем, произведенным в провинциях Цзянсу и Чжэцзян, и пытались всеми возможными способами проникнуть в эти районы. Это вызвало серьезное беспокойство и сопротивление цинского правительства. В 1757 году, в ноябре, цинское правительство объявило о закрытии трех таможен в Фуцзяни, Чжэцзяне и Цзянси, постановив, что «в будущем иностранным купцам разрешается собирать и торговать только в Гуандуне». Это ознаменовало конец эпохи многопортовой торговли династии Цин и начало статуса Гуанчжоу как единственного порта для внешней торговли. Позже цинское правительство обнародовало «Положение о недопущении иностранцев», которое наложило ряд строгих правил на деятельность иностранных купцов в Гуанчжоу, укрепив правовую систему контроля иностранных купцов и еще больше повысив статус Гуанчжоу как центр международной

торговли.

При такой системе Гуанчжоу воспользовался исключительными преимуществами внешней торговли всего Китая, а также способствовал развитию морской культуры в Южно-Китайском море. В то же время современная западная культура в лице Великобритании после завершения промышленной революции стала проникать в регион Гуандун, положив начало новому обмену и столкновению китайской и западной культур. На этот раз обмен и столкновение двух культур отличались от того, что проходило в конце династии Мин.

Раздел 2. Расцвет морского Шелкового пути в середине эпохи Цин и формирование глобальной структуры торговой циркуляции

После снятия запрета морская торговля в Южно-Китайском море не только возобновилась, но и существенно изменилась, поскольку западные капиталистические страны активно искали и расширяли свои морские колониальные рынки, то есть в торговле участвовало больше стран, в том числе Европа, Америка и Австралия, Япония и другие. Импорт товаров с более передовой технологией стал новым элементом культурного обмена между Китаем и Западом. А благодаря достижениям в судостроении и навигационных технологиях морские пути из таких портов, как Гуанчжоу, не только выходили за пределы обширного Южно-Китайского моря, но и пересекали Тихий, Индийский и Атлантический океаны, достигая крупных портов по всему миру. Морской Шелковый путь сформировал глобальную структуру циркуляции и глубоко изменил облик морской торговли и культуры в Южно-Китайском море.

1. Процветание коммерческой морской торговли

После XVI века капитализм зародился на Западе и активно искал рынки на Востоке, чтобы добиться первоначального накопления капитала, одновременно захватывая, расширяя и грабя колонии любыми средствами. И Китай также стал объектом колониальной агрессии Запада. Аренда Макао и последующий подрыв его суверенитета были проявлением этой агрессии. Изменение мировой обстановки привело к

тому, что морская торговля Китая переместилась из Юго-Восточной Азии и побережья Индийского океана и африканских стран к европейским и американским капиталистическим державам. Эти новые капиталистические страны с их развитыми производительными силами, с одной стороны, экспортировали свои собственные товары, а с другой — реэкспортировали товары со всей Азии, включая хлопок, шерстяные ткани, материалы, металлические изделия, слоновую кость, опиум, а в XVIII и начале XIX века — большое количество серебра в Китай, на сумму около 400 миллионов юаней только через Гуанчжоу. Эта твердая валюта сыграла важную роль в развитии прибрежной экономики Китая, особенно в Гуандуне.

На этом новом фоне развитие торговли в Южно-Китайском море в период династии Цин вступило в золотой век. Ее основные черты были такие:

Во-первых, все порты у Южно-Китайского моря были открыты для морской торговли. Важными портами были Дагуань в Гуанчжоу, Главные порты Макао, Аньбу, Мэйгао, Хайань, Укан и Хайкоу, а также 69 более мелких портов. Купцы, особенно кантонские, стремились первыми выйти в океан чтобы торговать. Масштабы торговли были огромными, а количество вовлеченных в нее людей — значительным. Согласно исторической записи, «каждый год число рулевых, матросов и купцов, используемых на кораблях, отправляющихся в океан, было очень велико». Эти люди зарабатывали на жизнь морем по всему миру. В Таиланде, например, было много приезжих бизнесменов из Чаочжоу и Хайнаня. «Ежегодно к китайскому Новому году прибывало от 50 до 60 кораблей с острова Хайнань, из Гуандуна, Фуцзяня и других портов, и тысячи иммигрантов часто прибывали в Сиам». Купцы пяти восточных районов дельты Жемчужной реки часто бывали в Северной Америке. Например, в период Даогуань тайшаньский купец Гань-цзэнун «занимался бизнесом в Америке»; наньхайский купец Цзянь-минмин основал судоходную компанию, которая совершала поездки в Японию, Аннам, Сиам и различные порты Европы и Америки. И таких крупных купцов было много.

Во-вторых, значительно увеличилось количество торговых судов, следующих в районы Южно-Китайского моря. Среди них были как китайские торговые суда, так и иностранные, а главным пунктом отправления и прибытия был порт Гуанчжоу. Согласно статистике, с 23-го года правления императора Канси (1684 год) по 22-й год правления императора Цяньлуна (1757 год) число китайских торговых судов, отправившихся только в Японию, составило 3017, их значительная часть заходила в порт

Гуанчжоу. Остальные направлялись в другие многочисленные порты у Южно-Китайского моря. Конечно, количество судов, прибывавших в Гуандун для ведения торговли еще больше. Среди них были британские, голландские, датские, шведские, прусские и другие торговые суда. Согласно данным «Хроники Гуандунской таможни», за 89 лет с 14-го года правления императора Цяньлуна (1749 год) по 18-й год правления императора Даогуана (1838 год) порт Гуандун принимал 5 266 торговых судов из всего мира. В год в среднем порт принимал 59,1 корабля, причем преобладали британские и американские торговые суда. Согласно статистике, за 101 год с восьмого года правления императора Юнчжэна по десятый год правления императора Даогуана (1730–1830) тоннаж иностранных торговых судов, заходивших в Гуанчжоу для торговли, увеличился в 25 раз, а тоннаж британских торговых судов — в 36 раз. Южно-Китайское море было центром морских перевозок, связывающим морскую торговлю многих стран, и можно предположить, на столько оживлен был порт Гуанчжоу.

В-третьих, наблюдался беспрецедентный рост объема и разнообразия импортных и экспортных товаров, что свидетельствовало о повышении статуса торговли в Южно-Китайском море. Согласно статистике, с 1817 по 1833 год общая стоимость экспорта из порта Гуанчжоу достигла 71103372 серебряных юаней, а общая стоимость импорта за тот же период составила 107768748 серебряных юаней, что ставило Гуанчжоу в более выгодное положение по сравнению с другими портами. Из Гуанчжоу экспортировалось более 80 видов товаров со всей страны, в основном чай, шелк, атлас, ткани, медь и сахар, в то время как импорт из Европы и США сменился с серебряных юаней в первые годы на опиум в более поздние годы, и в этом отношении первое место занимала Великобритания. Массовый приток опиума в Китай прямо или косвенно наносил ущерб финансам, здоровью нации, морали, армии и обороноспособности Китая, и в конечном итоге привел к Опиумной войне, с которой и началась история Китая Нового времени, причем торговля в Южно-Китайском море послужила поводом к разжиганию этой войны.

В-четвертых, в Гуанчжоу были созданы иностранные торговые дома, 13 из которых к моменту Опиумной войны были британскими, французскими, голландскими, датскими и шведскими. Эти торговые дома играли важную роль в развитии морской торговли Гуандуна, а также служили плацдармом для западной культуры в Гуанчжоу, способствуя распространению западной морской цивилизации в провинциях Гуандун и Гуанси.

На фоне процветания морской торговли в Южно-Китайском море, в период правления династии Цин на побережье Южно-Китайского моря функционировали или появились другие порты, также ставшие базами для морской экономической деятельности. В дельте Жемчужной реки наиболее заметным был порт Цзянмэнь, который возник как речной порт в середине правления династии Мин и как морской порт в период правления Цяньлун династии Цин. В период правления Даогуана русло реки Сицзян обмелело, и судоходные условия стали не такими хорошими, как раньше, поэтому порт Цзянмэнь постепенно пришел в упадок. Порт Хайкоу в Цюньчжоу во времена династии Мин также был «местом, где собирались мачты кораблей словно бамбуки в роще». Во времена династии Цин Хайкоу был одним из семи главных портов Гуандунской таможни, а во времена правления императора Канси торговые суда ходили в Японию. В период правления Цяньлуна «было множество купцов», на остров постоянно привозили шелковые изделия из Фуцзяня, Гуандуна и Чаочжоу, был создан ряд региональных торговых ассоциаций. В седьмом году правления императора Даогуан (1827 год) название пяти торговых гильдий в Цюне было изменено на гильдию Гуанчжоу, что свидетельствовало о значении и статусе гуанчжоуского капитала на Хайнане. В заливе Бэйбувань морские пути стали более доступны, чем в прошлом, и морская торговля процветала. Однако, все это красочное, оживленное и процветающее зрелище закончилось под грохот пушек с началом Опиумной войны.

2. Формирование глобальной структуры циркуляции

После снятия запрета на морскую торговлю при династии Цин морская торговля в Южно-Китайском море не только унаследовала прежние торговых партнеров и регионы, но и с развитием мореплавания и судостроительных технологий морские маршруты Шелкового пути в Южно-Китайском море распространились на весь мир. При династии Мин были открыты маршруты из Гуандуна к южной оконечности Африки через Южно-Китайское море, Гуанчжоу-Макао-Гоа-Европа, Гуанчжоу-Макао-Манила-Латинская Америка, Гуанчжоу-Макао-Нагасаки и Гуанчжоу-Макао-Мангасет-Тимор, маршруты из Гуандуна к южной оконечности Африки, из Гуанчжоу-Макао-Гоа-Европа, из Гуанчжоу-Макао-Манила-Латинская Америка, из Гуанчжоу-Макао-Нагасаки и из Гуанчжоу-Макао-Мангасет-Тимор. В период династии Цин были открыты маршруты Гуанчжоу-Северная Америка, Гуанчжоу-Океания и Гуанчжоу-Россия, был сформирован глобальный морской цикл. Также в эпоху династии

Мин появились новые порты, открытые для экспортной торговли, включая Чжэлин, Наньао, Чжанлин и Байшатолько в восточной части Гуандуна, а также порты или доки для иностранных судов за пределами устья Жемчужной реки, из которых наиболее процветающими были Лянбай и Хаоцзин (ныне Макао). Многие корабли из Китая и других стран причаливали здесь и отправлялись в порт Гуанчжоу. В то же время морская торговля была и способом получения большой прибыли, и Гуанчжоу продолжал развиваться в рамках этой тенденции как крупнейшая база внешней торговли в стране. Южно-Китайское море было оживленным местом, и от этого выигрывала как государственная, так и частная торговля. Таким образом, Гуанчжоу стал очень богатым городом. В период династии Цин, особенно после снятия запрета на морские перевозки, коммерческий статус Гуанчжоу еще более укрепился, что стало естественным следствием его положения в качестве центра глобальной циркуляции морского Шелкового пути.

Раздел 3. Возникновение торговых объединений и их морской культурный стиль

Будучи одним из оплотов морской культуры, торговое объединение Южно-Китайского моря стало самой авантюрной и духовно богатой группой, занимаясь бизнесом по всему миру. Эти объединения занимают достойное место в истории морской культуры Южно-Китайского моря, ярко выразив ее характерные черты и стиль.

1. Историко-гуманитарные предпосылки развития торгового объединения

Несмотря на то, что жители провинций у Южно-Китайского моря издавна занимались коммерцией через бескрайний океан, в ранние годы эта деятельность была ограничена по масштабам и численности и не имела массовый характер. Торговое объединение (или морские купцы) — это группа купцов, специализирующихся на морской торговой деятельности, возникла в основном в период династий Мин и Цин, главным образом из купцов из Гуандуна и Фуцзяня, и стала основным носителем китайской морской культуры. В данном контексте основной темой являются кантонские купцы. Они находились под влиянием экспансии европейских капиталистических сил на восток после Великих географических открытий, активно искали

зарубежные рынки, ускоряли накопление сырьевого капитала и перенесли свою коммерческую деятельность с материка на море. Из Китая в мир, она стала важной экономической силой в преобразовании китайской истории и представителем китайской морской культуры, особенно в Южно-Китайском море. Возникновение гуандунского торгового объединения было основано на следующих предпосылках:

Прежде всего, наблюдалось изменение мировой обстановки с приходом европейских колонизаторов на восток. Начиная с XVI века морская торговля в Южно-Китайском море переходила от традиционного арабского региона к преимущественно европейскому, особенно когда Макао был оккупирован португальцами в середине периода Мин и превратился в центральный порт для международной торговли, что значительно стимулировало морскую торговлю на юге страны, создав почти всеобщий коммерческий бум и большое торговое объединение. Морские купцы были теми, кто путешествовал в морскую даль. Они были более авантюрными и смелыми, чем материковые купцы, более ориентированными на рынок, более конкурентоспособными и приспособленными к различным моделям мировой морской торговли, что отражает характер морской коммерческой культуры.

Во-вторых, сельскохозяйственное производство в Гуандуне достигло своего пика в середине периода Цин, с появлением специализированных сельскохозяйственных районов в дельте Жемчужной реки, таких как шелководство, сахарный тростник, фрукты и прудовая рыба. Эти технические культуры использовались в качестве сырья для ремесел и производили товары в основном для экспорта на внешние рынки, в частности, для конкуренции на международных рынках. Все это стимулировало формирование купеческой группы, сыновей моря, которые были смелые и приспособлены к такой конкуренции. В то же время ремесленное производство в Гуандуне также значительно развилось во время династии Цин, Гуандун стал одним из самых развитых ремесленных регионов Китая. Железоплавильная, гончарная, сахарная и хлопчатобумажная текстильная промышленность Гуандуна, а также его уникальная местная ремесленная промышленность производили товары, известные под общим названием «товары гуандунского производства», которые продавались в стране и за рубежом. Согласно результатам одного исследования, знаменитый текстильный город Фошань производил 20%-30% шелковых изделий для местного и внешнего рынков, а 30%-40% — для внешних рынков. Железные горшки, производимые в Гуандуне, также экспортировались в больших количествах

в зарубежные страны. Аналогичным образом в больших масштабах экспортировались фарфор и сахар — все это требовало поддержки хорошо развитой промышленности по производству товаров, а экспортерами были не простые купцы, а люди, прекрасно понимавшие в морской деятельности.

В-третьих, власть династий Мин и Цин в основном принимали то политику поощрения, то политику запрета внешней торговли, но во втором случае делали исключение для Гуандуна, позволив китайским и иностранным купцам торговать там, предоставив уникальную возможность гуандунским купцам сформироваться как сообщество. Кроме того, население Гуандуна в период правления династии Цин увеличивалось, достигнув 28 миллионов человек к концу своего правления, в то время как пахотные земли уменьшались, составляя менее 1,3 му на душу населения. При увеличении населения и уменьшении пахотной земли ухудшилась экологическая среда, что вынудило часть населения покинуть родные города или отправиться в море, чтобы заняться бизнесом и присоединиться к группе купцов Гуандуна. Таким образом, невыносимое демографическое давление стало одной из мощных движущих сил, заставивших часть населения оставить сельское хозяйство.

И последнее, не следует упускать из виду, что народ провинций Гуандун и Гуанси развил в себе сильное сознание товарности в течение долгого времени своей открытости внешнему миру. Как коллективный дух, он был поднят на новый уровень за период династий Мин и Цин, когда занятие бизнесом стало распространенной социальной тенденцией, и большинство людей выбрали путь «бизнеса, чтобы разбогатеть». Местные чиновники также были вдавлены этой культурой стремления к прибыли и даже выступали с инициативами уделять больше внимания торговле. С таким сильным сознанием о товарах и коммерческой атмосфере, купцы охотно занимались морской торговлей.

2. Региональные типы торговых объединений

В соответствии с географическими происхождениями морских купцов, занимавшихся коммерцией в Южно-Китайском море, все торговые объединения обычно делят на группы гуанчжоуских, чаочжоуских купцов и купцов Хакка. Из-за их различной этнической принадлежности и ассортимента товаров, которыми они торговали, они демонстрировали различные стили морской культуры в одном и том же историческом периоде, тем самым показывая различия в культуре этнических групп юга страны.

Гуанчжоуская группа в основном состояла из купцов из префектуры Гуанчжоу. Она была известна как географическая группа во времена династий Мин и Цин. На кантонском диалекте (также известном как гуанчжоуский диалект или байхуа) говорили жители префектуры Гуанчжоу, поэтому купцы Гуанчжоу также говорили на кантонском диалекте. Согласно некоторым источникам, к этой группе принадлежали 60% купцов в Гуанчжоу.

Гуанчжоуская группа купцов формировалась в дельте Жемчужной реки и прибрежных районах Гуандуна и Гуанси. Она, используя преимущества удобного наземного и водного транспорта, активно вела бизнес не только с материковыми регионами Китая, но и пользовалась маршрутами по Южно-Китайскому морю и завоевывали зарубежные рынки. Согласно историческим записям, купцы из Гуанчжоу активно работали в странах и регионах вокруг Южно-Китайского моря, включая Вьетнам, Камбоджу, Таиланд, Индонезию, Малайзию и Сингапур, а также в США, Японии, Европе, Австралии, Маврикии, Гавайях, Корее, Таити, Гонконге и Макао. С целью ведения бизнеса они путешествовали по всему миру, проплывая Южно-Китайское, Восточно-Китайское и Желтое моря, пересекая Тихий и Индийский океаны. Кроме того, в чужбине им приходилось адаптироваться и знакомиться с местной природной, социальной и культурной средой, что требовало умственной стойкости и терпимости к чужим культурам. Чтобы интегрироваться в местное общество, им также приходилось преодолевать такие барьеры, как язык, обычаи и традиции, местные законы и т. д. Таким образом, гуандунские купцы становились людьми с сильным характером. А культурный стиль, продемонстрированный ими в этом отношении, мы рассмотрим позже.

Среди купцов группы Гуанчжоу наиболее представительными являются купцы Тринадцати коммерческих домов. Начиная с начальных годов династии Цин, с развитием морской торговли, число иностранцев, посещающих Гуанчжоу, увеличилось, и многие страны стали основывать купеческие дома в Гуанчжоу, в том числе Великобритания, Франция, Нидерланды, Дания, Швеция, США, Испания, Россия, Пруссия и т.д. Они арендовали землю и построили дома в современном районе Сигуань в Гуанчжоу, которые служили органом управления внешней торговлей своего государства в Китае. Эти учреждения также выполняли дипломатическую и коммерческую функцию, но с акцентом на второй. Дома иностранных торговцев были также известны как Тринадцать домов иностранцев. Со времен династии Цин количество торговых дворов менялось от периода к периоду, но их число оставалось примерно

13, отсюда и название Тринадцать коммерческих домов. Тринадцать коммерческих домов, ранее расположенных рядом с современным Парком культуры Гуанчжоу, были сожжены во время Второй опиумной войны и восстановлены в период правления императора Гуансуй. Однако, из-за бурного развития острова Шамянь и британской оккупацией Гонконга их значение со временем было утрачено и Тринадцать торговых домов пришли в упадок, потеряв свою историческую роль. Каждый из тринадцати домов обладал своим национальным характером и они были частью европейского культурного ландшафта в городе Гуанчжоу.

Возникновение Тринадцати иностранных торговых домов было тесно связано с морской торговлей в Гуанчжоу во времена династии Цин. Кроме того, до Опиумной войны в Гуанчжоу также была группа индийских купцов Бас, которые занимались торговлей хлопком и опиумом с британской Ост-Индской компанией в Гуанчжоу и были тесно связаны с Тринадцатью торговыми домами. Эти Басы исповедовали индийскую зороастрийскую религию (огненный зороастризм, зороастризм), и на острове Чаочжоу в Гуанчжоу в настоящее время сохранилось кладбище Басов, широко известное как Башня молчания. Согласно их учению, после смерти они должны были быть похоронены под открытым небом, но в Гуанчжоу это было невозможно, поэтому их хоронили в земле. Это стало как обычай в Гуанчжоу, и это показывает большую инклюзивности морской культуры Южно-Китайского моря.

Тринадцать торговых домов Гуанчжоу в период династии Цин.
Рисунок предоставлен Музеем Гуанчжоу

Чтобы усилить управление внешней торговлей, цинское правительство в 1686 году отделило внутреннюю торговлю от внешней, а купцов, занимавшихся внешней торговлей, также отделили от посреднических контор и создали отдельные «дома иностранных товаров», специализировавшиеся на внешней торговле. Позже, эти дома были переименованы в «иностранные фирмы», и Тринадцать гуандунских домов были такими же организациями, а их члены стали называть «купцами фирм» или «иностранными купцами». Таким образом, в Гуанчжоу начала формироваться новая бизнес-группа. Поскольку они были признаны официальной властью и представляли правительство Цин во внешней торговле, тринадцать домов выполняли двойную роль — полуправительственную и полукупеческую, и позже их стали называть «официальными государственно-частными».

Эта новая бизнес-группа была элитной группой гуанчжоуских купцов, включая Янь-лянчжоу и У-гоин из Наньхая, Пань-ци и Лян-цинго из Паньюя, Лу-гуаньхэн из Синьхуэя и Фэн-байляо из Гуанчжоу. Деятельность этих лиц в определенной степени отражает морскую культуру клана Гуанчжоу. В качестве примеров мы рассмотрим деятельность трех представительных купцов этой группы.

Янь-лянчжоу из Наньхая основал компанию «Тайхэ», которая была известна своей «открытостью и честностью, и ей доверяли люди из дальних и ближних стран». Компания в основном вела коммерческую деятельность с Британской Ост-Индской компанией. Она принимала наибольшее количество иностранных торговых судов, прибывающих в Гуанчжоу, и обладала большими финансовыми возможностями. Была внедрена модель семейного управления Тайхэ, и всеми внутренними и внешними операциями занимались братья Янь, было четкое разделение труда и ответственности, и бизнес был хорошо организован. В то же время эта компания с широким кругозором принимала чиновников разных рангов в административном центре провинции и

обращалась за поддержкой ко всем слоям общества, что привело к процветанию бизнеса на протяжении более 40 лет.

Пань-ци из Панью основал компанию «Тунвэнь», которая была одной из самых важных среди Тринадцати торговых домов. Бизнес процветал, поскольку Пань-ци свободно владел иностранными языками и мог общаться с иностранцами, в основном он торговал с британской Ост-Индской компанией шелком, чаем и шерстяными товарами, получая огромные прибыли. Залог успеха Пана в бизнесе заключался в прагматичности и предприимчивости, доверии и завоевании широкого пространства для развития. Например, британская Ост-Индская компания возместила ущербы от низкокачественного отработанного чая или повреждение транспорта отработанного чая, чтобы защитить репутацию компании. Эта инициатива удовлетворила не только британскую сторону, но за ней последовали и другие торговцы, принеся пользу всей группе Гуанчжоу. Далее, успех компании во многом зависел и от наличия у владельца хороших качеств, большого таланта, экстраординарных способностей и долгосрочного видения. Основатель компании Тунвэнь трижды пересекал море до Малого Лусона (остров Филиппинского архипелага), ему не только пришлось бороться с сильными ветрами и волнами и переносить тяготы морского путешествия, но и учиться у западных бизнесменов торговому опыту, впитывать передовые знания западного бизнеса, исследовать и собирать информацию о рынке, устанавливать концепции прибыльности, информации, честности, осведомленности о рынке, конкуренции и эффективности. Все эти понятия, отвечающие потребностям современного развития бизнеса, по-разному проявляются в Пан Ци, тем самым эффективно обеспечивая работу компании Тунвэнь. В-третьих, он прилежно учился, хорошо знал иностранные языки, был восприимчив к новому. Говорят, что Пань-ци свободно владел английским, испанским и португальским языками и мог без переводчиков общаться с иностранцами. Их примеру последовали другие купцы, и наблюдалась мода изучения иностранных языков. Купцы говорили на английском языке с сильным кантонским диалектом, так называемый «кантонский английский» облегчал деловое общение с иностранцами. В ходе частых контактов с иностранными инвесторами Пань-ци узнал, что лондонское управление Британской Ост-Индской компании использовало переводные векселя для торговых расчетов, преимущества которых заключались в экономии времени, повышении эффективности, лучше, чем наличные расчеты, быстром движении средств, безопасной наличности и т.д., поэтому векселя были использованы в управлении компании «Тунвэнь», что свидетельствует о его

дальновидности. Это было немыслимо для материковых купцов, которые знали только серебро как средство платежа. Это можно рассматривать как пример раннего принятия западных инноваций купцами Тринадцати торговых домов, и показывает славу морской коммерческой культуры Южно-Китайского моря.

Торговец из Южных морей У-гоин основал компанию Ихэ, которая торговала шерстяными изделиями и чаем с британской Ост-Индской компанией, и объем его торговли с каждым годом стремительно рос. Он был одним из 50 богатейших людей в мире и одним из шести богатейших людей в Китае. Он был мастером и проявлял свои лучшие личные качества в бизнесе. Иностранные предприниматели также отмечают, что он обладал большими финансовыми возможностями и высоким уровнем интеллекта, что ставит их в привилегированное положение среди всех бизнесменов. На современном управленческом языке это называется стратегическая победа таланта. Во-вторых, семья У пользовалась хорошей поддержкой власти Цин и установила тесные отношения с местным органом власти, делая различные пожертвования в пользу правительства Цин в обмен на щедрое вознаграждение. Он также в полной мере использовал административную власть для продвижения деловых операций, что также было успехом с точки зрения институциональной культуры. Опять же, семья У инвестировала в американскую страховую промышленность и американские железные дороги, помимо торговли чаем и т.д., и получила большие прибыли. Это были первые китайские бизнесмены, инвестировавшие в США и другие страны в середине XIX века. Это, несомненно, была полезная попытка перенять передовую зарубежную деловую культуру и продвигать ее в Гуанчжоу.

У-хаогуань, купец из тринадцати торговых домов. Фото предоставлен Музеем Гуанчжоу

Помимо купцов из Тринадцати торговых домов, было много других купцов из группы Гуанчжоу, которые также добивались успехов в морской торговле. Тот факт, что часть доходов этих купцов была использована для покупки земли, а не для расширения своего делового капитала, также отражает тот факт, что земельный капитал все еще был частью потока купеческого капитала в контексте феодального способа производства. Эта ограниченность времени является проявлением периода зарождения капитализма в дельте Жемчужной реки.

Купцы Чаочжоу были второй по масштабу региональной группой купцов в Гуандуне после группы купцов Гуанчжоу. Ее членами были купцы из округа Чаочжоу во времена династии Цин. Считается, что чаочжоуские купцы как группа сформировались относительно поздно, в годы под девизом Канси, заново была открыта морская торговля. До этого купцы из Чаочжоу были в основном группой пиратских купцов, которые зарабатывали на жизнь контрабандной торговлей и даже воевали против вооруженных сил династии Мин, и вместе с пиратскими купцами Чжан и Цюань в Фуцзяни они составляли основную массу пиратских купцов на юго-восточном побережье Китая. Юго-Восточная Азия была основной сферой деятельности группы Чаочжоу, и она была более заметна, чем группа из Гуанчжоу в зарубежной торговле: она вела бизнес в Нагасаки, Малайзии, Индонезии, Таиланде, Сингапуре, Вьетнаме, Камбодже, Гонконге и Макао. Группа купцов Чаочжоу считалась предприимчивой в бизнесе, она авантюрная и новаторская. Чаочжоуские купцы обладали сильным чувством местной идентичности и использовали людей из Чаочжоу как в качестве судоводителей, так и в качестве управляющих. Очевидно, что для того, чтобы адаптироваться к тяготам морской жизни и развиваться в чужих краях, люди из Чаочжоу должны были обладать сильной внутренней сплоченностью,

культурным качеством, которое было заметным среди торговых объединений Южно-Китайского моря.

Купцы Хакка были группой купцов из уездов Тайпоу, Чэнсян (Мэйсянь), Пинъюань, Чжэньпин (Цзяолин), Чангле (Ухуа) и Синнин в префектуре Чаочжоу и округе провинциального подчинения Цинцзяин, где говорили на диалекте Хакка, отсюда и название «купцы Хакка». Как и в случае с другими купеческими группировками, количество купцов хакка трудно подсчитать. Группа Хакка была очень активной и путешествовала по всему миру. Как и их коллеги, купцы хакка также путешествовали по морям, занимаясь торговлей и коммерцией в Индонезии, Малайзии, Гонолулу, Сингапуре и Гонконге (Китай). Во время Первой мировой войны население уезда Мэйсянь составляло около 400 000 человек, а в Юго-Восточной Азии их численность насчитывалась 200 000, что составляло половину общего населения родного уезда, некоторые из них занимались морской торговлей или поселились в Юго-Восточной Азии позже.

Группа гуандунских купцов была вынуждена полагаться на объединение в делах в других странах, чтобы поддерживать связь друг с другом, обмениваться информацией, объединяться и помогать друг другу, защищать интересы своих соотечественников и работать на их благосостояние. В Пекине, Тяньцзине, Шанхае, Цзянсу, Гуанси, Сычуани и других провинциях Китая, гуандунские объединения были разбросаны по всей стране и были очень полезны для коммерческой торговли Гуандуна. В зарубежных странах также существовало множество гуандунских объединений. Согласно книге профессора Цзинаньского университета Лю Чжэнгана «Очерки о домах объединения Гуандуна», наибольшее количество домов объединения было создано в Азии во времена династии Цин. Количество гуандунских объединений при династии Цин было самым большим в Азии. В Америке гуандунские объединения заняли лидирующую позицию, достигнув кульминации в XIX веке. В Австралии, Европе и Африке гуандунские гильдии появились после середины XIX века, но их количество было небольшим. Это было тесно связано с последовательностью и степенью развития этих районов, а также с миграцией заморских китайцев. Однако первоначальное назначение объединений было связано в основном с морской торговлей, и только позднее эти объединения обрели другие функции. В книге перечислены в общей сложности 76 гуандунских объединений в Сингапуре и Малайзии. Если разделить их по диалектам, то можно выделить 35 купцов из Гуанчжоу, 17 купцов из Чаочжоу (включая тех, кто говорит на хайнаньском диалекте) и 24 объединения хакка. Среди них объединение Цзяин в Пинанге,

Малайзия, самый ранний зарубежное объединение кантонов, построенный купцами хакка в 1801 году. На самом деле, хотя эти объединения имели сильные географические и особенно этнические связи, многие из них были организованы под эгидой различных префектур Гуандуна. Например, гильдия Хуэйчжоу была основана в 1805 году в Малакке под названием «Компания Хайшань» и состояла из купцов из уездов Лунчуань, Хэюань, Цзыцзинь и Хэпин. Это территориальное объединение способствовало общению и взаимопомощи между купцами. В 1805 году люди из Гуанфу основали городок Сяншань на Пинанге, а именно зал объединения Чжуншань, который был объединен единым округом и также имел сильную сплоченную силу.

3. Стили морской культуры у купеческой группы

Какая бы купеческая группа ни торговала за рубежом, либо с развивающимися капиталистическими странами, либо со своими колониями по всему миру, она обладала сложными коммерческими навыками и системами. Чтобы иметь с ними дело, необходимо было принять набор эффективных методов ведения бизнеса, которые сделали бы их непобедимыми. Действия гуандунских купцов в этом отношении демонстрируют их морскую культурную особенность, которая отличает их от других купеческих группировок в Китае. Эти морские культурные черты можно резюмировать следующим образом:

Во-первых, гибкость. Во время своей экономической деятельности за границей кантонские купцы периода династий Мин и Цин очень хорошо умели наблюдать и понимать ситуацию в бизнесе, вовремя корректировать стратегию продаж и структуру товаров, стремясь к получению прибыли.

Еще в начале XV века торговля китайских купцов в Малакке показала свои сильные стороны в этой области. Зафиксировано, что «китайская торговля в Малакке не была такой большой по количеству и стоимости, как торговля яванцев и гуджаратцев, но была более разнообразной и интересной, чем их». Начиная с XVI века, купцы из Гуандуна и Фуцзяня стали больше контролировать морскую торговлю в Юго-Восточной Азии и проявлять большую осведомленность о рынке. Прежде чем высадиться на берег, они посылали своих купцов узнать, какие товары доступны, получали лицензии и правовую защиту и отправляли товары, которые не использовались или не продавались местными купцами в других странах, такие как ртуть, порох, перец, корица, гвоздика, сахар, железо,

олово, медь, шелк, шелковые ткани и мука, многие из которых производились в провинциях Гуандун и Гуанси. Существуют записи, в которых отмечено что: «китайские купцы имели много преимуществ перед европейцами, самым важным из которых был практически свободный доступ на китайский рынок к югу от Шанхая. Там они имели доступ к чаю, фарфору и шелку... Китайские купцы также были хорошо знакомы с азиатскими рынками и тщательно и избирательно подходили к выбору товаров. Они торговали многими товарами с традиционными характеристиками, которыми пренебрегали европейцы, такими как ладанное дерево, рог носорога, черное дерево, бензоин, камфара и кожа, и китайцы также смогли относительно быстро приспособиться к новым случаям торговли.»[74] Это позволяло им взять инициативу в свои руки и заставить свой бизнес идти полным ходом. Некоторые замечали, что «непринужденность традиционных азиатских обществ превосходила более систематизированные и стандартизированные формы торговли на Западе, где они были почти повсеместно доступны для завершения коммерческих сделок.»[75] Кантонские купцы могли делать большие деньги благодаря изучению рынка и своевременным продажам, и покупкам. Например, в Сингапуре до 1840-х годов, «когда прибывал парусник, жившие здесь китайские купцы немедленно отправлялись на корабль, чтобы взять образцы различных товаров и изучить количество каждого вида товара». В течение нескольких дней после этого капитан сходил на берег, чтобы узнать, что происходит на рынке, и обычно продавал все товары в течение недели или двух. Кроме того, кантонские купцы были очень осторожны и использовали сезонные различия в морской торговле, чтобы придерживать товары для повышения цен и получать выгоду. Японские ученые отмечают, что для того, чтобы обеспечить продажу шелка-сырца по высокой цене на японском рынке, китайские купцы грузили небольшое количество шелка на свои весенние суда, направлявшиеся в Нагасаки в апреле и мае, а когда цена на шелк-сырец согласовывалась на более высоком уровне, они затем грузили большое количество шелка на свои летние и осенние суда в порт Нагасаки и продавали его по высокой цене. Деловые навыки этих кантонских купцов показывают, что они были способны менять свои бизнес-идеи, стратегии и реакции в зависимости от времени, местоположения и гармонии людей, что делало их непобедимыми. Очевидно, что это был культурный результат долгой истории знаний и опыта в производстве и распределении товаров. И наоборот, были и такие купеческие группы, которые цеплялись за свои существующие бизнес-модели и не смогли измениться, не смогли идти в ногу со временем и

пришли в упадок. Например, купечество провинции Шаньси, хорошо известные в китайских деловых кругах, первоначально полагались на производство чая и контору для переводов, чтобы сделать свое состояние. Это была типичная сухопутная купеческая группа, имевшая свои рынки в Китае и его северных соседях, Монголии и России. Когда после Опиумной войны началось преобразование китайского побережья в современную промышленность, купечество провинции Шаньси не смогло вовремя изменить направление своей деятельности, превратив торговый капитал в промышленный и используя капиталистические методы ведения бизнеса, и оказались далеко позади по мере ускорения процесса модернизации. В начале первых годов Китайской Республики купечество провинции Шаньси с их сильным феодальным подтекстом пришли в упадок и были исключены из рядов купеческих групп Китая. Купцы Кантона и Фуцзяня вскоре воспользовались послевоенным открытием дверей страны, чтобы перейти из внутренних районов в морские и расширить свою торговлю с другими странами и регионами. В ходе модернизации они «активно занялись новыми и ориентированными на внешний мир отраслями, от торговли речных плоскодонных судов до торговли кораблями, от суконщиков до торговли иностранной тканью, от денежной лавки до банков, от посредников до агентов, инвестируя в современную промышленность, западную медицину, недвижимость, страхование, ценные бумаги, коммунальные услуги и сферу новых услуг». Цзиньские купцы, с другой стороны, все еще томились в традиционном бизнесе, что в определенной степени предопределило их судьбу. Хотя три основные прибрежные купеческие группы (Гуандун, Фуцзянь и Нинбо), которые были в значительной степени феодальными по своей природе, прекратили свое существование вместе с цзиньскими купцами в процессе модернизации. Однако, по мере углубления этого процесса, купцы Шаньси также в значительной степени ушли из внутреннего делового мира, в то время как многие купцы Гуандуна, Фуцзяня и Нинбо успешно завершили трансформацию к модернизации, оставаясь активными в торговле и активно инвестируя в современную промышленность. Это самое замечательное проявление культурной гибкости кантонских купцов.

Во-вторых, инклюзивность. Кантонские купцы, воспитанные морской культурой, уделяли большое внимание взаимопомощи и сотрудничеству в своей зарубежной торговой деятельности, сосредотачиваясь на индивидуальной предпринимательской деятельности в обычное время, но при необходимости сотрудничая как группа для объединения капитала и снижения рисков, чтобы

выиграть в рыночной конкуренции. Благодаря всестороннему участию можно было работать вместе, опираясь на сильные стороны каждой стороны для создания большего группового преимущества, которое могло подавить другую сторону. Например, в случае с морскими купцами из Гуандуна и Фуцзяня, работавшими на Яве, «если груз на корабле был настолько велик, что было не под силу финансовых ресурсов одного купца, несколько китайских купцов объединялись, чтобы закупить все товары, а затем распределяли прибыль в соответствии с их индивидуальными долями инвестиций». На Яве этот денежный рынок был открытым, без помощи европейских купцов. Таким образом, эти китайские купцы могли заниматься бизнесом с меньшим риском». По словам французского историка Робера: «У китайцев был инстинкт к большим бизнесам, и они по-своему достигли той ассоциации и горизонтального объединения предприятий, которые превозносят западные экономисты. Они поднялись от лавок и маленьких магазинчиков до больших магазинов, и они создали сложную сеть торговли, так что местные производители были вынуждены идти к их дверям». Благодаря такому сотрудничеству капитал гуандунской купеческой группы рос и рос, в свою очередь формируя местный деловой рынок и превращаясь в мощную торговую корпорацию.

Гуандунская купеческая группа была одновременно толерантной и приняла вертикальную и горизонтальную модель альянса в своей деятельности для достижения большей экономической выгоды. Модель кооперативного бизнеса, разработанная кантонскими купцами, которая в полной мере использовала преимущества их географических и кровных связей, не могла быть противопоставлена даже западным колонизаторам. По мнению голландских ученых, «китайцы лучше конкурировали с европейцами, чем народы Западной и Южной Азии, потому что почти вся посредническая торговля на Яве и в большей части Восточной Азии находилась в их руках, и потому что китайцы не только работали в портах Гонконга на экспорт, но и были глубоко вовлечены в сельскую жизнь во внутренних районах страны, покупая местные продукты и продавая в розницу импортные товары». Это также показывает, что притягательная сила морской культуры может простирается куда угодно.

Модель кооперативного бизнеса кантонских купцов также была ориентирована на иностранцев. В частности, в середине и конце династии Цин кооперативные предприятия с иностранцами стали более распространенными. Это было характерно для кантонских купцов, работавших в Макао. По словам шведа Лонгстеттера «В 1831 году все судоходство в Макао состояло из 16 торговых судов общим весом 5 331 тонна; в 1834 году — из 15

судов общим весом 4 158 тонн. Большинство судовладельцев не имели средств для загрузки своих торговых судов нужным грузом и не могли позволить себе расходы и издержки, связанные с длительным плаванием. В результате многие торговые суда были взяты на борт китайскими авантюристами и загружены для Сингапура, Батавии, Малакки, Пенанга, Калькутты, Бомбея, Маврикия и т.д. Этот способ был удобен для обеих сторон, так как он был безопаснее, чем китайские парусники, хотя погрузка на португальские корабли обходилась дороже. Китайские купцы, включая купцов из Макао, также использовали британские корабли для погрузки своих товаров в вышеупомянутые места». Очевидно, что кантонские бизнесмены очень хорошо умели находить партнеров, чтобы максимизировать прибыль от торговли, используя свои сильные стороны.

В-третьих, прагматизм. Погоня за прибылью — главная цель ведения морской торговли у гуандунских купцов. По этой причине кантонские купцы делали все с практической точки зрения. Они сосредоточились на внедрении метода интегрированного управления производством и маркетингом, создавали производственные базы в тех странах и регионах, где были условия для переработки продукции и ее экспорта напрямую в третьи страны. Таким образом, сокращались промежуточные звенья, снижались затраты и увеличивались доходы, таким прагматичным путем гуандунские купцы и развивали свой бизнес. Некоторые кантонские купцы, находясь за границей, по максимуму расширяли возможности для своей торговой деятельности. В конце XVI века они, отправлявшиеся на Лусон, везли с собой разнообразные товары, «а также большое количество матросов и рабочих низшего ранга, которые садились на корабли в кантонских доках». Среди ремесленников были парикмахеры, портные, сапожники, каменщики, лакировщики, ткачи, кузнецы и искусные серебряных дел мастера. Испанцы, как и голландцы в Батавии, не могли обойтись без услуг китайцев». Большинство этих ремесленников были избыточными рабочими силами из горных районов, так они нашли возможность работать за границей и помогли ослабить демографическое давление в их родных краях. Кроме того, это был наиболее прагматичный способ ведения бизнеса — создать сельскохозяйственную базу непосредственно за границей, чтобы обеспечить важный источник товаров для внешней торговли. Согласно одному исследованию, «к концу XVI века на Яве и других островах возникло значительное количество китайских торговых центров. Все эти китайцы были выходцами из провинций Фуцзянь и Гуандун. Известно, что в то время в Вантане существовали

китайские перечные плантации и рисовые поля. Эдмунд Скотт сказал в 1602 году: «Китайцы выращивают и собирают перец, а также выращивают свой собственный рис, но они высосали все богатство из этого места». Кантонские купцы торговали за границей, используя местное сырье, переработанное в товары. Например, в Семаранге, Индонезия, во времена династии Цин «китайская промышленность росла, и все больше и больше купцов прибывало из Китая. В результате китайское население в городе Семаранг постоянно росло. Китайские купцы привозили много товаров из Китая, а когда возвращались, то также увозили с собой много товаров, которые можно было продать в Китае, например, перец, фасоль лакрицу и другие специи. Производство арахисового масла и свечей можно считать важной работой для китайцев в то время». В Ачехе «из всех купцов, приезжавших торговать в город, самыми известными были китайцы... Вместе с множеством ремесленников — плотниками, декораторами, художниками и так далее. Когда эти ремесленники прибыли, они сразу же принялись за работу. Они делали сундуки, мебель и различные игрушки. Как только они были готовы, они открывали магазин и продавали их у дверей. Более двух месяцев это место было похоже на рынок. Если товар не раскупался, они надеялись, что какой-нибудь разносчик захочет купить их лодки, и были готовы продать их, если кто-нибудь их купит. Когда лодки продавались, они возвращались в качестве пассажиров на чужой лодке». Сахарный тростник в изобилии произрастал в Юго-Восточной Азии, и в 1710 году в Батавии (Джакарте) насчитывалось 130 сахарных фабрик, большинство из них принадлежали китайцам. Были также кантонские купцы, которые покупали иностранное сырье и отправляли его обратно в Китай, чтобы переработать в прекрасные продукты для продажи на рынке. Очевидно, что во всем, что они делали, будь то распространение товаров, переработка сырья или предоставление услуг, кантонские купцы очень приземленные и прагматичные, стремящиеся извлечь прибыль из своего капитала, в соответствии с прагматичным стилем культуры провинций Гуандун и Гуанси, которая распространялась за границу.

В-четвертых, строгое соблюдение добросовестности и честности. Кантонские купцы смогли закрепиться на зарубежных рынках, расширить свой бизнес и увеличить свою долю рынка благодаря таким культурным достоинствам, как честность и надежность. Эти качества позволяли им побеждать в коварном море торговли. Американец Ф. Кэди отмечал, что в XVII веке «у китайцев было много надежных купцов, которые приезжали из Гуандуна

и других портов на побережье Фуцзянь, чтобы заниматься процветающей парусной торговлей. Они всегда старались везти в Китай все испанские риалы, которые они могли достать, и европейцы доверяли им настолько, что давали им свои товары в кредит». Кантонские купцы также уважали обычаи местных жителей и создали себе хороший деловой имидж, что позволяло сделкам состояться. Например, в некоторых районах Филиппин «когда иностранцы приезжают в одну из их деревень, им не разрешается сходить на берег, но они должны оставаться на своих лодках в реке (или в море), где они пришвартованы, и сообщать о своем прибытии гонгом». Затем купцы подходили к торговым судам на легких лодках, привозя хлопок, желтый воск, иностранные ткани, кокосы, лук, тонкие циновки и различные товары для продажи или обмена на китайские товары. На фоне недопонимания относительно цены товаров пришлось также вызвать главу местного купечества и договориться о прейскуранте, устраивающем все стороны». Таким образом, обе стороны договаривались о цене и заключали одну сделку за другой».

Чтобы завоевать доверие местных жителей, кантонские купцы охотно занимались благотворительной деятельностью, и местные жители приветствовали ее. Это в свою очередь и способствовало развитию торговли между двумя сторонами. Британка Кэйт отметила, что: «В Индонезии «в целом китайские купцы превосходили местных торговцев, потому что у них была врожденная квалификация к бизнесу и другие таланты». Европейские купцы не могли сравниться с ними и в посреднической торговле, поскольку существовали и другие значимые факторы. Например, китайские купцы были лучше знакомы с местными реалиями, понимали потребности местного населения, имели более тесные отношения с местными производителями и потребителями, были бережливы и имели более низкий уровень жизни и т.д.»[76] Также были некоторые кантонские и фуцзяньские купцы, которые финансировали строительство местных портов и имели хорошую репутацию.

В конкурентном мире бизнеса упор кантонских купцов на низкие цены и хорошее качество также вызывает удивление. Филиппинец Омар Алип отметил, что в Маниле «китайские купцы всегда были самыми успешными бизнесменами в стране». Существует два типа китайских купцов. К первому типу относились те, кто управляет рынками и коммерческими компаниями, продает товары, занимается оптовой и розничной торговлей. А к второму типу бизнесменов относились владельцы небольших продовольственных магазинов или бакалейных лавок, в которых продавались разнообразные дешевые

товары. Сначала испанские купцы пытались конкурировать с китайскими торговцами, но вскоре они проиграли более пронырливому, бережливому и выносливому китайцам. Китайцы вели скромную личную жизнь в ходе ведения бизнеса, поэтому они обычно были в состоянии вытеснить большинство своих конкурентов, предлагая более низкие цены». На всей Яве «в торговле часто доминировали китайцы, многие из которых были богаты и разбогатели благодаря своим деловым знаниям, предприимчивости и вере в себя». В Сиаме китайцы умели торговать в одиночку, с наименьшими затратами и в кратчайшие сроки. Западные люди отмечали, что эта коммерческая хватка была уникальным капиталом китайцев. Тот факт, что кантонские купцы пользовались таким высоким уровнем доверия в регионе, несомненно, был результатом их приверженности деловой этике.

Эти культурные черты морских купцов развивались во времена династий Мин и Цин, когда кантонские купцы занимались заморской торговлей. С одной стороны, эти культурные черты показывают, что кантонские купцы обладали духом, волей и упорством для развития собственного бизнеса, смогли адаптироваться, защитить себя, бороться за собственное выживание и развитие в сложных условиях в зарубежных странах, создав тем самым новый мир бизнеса и сделав заморскую торговлю спасательным кругом для экономики прибрежных районов Южно-Китайского моря. С другой стороны, благодаря этим культурным особенностям, они смогли сохранить долгосрочное преимущество в сложной и изменчивой зарубежной торговой конкуренции. И, опираясь на это преимущество, они сохранили свои выгодные позиции в Юго-Восточной Азии и играли определенную роль в развитии местной экономики после Опиумной войны и после колонизации Юго-Восточной Азии западными державами. И в этом заключалась экономическая мощь морской культуры, которую развили кантонские купцы во времена династий Мин и Цин. Вплоть до наших дней кантонские купцы не уходили с торговой арены, когда местная власть попала в руки иностранного колониализма. Приводя пример китайской торговли с Филиппинами, было отмечено, что «независимо от типа судна или выбранного маршрута, оба конца этого торгового маршрута по-прежнему принадлежали китайцам: китайцы в Сямыне, Макао и Гонконге на одном, и китайцы в Маниле на другом. Только экспорт риса в Китай осуществлялся западными людьми». Очевидно, что сила и устойчивость экономического могущества морских купцов Гуандуна и Фуцзяня подкреплялась их морскими культурными корнями, описанными выше.

Раздел 4. Установление традиционных границ Южно-Китайского моря и суверенитет Китая над ним

Познание Китая о Южно-Китайском море и его освоении имеет исторический процесс развития. В период правления династии Мин понимание Китаем Южно-Китайского моря еще более укрепилось, а силы морской обороны расширились вглубь моря, и острова Южно-Китайского моря были включены в сферу морского патрулирования. Династия Цин с ее административным устройством, военной деятельностью, планировкой и картографированием прочно заложила основу традиционных границ Китая в Южно-Китайском море, и морская деятельность китайского народа служит убедительным доказательством этого. Таким образом, культура территориального понятия Южно-Китайского моря в период правления династии Цин поднялась на новый уровень.

1. Административное учреждение, связанное с морем

Во втором году под девизом Хунъю династии Мин (1369 год) был учрежден Императорский секретариат в Гуандуне, а в девятом году (1376 год) он был переименован в «Центральный секретариат», а потом Департамент по гражданским и финансовым делам (отдельной провинции, дин. Мин и Цин), но его по-прежнему было принято называть провинцией, как это было во времена династии Юань. Остров Хайнань, полуостров Лэйчжоубаньдао и район Хэпу также были переданы из бывших провинций Хубэй и Хунань в состав Гуандуна, таким образом, был создан основной контур провинции Гуандун. Остров Хайнань и полуостров Лэйчжоубаньдао расположены в центре Южно-Китайского моря, граничат с материковым Китаем на севере и государствами Южно-Китайского моря на юге, и с древних времен были промежуточными пунктами для сообщения между материковым Китаем и Южно-Китайским морем. В этом отношении остров Хайнань и множество отличных гаваней в северной части залива Бэйбу стали незаменимыми якорными стоянками и станциями снабжения для маршрута Южно-Китайского моря и рыболовства. Это стало результатом исторического развития и важным шагом на пути укрепления морской обороны и содействия развитию пограничных и морских территорий. В первом году под девизом Хунъю (1368 год) была образована префектура Цюнчжоу, под юрисдикцией которой находились три округа и десять уездов. Позже на

этих территориях были дислоцированы одна крупная военная часть и одиннадцать военные пункты среднего масштаба. Примерно в то же время были образованы административные округа Лэйчжоу и Лянчжоу, которые отвечали за управление и развитие моря и островов. Согласно записям периода династии Мин, Ваньчжоу находился под юрисдикцией «Чанша» и «Шитан», а под командование Цзинь-шу, командующим флотом, входило «более 10 000 солдат и 50 огромных кораблей» и флот «патрулировал морские пути на десятки тысяч миль». В то время иностранцы называли Южно-Китайское море «Великим морем Мин», подтверждая суверенитет и юрисдикцию правительства Мин над островами и близлежащими акваториями.

Административная структура династии Мин в Южно-Китайском море была унаследована династией Цин, это обеспечило непрерывность и стабильность юрисдикции и развития морской акватории. При династии Цин районы «1000 миль от Чанша» и «10 000 миль от Шитанга» были переданы под юрисдикцию префектуры Цюнчжоу. За оборону этих районов, акваторий и островов Южно-Китайского моря отвечали батальоны, дислоцированы в Хайкоу, Хайнань и Даньчжоу. С 1662 по 1722 год флот Гуандуна под командованием полководца У-шэна патрулировал море от Цюнья (Хайнань), через Тунгу, через Цичжоу Ян и Сисанша, преодолев расстояние в 3 000 миль. Благодаря этому в этом районе царил мир и стабильность. В 12-м году под девизом Даогуан (1832 год) цинское правительство создало систему морских патрульных постов, установив, что ежегодно 10-й день четвертого и десятого месяца — день морского патрулирования, что сделало патрулирование Южно-Китайского моря более институционализированным и эффективным. Таким образом, Южно-Китайское море было институционализировано как в плане административного устройства, так и в плане военной обороны, что стало доказательством неоспоримого территориального суверенитета Китая.

2. Составление карты Южно-Китайского моря

Династия Цин охватывала самую большую территорию в истории страны, ее территория простиралась до самого южного края Южно-Китайского моря. Карты, на которых обозначен территориальный суверенитет страны, также отражают это изменение границ.

Картограф середины династии Мин Ло-хунсянь (1504-1564 гг.) составил «Карту провинции Гуандун», на которой было

обозначены «Шитанг» и «Чанша» в Южно-Китайском море. В 1709 году цинское правительство составило карту мира, на которой по-прежнему были обозначены «Ваньли Чанша» и «Ваньли Шитанг». Особо следует отметить «Общую карту четырех морей», приложенную к «Записям свидетелей морской страны», написанную Чэнь-лунцзюнем, командующим уезда Гаоляна в 1730 году. Эта карта является самой ранней картой островов Южно-Китайского моря, которую можно увидеть сегодня. Карта включает все акватории островов Южно-Китайского моря и является началом четкого разделения островов на четыре крупных архипелага, которое позже было воспроизведено в различных работах. В 1842 году Линь-цзэсюй и Вэй-юань опубликовали карту Южно-Китайского моря в виде карты истории стран Южно-Китайского моря, на которой они отметили «Ваньли Чанша» и «Цяньли Шитан», обозначающие острова Сиша и Наньша соответственно. Во втором году под девизом Сюаньтун (1910 год) Ли-чжун, губернатор военно-морской начальника провинции Гуандун, составил карту островов Сиша, которая подтверждает территориальный суверенитет Китая над ними.

Помимо вышеупомянутых официальных карт, существует еще множество карт островов в Южно-Китайском море времен династий Мин и Цин. Это свидетельствует о более детальном и глубоком понимании различных морских зон в Южно-Китайском море и прочно закрепляет концепцию морской территории и границ Южно-Китайского моря.

3. Исторические документы, древние книги и записи о Южно-Китайском море

Во времена династий Мин и Цин о Южно-Китайском море и его островах было написано больше текстов, чем когда-либо прежде, и многие из них были документами о суверенитете Китая над ними. В эпоху династии Мин, Нантинмэнь в уезде Дунгуань провинции Гуандун был местом, куда заходили морские суда, а в книге Хуан-чжун «Язык моря» говорится, что границей между водами Китая и Вьетнама была область вокруг Вайлянь, что сегодня относится к акватории вокруг островов Гуандун в центральной части Вьетнама.

В трудах династии Цин острова Сиша обычно назывались «Ванли Чанша», а в 1844 году в книге Се-цингао и Ян-биннаня «Записи о море» четко сказано, что «Ванли Чанша» — это плавающая пустыня в море, длиной в тысячи миль, который является внешним ограждением Аннана (Вьетнам)».

В 1567 году власть Мин начала постепенно снимать запрет на морскую торговлю и развивать морские перевозки между Китаем и соседними странами и Индийским океаном, а в 1684 году власть династии Цин отменило запрет на мореплавание и в следующем году приказало «открыть море для торговли». Еще более сложным стал вопрос о наименовании островов в Южно-Китайском море. С момента начала правления династии Цин существовало более 20 названий островов в Южно-Китайском море, и о них было составлено не менее 70 атласов. А что касается термин «острова в Южно-Китайском море», то он впервые был выдвинут Сюй-баогуаном в 1710 году в своей книге «Записи о Чжуншань». Сюй-баогуан был ученым и дворцовым редактором эпохи правления императора Канси, при жизни он отправился с миссией в Японию, и эта книга является его важным трудом по зарубежной географии.

Названия островов в Южно-Китайском море сегодня в основном возникли и использовались во времена династий Мин и Цин, их происхождение было связано с мореплаванием, патрулированием, производственной деятельностью китайского народа, историческими личностями, а также древними официальными должностями и другими географическими названиями, полностью отражая неразрывную связь между островами в Южно-Китайском море и материковой частью нашей страны. Помимо географических названий мест, связанных с экспедицией Чжэн-хэ на Запад, существует множество других названий, которые тесно связаны с деятельностью китайского правительства, управлявшего этими островами, или с выдающимися личностями из китайской истории. Первого числа четвертого месяца первого года под девизом Сюаньтун (1909 год) цинское правительство отправило Ли-чжуна, губернатора военно-морского флота Гуандуна, с более чем 170 людьми на трех кораблях для исследования и патрулирования островов Сиша и других районов. Острова были названы в честь Кораллового острова (оказалось, что он полон кораллов) и пляжа Жэньчжун (Чжан Жэньчжун, местный чиновник, который управлял и осваивал Южно-Китайское море в конце правления династии Цин и был губернатором Гуандуна и Гуанси). В честь известных деятелей истории Китая названа банка Лу-бань (покровитель плотников и строителей), древний плотник), риф Цюй-юань (поэт-патриот и министр царства Чу), пляж Дунпо (Су-дунпо, литератор династии Сун) и риф Кунмин (Чжугэ-лян, прозвище Кун-мин, политик и военный стратег царства Шу). Есть и названия в честь китайских регионов, городов и уездов: риф Хайкоу (Хайкоу, административный центр провинции Хайнань), Пунинские пески (Пунин, название уезда в Гуандуне) и риф Хайань (Хайань,

южный порт уезда Сюйвэнь). Подавляющее большинство этих названий происходит из провинций Гуандуна и Гуанси, и это является проявлением распространения культуры в другие места, связанного с деятельностью человека.

На протяжении многих поколений китайские рыбаки приходили и уходили под ветрами и волнами островов Южно-Китайского моря, они были хорошо знакомы с тамошними условиями. Они записывали свой опыт плавания и добычи, составляя письменный документ, похожий на современные навигационные справочники или карты, известный как «Книга водных путей». Она также была своего рода навигационным инструментом. Согласно исследованиям ученых археологического музея, соответствующие статьи «Книги водных путей» находились в процессе формирования с того дня, когда китайские рыбаки отправились на острова Сиша и Наньша. Во времена династий Мин и Цин в Китае появилось большое количество морских описаний. В этот период все больше и больше китайских рыбаков отправлялись на острова Сиша и Наньша, расширяя сферу своей деятельности. Вместе с этим ускорился процесс составления Книги водных путей. Однако, практически все сохранившиеся на сегодня версии «Книги водных путей» были скопированы современниками всего 60 или 70 лет назад. Согласно статистике, в этих Книгах записаны названия 96 островов в Южно-Китайском море, из которых 24 принадлежат островам Сиша, а 72 — островам Наньша. Эти факты также являются убедительным доказательством того, что острова в Южно-Китайском море с древних времен были священными территориями Китая.

В период династий Мин и Цин географические особенности и причины возникновения Южно-Китайского моря и его островов, помимо описательного представления отдельных объектов, постепенно изучались с точки зрения их общих характеристик и закономерностей. В большинстве трудов династии Мин уже указывалась ориентация островов Южно-Китайского моря и описывались их топографические и даже особенности микрорельефов на основе их четкого разделения на четыре основные части. Это был большой прогресс в географическом понимании островов.

В эпоху династии Цин «Записи свидетелей морской страны» Чэнь-лунцзюня была наиболее сложной в географическом понимании островов Южно-Китайского моря. Это была не только первая работа, в которой острова были четко разделены на четыре архипелага, как упоминалось выше, но и более точно выражены их индивидуальные характеристики. Кроме того,

в двух канонических трудах конца династии Мин «Шуньфэн Сянсун» и начала династии Цин «Чжинань Чжэнфа» довольно подробно описаны изменения приливов и отливов в водах Южно-Китайского моря, сведения о приливах и отливах и ветре, на которые следует обратить внимание при плавании, а также зафиксированы географические различия между зимой и весной при плавании из Китая в Юго-Восточную Азию и Африку через Южно-Китайское море и летом при плавании из Юго-Восточной Азии и Африки обратно в Китай. Географические различия в окрестностях маршрута через Южно-Китайское море, включая силу и направление ветра, форму гор, глубину моря и качество дна. Также освещаются различия в течениях, рыбы, птицы и дрейфующие растения или древесина. Следует также упомянуть Цюй-дачжуна, уроженца Панью в Гуандуне на рубеже династий Мин и Цин, и его «Новый язык Гуандуна». Книга содержит главы о различных аспектах географии Южно-Китайского моря, в значительной степени обобщала опыт народа провинций Гуандуна и Гуанси в понимании, развитии и освоения Южно-Китайского моря и его ресурсов. Другие научные труды, написанные как официальными, так и частными лицами, в основном были посвящены описанию морепродуктов, биоресурсов и экологического состояния Южно-Китайского моря.

Эти географические карты, исторические документы и народные записи ярко демонстрируют, что Китай и его народ имели всестороннее и глубокое понимание природных и человеческих исторических особенностей Южно-Китайского моря. Вместе они считаются важным символом высокого развития морской институциональной, сельскохозяйственной и коммерческой культуры в период последних двух феодальных династий, в особенности в период династии Цин.

Глава X

Метаморфоза и новая жизнь морской культуры Южно-Китайского моря в переходном периоде Новой истории

Итогом Опиумной войны стало то, что китайская система морской торговли, основанная на дани, была разрушена и заменена системой, базированной на иностранной монополии, и юг Китая был втянут в мировую капиталистическую экономическую систему, начался период культурной трансформации от

сухопутной культуры к сухопутно-морской культуре. Поскольку морская культура Китая впервые появилась в Южно-Китайском море, и ее традиции претерпевали большие изменения. Она все больше привлекала элементы западной морской культуры, особенно революционной идеологии и культуры заморских китайцев, что глубоко изменило характеристики и стиль морской культуры в Южно-Китайском море. Началась новая эпоха обмена культуры Востока и Запада. Возникшие в результате региональные культурные эффекты способствовали социально-экономическому прогрессу и историческому прогрессу северной части Южно-Китайского моря.

Раздел 1. Конец морского Шелкового пути после двух Опиумных войн

Морской Шелковый путь — символ мира, дружбы и равноправной торговли, а также культурного обмена. С момента своего возникновения в эпоху династии Хань этот ориентированный на торговлю морской путь сообщения выполняет свою функцию посланника мира и дружбы, и поэтому его положительно оценивали народы всего мира. Будучи важнейшей частью этого морского пути, Южно-Китайское море также внесло значительный вклад в прогресс человечества и распространение человеческой цивилизации, что зафиксировано в истории мировой морской культуры.

1. Изменение общего характера отношений Китая и Запада

Опиумная война 1840 года закончилась поражением Цинской империи, после чего между Китаем, Великобританией и Францией были заключены ряд неравноправных договоров, включая «Нанкинский договор» (1842 год), «Тяньцзиньский договор» (1858 год), «Пекинский договор» (1860 год) и «Договор о концессии залива Гуанчжоувань» (1898 год). Все они в той или иной степени были связаны с Южно-китайским морем. Так как Южно-Китайское море было основным каналом для морского вторжения имперских держав в Китай в течение почти ста лет, что напрямую подрывало территориальный суверенитет Китая над Южно-Китайским морем, и многие пункты из этих договоров были непосредственно коснулись Южно-Китайского моря. Например, согласно «Нанкинскому договору» Китай был вынужден передать Великобритании Гонконг, крупнейший порт

в Южно-Китайском море, что было одной из самых больших выгод, полученных Великобританией во время Опиумных войн. С тех пор военные корабли под флагами имперских держав бесчинствовали в Южно-Китайском море, опустошая и попирая территориальный суверенитет Китая, полностью меняя культурный ландшафт этого региона, и тем самым положили конец Морскому шелковому пути.

2. Колонизация пограничных территорий Южно-Китайского моря

Государства и регионы, окружающие Южно-Китайское море, с древних времен поддерживали мирные и дружественные политические, экономические и культурные отношения с Китаем, а Морской шелковый путь служил связующим звеном для укрепления дружественных связей между ними. Однако после прихода европейских колонизаторов на восток эти страны стали их колониями и утратили всякую национальную и государственную независимость, превратившись в их сателлиты. Например, Малакка (портовый город в Малайзии), считался главным транспортным узлом между Южно-Китайским морем и Индийским океаном, была захвачена сначала португальскими колонистами в 1511 году, и затем голландцами в 1641 году. Филиппины были испанской колонией в течение 334 лет начиная с 1564 года, а в 1899 году их сменили американцы. В 1930-х годах Великобритания начала экспансию в Юго-Восточную Азию, а в 1960-х годах стала мировой державой, грабя и истребляя мирное население региона и вступая в морское соперничество с Нидерландами, Португалией и Испанией. В 1800 году Индонезией правили голландцы, а начиная с XVIII века, в начале XIX века британцы и французы вели борьбу за господство на этой земле, а местные жители провели не одну вооруженную борьбу, и к началу XX века вся Индонезия была голландской колонией. В Малайзии британцы впервые заняли Малакку в 1795 году, победив голландские войска, и колонизировали весь Малайский полуостров в 1914 году. На Калимантане процесс колонизации также был завершен британцами в конце XIX века. Малайя также была колонизирована британцами в конце XIX века, при этом оловянные рудники, каучук и другие ресурсы были разграблены. Французские колонизаторы пошли по стопам британцев и вторглись в Юго-Восточную Азию, присоединив Таиланд, Камбоджу, Бирму и Вьетнам в качестве своих колоний или протекторатов. Таким образом, все страны у Южно-Китайского моря стали колониями или протекторатами западных держав. Хотя морская торговля

по-прежнему существовала и развивалась, она утратила свое первоначальное значение Морского шелкового пути и превратилась в эпопею агрессии и борьбы против вторжения, написанную оружием и кровью.

Маяк и его фундамент, построенный на острове Чучжоу в 1899 г.
Фото Сыту Шанцзи

Раздел 2. Новый облик культурного обмена между Востоком и Западом

После Опиумной войны регионы провинций Гуандун и Гуанси первыми в Китае вступили в период полуколониального и полуфеодального общества. Западная культура, подобно приливной волне, продолжает проникать во все уголки, включая материальную, духовную и институциональную культуру, проникая различными путями во все области, находящиеся в пределах их досягаемости. Являясь чужеземной культурой, западная культура неизбежно столкнулась с этнической и региональной культурой провинций Гуандун и Гуанси. С одной стороны, западная культура представляет зарождающуюся капиталистическую цивилизацию, и в целом, это передовая культура своего времени, с высоким культурным потенциалом, поэтому она может распространяться везде, где она достигает, и занимать там культурное пространство. С другой стороны, этническая и региональная культура бассейна Жемчужной реки развивалась в последнее время и является почти зрелой и устоявшейся. К этому времени культуры народов и регионов бассейна Жемчужной реки развились в современное время до такой степени, что почти достигли зрелости и стереотипов, а их широта взглядов и инклюзивность позволили им не только отвергнуть западную культуру, но и

мирно сосуществовать с ней, впитывать ее полезные элементы, питать и укреплять себя. С тех пор послевоенный период стал периодом интенсивных столкновений между китайской и западной культурами в северной части Южно-Китайского моря, за которым последовал процесс поглощения и интеграции, включая как распространение западных знаний на Восток и наоборот восточных знаний на Запад.

1. Распространение западных знаний на Восток

(1) Распространение западной материальной и технологической культуры в послевоенный период

Западная материальная культура включает в себя военную технику, телеграфию, кораблестроение, машины, металлургию, фотографирование и другие виды ремесел и технологий. Они были впервые оценены, приняты и скопированы людьми провинции Гуандун и Гуанси из-за их физического, визуального, прямого подтверждения и очевидного эффекта, и стали первой и самой важной частью западной культуры, достигшей юга Китая.

Во время Опиумных войн мощь и победоносный эффект западного огнестрельного оружия потрясли императорский двор и заставили некоторых проникательных лиц цинской империи выработать идею и намерение приобрести и скопировать западное огнестрельное оружие. После битвы с англичанами лидер сторонников запрета опиума Линь-цзэсюй (императорский чиновник, 1785–1850 гг.) полностью изменил свое пренебрежительное отношение к западной военной технике и огнестрельному оружию и начал приобретать и производить огнестрельное оружие западного образца. Иностранцы, жившие в то время в Гуанчжоу были свидетелями того, как Линь-цзэсюй спустил на воду военные корабли западного образца собственного производства: «25 апреля 1840 года на реке в Гуанчжоу были спущены на воду несколько двухмачтовых судна, все они были построены в европейском стиле и, вероятно, их включают в императорский военный флот».[77] В результате этих новаторских шагов Линь-цзэсюй в Гуандуне началась волна подражания западному огнестрельному оружию, что представляло активное внедрение западной военной культуры. Яркими представителями этого движения были Пан-шичэн, Дин-гунчэн, Пан-шижун и Лян-ханьпэн. Например, Пан-шичэн, купец из Тринадцати торговых домов, вложил средства в строительство одного военного корабля западного образца в 1841 году. Кроме того, Пан-шичэн научился у иностранцев

изготовить порох и делать подводные мины. Дин-гунчэн, фуцзянец из Гуанчжоу, был экспертом в оружейном деле и представил императору Даогуану книгу под названием «Иллюстративное пояснение артиллерийской стрельбы», знакомящую с западной техникой изготовления оружия. Книга была высоко оценена императорским двором, который в свою очередь предписывал всем регионам «тщательно изучать и производить по образцу». Дин-гунчэн также был автором книг «Западный метод изготовления пороха», «Чертеж с описаниями западной крепости» и «Иллюстративное пояснение литья иностранных пушек». По его словам, порох, который он делал, по силе не уступал западному аналогу. Его проекты строительства пороховых батарей были разработаны по образцу английских и широко распространялись на побережье Гуандуна. Другой гуандунский дворянин, Пан-шижун, в военные годы построил небольшую моторную лодку, которая курсировала на провинциальных реках и привлекала внимание местных жителей.

Купеческий союз Гуандуна, производившие западное огнестрельное оружие, также оказали сильное влияние на других чиновников в Гуандуне после приезда Линь-цзэсюя. Например, в 1843 году императорский посланник Ци-ин (1787–1858 гг., сановник империи Цин) несколько раз пытался приобрести «иностранные ружья» и «иностранный порох» и подал императору Даогуану прошение об их копировании.[78]

Эта волна закупки и копирования западного огнестрельного оружия с точки зрения культурного обмена стало столкновением и обменом между китайской и западной культурами, но она ограничивалась только внешним копированием, поэтому это был поверхностный культурный обмен, а более глубокое техническое содержание и технологические принципы западного огнестрельного оружия не были изучены. Особенно после окончания Опиумной войны идея жить только сегодняшним днем вновь омрачила императорский двор, и эта тяга к копированию быстро остыла. Например, в ноябре 1842 года, менее чем за три месяца до окончания Опиумной войны, когда Ишань (1790–1878 гг, сановник империи Цин), Ци и другие чиновники Гуандуна доложили императору Даогуану, что они наняли мастеров для изготовления небольших моторных лодок в Макао, а император Даогуан постановил, что «поскольку моторные лодки, сделанные в этой провинции (Гуандун), не подходят, нет необходимости нанимать иноземцев для их изготовления или закупки».[79] Такое отношение императора, заставило следующих дворцовых сановников отнестись еще более холодно, и вскоре энтузиазм к копированию быстро исчез.

После Опиумных войн с волной закупки и производства западного огнестрельного оружия, западная медицина и фототехника также были внедрены, в основном через западных миссионеров и по другим каналам, что приносило огромные перемены в культуру провинций Гуандун и Гуанси.

В 1805 году Александр Пирсон, врач британской Ост-Индской компании, представил вакцину от коровьей оспы в Гуанчжоу и написал книгу под названием «Подробное руководство по прививанию от коровьей оспы». С тех пор метод прививки от коровьей оспы широко распространился в Китае и сыграл огромную роль в профилактике оспы и спасении жизней миллионов детей. В 1827 году Л.Р. Коллодж, врач британской Ост-Индской компании, открыл первую офтальмологическую больницу в Макао. В 1835 году Пелер Паркер, американский врач-миссионер, также открыл офтальмологическое контору в Гуанчжоу и набрал несколько китайских студентов для обучения и в качестве ассистентов, что стало началом изучения западной медицины китайцами. Это был предшественник знаменитой больницы Боцзи в Гуанчжоу, где Сунь Ятсен позже изучал медицину, а сейчас это Вторая клиническая больница Университета Чжуншань (прим. имени Сунь Ятсена; основан в 1924 году в Гуанчжоу).

Западная медицина была представлена в Гуандуне, причем наибольшего успеха добились британский врач Бенджамин Хобсон и американский врач Джон Глазго Керр. В 1839 году Бенджамин прибыл в Макао, где он преподавал и практиковал медицину, а в 1843 году переехал в Гонконг, чтобы возобновить свою прежнюю практику. В 1847 году он переехал в Гуанчжоу и открыл больницу Хуэйай в Сигуане, где его хорошо принимали пациенты за его превосходные медицинские навыки и высокую врачебную мораль.

Бенджамин также составил пять книг по западным наукам, четыре из которых были медицинскими книгами, известные под общим названием «Пять видов западной медицины», включая «Новый трактат о целом организме», медицинскую книгу с описанием анатомии человека, которая была очень познавательной, и восполнила пробел в китайской медицине. Совместно с Гуань-сифэном им были переведены три другие монографические работы: «Краткое рассуждение о западной медицине», «Новое учение о матерях и младенцах» и «Новый трактат о внутренних болезнях». Эти медицинские книги посвящены различным медицинским направлениям и были очень полезны как с точки зрения медицинской теории, так и эмпирических доказательств. В 1858 году Бенджамин

опубликовал сборник медицинских терминов, использованных в его переводах, в виде «Медицинского англо-китайского глоссария», самого раннего англо-китайского словаря медицинских терминов в Китае. Кроме того, Бенджамин составил «Новое издание естествоведения», в котором представил множество научных знаний, включая астрономию, птиц и животных, физику и химию, и внес большой вклад в понимание современных научных знаний, просвещая людей и расширяя их кругозор.

(2) Интеграция знания мировой истории и печатных западных периодических изданий в культуру провинций Гуандун и Гуанси

В конце династии Мин и начале династии Цин западные миссионеры во главе с Маттео Риччи ввели науку о географии в Гуандун в период возрождения европейской культуры, а затем распространили ее во многих провинциях Китая, что стало важным событием в истории культуры провинции Гуандун и Гуанси. Однако во время социальных изменений начала правления династии Цин распространение западной географии было прервано в конце правления династии Мин, до периода Цяньлун, когда ворота Китая были вновь открыты внешнему миру и западная география была вновь введена, причем Гуандун был первым регионом, где это произошло, и западная география затем стала частью культуры на юге страны в более широком масштабе.

Во время Опиумной войны, продвинутые китайцы ясно осознали важность западных знаний по истории и географии для понимания внешнего мира и положения дел в Китае. В это время наблюдался всплеск переводов западных географических работ, что стало важным событием в истории современной китайской географии и оказало глубокое и широкомасштабное влияние, которое достигло кульминации еще до войны. Согласно статистике, в период с 1819 по 1840 год в Китае были переведены 13 западных работ по всемирной истории, а в период с 1840 по 1860 год были переведены еще 12 книг.[80] В 1820 году в Макао вышла книга «Морские записи», она была продиктована моряком Се-цингао из префектуры Цзяин (ныне уезд Мэй) в провинции Гуандун и записана его земляком Ян-биннанем. Это была первая в Китае работа о географии мира. Книга состоит из трех томов: «Юго-Западное море», «Южно-Китайское море» и «Северо-Западное море», в которых описаны местные условия и обычаи 85 стран и городов Азии, Африки и Европы, а также деятельность и жизнь заморских китайцев. В 1839 году, когда Линь-цзэсюй отправился в Гуандун, чтобы наложить запрет на опиум, он рекомендовал эту книгу императору Даогуану. Накануне Опиумной войны Линь-цзэсюй

стремился понять состояние внешнего мира, поэтому он лично и со своими сотрудниками отправился в Макао для расследования и сбора информации. Например, когда он проезжал через порт возле Гуанчжоу, он поручил своим подчиненным собирать британские разведданные и сам читал их, и к тому времени, когда он покинул свой пост, информация была собрана в толстый сборник, составивший «Заморскую иллюстрированную книгу». Линь-цзэсюй также лично допрашивал британских пленников, чтобы получить представление о заграничных географических данных. Американский священнослужитель в Гуанчжоу подарил Линь-цзэсюю атлас, книгу по географии и глобус. После движения уничтожения опиума в Хумэне (прим. в 1839 году Линь-цзэсюй вынудил англичан сдать всю партию опиума, после чего приказал уничтожить её, что стало поводом для Первой опиумной войны) Линь-цзэсюй попросил у американского миссионера Элайджу Коулмана Бриджмена карты и книги по географии, все это расширило его представление о внешнем мире. Сохранившееся до наших дней «Заметки иностранных дел» представляет собой собрание переведенной географической информации о мире, включая государственные границы, историю, военное дело, политику, обычаи и внешнюю политику стран Европы и Америки и в особенности Великобритании. «Заметки» стали ценным историческим и географическим документом. В 1841 году переводчик Лян-цзиньдэ перевел лондонское издание «Полной всемирной географии» Хью Мюррея 1834 года в виде переиздания «Четырех континентов» с изложением географии и истории более 30 стран на пяти континентах. Это был первый китайский перевод, систематически знакомящий с мировой историей и географией в современную эпоху. В 1841 году Линь-цзэсюй поручил своему другу Вэй-юаню (1794–1856, конфуцианский учёный, политический деятель Китая эпохи Цин) добавить к «Четырем континентам» различные иностранные материалы и составил 100-томный «Географическое описание заморских государств», содержащий 800 000 иероглифов. Издание стало первым в Китае географическим атласом мира.

В конце 1831 года Карл Гюцлаф (1803–1851), первый немецкий священнослужитель, приехавший в Китай, прибыл в Макао и часто останавливался между Гуанчжоу и Макао, составляя и публикуя ряд книг по всемирной истории и географии. Среди них были «География мира» (1833–1837 гг.), «Большая британская хроника» (1834 год), «Краткое описание древнего и современного мира» (1838 год) и раздел «География» ежемесячного журнала «Easler Wesler» (1833–1837 гг.), который он основал в Гуанчжоу в 1833 году. Этот журнал был

посвящен больше географии регионов мира, а также климату, землетрясениям и антропогеографии. Согласно статистике, из 40 статей по западной географии, опубликованных в этом журнале к 1838 году, по одной статье о климате и широте и долготе, две о землетрясениях, три об исследованиях и экспедициях в Антарктиду, два обзора по глобальной региональной географии, 27 по региональной географии Юго-Восточной Азии, Южной Азии и Европы и пять других. Это было настоящим расширением кругозора, прозрением и даже оглушением для тех, кто не имел представления о внешнем мире. Американские миссионеры, прибывшие в Макао в 1830 году, а затем в Сингапур и Гуанчжоу в 1846 году, опубликовали «Краткую историю Великого Американского Содружества», в которой давался обзор географии Соединенных Штатов. Будучи первым китайским справочником по Соединенным Штатам, книга давала общее представление о зарождающейся стране и имела большое влияние. Книга была включена в «Библиографию западных исследований» Лян-цичао (прим. 1873-1929 гг. — китайский философ, историк философии, ученый, литератор, государственный и общественный деятель, один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае конца XIX - начала XX вв) и оставалась основным источником информации об американской географии, истории и культуре для китайцев вплоть до начала XX века. Это большой вклад в понимание китайцами стран мира.

Переводя монографические работы по западной географии до и после Опиумной войны, гуандунские ученые также добились больших успехов в изучении и составлении географических карт на основе западных исследований. Представителем этого направления был Цзоу-боци (1819-1869 гг., деятель науки периода династии Цин), известный ученый из Южного моря. Он был выдающимся астрономом, математиком, физиком, географом и изготовителем оптических приборов. В возрасте 25 лет он составил «Карту всей Поднебесной», используя современные методы картографирования. Он обобщил свой опыт составления карт, сказав, что составить карту земли сложнее, чем рассчитать небо, что астрономию можно вывести сидя, а географию нужно испытать на себе, подчеркнув значение полевых работ и положив начало южной школы географии. В эпоху Тунчжи (девиз правления императора Цин Му-цзуна, 1856-1875 гг.) он помогал Го-сунтао, губернатору Гуандуна, в составлении карты Гуандуна. Позже Цзоу-боци отредактировал четыре тома «Подготовка к топографической съемке», в которых были представлены основные западные современные методы и инструменты измерения, которые также

редко встречаются в традиционной китайской географии. Цзоу-боци по праву считается одним из первопроходцев современной китайской географии. Другой уроженец Шуньдэ, Лян-тинсян, служивший в Гуандунской таможне, посвятил себя изучению зарубежной географии, истории и китайско-международных отношений, написал «Хронику Гуандунской таможни», в которой также освещались многие вопросы географии в Китае и за рубежом. После Опиумной войны, когда он увидел, что страна претерпела большие изменения, он взял собранную им книгу «Краткая история Соединенных провинций Соединенных Штатов Америки», сослался на «Обзор береговой обороны Гуандуна», который он составил в прошлом, а также на соответствующие газетные материалы, и написал «Обзор Соединенных провинций Америки». В 1845 году он также собрал сведения о Великобритании и написал книгу «Изречения Ланьлун», а в 1846 году написал книгу «Карта гуандунского канала», в которой подробно рассмотрел страны-притоки в Южно-Китайском море и положение некоторых западных стран, которые вели торговую деятельность в Гуанчжоу.

(3) Заимствование западных промышленных технологий и подъем промышленных отраслей в провинциях Гуандун и Гуанси.

Вторая опиумная война 1856–1860 годов и начатое в то время Движение по усвоению заморских дел втянули северную часть Южно-Китайского моря, в первую очередь Гуандун, в веяние времени. С возрождением распространения западных орудий производства, технологий и культуры, западная культура не только была интегрирована в культуру Гуандуна и Гуанси, но и взрастила группу прогрессивных лиц, освоивших западные технологии и культуру, и они внесли большой вклад в модернизацию местной культуры.

Гуандун была одной из первых провинций в стране, где началось Движение по усвоению заморских дел, и ключевым элементом этого движения была потребность в специалистах, владеющих иностранным языком для перевода западных книг и журналов по науке, технике, политике и экономике. В июне 1846 года Мао-хунбинь, губернатор провинций Гуандуна и Гуанси, основал Тунвэньгуань[81] на улице Чаотянь в районе Больших Северных ворот Гуанчжоу, а первым преподавателем английского языка стал американец Сампсон Томас. Как сказал Фэн-гуйфэн, тогдашний старший библиотекарь Шанхайской библиотеки: «Шанхай и Гуанчжоу — два самых крупных порта, где встречаются иностранцы и находится большой библиотечные фонды. Для несложных предметов, связанных

с языком и письмом, достаточно одного учителя, а для того, что овладеть более глубокими знаниями, учиться лучше всего в Гуанчжоу и Шаньхае».[82] Основным предметом изучения был английский язык, позже к нему добавились французский, немецкий и русский языки. Первоначально в Тунвэньгуань в Гуанчжоу поступило всего 20 учащихся. За 42 года своего существования, до 1905 года, здесь подготовили множество специалистов по иностранным делам и дипломатических работников. Например, Цзуо-бинлун, представитель первого выпуска, сопровождал Цзэн-цзицзе в миссии в Великобританию, где он служил секретарем третьего класса по английскому языку, а позже три срока был цинским консулом в Сингапуре, сделав много хорошего для страны и ее народа. Еще два выпускника, Ян-шу и Чан-сю, они совместно перевели «Обзор всемирной истории», что оказало позитивное влияние на расширении кругозора нации.

Под лозунгом «Учить западное и производить китайское», модернизация армии путем приобретения и копирования западных кораблей и пушек была возрождена в Гуандуне примерно во время создания училища Тунвэньгуань в Гуанчжоу и постепенно распространилась на Гуанси, Юньнань и Гуйчжоу. Лао-чунгуан, наместник провинций Гуандун и Гуанси в целях подавления крестьянского восстания создал отряд, вооруженный оружием западного образца. С одной стороны, он поручил закупать оружие за границей, а с другой стороны, «привлекал ряд хороших производителей огнестрельного оружия и пороха, чтобы они приехали в Гуандун, и учил мастеров с материка. Для этого были предусмотрены офицеры для надзора за производством, чтобы мастера могли качественно освоить знания».[83] После прибытия Лао-чунгуана императорские надзоры в провинции Гуандун Янь-дуаньшу и Мао-хунбинь также были заинтересованы во внедрении нового огнестрельного оружия. Дин-жичжан, уроженец Чаочжоу, приехал в Гуанчжоу вместе с Янь-дуаньшу, получил приказ «установить контроль за огнестрельным оружием» в цинской армии и основал арсенал в Яньтане, пригороде Гуанчжоу, для производства бортовых пушек и оружейных снарядов.[84] Дин-жичжан стал знаменитым и позже был переведен Ли-хунчжаном в Шанхай, чтобы возглавить Департамент по оружию западного образца. Что касается производства кораблей, то императорские эмиссары-инспекторы Го-сунтао и Цзян-или предлагали цинскому правительству создать в Гуандуне заводы по кораблестроению, но их предложение было отклонено. Однако, были закуплены у Великобритании и Франции семь военных кораблей, которые вошли в состав гуандунского флота под

названиями «Суйцзин», «Осветление», «Чжэньхай», «Фэй Лун», «Тянь Бо», «Ань Лань» и «Чжэнь Тао» соответственно. Это была первая партия кораблей иностранного производства, числившихся в китайском флоте, что в свою очередь стало началом распространения западной культуры военных орудий в Гуандуне. В 1873 году императорский надзиратель Жуйлинь (1809–1874 гг., сановник империи Цин) и эмиссар-инспектор Чжан-дун назначили сверхштатного помощника из Шуньдэ Вэнь-цзышао для создания небольшого машинного бюро в Цюсянфан, к югу от Гуанчжоу, для производства пушек, пороха и строительства малых пароходов с применением западных технологий, что привело к незначительным успехам.[85] По разным причинам, хотя Гуандун первым начал учиться у Запада и имел лучшие условия для усвоения западных технологий и культуры, движение за развития заморских дел развивалось медленно. Только в 1884 году, когда Чжан-чжидун (1837–1909 гг., политический деятель империи Цин), другой лидер фракции иностранных дел, приехал в Гуандун и стал губернатором Гуандуна и Гуанси, Движение за развитие заморских дел в Гуандуне получило развитие и распространилось на регион Сицзян на юге страны, став поворотным пунктом в распространении западной военной и технологической культуры на юге страны. Чжан-чжидун пришел к выводу, что поражение Китая в китайско-французской войне было вызвано тем, что он «подчинялся врагу», и что поражение было вызвано тем, что «на флоте не было компетентных персоналов, а качественных пушек было мало».[86] В прошлом он «создавал заводы и закупал корабли, но последовательности не было»[87], и выступал за более прогрессивное продвижение Движения за развития заморских дел, чтобы ускорить темпы «поиска силы» и «поиска богатства». Основные мероприятия и достижения Чжан-чжидуна в продвижении западной военной культуры в Гуандуне включали:

Ускорить строительство военно-морского флота Гуандуна. Как только Чжан-чжидун вступил в должность, он предложил императорскому двору создать «гуандунский флот западного образца», наряду с национальными флотами Бэйян, Наньян и Миньян, и предложил планы по оснащению кораблей бронированного класса и торпедных кораблей, но эти предложения не были одобрены. После многих усилий верфь, наконец, была профинансирована в провинции Гуандун и создана в Хуанпу, Гуанчжоу, где зимой 1885 года были построены четыре мелководных военных корабля «Гуанюань», «Гуанхэн», «Гуанли» и «Гуанчжэнь», позже были построены еще четыре военных корабля, а затем были закуплены четыре судна,

включая «Гуанцзя, Гуанъи», «Гуанбин» и «Гуангэн». Все они были поставлены на вооружение ВМС Гуандуна, и к концу 1880-х годов ВМС Гуандуна насчитывали более 20 военных кораблей, 10 малых канонерских лодок и несколько торпедных катеров, что делало их мощной вооруженной силой, с которой приходилось считаться на море.

Создание Шицзинского оружейного завода и завода боеприпасов. После прибытия Чжан-чжидуна ему было приказано провести реформы в Машинном бюро Гуанчжоу, которое до него функционировало неэффективно. Чжан-чжидун включил его в структуру Оружейного завода Цзэнбу на западе Гуанчжоу. В Шицзине, к северу от города, был основан новый завод военной техники и боеприпасов (предшественник более позднего Шицзинского арсенала) для производства новых видов оружия и патронов, что дало хорошие результаты.

В Шимэне, на северо-западной окраине Гуанчжоу, с использованием немецкого оборудования, чертежей и технологий был создан Гуанчжоуский оружейный завод. Его продукцией, а именно «новыми скорострельными пушками оснащены элитные войска приграничных и морских районов. Он заставит по-разному выглядеть армию на суше и на воде. Не только казармы Гуандуна будут хорошо снабжаться, но и другие провинции смогут получить помощь».[88]

Создание металлургического завода в Гуанчжоу. После сопоставительного анализа Чжан-чжидун пришел к выводу, что чугун обладает «большой себестоимостью и плохо очищенный», в то время как железо западного производства «очищено машинами и стоит дешевле». Поэтому Чжан-чжидун предложил цинскому двору создать металлургический завод в Гуанчжоу. Для этого нужно было заказать котлы для производства железа в Великобритании, нанять квалифицированных рабочих из Великобритании и Германии. Холм Феникс в районе Хайчжу в Гуанчжоу был выбран в качестве места для строительства завода. Хотя металлургический завод предназначался для гражданских нужд, его можно было переоборудовать для производства оружия, как только возникнет такая необходимость.

Учреждение монетного двора. Чжан-чжидун стал свидетелем того, как большое количество иностранных серебряных долларов хлынуло на китайский рынок, что привело к оттоку прибыли. В этой связи Чжан-чжидун предложил двору начать производство собственных монет. Для этого было внедрено все оборудование для чеканки денег из Великобритании, и в районе Гуанчжоу Хуанхуатан (сейчас улица Хуанхуа) был открыт двор

для чеканки медных и серебряных монет, что ознаменовало начало машинной чеканки денег в истории Китая.

Создание Гуандунского училища водного и сухопутного войск. В 1887 году Чжан-чжидун образовал «Школу водного и сухопутного отделения» на основе прежней «Школы обширных знаний» «Босюэ Гуань» и начал подготовку кадров для сухопутных войск и флота. В школе были оборудованы судостроительная верфь, чугунолитейный и металлургический цеха, учащихся обучали иностранные преподаватели, их также отправляли на стажировку за границу. Все это придало школе черты современного военного учебного заведения. Продвижение Чжан-чжидуну Движения за развитие заморских дел, обобщив достижения современной западной военной науки и техники, стало мощным катализатором модернизации культуры провинций Гуандун и Гуанси. Под влиянием и стимулированием Движения за развитие заморских дел национальный капитализм впервые развился в Гуандуне, в районе дельты Жемчужной реки. Согласно статистическим данным, накануне китайско-японской войны в 1894 году, в регионе дельты Жемчужной реки машинная шелковая промышленность была довольно развита, в Наньхае, Шуньдэ, Синьхуэй, Сانشуй и других местах было создано 88 шелкопрядильных, где работало около 40 000 рабочих.[89] В том числе первое в Китае предприятие машинной пряжи «Цзичанлун», основанное Чэнь-циуанем в Наньхае по капиталистической модели. Фабрика внедрила передовое иностранное оборудование и капиталистический модель управления предприятием, что привело к высокой эффективности производства и мотивации рабочих, и стала образцом для изучения западных технологий и институциональной культуры. Примерно в то же время были созданы Гуанчжоуская компания электрического освещения, первая в стране спичечная фабрика «Фошань Цяомин», первая в Гуандуне современная бумажная фабрика «Хунъюань Тан», фабрика по производству бобового жмыха «Шаньтоу», были открыты железный, свинцовый рудники в Цунхуа и серебряный рудник «Сяншань (Чжуншань) Тяньхуа».

Железнодорожный вокзал Синьнин. Фото предоставлено Управлением по делам культуры, телерадиовещания и печати города Цзянмынь

Помимо вышеизложенного, строительство железных дорог также было важным элементом развития современной промышленности в Китае. В 1903 году Чжан-жунсюань (1851-1911), наньянский купец из Сункоу уезда Мэй, учредил акционерное общество «Чаошаньская железная дорога» для строительства первой в стране национальной столичной железной дороги. Железная дорога Чаошань проходила с юга на север от Шаньтоу до Чаочжоу на севере, ее протяженность составляла 39 км, и позже была продлена до 42 км и доходила до Иси. Железная дорога была запроектирована при участии инженера Чжаньтянью (1861-1919, китайский инженер, автор проекта первой китайской железной дороги Пекин-Чжанцзякоу). Несмотря на многочисленные обстоятельства, строительство было завершено и дорога была введена в эксплуатацию в ноябре 1906 года. Железная дорога Чаошань, проходившая через богатую дельту реки Хань, облегчила обмен товарами между городскими и сельскими районами и способствовала экономическому развитию района Чаошань. После строительства Чаошаньской железной дороги Чэнь-иси (1846-1928), живущий в США китайский эмигрант из города Синьнин (ныне Тайшань), вернулся в Китай в 1904 году, с богатым опытом строительства дорог и патриотическим энтузиазмом создал компанию «Синьнинская железная дорога».[90] Железная дорога была полностью построена самими китайцами. Строительство началось в 1906 году и было завершено в 1911 году. Линия длиной 120 км проходит от Тайчэн до Синьхуэй Бэйцзе. Она стала главной транспортной артерией в долине реки Танцзянь и способствовала социально-экономическому прогрессу района Уи, где проживали эмигранты (вернувшиеся китайцы), особенно в плане технического прогресса и национального самосознания. Впоследствии Синьнинская железная дорога была разрушена во время войны, но национальный дух заморских китайцев

района Уи, представленный Чэнь-иси, и их способность впитывать передовые технологии и культуру Запада и идти в ногу со временем, никогда не будут побеждены. По сей день бронзовая статуя Чэнь-иси стоит перед бывшим зданием Главной железнодорожной компании Тайчэн в уезде Тайшань, став символом бессмертия этого великого проекта. В Гуанси после Опиумной войны, особенно под влиянием Движения по усвоению заморских дел, также появилось несколько государственных промышленных и горнодобывающих предприятий. После первой китайско-японской войны некоторые купцы открыли ряд коммерческих предприятий под призывом «строительства заводов ради самоспасения», что сыграло определенную роль в изменении традиционного облика региональной экономики. Самое главное, что эти новые отрасли промышленности были образованы с применением западных технологий и элементами западной культурой, и это по достоинству считается значимым достижением культуры Линнань в Гуанси. Это были в основном новые отрасли горнодобывающей и металлургической промышленности, включая открытие угольных шахт в уездах Фучуане и Хэсянь (1880 год), в Чжунсиване (1907 год) и в Хэшане, Лянцзян. Сюда относится и открытие серебряных шахт в Тяньшане и Саньцзишане в Гуйсяне в период Тунчжи и в начале периода Гуансуй, оловянных шахт в Наньдане и Хэчи в 1905 году, оловянных шахт в Фучуане, Хексиане и Чжуншане в 1909 году, сурьмяных шахт в Тяньбао, Тяньяне, Биньяне и Хэчи в 1906 году, сурьмяных рудников и т.д. Эти горнодобывающие и металлургические предприятия разного масштаба время от времени приостанавливали свою производственную деятельность и медленно развивались сложным и извилистым путем.

В это время в Гуанси появляется и новая модель транспортной индустрии, которая также объединяет достижения современной науки, техники и цивилизации. В 1896 году командующий войсками провинции Гуанси Су-юаньчунь мобилизовал военных и население, и те построили дорогу военного назначения протяженностью 55 километров от Чжэньнангуань (ныне Юйгуань) до Лунчжоу. По этой дороге сначала ездили конные повозки, а позже — автомобили, таким образом, она стала одной из самых ранних автодорог в Китае. В 1915 году Лу-жунтин, военный губернатор провинции Гуанси, построил дорогу от Наньнина до Вумина длиной 40 километров. К этому периоду было построено еще 33 километра дороги Луншуй от Лончжоу до Шуйэкоугуана через Сюкан и Луохуэй, а также железный мост через реку Лунцзян в городе Лончжоу. Это был самый

первый железный мост, построенный в Гуанси, по нему было возможно движение автомобилей.[91]

Река Сицзян имеет сложную речную сеть на территории Гуанси, судоходное расстояние составляет более 5 000 километров. В 1891 году купцы из Лунчжоу основали судоходную компанию «Юнлун», которая первоначально управляла деревянными лодками, а позже небольшими пароходами для передвижения между Лунчжоу и Наньнином. Учжоу, крупный торговый город в Гуанси, до открытия порта для иностранной торговли в 1897 году на его водах плавали деревянные лодки, а после — фарватеры были монополизированы иностранными судами, которые курсировали между Учжоу и Гонконгом, Гуанчжоу, Саньшуйем, Наньнином, Гуйсянем и Лючжоу. В 1908 году была создана Вучжоуская судоходная акционерная община с капиталовложением зарубежных китайцев, что ознаменовало подъем национального судоходства на реке Сицзян. После открытия Наньнина в качестве порта для внешней торговли в 1907 году было создано восемь китайских судоходных компаний с более чем 60 небольшими пароходами, курсировавшими между Наньнином и Учжоу, Байсе, Лунчжоу и другими портами. Кроме того, в море Бэйхае, помимо иностранных судов, действовали прибрежные пароходства. К 1919 году китайские купцы начали приобретать небольшие суда, чтобы присоединиться к морским перевозкам, что еще больше увеличило спрос на новые технологии, так что судоходство Гуанси постепенно встало на путь современного развития.

Коммуникационная отрасль также в полной мере отражала достижения современных технологий, и южные регионы Китая первыми сделали решительные шаги в этом направлении, заимствуя заморского опыта. В 1883 году Чжан-шушэн, наместник Лянгуана (провинций Гуандуна и Гуанси), попросил продлить линию электропередачи Гуанчжоу до Лунчжоу, общей протяженностью около 800 километров, чтобы укрепить безопасность границ, и в том же году началось строительство. В июле 1884 года было завершено строительство линий связи от Наньнина до Лунчжоу и от Гуанчжоу до Лунчжоу, и была открыта государственно-частная телеграфная связь. В 1887 году под инициативой Чжан-чжидуна, наместника двух провинций, было завершено строительство 322,5-километрового правительственного кабельного телеграфа из Учжоу в Гуйлинь, после чего было открыто сообщение из Гуйлиня в Лючжоу. В том же году была завершена прокладка телеграфной линии между Гуанси и Юньнань — из Наньнина в Юньнань через Байсе, общей протяженностью 400 км. Однако телеграф находился в ведении Главного управления Гуанчжоу, и телеграфные линии

двух провинций время от времени разделялись и объединялись, меняясь в зависимости от политической ситуации. В 1896 году почтовая служба была официально открыта по всей стране, и страна была разделена на 35 почтовых округов, при этом Гуанси входил в Южно-Китайский почтовый округ со штаб-квартирой в Гуанчжоу. В 1910 году для провинций Гуандун и Гуанси была создана единая почтовая зона, а в 1913 году она была разделена на две самостоятельные зоны[92], где отправлялись и получались письма, посылки и марки. Почтовая служба пользовалась популярностью, она повысила эффективность передачи информации по сравнению с традиционной курьерской службой старого времени и открыла новую страницу в истории общения между регионами.

(4) Распространение западной религиозной культуры в регионах северного побережья Южно-Китайского моря.

После Опиумной войны группы католических и христианских миссионеров из Европы и США одна за другой прибывали в Гуандун, и миссионерская деятельность постепенно достигла апогея. Христианство (протестантизм) было введено в Гуанчжоу в 1807 году британским миссионером Моррисоном (1782–1834 гг., основоположник британской синологии), и это считается началом распространения христианства на юге Китая. Однако, поскольку власть Цин запрещала распространение чужеземных религий, христианство могло лишь тайно распространяться в Макао и Гуанчжоу. В 1823 году Моррисон опубликовал в Гуанчжоу шеститомный китайско-английский словарь, который положил начало издания англо-китайских словарей в Китае. В то же время перевод Библии, выполненный Моррисоном, под названием «Священная книга Бога и Неба» в 21 томе, также стал первым китайским вариантом Библии. После Первой опиумной войны христианство начали проповедовать в городе Шаньтоу, вскоре в качестве миссионерских баз были освоены Гонконг и Дунгуань, а затем оно распространилось в регионе Хакка в западной части Гуандуна. После Второй опиумной войны Фошань стал христианской миссионерской базой, и дельта Жемчужной реки была включена в его проповедническую зону, а затем с последующим влиянием она расширена на Шаогуань, Дунцзян, Сицзян и Чаошань. В конце XIX века Лянъян, Дэцин, Лодин и побережье Хайнаня были образованы как миссионерские зоны, а позже миссионерская работа получила развитие в долине Дунцзян и некоторых отдаленных районах Хайнаня. Итак, территория двух провинций была в значительной степени охвачена христианством за исключением приграничных территорий на юго-западе Гуандуна, центральная часть острова Хайнань, горы к западу от Индэ и окрестности Лянчжоу.

В густонаселенной дельте Жемчужной реки и некоторых прибрежных торговых портах почти в каждом городе была церковь, а религиозная культура и влияние были почти повсеместными. В 1914 году в Гуандуне проживало 48 347 христиан. К 1919 году в провинции было 43 христианские миссии, функционировало 924 церкви и насчитывалось 62 262 прихожанина, что составляло одну шестую часть от общего числа христиан в стране. 797 начальных школ и 37 средних школ находились в ведении церквей, в начальных и средних школах обучалось более 40 000 учащихся, а также Линьнаньский университет и 39 больниц на 2 702 койки.[93]

В 1919 году в Гуандуне насчитывалось 464 католических церкви, в которых состояло около 100 000 прихожан. А год спустя их численность увеличилась до 1 971 000, из которых 124 000 находились в Гуандуне, что составляло около 6,3% общего населения провинции. В 1908 году только в уезде Синьхуэй находилось 20 западных церквей, 10 из которых насчитывали более 1 600 верующих.[94] Религиозная жизнь стала социальной тенденцией, особенно в регионе дельты Жемчужной реки. В книге «Китай возвращается к Господу» также говорится: «В дельте Гуанчжоу (т.е. дельте Жемчужной реки) и в районах с большим населением и густыми деревнями миссионерская работа процветала, церкви были почти в каждом городе, и китайские евангелисты посылались в близлежащие деревни из церквей для активного распространения Евангелия». Эти цифры и факты показывают, что распространение западных религий в Гуандуне в современное время не имеет аналогов в других провинциях и регионах страны.

Только в 1855 году христианство впервые закрепилось в Бэйхае согласно соответствующим положениям «Китайско-британского Яньтайского договора» и постепенно распространилось во внутренние районы провинции Гуанси, что стало началом распространения христианства в этой провинции. В год под девизом Сяньфэн христианство пыталось проникнуть в Учжоу, но не имело успеха из-за противодействия местных жителей. После открытия миссионерской дороги миссионеры из США и Британии двинулись в путь, и христианство вскоре продвинулось вдоль регионы Жемчужной реки в города и деревни. К 1919 году в Гуанси насчитывалось 4 722 христианина и функционировало 62 церкви. В дальнейшем христианство продолжало распространяться. К кануну образования КНР в Гуанси действовало 17 независимых христианских общин, создавших 280 церквей в 67 уездах и городах (около 76% от общего числа уездов и городов в Гуанси) с численностью 5570 человек, 11 теологических колледжей, 76

общеобразовательных начальных и средних школ, 11 больниц и другие благотворительные учреждения. Эти христианские церкви функционировали в независимости друг от друга. Американское миссионерское общество базировалось в городах Учжоу, Наньнине и Гуйлине и распространялось в других крупных городах и поселках. На базе в Учжоу миссионерская деятельность распространилась вдоль реки Бэйлюй до Лучуань, Бобай, Бэйлюй и уезда Жун; на базе в Наньнине миссионерская деятельность развивалась вдоль рек Цзо и Юцзянь до Лунчжоу, Байсэ, Цзинси и границ между провинциями Юньнани и Гуйчжоу; на базе в Гуйлине миссионерская деятельность развивалась вдоль реки Лю до Лючжоу, Чанъань и Ишань. Кроме того, американские баптисты и адвентисты седьмого дня, Епископальная церковь (в составе Англиканского сообщества) и методисты также имели свои собственные миссионерские базы и сферы деятельности. Фактически, сферы деятельности этих различных церквей часто пересекались и в основном охватывали всю территорию Гуанси, и лишь некоторые районы, где проживали меньшинства, оставались вне досягаемости церквей. Христианство очень хорошо использовало речные пути сообщения для проповеди, продвигаясь вдоль реки Бэйцзян, прибыв в Цинъюань в 1867 году, чтобы основать главную церковь, затем в 1893 году в Наньсюн, и перейдя через хребет Даюй в провинцию Наньань в Цзянси, в 1897 году в Конхуа, в 1902 году в Шисин и Жэнхуа, а в 1903 году в Шаочжоу, чтобы основать главную церковь. Так христианство вскоре распространилось на всей северной территории Гуандуна. В долине реки Дунцзян главная церковь была создана в Хуэйчжоу в 1885 году, а затем переместилась вверх по реке в Хэйюань, Лончуань и Хэпин, и к началу XX века христианство полностью охватило долину реки Дунцзян. Однако в основном это была сфера влияния британских и немецких христиан.

Распространение христианства вдоль побережья и во внутренних районах Китая было широко распространено, и помимо различных способов достижения горных районов, особое внимание уделялось использованию густой речной сети южного Китая для миссионерской работы на воде. Говорят, что уже в середине XIX века среди жителей Гуанчжоу началось распространение Евангелия по воде. Первое судно для водных евангелистов было спущено на воду в Гуанчжоу в 1898 году, это было 200-тонное «колесо Мин», названное «Цимин». Оно в основном использовалось для проповеди в доках и портах Гуанчжоу, при этом концессия Шамянь была постоянной базой для проповеди. В районе Байэтань в Шамянь сосредоточилось население народности чам, которым водные

евангелисты не только распространяли Евангелие Христово и приводили протестантов, но и оказывали медицинские услуги и другие виды помощи на воде. Лодка является частью Водной миссии южного Китая, в состав которой входят миссионеры из Ассамблей Бога, Баптистской церкви и других миссий в США. Сначала центром миссии был Гуанчжоу, но постепенно она распространилась на дельту Жемчужной реки, западные и северные речные бассейны, а перед войной — на Учжоу и Наньнин в среднем и верхнем течении реки Сицзян. Только в первые годы после основания КНР, когда народ чам постепенно переселился на берег и ситуация изменилась, водные евангелисты закончили свою миссию и ушли в прошлое. Но как уникальный христианский миссионерский инструмент и средство проповеди на водах Жемчужной реки, миссионерские судна оставили сильный след в истории религиозной культуры в провинциях Гуандун и Гуанси.

Гуандун был первым регионом, где католицизм был привнесен в Китай. В день Рождества во втором году под девизом Ваньли династии Мин (1574 год) Микеле Руджери, итальянский католический священник-иезуит прибыл в город Чжаоцин и нанес визит к представителям местной власти, и только в следующем году привел Маттео Риччи в Китай и они начали свою миссионерскую деятельность. После Опиумной войны католицизм начал широко проникать в города и деревни провинций Гуандун и Гуанси. К 1919 году в провинции было 464 католических церкви, в которых насчитывалось около 100 000 прихожан. Через год в стране насчитывалось 1 971 000 католиков, из которых 124 000, или 6,3%, приходилось на Гуандун, занимая первое место в стране.[95] Вслед за Микеле Руджери в конце правления династии Мин, прибытие французского священника Шапделана из Гуйчжоу в уезд Силинь в качестве миссионера в четвертом году под девизом Сяньфэна династии Цин (1854 год) стал настоящим символом прихода католицизма в Гуанси. С тех пор католическая миссия в Гуанси была монополизирована Парижской иностранной миссией за рубежом. К 1920 году католицизм распространился в 33 округах и уездах Гуанси, где было построено 54 церкви и насчитывалось более 5100 прихожан. К 1944 году он распространился на 48 уездов и городов, где было построено 116 церквей и 35 000 прихожан, 12 монастырей, 34 общеобразовательные школы, 3 больницы и более 100 небольших клиник, а также ряд других благотворительных организаций.

Католическая миссия в Гуанси проводилась по трем маршрутам. Один проходил из Гуйчжоу, через долину реки Бэйпань, в Силинь и Силун на северо-западе Гуанси; другой стартовал в Гуанчжоу,

и через западный Гуандун проходил к побережью Тонкинского залива, т.е. вокруг Линьшань, Хэпу и Бэйхай. Третий путь проходил через Чжаоцин, вверх по реке, в район Учжоу на востоке Гуанси. Такая миссионерская сеть охватывала большую часть провинции Гуанси.

Католическая церковь уделяет большое внимание развитию бедных и отсталых районов, и ей удается привлекать верующих, предлагая небольшую материальную помощь, так что целые семьи и деревни становятся религиозными. Например, остров Дуаньчжоу в заливе Бакбо изначально был пустынным островом, где обитали пираты, но позже его заселили бедные семьи. В эпоху Тунчжи династии Цин шла вооруженная борьба между этническими группами из Фуцзянь и Гуандун, и большое количество хакка было изгнано, в результате чего им негде было жить. Хассе, французский священник, убедил 1500 человек стать католиками, давая различные обещания, и привел их на пустой остров, чтобы поднять целину и построить дома. С тех пор жители острова стали католиками, а остров превратился в миссионерскую базу для французских миссионеров. В дельте Жемчужной реки также есть много таких приходских деревень. До основания КНР в Шуньдэ было пять крупных приходских деревень: Ганьчжу, Лонган, Маци, Жунци и Гуйчжоу. В Ганьчжу насчитывалось более 200 католиков, и в деревне было построено пансионы для временного проживания верующих, участвовавших в религиозных обрядах. Также много таких деревень было в городах Шаньтоу и Шаньвэй.

Западные религии, как иная культура, имеют много различий с исконно китайской культурой, и многие из них не соответствуют китайским национальным традициям, привычкам и восприятиям, особенно потому, что западные религии выступают против поклонения Конфуцию и предкам и считают такую деятельность ересью. Кроме того, иностранное духовенство было вовлечено в непокорную деятельность англичан и французов, заставляя людей учить, запрещая им поклоняться предкам и изменяя их обычаи, покупая землю и эксплуатируя аренду, растлеывая женщин и нанося вред обычаям, или укрывая плохих людей. Некоторые священнослужители принимали непосредственное участие в боевых действиях британских и французских войск против Китая, другие отвечали за сбор информации и выступали в качестве проводников. Эти проступки церкви не только углубили конфликт между церковью и массами, но и вызвали недовольство местных властей, поэтому в разных регионах время от времени происходила борьба против иностранных религий. Согласно неполным статистическим данным, во второй половине XIX века только в Гуандуне было зафиксировано 42

случая поджога и разрушения церквей и убийства западных священнослужителей, а в Гуанси в период с 1856 по 1919 год зафиксировано 45 таких случаев. Одним из самых значимых событий было «Дело церкви Силинь», в котором Чжан-минфэн, уроженец Гуандуна, начальник уезда Силинь провинции Гуанси, казнил грешного французского миссионера Мартона в 1856 году, также известный как «Инцидент Ма Шэньфу». Это событие стало одним из причин начала Второй опиумной войны. Кроме того, в Гуйсяне, Шаньси, Линъюне и Мэншане в Гуанси, в Лундуне, Юнбэе, Лунане, Куньмине и Виси в Юньнани, в Цинъяне в Гуйчжоу, а также в Чжэньпине (Цзяолине), Хэюане, Цзыцзине, Болуо и Лянчжоу в Гуандуне произошли различные случаи столкновения между местными жителями и западными религиозными общинами. Несмотря на то, что методы борьбы народов хань, чжуан и мяо против иностранных религий подчас были примитивными и отсталыми, но она все-таки помешала козням западной церкви и, в определенной степени, сдержала распространение иностранных религий, оставив великолепную страницу в современной истории культуры Южно-Китайского моря.

Доктрины западных религий подчас не встречали оации в Китае, однако современная западная наука и техника и передовые идеи, сопровождавшие их, сыграли определенную историческую роль в расширении культурных горизонтов людей, расширении их кругозора и преодолении многолетней изоляции некоторых регионов. Морская культура Южно-Китайского моря, которая созрела и утвердилась в то время, имеет очевидный культурный характер открытости и совместимости, поэтому она смогла проявить широту взглядов и щедрость по отношению к иностранным разнородным культурам. Она не только смогла мирно сосуществовать с ними, но и смогла взять у них полезные элементы для своего обогащения, укрепления и развития, тем самым делая свой культурный характер более разнообразным. Жители южного Китая выступали против постыдных практик западной церкви, но они не отвергали передовые элементы западной культуры. Именно благодаря внедрению последних достижений западной культуры морская культура Южно-Китайского моря стала более красочной. Западная религиозная архитектура, например, отражает классический европейский облик культуры. Возникновение этих зданий как нового культурного ландшафта в Южно-Китайском море является не только символом местного присутствия иностранных религий, но и демонстрацией интеграции китайской и западной культур. Согласно статистике «Географического атласа китайских культурных реликвий» в Гуандуне насчитывается 58 западных

церквей в качестве подразделений по охране культурных реликвий, распределенных в 35 уездах и городах, большинство из которых находятся в дельте Жемчужной реки и в районе реки Сицзян. Согласно статистике, в «Сводной хронике провинции Гуанси: Записи о религии», к 1992 году в Гуанси насчитывалось 94 западные церкви, некоторые из них обрели статус являлись охраняемыми культурными реликвиями. Архитектурные формы и стили этих церквей богаты и разнообразны:

1) Готический стиль. Десять строений такого стиля находятся в Гуандуне и три в Гуанси, такие как каменная католическая церковь в Гуанчжоу, христианская церковь Чжунхуа в Фошане, католическая церковь Сянси в Цзянмэне, католическая церковь острова Вэйчжоу в Гуанси, христианская церковь Бэйхай и христианская церковь Гуйлина. Готическая архитектура характеризуется возвышающимися шпилями и гребнями, изогнутыми и высокими арками, которые словно возносят верующих к таинственному небу и создают религиозную атмосферу общения с небесами. Великолепная резьба на главных дверях, реалистичные рельефы в коридорах, красочные и строгие фрески на стенах и сводах, прекрасная стеклянная мозаика — все это создает красочную и темную пространственную среду. Самым известным из этих строительных объектов считается Каменная католическая церкви в Гуанчжоу, также известная как Собор Святого Сердца, который является крупнейшей сохранившейся католической церковью в готическом стиле в Китае, построенной из гранита и известной как Нотр-Дам де Пари на Востоке. Его площадь составляет 2 700 квадратных метров, высота — 57,95 метра, а в шпиль встроены большие часы, которые отбивают время, слышимый на близком и дальнем расстоянии. Каменный угол на восточной стороне палаты выбит латинским словом (Иерусалим) 1863, а угловой камень на западной стороне выбит (Рим) 1863, что означает, что католицизм был основан в Иерусалиме на востоке и процветал в Риме на Западе. Из каждого из этих двух мест было взято по килограмму глины для закладки фундамента под строительство каменной комнаты, что также является хорошей историей о пересадке и укоренении восточной и западной культур в Гуанчжоу. Католическая церковь в Сяшане, Чжаньцзян, имеет тот же внешний вид, что и церковь в Гуанчжоу, но в гораздо меньших масштабах, и до сих пор находится в хорошем состоянии. Остальные готические церкви в этом районе пострадали в разной степени.

2) Псевдоготический стиль. Сохранились только католическая церковь Шики в Чжуншане и христианская церковь деревни Аоси в районе Хуанчэн, но без колокольни на вершине здания.

3) Романский стиль. Сохранились только две церкви: католические церкви Шаньтяньцзышань в Цзеси и Цзешэн в Шаньвэе. Церковь Святого Сердца имеет цилиндрическую форму с нависающей аркой в верхней части, что придает ей ощущение власти.

4) Итальянский стиль. Сохранилась лишь одна католическая церковь в селе Цзэкоу города Цунхуа. Она была разрушена во время войны сопротивления японским захватчикам, но позже была восстановлена в виде железобетонного здания.

5) Смешанный стиль. В настоящее время сохранились 23 строения, сочетающих в себе китайский дворцовый и западный архитектурный стили. Дворы имеют красные стены и зеленую черепицу, с нависающими крышами, но также имеют небольшие остроконечные колокольни и готические или романские окна и двери, демонстрируя цвета западной религиозной архитектуры.

6) Прочие архитектурные стили. Сюда относится большая группа церквей, которые изначально были построены в определенном стиле, но позже были перестроены, либо восстановлены, и первоначальный стиль был стерт.

2. Распространение восточных знаний на Запад

Культурный обмен между Востоком и Западом был двусторонним. Западные иезуиты, прибывшие в Гуандун по маршруту Южно-Китайского моря и в различные районы Китая, прилагали большие усилия для изучения китайского языка и письменности, а также для изучения конфуцианской философии, так что превосходная культура, ярко выраженная классическими каноническими работами, конфуцианством, системой императорских экзаменов, наукой и техникой, искусством и ремеслом, музыкой, обычаями, распространилась на запад в Европу и США, где на некоторое время стала популярной и вызвала интерес к Китаю среди интеллектуалов в этих странах, породив так называемый «китайскую моду». Это привело к появлению ряда организаций по изучению китаеведения в Европе и США, что сделало китаеведение уникальным в культурных и академических кругах этих стран и широко распространилось, оказав сильное и далеко идущее влияние.

(1) Распространение конфуцианской философии на Запад.

Иезуиты, такие как Микеле Руджери и Маттео Риччи, прошли через Макао в города Чжаоцин, Шаочжоу, Гуанчжоу, Наньчан, Нанкин и Пекин и придавали большое значение изучению конфуцианства, поклонению его концепции природы и Бога и

внедрению ее в европейских странах. В 1681 году бельгийский иезуит Пол Беркли написал книгу «Конфуций, китайский философ», которая включает в себя книгу Беркли королю Франции Людовику XIV, обсуждение истории и основных положений оригинальной книги, биографию Конфуция, а также перевод «Великого учения», «Учение о Середине» и «Изречений Конфуция». В середине XVIII века бельгийский иезуит Франциск Вэй написал «Китайскую философию» и перевел «Четверокнижие», «Канон сыновней почтительности» и «Учебник грамоты для начинающих», представив европейским странам свой собственный опыт изучения конфуцианства. В середине XVIII века немецкий иезуит Вэй Цицзинь отредактировал и опубликовал немецко-китайский словарь, который помог немцам изучить китайские иероглифы.

Однако именно знаменитый философ Лейбниц действительно представил конфуцианство в Германии и основал классическую немецкую философию. Хотя он никогда не был в Китае, на него сильно повлияли иезуиты, приехавшие в Китай, и он очень интересовался конфуцианским учением, а до 1687 года он читал переводы трудов Конфуция и Лаоцзы. В 1689 году, во время визита в Рим, он познакомился с Минь Минем, итальянским священником, служившим в бюро астрономии в Китае, и другими лицами, с которыми впоследствии он приобрел больше знаний о китайской культуре через переписку. С тех пор он изучал конфуцианскую классику в переводе и труды по китайской культуре, написанные иезуитами, например, «Конфуций, китайский философ» Беркли. На основе знаний, полученных из этих трудов, в 1697 году он отредактировал и опубликовал «Последние события в Китае», всеобъемлющее введение в конфуцианство в Китае для европейских стран. Он высоко оценил величие китайской культуры: «Мы, которые когда-то не верили, что в этом мире существует народ, более совершенный в этике и более прогрессивный в поведении, теперь пробуждены Китаем с Востока». Он указал, что китайская конфуцианская философия превосходит европейскую: «Сила европейской культуры заключается в математических и дискурсивных науках, и даже в военных вопросах Китай уступает Европе; но в практической философии европейцы значительно уступают китайцам». Поэтому он обратился к ученым людям европейских стран: «Я почти считаю необходимым попросить Китай прислать кого-нибудь, чтобы научить нас целям и практике естественной теологии».[96] Лейбниц смог усвоить философские идеи конфуцианства, в частности, суть мысли Лаоцзы о Пути, чтобы создать в своей философской мысли учение о монаде, создав таким образом классическую немецкую философию различения,

которую он опубликовал в 1714 году «Монадология». Здесь он утверждал, что «разум» китайской философии и «монады» схожи.

В последние годы жизни Лейбниц преподавал классическую дискурсивную философию своему ученику Вольфу. В 1721 году Вольф прочитал в университете Галле лекцию «О практической философии Китая», в которой он продолжил систематизацию и теоретизацию дискурсивной философии, впервые разделив ее на семь частей: онтологию, космологию, психологию, естественную теологию, этику, экономику и политику, и утверждая, что все принципы философии могут быть установлены математически или дедуктивно. В 1730 году Вольф прочитал в Марбургском университете лекцию «О философии и правящем философе», связав китайскую практическую философию с немецкой дискурсивной философией. Его идеи были критически восприняты его учениками Кантом, Шеллингом и Гегелем, которые впоследствии основали классическую немецкую философию. Очевидно, что влияние конфуцианства в Китае привело к тому, что Германия стала родиной современной классической философии.

(2) Распространение китайской идеи о важности сельского хозяйства во Франции и Англии.

Китай был основан на сельском хозяйстве, и сменявшие друг друга императоры проводили политику аграризма. Эта экономическая идеология, распространившаяся в Европе, питала то, что Маркс называл «истинным родоначальником современной политической экономии», французскую аграрную школу XVIII века. Основатель физиократической школы, Кене, известный как «европейский Конфуций», был приверженцем китайских писаний, переданных из Макао в Европу. Он изучал идеи Фуси, Великого Яо, Великого Шуня и Конфуция и находился под влиянием древнекитайской идеи естественного порядка. В 1758 году он написал «Экономические таблицы», а в 1767 году — «Китайское самодержавие» и «Законы природы». В «Экономических таблицах» 64 гексаграммы китайского «Ицзина» «ловко переведены в математические формулы». В своей книге «Китайское самодержавие» он систематически знакомит с китайской культурой и призывает европейские страны последовать примеру Китая, следовать законам природы, создать систему земледелия, пропагандировать аграризм, указывать, что только сельское хозяйство может увеличить богатство, и требовать от правительства изменить свое пренебрежительное отношение к сельскому хозяйству и изменить политику, ограничивающую его. Он хотел, чтобы

французское правительство поощряло «китаизацию». Он использовал свое положение императорского врача, чтобы побудить короля Людовика XV последовать примеру китайского императора в 1756 году, когда тот провел «обряд» весенней вспашки полей (когда участок земли вспахивается лично императором). Он был вдохновлен «Чжоускими ритуалами», книгой о системе равномерного надельного землепользования, и выступал за то, чтобы Франция взимала налог с землевладельцев, как в Китае, для обеспечения финансовых потребностей государства. Позже реформатор аграрной школы, министр финансов Франции Анн-Роберт Жак Турго, развил идею Кене об аграризме и довел «систему аграризма до высшей точки».[97] Помимо изучения китайских классических работ, он также убедил французское правительство пригласить двух китайских студентов, Гао-сюаньси и Ян-дьюань, вернуться в Китай, чтобы собрать для него 30 сведений о земле, труде, аренде и налогообложении, 30 сведений о производстве бумаги, печати и текстиле, а также 7 сведений о материалах и географии для использования при проведении реформ. В итоге он использовал эти сведения и написал монографию «Исследование формирования и распределения богатства». В своей книге он принял идеи Сюй-гуанци о том, что «рабочие и купцы будут источником сельского хозяйства»[98] и что «торговля происходит из сельского хозяйства, а торговля — из промежутка между сельским хозяйством».[99] Он выдвинул идею о том, что и король, и народ не должны забывать, что «сельское хозяйство — единственный источник дохода в казну», и идею о прибавочном труде в сельскохозяйственном производстве, впервые ответил на вопрос о стоимости и прибавочной стоимости и предположил, что земельная рента является единственной формой прибавочной стоимости. Маркс похвалил его за «новаторский дух в этом отношении». [100]

Китайская идея аграрного хозяйства также повлияла на британскую классическую политэкономия. В период от 1764 по 1766 год, во время двухлетнего путешествия по Франции с герцогом Баклером британский классический экономист Адам Смит познакомился и завязал тесную дружбу с Кене и Турго. От Куи и Ду он узнал о китайских идеях и политике в области сельского хозяйства и впитал суть «естественной свободы» Конфуция и «свободной экономики» Сыма Цяня. В 1776 году он написал и опубликовал свой знаменитый труд по политической экономии «Исследование природы и причин национального богатства», известный как «Богатство народов», в котором он 24 раза ссылался на китайские источники, такие как «естественная свобода» и «свободная экономика», и

критиковал британский меркантилизм. Теория и политика меркантилизма в Великобритании подвергались нападкам. Вот почему некоторые ученые утверждают, что «без контакта Смита с физиократами не было бы «Богатства народов»[101]», и это вполне справедливая оценка.

(3) Распространение древних классических канонических работ на Запад.

В ходе своей миссионерской деятельности в Китае иезуиты, помимо изучения конфуцианской классики, также переводили ее на западные языки и отправляли в европейские страны для публикации через Южно-Китайское море. В 1593 году Маттео Риччи первым перевел «Четверокнижие» на латынь и отправил их в Италию из Макао для публикации. В 1626 году Николя Триго (Nicolas Trigault) перевел «Пятикнижие» на латынь и опубликовал их в городе Ханчжоу. В 1752 году был опубликован перевод «Книги обрядов» Сунь-цзы. В 1770 году был опубликован перевод первого тома «Книги перемен» Лэй-сяоси на французский язык, а второй том вышел в 1839 году. В 1772 году, когда французский иезуит Жан Франсуаза Фуке вернулся в Китай, он привез с собой в общей сложности 3 980 наименований китайской классики, все они были переданы в Королевскую библиотеку Франции, обеспечив другим ученым во Франции и европейских странах удобство для чтения и перевода классических китайских писаний. В 1772 году Жозеф де Премар, французский конферансье, перевел «Ши-цзин» и «Шу-цзин» на французский язык. По сей день 14 рукописей китайских работ иезуитов, изучающих «Ицзин», находятся в библиотеке Ватикана. После середины XIX века французский священник Серафин Куврер составил франко-китайское издание «Четверокнижия», «Ши цзин», «Книги истории», «Книги обрядов», «Цзо-яжуань» и «Чуньцю», что облегчило французским ученым изучение классических китайских писаний и было очень популярно среди всех слоев общества. Согласно статистике, с XVI по XVIII век иезуиты перевели 27 классических китайских писаний и написали 78 работ по Китаеведению, охватывающих философию, историю, литературу, общественное мнение, историю, словари, военное искусство, биографии знаменитых людей и т.д. Это обширная коллекция китайских исторических трактатов.[102]

(4) Распространение китайского языка и письменности на Западе.

Миссионеры, прибывшие в Макао и другие районы провинций Гуандун и Гуанси, прилагали большие усилия для изучения китайского языка в миссионерских целях, и, основываясь

на собственном опыте изучения китайского языка, они составили ряд словарей китайских иероглифов и отправили их в Европу для публикации, чтобы облегчить изучение китайского языка людьми из всех слоев общества в Европе. В 1584 году, когда Маттео Риччи и Микеле Руджери были миссионерами в Чжаоцине, они совместно издали португальско-китайский словарь, в котором рядом с китайскими иероглифами был указан транскрипцию римского алфавита, чтобы их можно было произносить европейцами. Это был первый случай, когда китайские иероглифы стали произносить с помощью западного алфавита. Словарь содержит 6000 словарных статей на португальском языке и 5461 перевод на китайский. В 1626 году с помощью таких китайских ученых, как Ван-чжэн, Лу-вэйци и Хань-юнь, завершили работу над латинизированными китайскими иероглифами пиньинь и написано «Пособие для ушей и глаз западных ученых» (книга была составлена иезуитским миссионером Николя Триго в 1625). Он использует 5 гласных (автофонические буквы) и 20 согласных (гомофонические буквы) в сочетании друг с другом и 5 тоновых знаков для произношения китайских иероглифов. В 1687 году Бай-цзинь составил «Малый словарь китайского и французского языков». На его основе Жозеф де Премар в 1728 году составил книгу «Введение в китайский язык», в которой проанализировал структуру и природу китайских иероглифов и считается родоначальником изучения китайского языка в европейских странах, в книгу включены более 13 000 примеров китайских слов. Позже «Китайский словарь» был составлен Этьен Фурмоном и опубликован в Англо-китайской академии в Малакке. Переизданный в 1894 году издательством Nazareth Books в Гонконге, он был широко распространен и до сих пор популярен в европейских странах. Другие страны также выпускали словари, чтобы облегчить изучение китайского языка своим населением. В 1732 году Каталина составила «Итальянско-китайский словарь», в 1733 году Грамона составил «Китайско-латиноамериканский словарь», в 1762 году Святой Престол опубликовал «Тибетский словарь», написанный августинцами; в 1789 году Цянь Демин составил и опубликовал «Маньчжурско-французский словарь»; а в начале XIX века Моррисон составил и опубликовал «Китайско-английский словарь». Эти словари были хорошими справочными изданиями для изучения китайского языка и культуры в европейских странах.

(5) Распространение китайской классической литературы на Запад.

В конце династии Мин и начале династии Цин популярный

китайский роман о молодом человеке и его жене «Легенда о прекрасной паре», также известный как «Рассказы о благородных рыцарях», в свое время был признан «вторым по счету сочинений гениев». Это история брака юноши и девушки, Тие-чжунъюя и Шуй-бинсинь. Впервые она была переведена на английский язык в 1719 году (четверть книги была переведена на португальский) английским купцом Вэй Джинсоном, который вел дела в Макао и Гуанчжоу. А в 1761 году Томс Пансер перевел с португальской версии на английский и пересоставил всю книгу, добавив подзаголовок «Легенда о прекрасной паре — Веселая история». Затем книга с комментариями была официально издана.

Выход в свет английского перевода «Легенда о прекрасной паре» вызвал большой резонанс в различных европейских странах. В 1766 году он был переведен на французский язык человеком, подписавшимся «М», затем на немецкий — Муром, а в 1767 году — на голландский. В 1767 году он был переведен на голландский язык. Таким образом, «Легенда о прекрасной паре» получила широкое распространение и влияние в европейских странах. С середины XVIII века до 1904 года было выполнено более 20 переводов и адаптаций «Легенды о прекрасной паре», она заняла второе место среди «Десяти блистательных книг», пользовалась популярностью и получила высокое признание в европейских странах. Известный немецкий писатель Гете высоко оценив ее, сказал: «У китайцев множество таких книг, и когда они начали их писать, наши предки еще жили в лесу!».[103]

В то же время пьеса «Сирота из рода Чжао», написанная Цзи-цзюньсяном (XIII в., юаньский драматург из династии Юань), распространилась на запад, в Европу. Впервые пьеса была переведена на французский язык в 1732 году иезуитом Жозефом де Премар, а в 1734 году была опубликована на английском языке, в 1744 году — на русском, а в 1749 году — на немецком. В 1753 году известный французский писатель Вольтер переделал пьесу «Сирота из рода Чжао» в «Сироту из Китая», которая была поставлена в Париже 20 августа 1755 года с большим успехом и опубликована в Париже в том же году. В 1759 году английский драматург Артур Мерфи адаптировал пьесу и поставил ее в Лондоне, что сделало его мгновенно узнаваемым трагиком. Пьеса «Сирота из рода Чжао» продолжала ставиться в европейских странах, привлекая внимание и признание европейских литературных кругов.

Ярким примером глубокого влияния китайской литературы в Европе является Гете. Он прочитал ряд работ о Китае, например,

«Путешествия Марко Поло», а также несколько раз перечитывал перевод «Сироты из рода Чжао». В августе 1781 года он адаптировал пьесу «Эльпенор» из «Сирота из рода Чжао» и «Удивительные рассказы прошлого и наших дней», которая была поставлена в Германии и имела большой успех. В 1796 году он прочитал немецкий перевод «Легенды о прекрасной паре», а в 1797 году — «Книгу цветов», «Нефритную грушу», «Сборник китайских рассказов» и т.д. В 1827 году он сочинил четырнадцать песен из «Книги цветов», сборника о четырех временах года в Китае и Германии. Он также считает, что «Легенда о прекрасной паре» и «Сирота из рода Чжао» повлияли на его работу над «Германом и Доу Лутай»: «характеры, мысли, действия и чувства в книге очень похожи на наши».

(6) Распространение традиционной китайской медицины и фармакологии на Западе.

Европейские миссионеры, прибывшие в материковый Китай через Макао, были поражены эффективностью лечения болезней традиционной китайской медициной и охотно изучали ее. Китайская фармакология была распространена в западных странах и оказала глубокое влияние.

Первым, кто познакомил европейские страны с китайской медициной, был польский миссионер Михал Бойм (Michel Boym), который в 1658 году написал «Основы китайской медицины», выполнил перевод «Канона пульса» врача династии Цзинь Ван-шухэ (врач периода династии Западная Цзинь) и метод китайской медицины диагностики болезней по налету на языке и по цвету лица и кожи, со перечнем из 289 лекарственных средств. После публикации в 1688 году книга была переведена и опубликована на разных европейских языках. Первоначально книга была привезена в Европу иезуитами из Батавии (Индонезия), но была присвоена голландским хирургом Клейем и опубликована в 1682 году под названием «Клиническая китайская медицина» со 143 ксилографическими иллюстрациями и 30 медными табличками. В 1671 году француз, живший в Гуанчжоу, перевел «Каноны пульса» Ван-шухэ на французский язык и отправил ее в Гренобль для публикации.

Доминикас Парренин, французский священник, внес весомый вклад в распространение китайской медицины в Европе. Его научная оценка китайской медицины заключалась в том, что она была высокоэффективной в плане лечения, но уступала западной медицине в плане теории, о чем свидетельствовала ее анатомическая отсталость. С этим выводом позже согласился Вольтер, который сказал о китайской медицине в своей книге «О духовности народных обычаев»: «У них (в Китае) медицинская

теория все еще невежественна и ошибочна, но китайские врачи весьма успешны на практике».[104]

Доминикас Парренин также отправил из Макао во Французскую академию наук медицинскую информацию о применении желатина из ослиной кожи в лечении туберкулеза легких. Он также, в «Докладе духовенства Пекина» назвал «Книгу об очищении от несправедливости» Сун-цзы первым в мире трудом по судебной медицине. В четвертом томе «Доклада духовенства Пекина» он также представил китайский метод лечения оспы и патологию этого заболевания. С тех пор китайская медицина стала популярной в Европе.

Миссионеры были поражены тем фактом, что целебные травы китайской медицины могут излечить все виды заболеваний, но все же это оказалось правдой. В результате они также обратили внимание на изучение целебных трав и связали его с ботаникой, что способствовало дальнейшему развитию ботаники в европейских странах. Когда великий британский биолог Дарвин писал свою книгу «Происхождение человека», он привел цитату из книги «Компендиума лекарственных веществ» о формировании цвета золотой рыбки, чтобы проиллюстрировать проблему искусственного отбора у животных. В другой книге, «Мутация животных и растений при одомашнивании», во втором главе «Искусственный отбор», он неоднократно ссылается на «Компендиум лекарственных веществ». Согласно статистике, в трудах Дарвина есть целых 104 упоминания о целебных травах и китайской медицине.[105] Это позволяет предположить, что китайская медицина и траволечение также оказали значительное влияние на теорию эволюции Дарвина.

(7) Распространение китайской математики на Запад и в европейские страны.

«И-цзин», переведенный священником-иезуитом Жан-Батист Режисом (Jean-Baptiste Régis) в 1770 году и переданная на запад в европейские страны, также оказала большое влияние на европейскую математику. Лейбниц, который был одним из основателей исчисления, под влиянием «И-Цзин» изобрел двоичное число в математике. В меморандуме королю Пруссии он отметил, что некоторые древние символы малоизвестной сейчас «И-цзин», написанной в Китае более 2 000 лет назад, действительно сохранили некий «новый математический ключ». Здесь уже затрагивались его идеи о теории функций. Он считал, что символы 64 гексаграмм в «И-цзин» содержат элементы двоичной математики.

(8) Распространение декоративно-прикладного искусства на

Запад.

Начиная с XVI века вплоть до середины XIX века китайские шелковые, фарфоровые и лаковые изделия, которые плыли из Макао в Лиссабон через Гоа и далее в европейские страны, были одновременно изысканными потребительскими товарами и красивыми ремесленными изделиями и высоко ценились европейцами. Китайский фарфор был особенно популярен среди монархов. Король Людовик XIV приказал своему премьер-министру Мазарину создать компанию китайских товаров, послал людей через Макао в Гуанчжоу, чтобы заказать этикетку с французским гербом на фарфоре, отправленном обратно в Версаль в Париж, чтобы выставлять его напоказ в специальном помещении. Некоторые из немецких дворцов в стиле рококо (Roco-co) также собирали и выставляют китайский фарфор напоказ на некоторое время. Английская королева Мария II была настолько очарована китайским фарфором, что установила в своем дворце специальную стеклянную витрину для демонстрации всех видов китайского фарфора. В связи с этим в европейских странах началась волна подражания китайскому фарфору, и появились эксперты по исследованию фарфора, пишущие монографии для объяснения и продвижения, чтобы китайское искусство и ремесла могли широко распространиться в Европе. В 1677 году француз Шарден открыл фарфоровый завод в Шиссано для производства китайского сине-белого мягкого фарфора. В 1750 году британцы основали фарфоровый завод в Стелле для производства первой партии мягкого китайского фарфора, а в 1760 году они основали «Новый Гуанчжоуский фарфоровый завод» в Боу, наняв более 300 мастеров для управления фарфоровым оборудованием, доставленным из Гуанчжоу, для производства твердого китайского фарфора. Все эти фарфоровые заводы подражали моделям и образцам китайского фарфора, а качество производимого фарфора было близко к качеству китайского производства, настолько, что некоторые европейские историки керамики приняли фарфор, произведенный на фарфоровом заводе в Вустере, за китайскую продукцию.

В то же время китайские лаковые изделия копировались в европейских странах. Иезуит Пьер Николас с большим вниманием изучал искусство и ремесло китайской лаковой посуды, и в 1760 году он написал и опубликовал трактат под названием «Исследование китайского лака» с множеством фотографий прекрасных китайских лаковых изделий. Чтобы удовлетворить спрос англичан на китайские лаковые изделия, британские купцы сначала покупали большие куски лака в Гуанчжоу и отправляли их в Англию, где они затем превращались

в ширмы различных размеров для продажи. Иногда даже деревянная мебель из Англии привозилась в Гуанчжоу, лакировалась гуанчжоускими лакировщиками, а затем отправлялась обратно в Англию для продажи.

Китайские обои (настенные обои) также закупались в Гуанчжоу испанскими и голландскими купцами в середине XVI века и отправлялись в Европу через Макао. Обои высотой 4 метра и шириной 1,3 метра были расписаны цветами, птицами, пейзажами и фигурами и пользовались большой популярностью у покупателей в Англии и Франции. Вскоре после этого европейские страны также скопировали китайские обои, произведя большое количество обоев смешанных стилей, и в итоге были успешно скопированы в 1688 году. Несмотря на это, обои, произведенные в Англии и Франции, все же уступали китайским. Поэтому до 1766 года английские купцы продолжали вывозить большое количество китайских обоев из Гуанчжоу и Сямыня для собственных нужд. Сегодня в гостиной Банка Куса в Лондоне у британского посланника Маккартни до сих пор хранятся цветочные обои, которые он привез с аудиенции у императора Цяньлуна. На них изображено 302 реалистичных и разнообразных иероглифа, что свидетельствует о высоком уровне китайского искусства и ремесел. Мастерство китайского шелка было предметом зависти европейцев (особенно женщин).

(9) Распространение китайских обычаев и традиций на Запад.

Китайский обычай пить чай также распространился из Южно-Китайского моря по морю в Европу и Америку. Португалец Гаспар де Круз, первый отправившийся в Азию представитель Ордена братьев-проповедников, прибыл в Гуанчжоу в 1556 году и провел несколько месяцев, исследуя китайское побережные районы, прежде чем вернуться домой. На основе увиденного и услышанного в Гуанчжоу и на побережных районах он написал книгу «Хроника Китая», опубликованную в его родном городе Ривола через шестнадцать дней после его смерти в 1570 году. В ней он впервые представил Европе китайский обычай чаепития, в ней говорится: «Если кто-то или несколько человек посещают дом порядочного человека, принято предлагать гостям горячую воду, которую они называют чаем, в фарфоровых чашках, на красивом блюде (столько чашек, сколько людей), красного цвета, с сильным лекарственным вкусом, который они часто пьют, из слегка горькой травы. Они обычно подавали его всем уважаемым лицам, независимо от того, знакомые они или нет, и много раз угощали меня им».[106]

Голландская Ост-Индская компания впервые переправила китайский чай из Макао в Батавию (ныне Джакарта, Индонезия)

в 1606–1607 годах, а в Европу — в 1610 году. Голландцы начали пить чай в 1637 году. В 1636 году китайский чай попал в Париж во Франции, а в 1650 году — в Англию. 22 сентября 1660 года англичанин Сэмюэль Пипс записал: «Я попросил чашку чая, китайского напитка, который я раньше не употреблял».[107]

В то же время китайский обычай путешествовать в паланкинах и на лошадиных повозках распространился и в Европе. Когда король Франции Людовик XIV (1643–1715 гг.) и его знатные подданные путешествовали, было принято, чтобы они ехали в паланкинах. Материал и цвет стеганого одеяла крыши паланкина строго определялись в зависимости от ранга чиновников, а кузов паланкина расписывался лаком и маслом, причем популярными были китайские цветочные цвета, такие как пион молочноцветковый и пион древовидный. Однако французы несли паланкин не на плечах, как это делали китайцы, а руками, что по-французски называется «кресла».

Культурный обмен между Китаем и Западом в эпоху династий Мин и Цин, центром которого был Гуандун, имел эпохальное значение, и знаменитый немецкий философ XVII века Лейбниц хорошо отзывался об этом культурном обмене, выходящем за рамки религиозного, когда сказал: «Я считаю миссионерскую деятельность [в Китае] величайшим подвигом нашего времени. Она внесет большой вклад в общий прогресс человечества и в одновременное развитие науки и искусства в Европе и Китае. Это начало светлого будущего, которое сразу же завершит тысячелетнюю работу. Принося их знания [о Китае] сюда и знакомя их с нашими, знания обоих будут расти в геометрической прогрессии. Это величайшая вещь, которую только можно себе представить».[108]

Именно так сказал вышеупомянутый мастер китайской культуры, профессор Пекинского университета Цзи Сяньлинь (1911–2009, китайский лингвист, историк и писатель) в своем предисловии к неопубликованной рукописи книги профессора Чэнь Яня «Морской шелковый путь и культурный обмен между Китаем и Китаем» в 1993 году, что культурный обмен между Китаем и Западом во времена династий Мин и Цин был одним из самых важных и значимых культурных обменов в истории культурного обмена между Китаем и Западом, и хорошо известен в истории морской культуры в Южно-Китайском море.

Раздел 3. Политические, идеологические и культурные достижения, возникшие в результате культурных обменов между Востоком и Западом

После Опиумной войны слияние китайской и западной культур привело к появлению ряда передовых политических и культурных достижений в провинциях Гуандун и Гуанси, включая теорию крестьянского движения тайпинов Хун-сюцюаня, «Новое сочинение в помощь управлению» Хун-жэньганя, «Записи о распространении западных знаний на Восток» Жун-хуна, «Толкование нового курса» Хэ-ци и Ху-лиюаня, «Смелые речи эры процветания» Чжэн-гуаньина, реформаторские идеи Хуан-цзунсяня, Кан-ювэя и Лян-цичао, «Три народных принципа» Сунь-ятсена и др. Они внесли огромный вклад в трансформацию китайского общества и развитие китайской истории, а также являются одними из самых великолепных глав в истории морской культуры Южно-Китайского моря.

1. Хун-сюцюань и Тайпинское крестьянское движение (государственное образование восставших тайпинов, 1850–1865 гг.)

11 января 1851 года в деревне Цзиньтянь района Цзыцзиншань уезда Гуйпин Гуанси вспыхнуло крестьянское движение, потрясшее весь мир, крестьянское движение тайпинов. Это крестьянское движение было организовано и начато группой сельской крестьянской интеллигенции во главе с Хун Сюцюанем. Теория движения представляла собой религиозное мировоззрение, сочетавшее христианство, конфуцианство и многие другие элементы традиционной китайской культуры, что стало кристаллизацией теории тайпинского движения как идеи «уравнивания» китайской и западной культур. Это также великое достижение современной китайской морской культуры и соответствующая ей великая практика. Хотя крестьянское движение Небесного царства Тайпин в конечном итоге потерпело поражение, руководящая идеология этого движения стала одним из самых ценных достояний в истории морской культуры Южно-Китайского моря и нашла отражение в истории современного Китая». Далее Мао Цзэдун отмечал: «После поражения в Опиумной войне в 1840 году передовые китайцы, преодолевая огромные трудности, искали истину на Западе. Хун-сюцюань, Кан-ювэй, Янь-фу и Сунь-ятсен представляют группу людей, которые искали истину на Западе до появления Китайской коммунистической партии».[109]

Дом-музей Хун-сюцюаня в Хуаду. Фото: Чэнь Сюй

Хун-сюцюань (1814–1864 гг.), уроженец города Хуасянь (ныне Хуаду) в Гуандуне, был крестьянином по происхождению. В раннем возрасте он получил традиционное феодальное образование, участвовал в полевых работах, а позже стал деревенским школьным учителем. В детстве Хун-сюцюань жил среди бедных крестьян и глубоко познал их бедственное положение и нужды. Большинство жителей родной деревни Хун-сюцюаня были хакка, которые переехали сюда в период правления императора Цяньлуна династии Цин, а для хакка было характерно уделять особое внимание учебе. В подростковом возрасте Хун-сюцюань закончил частную школу в деревне и четыре раза ездил в Гуанчжоу, чтобы сдать областные экзамены, но во всех случаях проваливал вступительные экзамены и вернулся домой. Став свидетелем бедствий, причиненных китайскому народу династией Цин и иностранным капиталистическим вторжением, душа Хун-сюцюаня была неспокойна, как волны Южно-Китайского моря. Он твердо решил отказаться от кэцзюй (отбора путём экзаменов (старая, до 1905 г., система государственных экзаменов в Китае для получения учёной степени и права поступления на

должность) и начал революционную кампанию по свержению династии Цин. В 1843 году, провалившись на последнем императорском экзамене, Хун-сюцюань внимательно читал брошюру, полученную им от первого христианского священника Китая Лян Фасана, и связал ее с видением, в котором ему привиделся светловолосый, намыленный старец на небе, когда он был болен в 1837 году. Затем, под предлогом принятия небесного мандата «императора», он спустился на землю, чтобы спасти мир. Он основал поклонение Небесному Владыке (религиозное учение Тайпинов, основанное на протестантском христианстве и традиционных китайских верованиях) и крестился. Изначально в родном городе Хун-сюцюань, а также его сподвижники Ли-цзинфан, Фэн-юньшань, Хун-жэньгань и другие верующие, создали Общество поклонения Небесному Владыке, Байшандихуэй. Хун Сюцюань возглавил уничтожение ритуальных табличек Конфуция в деревне, что встретило сильное сопротивление со стороны деревенских феодалов и не позволило ему закрепиться в сельской местности. В 1844 году он переехал в Шуньдэ, Наньхай, Панью, Цзэнчэн, Конхуа, Цинъюань, Индэ, Яншань и Ляньшань, и в том же году он вместе с Фэн-юньшанем отправился в деревню Цигу уезда Гуйсянь, Гуанси, чтобы проповедовать и воспитывать более 100 последователей Общества поклонения Небесному Владыке. Хун-сюцюань на религиозном языке утверждал, что истинный Бог только один, а все остальные идолы, будь то Конфуций, Будда или Яма, — злые духи; что каждый человек — дитя Бога, и что Бог всемогущ и сострадателен; что Бог послал своего сына на землю, чтобы наставить всех и построить небесное царство на земле, где все смогут жить в равенстве и гармонии, уничтожив демонов. Эти простые и прекрасные идеалы были легко поняты и приняты крестьянами того времени, но в конечном итоге эффект не был особо заметным. Это послужило для Хун-сюцюаня глубоким стимулом и вдохновением: чтобы начать движение, невозможно достичь цели без теорий, мотивирующих массы. В ноябре 1844 года Хун-сюцюань вернулся из Гуанси в свой родной город и провел два года, заново создавая теологические теории, написав «Три принципа», то есть «Песнь спасения мира», «Проповедь пробуждения мира» и «Проповедь просвещения мира», которые заложили теоретическую основу движения Тайпин Небесного царства и имели огромное историческое значение и стали крупным культурным новшеством в истории морской культуры Южно-Китайского моря. Это также является крупным культурным новшеством в истории морской культуры Южно-Китайского моря.

Теорию Хун-сюцюаня о Небесное царство великого благоденствия

можно свести к следующим основным аспектам. Во-первых, идея «равенство и справедливость». В ответ на социальную реальность неравенства между богатыми и бедными, вызванную феодальной системой, Хун-сюцюань выдвинул эту идею как средство стимулирования энтузиазма масс. Хун-сюцюань использовал идеал равной и гармоничной общественной жизни для «поклонения» «Богу» и объяснил, что этот «император» был «Великим отцом», который мог принести равенство людям. Это один из самых важных элементов мышления Хун-сюцюаня, а именно: «Мир полон мужчин, все они братья; мир полон женщин, все они сестры», и что «мир — это одна семья, разделяющая мир».[110] Это идеальное общество, к которому китайцы стремились на протяжении тысячелетий, а именно идеал «Великого единения» и «мир, страна принадлежит народу». Идея «равенство и справедливость» стала платформой действий и высшим идеалом Небесного царства тайпинов.

Во-вторых, противопоставление императора и демона. «Бог» или «император» — это бог, который приносит равенство в мир, а тот, кто находится в оппозиции к Богу или императору, это демон, феодальный правитель. Именно «демоны», феодальные правители, стоят на пути к равенству людей. Только когда народные массы восстанут, чтобы «уничтожить демонов», они смогут обрести настоящее счастье. В то же время Хун-сюцюань верил, что реальность «противостояния императора и демонов» может быть изменена и преобразована, так же как свет и тьма должны сменять друг друга, что, несомненно, вселяло надежду в людей, живущих в тяжелом положении, и побуждало их преодолевать тьму и нести свет. Энгельс говорит: «Земная сила принимает форму надземной силы».[111] Этой формой является религия. Учение Хун-сюцюаня приняло форму религии, суть которой заключалась в «уничтожении демонов», свержении императора и восстании.

В-третьих, Царство Небесное находится на земле. Хун-сюцюань не только верил, что противоречие между императором и демоном существует, но и считал, что Царство Небесное находится не на небе, а на земле. Вера Хун-сюцюаня в воплощение Царства Небесного на земле была более приемлемой для верующих, что подстегнуло их энтузиазм к восстанию и привело в движение это великое крестьянское движение.

В-четвертых, вооруженная борьба. Хун-сюцюань считал, что для достижения цели установления Царства Неба на земле, для уничтожения демонов необходимо использовать насилие и вооруженную борьбу, чтобы захватить власть и установить Небесное царство великого благоденствия. В 1843 году, когда

Хун-сюцюань задумывал это движение, он и его сподвижник Ли-цзинфан, каждый из которых отлил «меч для разрубания демонов» весом в несколько фунтов и длиной в три фута, полностью выражали решимость Хун-сюцюаня установить единый крестьянский режим путем вооруженной борьбы. После «Цзиньтянь шуйи» Хун-сюцюань призвал «великих людей мира» к восстанию. После этого за вооруженным восстанием последовал несокрушимый поток армии, который пересек Улин, преодолел Сянцзян, перешел Дунтин, спустился по Янцзы и разгромил Нанкин, установив крестьянский режим, который потряс всю страну, вновь унаследовав и развив традицию вооруженных крестьянских восстаний в истории Китая. Вооруженное восстание вновь унаследовало и развило китайскую традицию вооруженных крестьянских восстаний, но его идеология и практика превзошли исторические крестьянские восстания, оставив заметную страницу в истории морской культуры в Южно-Китайском море.

После того как столица Хун-сюцюань была установлена в Нанкине, он потерял дух борьбы из-за внутренних разногласий внутри режима и предался разгульному образу жизни, что привело к краху движения тайпинов, которое продолжалось 14 лет и охватило 14 провинций и регионов.

С точки зрения культурного значения, идеи Хун-сюцюаня о создании Небесного царства тайпинов были почерпнуты из трех частей: западной религии, традиционных крестьянских движений и священных писаний. Идея Хун-сюцюаня о «Тайпине» была долгожданным стремлением китайских крестьян и высшей платформой крестьянского движения. «Царство Небесное» было раем, в котором верующие должны были ожить после смерти, как это предусмотрено в христианском Новом Завете. Не случайно Хун-сюцюань соединил эти два понятия вместе, чтобы сформировать свое уникальное «Представление о Небесном царстве великого благоденствия», которое было результатом слияния китайской и западной культур, и расцвело оно в Гуандуне.

2. Жун-хун (1828–1912, китайский реформатор) и его «Записи о распространении западных знаний на Восток»

После поражения Движения тайпинов, кризис китайской нации углубился, одновременно развивался культурный обмен между Китаем и зарубежными странами, постепенно породивший группу буржуазных просвещенных мыслителей и их труды. И книга Жун-хуна «Записи о распространении западных знаний на

Восток» стала первопроходцем в этом просвещенном мышлении.

Жун-хун и его «Записи о распространении западных знаний на Восток». Фото предоставлено Чжухайским музеем

Жун-хун (1828–1912 гг.) был уроженцем города Наньпин, уезда Сяншань, провинции Гуандун (ныне входит городской округ Чжухай). Он рос в бедной семье, и он поступил в бесплатную школу Моррисона в Макао. В 1847 году он отправился в США, а в 1850 году поступил в престижный Йельский университет, став первым китайским студентом, учившимся в США, и первым человеком, который по-настоящему понимал Америку и западный мир. Он говорил, что целью его пребывания в Америке было «привить Китаю западное образование, чтобы Китай стал более цивилизованным и богатым».[112] В 1855 году Жун-хун вернулся в Китай и стал свидетелем коррупции цинского правительства и кровавого преступления подавления народной революции, работал «секретарем» и переводчиком в Гонконге, а также в шанхайской таможне и в бизнесе, а в 1860 году посетил Тяньцзинь и встретился с Хун-жэньганом (1822–1864 гг., один из руководителей Тайпинского восстания) и предложил семь пунктов политических, военных, промышленных и образовательных предложений. Однако, эти замыслы не могли быть реализованы в условиях войны. Разочарованный, Жун-хун покинул Тяньцзинь и присоединился к штабу Цзэн-гофаня (1811–1872 гг, военно-политический деятель, писатель)

для создания самой передовой машинной фабрики в Китае — Цзяннаньского бюро машинного производства. Позже, он убедил цинское правительство отправить 30 детей, включая Чжан-тяньюу, на учебу в Америку в 1872 году. Большинство из них вернулись домой после учебы и стали главными продвиженцами модернизации Китая. Среди них были такие знаменитые личности, как Чжань-тяньюу (1861-1919 гг), отец китайских железных дорог; Чжу-баокуй, Хуан-кайцзя, Чжоу-ваньпэн и Тан Юаньчжан — основатели китайской почты и телекоммуникаций, первые китайские горные и металлургические инженеры У-янцзэн и Цюнь Жунгуан; Тан Гоань, первый ректор школы Цинхуапервый; адмиралы Юншанцян, Цай-тинган и Сюй-чжэньпэн; первые китайские дипломаты Тан-шаои, Лян-дунянь и Лян-чэн и т.д. Таким образом, Жун-хун был известен как «отец зарубежных китайских студентов».[113] В 1909 году он опубликовал книгу под названием «Записи о распространении западных знаний на Восток», которая стала первопроходцем современного просветительского мышления для жителей провинций Гуандун и Гуанси. В своих советах Хун-жэньганю он предложил семь пунктов для проведения реформ:

- (1) Организация хорошей армии в рамках надлежащей военной системы.
- (2) Создание школы вооруженных сил для подготовки большинства квалифицированных офицеров.
- (3) Создание военно-морского училища.
- (4) Создание хорошего правительства и привлечение опытных людей в качестве административных советников различных ведомств.
- (5) Создание банковской системы и стандартизация мер и весов.
- (6) Создание системы школьного образования на всех уровнях с Библией в качестве основного предмета.
- (7) Создание промышленно-отраслевых школ на всех уровнях.[114]

Эти предложения выражали передовые идеи Жун-хуна по возрождению страны и укреплению армии, хотя они и не были приняты, но не могли скрыть славу того времени. Цзэн-гофань доверил ему создание первого на Востоке машиностроительного завода — Цзяннаньского бюро по производству машин. Это было первым шагом в пути модернизации Китая и реализации «распространения западных знаний на Восток», что стало большим вдохновением для преемников модернизации в Китае. Кроме того, усилия Жун-хуна по образованию и

спасению страны, такие как отправка иностранных студентов в зарубежные страны и подготовка многих талантов для Китая, были беспрецедентными в то время. Именно по этой причине Жун-хун и его книга «Записи о распространении западных знаний на Восток» были высоко оценены последующими поколениями как памятник современной китайской истории и выдающееся произведение современной южной морской культуры.

3. Формирование и содержание идеологической системы Кан-ювэя по конституционной реформе и модернизации

Одним из самых значимых событий в истории современной китайской морской культуры в Южно-Китайском море стало Движение за конституционную реформу и модернизацию под руководством Кан-ювэя и Лян-цичао (1873–1929 гг. Китайский философ, историк философии, ученый, литератор, государственный и общественный деятель, один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае конца XIX–начала XX вв). В то же время это событие считается эпохальным в новой истории Китая. Оно закончилось неудачей, но революционные волны, которые оно вызвало, с тех пор прокатились по всей стране. Вскоре после этого революционеры во главе с Сунь-ятсеном привели к Учанскому восстанию, крушению режима Цин и созданию Китайской Республики, что открыло новую эру в истории Китая. Реформаторское движение отразило передовое мышление и культуру того времени и стало самой славной страницей морской культуры Южно-Китайского моря в современную эпоху.

(1) Идеологические основы конституционной реформы и модернизации Кан-ювэя.

Кан-ювэй (1858–1927 гг) был уроженцем деревни Наньхайсу, провинция Гуандун, первоначально известный как Цзу-и, Гуанся, Чан-су и Гэн-шэн, в поздние годы своей жизни называл себя «Человеком, путешествующим по небу», а его ученики с почтением называли его «Господином южного моря». В ранние годы Кан-ювэй жил в Гуандуне. В молодости он получил систематическое обучение конфуцианству у Чжу-цзицзи (Чжу-цзюцзян) в Наньхае, а позже отправился в пещеру Байюнь на горе Сицзяо, одной из самых известных гор в Южном Гуандуне, где получил глубокое понимание буддизма. Он отправился в Гонконг, чтобы учиться и получать западные знания. Эти «западные знания» включали, в общем, западную научную культуру и ее образ мышления со времен эпохи Возрождения.

В ранних работах Кан-ювэя, таких как «Полная книга практического общественного права», человеческие аксиомы выводились из «Начала» первоначальной Геометрии; в то время как «Исследование подложных канонов Синьского учения» и «Исследование реформации Конфуция» были теоретическими изложениями «реформации древней системы» на основе Дарвина и других эволюционных идей. «Книга о Великом единении» была интерпретацией идеи великого единения Конфуция и сочетанием западных идей, таких как теория гражданского договора и идеалистический социализм. Одним словом, Кан-ювэй проделал большую работу по подготовке общественного мнения к изменению законодательства и реформам.

Портрет Кан-ювэя. Предоставлено Музеем Гуанчжоу

Конституционная реформа и модернизация нуждалась в большом количестве пропагандистских и агитационных кадров. Кан-ювэй вернулся в Гуандун после провала своего первого прошения об реформ и основал «Соломенную хижину среди мириад деревьев и трав» (частная академия, основанная Кан-ювэем) в Чансине на Четвертой улице Чжуншань в городе Гуанчжоу, как базу для подготовки реформаторов для конституционной реформы и модернизации. В разных провинциях было подготовлено более 3 000 учеников. Среди известных учеников были Лян-цичао и Чэнь-цяньцю. Название «мириад деревьев» было призвано взрастить группу элиты и

реформаторов того времени. В традиционном школьном образовании политика преподавания заключалась в поклонении Конфуцию и изучению конфуцианский канон. Помимо чтения священных писаний, Кан-ювэй ввел в преподавание западных естественных наук и современной политики, а также проводил внеклассные мероприятия, такие как дебаты, выступления и экскурсии. Методы и формы преподавания были очень живыми. В каждой дискуссии кругозор студентов значительно расширился благодаря сопоставительному анализу взглядов прошлого и современности. В 1893 году Лян-цзюнь, студент гуманитарного факультета, вспоминал: «Помимо чтения древних книг, мне приходилось читать много книг, переведенных с европейских языков, например, сотни научных переводов по звуку, свету, химии и электричеству, выполненных Цзяннаньским производственным бюро, все они должны быть прочитаны. Мы также читали переводы наших предшественников, таких как Жун-хун и Янь-фу (1853-1921 гг., известный китайский писатель и переводчик западной литературы), а также переводы иностранных миссионеров, таких как Джона Фрая и Тимоти Ричарда».[115] Содержание и способ преподавания в академии «Соломенная хижина среди мириад деревьев и трав» сильно отличались от других школ Гуанчжоу того же периода, это была «новая школа», можно сказать, что его значение предшествовало отмене «кэцзюй». При содействии своих учеников Лян-цзюнь и Чэнь-цяньцзюнь Кан Ювэй написал «Хронику школы Чансин», «Разговоры в Соломенной хижине среди мириады деревьев и трав» (или «Разговоры господина Кан в Наньхае»), «Исследование подложных канон Синьского учения», «Исследование реформации Конфуция» и «Исследование Дун весной и осенью». Эти работы являются монументальными записями его педагогической практики, включая его образовательные идеи и методы, а также его проницательные взгляды на встречу китайской и западной культур. Можно утверждать, что идеи Кан-ювэй, зародившиеся в Гуандуне, оказали epochальное влияние на всю страну. Кроме того, Кан-ювэй дважды приезжал в Гуйлинь, Гуанси, чтобы читать лекции, готовить кадров для конституционной реформы и модернизации и распространять идеи «Ста дней реформ». В то время в Макао также выходила газета «Чжисинь», основанная реформаторскими деятелями, и Кан-ювэй через чиновников Гуанси приказал всем префектурам, уездам, деревням и заставам провинции подписаться на нее, что еще больше расширило влияние реформаторских идей в Гуанси. В июле 1897 года, после того как Кан-ювэй в основном завершил свою миссию по распространению идей конституционной реформы и модернизации в городе Гуйлине,

он покинул провинцию Гуйчжоу и вернулся в Гуанчжоу, чтобы продолжить свою педагогическую карьеру в своей академии. Перед отъездом Кан-ювэй искренне наставлял своих учеников в Гуйлине «расширять и обогащать, хорошо использовать, развивать и распространять» великое дело конституционной реформы и модернизации.[116]

Помимо того, что Кан-ювэй усвоил во время своего пребывания Гонконге и приобрел большое количество книг по западным исследованиям, существовали два глубоких корня его идей. Во-первых, он был крещен европейским естествознанием и сформировал идею эволюции, что привело к развитию идеи социальных изменений. Второе — Кан-ювэй принял естественные науки в западных исследованиях, и с помощью которых, особенно туманностей Канта и Лапласа и ньютоновской механики, он вывел, что все вещи меняются, и что социальные системы и политические институты должны меняться в зависимости от ситуации. Цель этой работы состояла в том, чтобы обеспечить философскую основу для проведения государственных реформ.

Другой теоретической основой для реформ Кан-ювэя были «Три эпохи» эволюции и скачка. В 1891 и 1897 годах Кан-ювэй написал «Исследование подложных канонов Синьского учения» и «Исследование реформации Конфуция», используя изучение прошлого как форму «извилистой реформации» для устранения всех видов сопротивления реформированию общества.

Исследование «Реформы системы Конфуция» в духе работы «Чуньцю», книга подчеркивает необходимость создания «новой системы», соответствующей изменениям в обществе, как это делали великие мыслители династии Цинь. Однако основной целью было найти теоретическую основу для «внесения изменения» в систему государственного управления.

Кан-ювэй также опирался на успешный опыт Реставрации Мэйдзи в Японии, чтобы объяснить необходимость и неизбежность своих изменений законодательства и реформ, особенно в ответ на консервативную теорию «изменения инструмента, а не пути». Он утверждал, что только «кардинальное изменение», а не частичное, может разрешить национальный кризис и социальные противоречия.

Подводя итог, можно сказать, что процесс Кан-ювэя по конституционной реформе и модернизации страны привел к большому количеству теоретических инноваций, пропаганды и агитации, что впоследствии привело к действию «Меморандума прибывших на экзамены», а также оставил богатое и глубокое

накопление морской культуры в Южно-Китайском море.

(2) Культурная идеология конституционной реформы и модернизации Кан-ювэй.

«Меморандум прибывших на экзамены», Движение «Гунчэ шаншу» (1895 г., инициатор – Кан-ювэй). Фото картины предоставлено Музеем Чжухая

После длительного срока подготовки Кан-ювэй впервые отправился в Пекин в 1888 году, став свидетелем национального кризиса, вызванного поражением в китайско-французской войне, и, будучи «простолудином», решительно обратился с докладом к цинскому императору, выражая свои патриотические чувства и стремление провести конституционную реформу и модернизацию страны. Однако, его прошение не имело успеха

из-за сопротивления со стороны консервативных придворных чиновников.

В 1894 году Кан-ювэй и его ученик Лян-цичао снова отправились в Пекин, чтобы сдать императорский экзамен на государственную службу. 1895 год совпал с началом китайско-японской войны и крахом флота Бэйяна, а Ли-хунчжан отправился в Японию, чтобы подготовиться к подписанию Симоносекского договора, (неравноправный договор, заключённый между Японией и Китаем в 1895 году, по окончании Японо-китайской войны 1894–1895 гг.) который считается позорным и ущемил суверенитет цинской империи. Когда Кан-ювэй узнал об этом, он немедленно мобилизовал более 1300 цзюйжэнь (вторая из трёх учёных степеней в системе государственных экзаменов кэцзюй при дин. Мин и Цин) из 18 провинций, чтобы написать «Меморандум прибывших на экзамены» (т.е. «Второе письмо императору Цин»). По сути «Меморандум» стал коллективной петицией интеллектуалов, сдававших экзамен, предлагая «перенести столицу, отвергнуть мир и изменить закон». Тремя требованиями петиции были «перенести столицу, отвергнуть мир, изменить закон» и «строго исправить преступления придворных министров», что выражало патриотический пыл группы. Эта петиция потрясла суд и общественность, а Кан-ювэй стал лидером Движения реформ.

Но поскольку консервативные силы были мощны, неоднократные петиции Кан-ювэя и его соратников о немедленной конституционной реформе и модернизации так и не дошли до императора Гуансюй. Только в 1897 году Кан-ювэй обратился к императору с самым решительным призывом провести реформы, в противном случае император совершит ту же ошибку, что и Чунчжэнь, последний император династии Мин, который в итоге повесился на Угольном холме (ныне Цзиншань). В июне 1898 года император Гуансюй наконец назначил Кан-ювэя, Лян-цичао, Тань-ситуна и других для подготовки к проведению реформ. Таким образом, теория Кан-ювэя о конституционной реформе и модернизации, которую он готовил в течение нескольких лет, наконец, была реализована на практике, а сам он достиг вершины своей политической карьеры. Это движение, которое продолжалось 103 дня с 11 июня 1898 года по 21 сентября 1898 года и закончилось неудачей, известно, как «Реформы года у-суй» или «Реформы ста дней» и сыграло важную роль в современной истории Китая, особенно в развитии морской культуры провинций Гуандун и Гуанси. В Новой истории Китая это событие прославилось своими новаторскими, предприимчивыми и авантурными культурными идеями, которые были беспрецедентны и получили всеобщее признание.

Конституционная реформа и модернизация Кан-ювэя состояли из трех взаимосвязанных аспектов: культуры, экономики и политики.

В культурном аспекте он унаследовал и развил идеи Жунхуна и Чжэн-гуаньина, которые предлагали создать новые школы и отменить систему государственных экзаменов кэцзюй. Это была большая инициатива по разрушению феодальной системы образования. Кан-ювэй считал, что «сила Европы и Америки обусловлена талантами, а таланты приходят из школ».[117] Успех или поражение конституционной реформы и модернизации страны в определенной степени зависит от уровня интеллектуального развития народа. Поэтому мы должны отменить систему восьми сочинений государственных экзаменов, открыть новые школы и способствовать развитию науки, чтобы все 400 миллионов человек могли повысить уровень своего интеллекта. Если бы это было так, то реформы в Китае увенчались бы большим успехом в течение трех лет. И действительно, в период перемен в Пекине уже были созданы Столичные учительские палаты (наст. Пекинский университет, осн. 1898 г.), а в Гуанчжоу были созданы школа Гуанчжоу Шимин, начальная школа Сунье и женская школа в Жаопин, в других провинциях также шло строительство школ нового типа. Например, в 1897 году Гуйянская академия Сюэгу была преобразована в Академию Цзинши, а ее директор Янь-суй установил, что в учебный план академии входит «изучение праведности Конфуция и Мэнцзы, художественная литература, изучение Бань-гу и Сыма-цянь (авторы «Ханьшу» и «Шицзи»), а также изучение экономики Китая и Запада, но с преобладанием западной».[118] Школа Цзинши рассматривает конфуцианство Конфуция и Мэнцзы как каноны, а западные исследования — как апокрифические тексты. Взаимодействие этих двух направлений обеспечивает передачу конфуцианства и соблюдение ритуалов и морали, и в то же время подчеркивает уважение к западной культуре.

В Гуанси под влиянием второй волны лекций Кан-ювэя в Гуйлине и его прошения об проведении реформ, а также открытия школ нового образца, по всей Гуанси стали появляться учебные заведения нового образца. После того как Тан-цинсун, «старейшина» Гуанси, возглавил академию Цзингу, он реформировал содержание и учебный план академии, добавив два предмета: арифметику и текущую политическую обстановку. В 1899 году академия была преобразована в «Школу теории и практики», в которую было зачислено 100 студентов. Учебная программа была полностью реформирована, в нее были включены такие предметы, как политика, математика

и английский язык, и было подготовлено много кадров, отвечавших на вызовы эпохи, таких как Ма-цзюньву, Дэн-цзянь, Хуан-хунсянь, Цзэн-жу, Хэ-силин и Лю-ку, все они были самыми яркими представителями своего времени.

Кан-ювэй также выступал за отправку молодых талантов на учебу за границу и создание различных научных журналов и обществ, чтобы повысить уровень образованности народа и ускорить процесс конституционной реформы и модернизации страны. В частности, в таких областях, как «сельское хозяйство, промышленность, горное дело, машиностроение, которых у нас нет», большое количество молодых людей было отправлено на учебу в передовые индустриальные страны для «приобретения мировых знаний и развития полезных талантов».[119] Эти идеи Кан-ювэя дали толчок современному буму обучения за рубежом в Китае.[120] Согласно статистике, к 1903 году число студентов, обучавшихся в Японии, в Китае резко возросло с сотни в конце XIX века до 1300 человек[121], не считая прочих студентов, обучавшихся в Европе и Америке. Цинское правительство посылало иностранных студентов с целью поддержания своего феодального правления, но это дало обратный эффект, так как многие из них стали бунтарями и могильщиками Цинского правительства. Справедливо сказать, что такой расклад дел был тесно связан именно с реформами Кан-ювэя, в частности с его инициативой отправки большого количества молодых людей на учебу за границу.

В политическом отношении Кан-ювэй считал, что для того, чтобы «ликвидировать корень проблемы», нужно сначала определиться с «основными задачами государства» и решить фундаментальную проблему выбора политической системы. Его идеальной целью было создание конституционной монархии, в которой «правитель и народ обсуждают политические законы страны», то есть разделение властей. Три власти, а именно парламентская, исполнительная и судебная, должны были быть установлены, и тогда правительство будет готово.[122] Кан-ювэй хотел перенять японский опыт и пойти по пути Реставрации Мэйдзи, чтобы установить конституционную буржуазную монархию. Он извлек несколько основных уроков из «Исследований реформ Японии». Первый из них заключался в установлении трех полномочий для изменения системы правления. Первый заключался в установлении трех властей для изменения системы правления, при этом в режиме разделения властей были выделены законодательная, административно-управленческая и судебная системы. Кан-ювэй был убежден, что при разделении властей можно установить конституционную монархию.

Следующим шагом было создание «конституции», то есть «изменить конституцию страны, чтобы изменить основы». Изучив историю развития политического строя Японии, Кан-ювэй считал, что создание конституции является основополагающей частью изменения политической системы, и что конституция — это основной закон страны. Он надеялся, что в Китае также будет конституционная монархия в качестве платформы страны.

И снова речь шла о создании парламента для осуществления гражданских прав, Кан-ювэй неоднократно предлагал создать парламент западного образца, а после внимательного изучения Реставрации Мэйдзи в Японии он считал, что парламент должен быть законодательным органом и политическим представителем «прав народа», который имеет очень важный статус. Он рассматривал создание парламента в Китае важнейшей задачей в политической реформе.

В экономическом плане по всей стране были созданы торговые палаты, бизнес-школы и выпускали деловые газеты для продвижения новых экономических идей и преобразования старой экономической формы. С этой целью Кан-ювэй предложил создать «торговые палаты», издавать коммерческие газеты и упразднить феодальную систему ликин (внутренняя таможенная пошлина), чтобы обеспечить выход Китая на путь процветания и могущества. Эта идея вскоре была принята императором Гуансюем. Кан-ювэй также продвигал свою ведущую идею развития промышленности и торговли во благо развития национального капитализма. Кроме того, такие идеи и инициативы Кан-ювэя, как «защита народа», «на благо народа» и «обогащение народа» в его докладах и трудах были призывами к развитию национального капитализма и соответствовали требованиям общества того времени. Он разделял позицию тех, кто требовал конституционную реформу и модернизацию страны, что полностью демонстрировало его добрые намерения развивать национальную капиталистическую экономику в Китае.

Кроме того, выступая за развитие национального капитализма, Кан-ювэй также придерживался идеала единения общества для будущего Китая. Его книга «Книга о Великом единении» была основана на этой теоретической сублимации и, таким образом, нарисовала прекрасную картину желаемого единения для человеческого общества. Опубликованная после провала Реформы Ста дней, «Книга о Великом единении» представляла собой сочетание древних и современных идей. Однако «Книга о Великом единении» так и осталась на стадии идеала, она не была реализована и не смогла найти путь к достижению

«единого» мира.

В любом случае, роль Кан-ювэя как представителя буржуазного просвещения в современном Китае заключается в том, что он просвещал людей новыми идеями и весьма критически относился к феодальной системе, надеясь ввести в Китае конституционную монархию и политическую реформу. Он возлагал большие надежды на независимость китайской нации; верил в то, что, создание школ нового образца, отмена государственных экзаменов кэцзюй, подготовка кадров для строительства модернизированного Китая, а также реформы и принятие западной культуры смогут изменить жизнь народа к лучшему, а государство возродится. С этой целью он творчески сочетал различные культурные концепции, как древние, так и современные, чтобы сформировать свою идеологию буржуазного просвещения, которая имела широкое влияние и поэтому занимает уникальное место в истории современной китайской культуры, особенно в истории современной культуры Южно-Китайского моря.

4. Конституционная реформа и модернизация страны Лян-цичао и ее культурный вклад

Лян-цичао (1873–1929 гг. — китайский философ, историк философии, ученый, литератор, государственный и общественный деятель, один из лидеров либерального реформаторского движения в Китае конца XIX - начала XX вв), еще один знаменосец конституционной реформы и модернизации страны, по своим идеям, вкладу и влиянию был не менее влиятелен, чем Кан-ювэй. Он был ведущей фигурой в истории современной морской культуры юга страны и, как мастер по культурологии, представлял достижения и стиль современной морской культуры провинции Гуандун и Гуанси.

Лян-цичао, известный как Жуожу и как Жэн-гун, был уроженцем деревни Чакэн, поселка Сюнцзы, уезда Синьхуэй в провинции Гуандун. Его дед, Лян-яньхоу, был сюцай (ученая степень или звание при различных системах государственной аттестации учёных или чиновников до дин. Мин), но не захотел делать карьеру и всю жизнь проработал учителем в деревне. Отец Лян-цичао, Лян-ляньдун, был конфуцианским ученым, который был «наполовину фермером и наполовину конфуцианцем». В 12 лет его назвали «вундеркиндом», а в 17 лет он прошел императорский экзамен и был настолько впечатлен экзаменатором Ли-дуаньфеном, что выдал ему в жены свою младшую сестру по имени Хуэйсянь. Всю свою жизнь Лян-цичао посвятил

реформам и модернизации, изучал китайскую и западную науку, оставил глубокий след и выдающиеся достижения во многих областях, стал выдающимся мастером по культурологии на земле провинции Гуандун.

Фото Лян-цичао. Предоставлено Музеем Гуанчжоу

В 1898 году, когда Лян-цичао снова поехал в Пекин на экзамен государственной службы, он принял участие в Движении «Меморандум прибывших на экзамены», инициированном Кан-ювэем, и был внесен в список первым, и с тех пор «Кан и Лян» стали называться вместе, и всегда ассоциировались с конституционной реформой и модернизацией страны. До этого Лян-цичао часто публиковал свои критические статьи в защиту реформ в газете «Современные дела». Его статьи были очень вдохновляющими. По его собственным словам, перо было равноценно ста тысячам ружей Маузера. Губернатор Хунани Чэнь-баожэнь пригласил его работать главным лектором Хунаньской академии современных дел, что привело к просвещению народа Хунани и открытию большого числа образованных лиц, которые позже вышли из провинции Хунань и обучили большое количество студентов с прогрессивными идеями. Например, среди них был Цай-сунпо,

который превратил провинцию Хунань в колыбель современной революции. Когда реформа «Реформы года у-суй» (1898 год) («Сто дней реформ») провалилась, он и Кан-ювэй отправились в изгнание в Японию, а «Шесть благородных мужей (года) у-суй» (Шестеро казненных в 1898 году деятелей политического курса «Ста дней реформ», включая Тань-сытун, Лю-гуаньди, Ян-жуй, Кан-гуанжэнь, Линь-суй, Ян-шэньсю) героически пали и оставили после себя слова: «Я надеюсь, что Кан-ювэй и Лян-цичао, находившиеся в бегах, будут защищены такими людьми, как Чжан-цзянь, когда они бросятся в бегство. Я надеюсь, что мои товарищи будут такими же, как Ду-гэн, который, рискуя жизнью, ждал возможности завершить великую задачу по конституционной реформе и модернизации страны». Именно эти слова вдохновили более поздних революционеров на борьбу за свержение цинского режима. Во время своей ссылки в Японию Лян-цичао обобщил уроки провала Стодневного реформаторского движения и основал в 1902 году журнал «Синьминь», издавая «Об обновлении народа» и создавая новые теории, чтобы начать яростную атаку на мракобесие, вызванное феодальной диктатурой. Как культурный гигант, Лян-цичао много писал, оставив после себя труды объемом 14 миллионов иероглифов, включая философию, историю, литературу и экономику, и создал монументальный памятник в истории китайской культуры. Вклад Лян-цичао в реформу был в основном в двух областях.

Основные теории и идеи конституционной реформы и модернизации Лян-цичао включали отмену феодальной диктатуры, введение конституционной монархии, открытие новых школ, развитие национальной промышленности и торговли, создание прессы, поощрение свободы слова, стимулирование исследований в области естественных наук и изобретательства. В первые дни реформы он развернул широкую критику феодальной диктатуры. По его мнению, за тысячелетнюю историю Китая мало что изменилось в мышлении, обычаях, литературе и артефактах, за исключением «эволюции самодержавия, которая настолько изысканна и совершенна, что ни одна страна в мире не похожа на нашу. Единственное, что эволюционировало, — это самодержавие, и мы можем представить себе масштабы прогресса нации».[123] Здесь Лян-цичао четко указал на давние и глубоко укоренившиеся особенности китайской авторитарной политики, а также нечетко проанализировал причины истории авторитарной политики.

На основе изучения истории самодержавия Лян-цичао понял, что «главная суть» феодального правления лежит не в отдельном монархе, а в самодержавной системе правления. Поэтому

ключ к антифеодализму лежал не в устранении монарха, а в устранении самодержавной системы правления. Такое понимание имело огромное значение в истории китайской политической мысли того времени. Но явное противоречие Лян-цичао между его стремлением изменить самодержавие и нежеланием вообще отменить монархию отражало позицию буржуазных реформаторов и слабость класса, который он представлял.

Когда Лян-цичао обсуждал конституционную монархию в конце «Реформы ста дней», он придерживался принципа «народовластия» и четко определил его как ядро конституционной монархии. В ответ на старую концепцию феодальной династии, которая была унаследована в Китае на протяжении тысячелетий, Лян-цичао четко выдвинул новую буржуазную концепцию народа как государства. Основополагающим символом национального государства было создание конституции для защиты народной собственности и ограничения власти монарха.

Лян-цичао считал конституцию основным законом государства, а главной функцией конституции — изменение диктатуры «неограниченной власти» на конституционную систему правления «ограниченной власти» и использование конституции для ограничения власти монарха. Он особо подчеркнул важность включения в конституцию гражданских прав как гарантии ее реализации. Кроме того, идея Лян-цичао о том, как ограничить власть монарха в конституционной монархии, как отразить в конституции доминирующее положение национальных субъектов, приобретение и использование прав свободы, а также как реализовать конституционную монархию и превратить феодально-автократический Китай в конституционную монархию буржуазии, позволила ему быть великим знаменосцем смены и реформы государственного строя.

Учитывая серьезные последствия тысячелетней феодальной диктатуры в Китае, Лян-цичао отметил, что с развитием мирового морского транспорта конкуренция между странами стала неизбежным фактом. Ключ к национальной силе и слабости, то есть успех или неудача национальной конкуренции, зависел от общего качества народа, особенно от национального духа. Историческим фактом является то, что после Опиумной войны Китай неоднократно терпел поражения, возникали различные реформаторские движения, но все они наполовину проваливались. Причина этого кроется именно в различных пороках и недостатках национального духа.[124]

По этой причине Лян-цичао поднял знамя критики и напрямую

обратился к проблеме рабства среди масс. В своем эссе «О самоуважении» он утверждал, что рабская натура является основной характеристикой китайского национализма. Независимо от их статуса или уровня образования, все люди запятнаны раболепием. Это и рабство перед законами Неба, и рабство перед древними, и рабство перед миром, и рабство перед похотью. Опасность рабства заключается не только в том, что тело управляется и порабощается другими, но и в том, что весь национальный дух пропитан этим элементом самоуничтожения, который подавляет индивидуальность человека и вызывает полную утрату его духовности, тем самым полностью перекрывая источник национального творчества и социальной эволюции, что было еще более серьезно.

Он справедливо отметил, что рабство рабов исходит как от феодальных мракобесов, так и от неосознанности самого человека, попавшего в ловушку саморабства; саморабство в сознании страшнее, чем рабство, созданное другими. Поэтому, по его мнению, если люди хотят обрести истинную свободу и устранить рабство, «они должны начать с устранения рабства из своего сердца».[125] Критика Лян-цичао рабства в Китае на протяжении веков стала предвестником движения «Новая культура», у истоков которого, вероятно, стояли провинции Гуандун и Гуанси.

Вера и понимание Лян-цичао в теорию эволюции привели к распространению и возникновению чувства «конкуренции», которое он считал фундаментом социального прогресса и непреодолимым естественным законом. Когда теория эволюции была представлена в Китае, китайская нация находилась в международной среде «борьба за выживание» и «мясо слабого-пища сильного», и именно на этом фоне Лян-цичао предложил концепцию «конкуренции» с намерением предупредить нацию о необходимости проведения реформ, иначе она столкнется с угрозой национального исчезновения. В 1192 году Лян-цичао опубликовал свое эссе «Об обновлении народа» в журнале «Синьминь», в котором с уверенностью показал, что отсутствие конкуренции в китайском обществе привело к отсутствию общественного восприятия, неясным мнениям о внешнем мире, отсутствию правил и зависти, что повлияло на развитие «новых идей, новых знаний и новых умений». Чтобы адаптироваться к конкуренции, Лян-цичао считал, что необходимо поощрять предприимчивость и дух авантюризма. Он также приводил примеры кругосветного путешествия Колумба и Магеллана, чтобы проиллюстрировать, что, только рискуя, можно открыть новые миры. Люди должны обладать духом первопроходца: «делать то, что мир не смеет делать, и быть тем, кем мир не

смеет быть», что как раз и является культурным стилем морской культуры.

Лян-цичао формирует общественное мнение для конституционной реформы и модернизации. Пропаганда Лян-цичао самоуважения и индивидуальности, а также его противостояние феодальной диктатуре помогли сформировать общественное мнение для изменения закона и реформ. Феодальная диктатура породила рабство, и чтобы стать свободным, нужно было развивать в человеке и народе в целом чувство самоуважения. Но в то время китайскому народу не хватало самоуважения, его национальное достоинство было попрано, а национальный характер оскорблен, что было нетерпимо. Лян-цичао подчеркивал, что для того, чтобы иметь самоуважение, человек должен сначала быть самодостаточным, включая «самотруд и самоуправление» в экономике, «самовоспитание и самосовершенствование» в академической сфере, и «самоответственность» в плане нравственного воспитания и принятия на себя интересов общества в качестве собственной ответственности.

Лян-цичао также делал особый акцент на правах человека и равенстве — книга о правах человека в китайском стиле начала XX века. Как просветительский журнал, «Синьмин» имела пиковый тираж 14 000 экземпляров и продавалась во всех провинциях и городах Китая и даже за рубежом. В книге «Великий поход в 25 тысяч ли (Китайской Красной Армии в 1934–1935 гг.)» говорится, что «[Мао Цзэдун] перечитывал ее, пока не смог почти выучить наизусть». Очевидно, что просвещение и влияние Лян-цичао были настолько велики, что его мысли и исторические достижения, естественно, являются и заслугами и вкладом морской культуры Южно-Китайского моря в развитие человечества.

5. Теория демократической революции Сунь-ятсена

В своей статье «В память о господине Сунь-ятсена» Мао Цзэдун сказал: «Памяти господина Сунь-ятсена, великого предшественника революции! Память о нем за его острую борьбу против китайских реформаторов в подготовительный период китайской демократической революции, за его ярко выраженную китайскую демократическую позицию. Он был знаменем китайских демократов в этой борьбе. Помните его заслуги в руководстве народом в свержении имперского режима и установлении республики вовремя Синьхайской революции. Отмечайте его большие заслуги в развитии старых «трех народных принципа» в новые три принципа народа

во время первой Коммунистической партии».[126] Высокая оценка Мао Цзэдуном достижений Сунь-ятсена — это признание современной культуры южных провинций с точки зрения Сунь-ятсена как великого сына китайского народа. Фактически, признание Мао Цзэдуном двух великих мудрецов линьнаньской культуры, один из них — Шестой патриарх Хуэйинэн (патриарх китайского чань-буддизма 638–713 гг.), а другой — Сунь-ятсен,[127] также является данью уважения морской истории и культуре Южно-Китайского моря.

Сунь-ятсен (1866–1925 гг.) носил имя Вэнь, Жысин, позже переименовался в Ятсень, и был известен как «Чжуншань Цяо» после своей революционной деятельности в Японии в 1887 году. Получив частное образование в родном городе, он отправился в Гонолулу, Гонконг и Гуанчжоу, чтобы получить образование западного образца. Постепенно он осознал коррупцию и некомпетентность феодальной диктатуры династии Цин, и прогресс западного капитализма, и был полон решимости свергнуть правительство Цин революционным путем с целью создать буржуазную республику. Для осуществления революционной борьбы всей своей жизни он написал самую славную главу морской культуры юга страны в теории и на практике, и представлял собой высшее достижение современной морской культуры. Идеологические и культурные достижения Сунь-ятсена в основном проявляются в следующих аспектах:

(1) Эволюционная теория натурализма. Под влиянием западных мыслителей эпохи Просвещения Канта, Лапласа и теории эволюции Дарвина Сунь-ятсен разделил эволюцию мира на три этапа, от низшего к высшему. Первый этап — это материальная эволюция, то есть период, когда была образована вся Вселенная. Сунь-ятсен отмечал: «Земля изначально была газом, а солнце изначально было единым целым. Вначале и солнце, и газы находились в воздухе, образуя туманность, а когда солнце сжалось, многие газы отделились и со временем сконденсировались в жидкость, а затем жидкость затвердела в камень».[128] Второй этап представляет эволюцию материи до определенного момента, когда мир вступил в стадию эволюции человеческого вида. Сунь-ятсен считал, что клетка была основным элементом всех растений и животных и являлась первоначальным истоком жизни. В то же время он принял теорию природных знаний и врожденных способностей Мэнцзы, полагая, что клетка обладает сознанием и способностью к познанию, поэтому его понимание эволюции видов было окутано тайной материализма. Третий этап — появление человека, высшая ступень в эволюции мира. С одной стороны, Сунь-ятсен

был убежден, что человек постепенно эволюционировал из животного мира; с другой стороны, он считал, что человеческое общество развивалось иначе, чем животный мир, не по принципу конкуренции за выживание и выживания сильнейшего, а по определенному принципу взаимопомощи. Этот принцип коренится в природе человека. Сунь не соглашался с доктриной классовой борьбы для понимания социальной эволюции.[129] Эта натуралистическая теория эволюции стала философской основой для его реформы и преобразования общества на передовую ступень.

Что касается отношений между теорией и практикой, т.е. знанием и действием, Сунь-ятсен обобщил идеологии Востока и Запада, отстаивая мнение о том, что «действовать всегда легко, но понять суть действия — трудно». Он выступал против мнения, что «любое действие должно осуществлять только после тщательного обдумывания», придавал особое значение значению практики, утверждая, что «знание можно получить и в самом процессе действия». Морская культура Южно-Китайского моря подчеркивает культурный характер практической работы, а не рациональных обсуждений, и дух смелого исследования на практике. Это было использовано для руководства революцией, то есть мужество никогда не сдаваться, дух постоянно начинать вооруженные восстания и никогда не сдаваться, пока не будет достигнута победа, что было подтверждено во многих вооруженных восстаниях до и после Синьхайской революции.

Исходя из его понимания значения «знания» и «действия», уровень познания Сунь-ятсен намного превышал уровень и сферу, достигаемые традиционной концепцией знания и действия. Это нашло отражение в его революционной практике, в которой он организовывал борьбу, извлекал уроки для следующей борьбы и в конечном итоге добился победы в Синьхайской революции, свергнув режим Цин и установив Китайскую Республику, что свидетельствует о великом триумфе философского мышления Суня. С точки зрения духа морской культуры Южно-Китайского моря, философия Сунь-ятсена действительно отражает новаторский, прагматичный, авантюрный и задающий тенденции культурный характер морской культуры Южно-Китайского моря.

(2) От «мирных реформ» к насильственной революционной идеологии. Принято считать, что революционная идеология Сунь-ятсена прошла определенный путь развития: от провала его ранней «мирной реформы» до понимания им реакционной природы правительства, прежде чем он создал свою революционную

идеологию свержения цинского правительства путем насильственной революции. В 1894 году Сунь-ятсен написал свое знаменитое «Письмо Ли-хунчжану», надеясь, что влиятельные ханьские правящие круги поддержат его программу социальных реформ. Однако Ли-хунчжан не отнесся к этому вопросу серьезно и не направил письмо цинскому правительству. Когда его петиция провалилась, Сунь-ятсен решил вернуться в страну, понимая, что «закон мира больше не может применяться», и твердо решил свергнуть цинскую власть правительством «принудительным образом». В августе 1894 года Сунь-ятсен основал «Общество возрождения Китая» (китайская революционная организация, созданная Сунь Ятсеном в 1894 году), которое впервые предложило «изгнать далу (устар. презрительное наименование этнических меньшинств на севере Китая; в начале XX века подразумевало главным образом маньчжуров), возрастить Китай и создать единое правительство».[130] В феврале следующего года штаб-квартира Общества была учреждена в Гонконге. С основанием Общества и созданием его конституции революционные цели Суня и способы насильственного восстания против династии Цин были уже ясны: «Китайская нация непременно побудит сознание всех соотечественников численностью 400 миллионов человек, и те должны подняться и навсегда свергнуть династию Цин, а затем установить республиканскую систему правления».[131] Для достижения этой цели Синхайская революция под руководством «Общества возрождения Китая» Сунь-ятсена (включая более поздний «Объединенный союз») заставила императора Цин отречься от престола и установила Китайскую республику. Это был триумф идеологии вооруженной революции Суня. С точки зрения культуры, это был знак трансформации идеологии «мирных реформ» Сунь-ятсена в идеологию насильственной революции и результат созревания последней.

(3) Основание Объединенного союза и программа демократической революции. В 1905 году Сунь-ятсен объединил антицинские революционные группы в Японии и основал Объединенный союз в Токио 30 августа того же года. Был принят Устав Объединенного союза, Сунь-ятсен был избран премьером, назначены министры, и начала выходить газета «Минбао» в качестве органа Объединенного союза. Создание «Объединенного союза» ознаменовало рождение единой политической партии китайской буржуазии и мелкой буржуазии, что имело эпохальное значение.

Сунь-ятсен впервые выдвинул в своем «Послании в газете «Минбао» программу из шестнадцати иероглифов, обозначающих

«изгнание маньчжуров, восстановление Китая, основание республики и уравнивание прав человека в стране». Эта программа была обобщена в «Трех народных принципах», а именно: национализм, гражданские права и средства к существованию народа. Национализм — это свержение феодальной диктатуры, а не расовая революция; гражданские права — это политическая система для установления республики, которая была основой политической революции; а средства к существованию народа — это «равенство прав человека в государстве» во избежание возможных «социальных революций» в будущем. Сунь-ятсен стремился установить буржуазный строй в стране в стиле Соединенных Штатов и Франции, и сделать шаг вперед по сравнению с идеей конституционной монархии Кан-ювэя и Лян-цичао.

Формирование стратегической идеи создания революционных баз. Все крестьянские восстания в Китае называли «бродячими разбойниками», потому что они не создавали баз. Сунь-ятсен усвоил этот урок из истории и считал, что революция должна создать базовые районы, что было великой стратегической идеей. Это была великая стратегическая идея, инновация в революционной культуре, которая имела огромное значение как в теории, так и на практике. Сунь-ятсен считал, что для реализации своей амбициозной программы «изгнания маньчжуров, восстановления Китая и создания единого правительства» ему необходимо выбрать Гуандун в качестве форпостом для развития революционной силы и захвата национальной власти путем вооруженных восстаний. Сунь-ятсен выбрал Гуандун в качестве базы для революции, исходя из его удаленности от политического центра династии Цин, выгодного географического положения, которое облегчало транспортировку оружия, свободы передвижения, хорошей массовой базы, раннего культурного обмена с Западом и сильных демократических идей. Это мудрое решение Сунь-ятсена было доказано последующими революционными победами. С момента первого восстания в Гуанчжоу 9 сентября 1895 года до восстания Хуанхуаган в Гуанчжоу 27 апреля 1911 года было десять восстаний, шесть из которых произошли в Гуандуне, два в Гуанси, одно в Юньнани и по одному в Люяне и Пинсяне между Хунанем и Гань, — практически все произошли в бассейне Жемчужной реки, с центром в Гуандуне. В частности, в столице провинции Гуанчжоу за десять лет произошло три восстания, все они потерпели неудачу, но решимость Сунь-ятсена с каждым разом становилась все сильнее, и он был убежден, что восстание в Гуанчжоу было большим потрясением и имело мировое значение.

Например, в феврале 1910 года, после провала восстания Новой армии в Гуанчжоу, революционеры чувствовали, что находятся в трудном положении, и с пессимизмом смотрели на будущее. Однако, Сунь-ятсен правильно проанализировал ситуацию, считая, что «возможность созрела» и что «одного поражения недостаточно, чтобы обескуражить нас. Наше положение, в котором мы оказались после поражений в прошлом, когда от нас отвернулся весь мир, в сто раз труднее, чем сегодняшнее».[132] Через год или около того Хуанхуаганское восстание 1911(вооруженное восстание 27 апреля в г. Гуанчжоу с целью свержения в Китае власти маньчжурской династии Цин) в Гуанчжоу было неудачным, но всего через шесть месяцев восстание в Учане увенчалось успехом, правительство Цин пало, и революция свершилась. Идея Сунь-яйсена о создании революционных баз оказалась очень важной для формирования общего положения революционного пути. Вооруженная революционная борьба против контрреволюционной вооруженной борьбы была фундаментальным принципом современной демократической революции. Фундаментальное отличие Сунь-яйсена от реформистов заключалось в том, что он настаивал на революции, выступал против роялизма и реформ сверху вниз, именно поэтому вооруженное восстание стало непоколебимой верой Сунь-яйсена и ключом к его победе. В смысле концептуальной культуры, руководящая идеология десяти вооруженных восстаний отражала материалистическое мировоззрение и позицию Сунь-яйсена, особенно то значение, которое он придавал роли человеческой группы. С первых дней, когда Сунь-ятсен опирался на горстку людей из Общества возрождения Китая, уделял внимание мобилизации Новой армии партии и, наконец, опирался на рабочих и крестьян, его руководящим принципом вооруженного восстания оставалось придание важности вопросу народа[133], что было очень важным культурным скачком.

(4) Переосмысление Сунь-ятсеном «Трех принципов народа». В 1905 году Сунь-ятсен впервые выдвинул в «Мин бао» («Вводная статья») инициативу «изгнание маньчжуров, восстановление Китая, создание Китайской республики и уравнивание прав в стране» в качестве платформы деятельности Объединенного союза, и обобщил ее как национализм, гражданские права и средства к существованию народа, т.е. «Три народных принципа», которые эффективно руководили Синьхайской революцией, революционеров призывали к неустанной борьбе за достижение целей, изложенных в «Трех народных принципах», что привело к победе Синьхайской революции. Однако в силу сложных исторических причин плоды Синьхайской

революции вскоре попали в руки Юань-шикая, главы бэйянских военачальников. Сунь-ятсену пришлось организовать Вторую революцию, но многие революционные попытки потерпели неудачу. Находясь в сложном положении Сунь-ятсен нашел Коммунистическую партию Китая и установил сотрудничество с ней, чтобы вновь поднять революционное знамя и продолжить борьбу. Для этого требовалась новая революционная программа. На этом фоне Сунь Ятсен «пересмотрел текущую ситуацию в стране, по-новому истолковал Три народных принципа и реорганизовал весь Гоминьдан». 20 января 1924 года в Гуанчжоу состоялся Первый национальный съезд Китайской националистической партии с участием членов Коммунистической партии Китая, на котором Сунь-ятсен предложил три основных направления политики: «сотрудничество с коммунистической Россией, объединение силы рабочего класса и помощь крестьянам и рабочим», завершив идеологический скачок от старых Трех народных принципов к Трём новым народным принципам. С точки зрения концептуальной культуры, это была новая сублимация идеологии и культуры Сунь-ятсена и представляла собой новый ценностный ориентир развития морской культуры Южно-Китайского моря в новой ситуации.

В октябре 1917 года рабочий класс России под руководством В. Ленина добился свержения буржуазной диктатуры в лице царя и установил первую в мире социалистическую республику под диктатурой пролетариата. Это было беспрецедентное событие в истории человечества, которое потрясло мир и послужило ярким примером для пролетариата и его партий во всех странах.

Сунь-ятсен тщательно обобщил уроки, извлеченные из провала Синьхайской революции, и предложил «Союз с Россией» в качестве первого элемента новых Трех принципов народа, то есть «братство России в качестве примера» и «учиться у России». Современная история показывает, что империализм постоянно вмешивался в китайскую революцию и поддерживал внутренних реакционеров в подавлении революционных сил, начиная с Тайпинского движения, Реформы года у-суй, Боксерского восстания и заканчивая рядом столкновений до и после Синьхайской революции, империализм был на стороне контрреволюции. Это заставило Сунь-ятсена осознать важность «союза с Россией». Он сказал: «Злые силы контрреволюции существуют благодаря империалистическому крылу». Это был болезненный урок в жизни Сунь-ятсена. Он всю свою жизнь учился у Запада и путешествовал между Востоком и Западом ради революции, но не смог завершить ее и вместо этого был угнетен империализмом, что заставило его принять опыт Октябрьской революции в России. Сунь-ятсен сказал, что

будучи в Японии, он хотел превратить Гоминьдан в подлинно революционную партию в Японии, он не смог этого сделать, потому что ему не с кого было брать пример. После Октябрьской революции у него появилась возможность использовать «российский путь в качестве образца». В рукописной записке Чан-кайши Сунь-ятсен четко заявил: «Будущая революция не будет совершена, если мы не возьмем за образец Россию».

Что касается опыта российской пролетарской революции в преобразовании Китая, то Сунь-ятсен считал, что в первую очередь необходимо использовать силу международного пролетариата для поддержки китайской революции, чтобы ускорить освобождение Китая. Во-вторых изучить опыт Ленина по руководству Октябрьской революцией в строительстве партии, армии и советской власти, а также перенять опыт России по строительству партии для реорганизации Гоминьдана. Далее, следует использовать опыт России по строительству Рабоче-крестьянской Красной армии для строительства Академии Хуанпу (создана Сунь-ятсеном в сотрудничестве с коммунистами в мае 1924 близ Гуанчжоу), а также перенять опыт России по опоре на пролетариат в захвате власти для помощи крестьянам и рабочим. В целом, Сунь-ятсен, что изучение опыта Октябрьской революции под руководством В. Ленина в России станет путем к успеху для китайской революции в завершении борьбы за избавление страны от военачальников и империалистического гнета.

Вторым элементом новых «Трех народных принципов» стало «сопряжение с коммунистами». Это результат размышления над другим уроком, который Сунь-ятсен извлек из провала Синьхайской революции. Все это заставило Сунь-ятсена почувствовать, что Гоминьдан вырождается и должен быть реформирован с помощью новой крови, поэтому он должен был объединиться с Коммунистической партией Китая и позволить коммунистам вступить в Гоминьдан. Он заявил, что «Гоминьдан должен быть реорганизован в мощную и дееспособную политическую партию», чтобы привести революцию к победе. Во время Первого национального съезда Гоминьдана он преодолел оппозицию внутри Гоминьдана против участия Коммунистической партии в Гоминьдане и завершил первое сотрудничество Коммунистической партии, которое имело большое историческое значение и способствовало развитию революционной базы в Гуандуне, а также победе Восточной экспедиции и Северной экспедиции. Это был ключевой элемент сотрудничества между КПК и Гоминьданом и результат совместных усилий двух партий в ответ на революционную тенденцию.

Третьим элементом Новых трех народных принципов была помощь крестьянам и рабочим. Такой подход также был результатом переосмысления Сунь-ятсеном над провалом Синьхайской революции. После провала предыдущих вооруженных восстаний Сунь-ятсен понял, что опора на крестьян и рабочих является залогом к успеху. Он предложил создать отдел крестьян и рабочих, организовать семинары крестьянского движения и крестьянскую ассоциацию для руководства крестьянским движением. На церемонии окончания первого семинара крестьянского движения он сказал: «Если крестьяне не присоединятся к революции, у нас не будет основы для революции» и «Если эта основа не будет укреплена, наша революция потерпит неудачу». Сунь-ятсен особенно подчеркнул необходимость реализации программы «земля принадлежит земледельцам» для решения основных интересов крестьян, чтобы можно было организовать крестьянские ассоциации и мобилизовать крестьян на участие в революционном движении. Пэн-пай, студент первого семинара по крестьянскому движению, вернулся в свой родной город Хайфэн и начал активно принимать участие в крестьянском движении, которое потрясло всю страну. Возглавляемая им крестьянская армия сыграла огромную роль в Восточном походе и стала знаменем для крестьянского движения по всей стране.

Что касается рабочего класса, Сунь-ятсен активно поддерживал рабочее движение, учитывая тот факт, что современное промышленное развитие Китая создало группу промышленных рабочих. Он назначил Ляо-чжункая главой рабочего отдела, указав, что рабочие «могут быть проводником всей страны и авангардом нации», и призвал китайских рабочих учиться на российском опыте и быть авангардом страны для революции. В период правления Коммунистической партии рабочее движение в Гуанчжоу было в самом разгаре, в различных отраслях города было создано более 130 профсоюзов. В забастовке Шамянь в Гуанчжоу и всеобщей забастовке провинциальных рабочих представители рабочего класса Гуанчжоу и Гонконга были главной силой и пионерами движения, нанесли сильный удар по империализму и контрреволюционным силам и вписали великолепную главу в историю китайского рабочего движения. Победоносные достижения крестьянского и рабочего движения в Гуандуне полностью подтвердили замечательную дальновидность и верность идеи Сунь-ятсена об опоре на крестьян и рабочих.

Трансформация идеологии Сунь-ятсена от старых «Трех народных принципов», опубликованных в «Минбао» в 1905 году, когда была основан Объединенный союз, до новых

«Трех народных принципов», выдвинутых на Национальном конгрессе Гоминьдана в 1924 году, была плодом слияния китайской и западной мысли и культуры. Сунь-ятсен хорошо знал это, и в своей «Истории китайской революции» он писал: «Доктрины, которых я придерживаюсь в своем стремлении к китайской революции, есть те, кто унаследовал идеи нашей страны, те, кто следовал доктринам и поступкам Европы, и те, кто был создан моим уникальным видением». Другими словами, «Три народных принципа» имеют три источника: во-первых, они основаны на сущности китайской национальной мысли; во-вторых, они основаны на лучших элементах западной культуры, которые мы можем перенять в качестве опыта; и в-третьих, они основаны на китайских национальных реалиях и личном опыте. Эти три составляющие были объединены в его собственную идеологическую систему. Здесь Сунь-ятсен был не только свободен от неприятия прошлого, но и отличался от популярной тенденции «возврата» к восточной культуре и «тотальной вестернизации». Как сказал Сунь-ятсен в своей статье «Конкретный подход к Трех народным принципам»: «Три народных принципа, отстаиваемые моим братом, на самом деле являются собранием доктрин древнего и современного мира». Иными словами, «Три народных принципа» — это лучшая сноска на слияние лучшего из китайской и западной культур. Это также культурная инновация. Сунь-ятсен сочетал лучшие элементы различных культур в одно целое и усовершенствовал их, чтобы сформировать новую теорию, которой и являются Три народных принципа. Это общая черта и общее правило в развитии современной морской культуры в Южно-Китайском море, начиная с Небесного царства Тайпинов, Реформации Кан-Лян и заканчивая Синьхайской революцией, все они оставили свой след сочетания восточного и западного, как в идеологическом, так и в практическом отношениях. Однако и старые, и новые три народных принципа — это теоретические системы, сформировавшиеся на определенном этапе исторического развития, и они не вечны, напротив, по мере развития революционной ситуации в них постоянно вносились поправки и дополнения, чтобы приспособиться к меняющейся ситуации, так что созданные теории постоянно развивались до совершенства. Новые три народных принципа Сунь-ятсена были продуктом этого непрерывного процесса развития и совершенствования и являются представителем современного развития морской культуры в Южно-Китайском море. Конечно, «Новые три народных принципа» Сунь-ятсена как теоретическое руководство в итоге не смогли выполнить задачу современной китайской революции. Это является результатом ряда сложных факторов и обстоятельств, и в

это смысле нельзя опровергать «Три народных принципа». К счастью, китайские коммунисты унаследовали незаконченное стремление Сунь-ятсена и нашли более высокую теоретическую основу, чем «Три народных принципа», — марксизм, как истину революционного спасения, и привели партию и всю нацию к великой победе Новой демократической революции и созданию Китайской Народной Республики, что является неизбежным результатом исторического развития и очередным великим достижением развития современной морской культуры Южно-Китайского моря.[134]

Раздел 4. Формирование культуры китайцев, живущих за границей (хуацяо) и ее вклад в национальную и мировую культуру

Культура китайцев, живущих за границей (хуацяо) — это продукт обмена и интеграции китайской культуры с культурой стран, в которых приезжие китайцы живут на постоянной основе. Некоторые из них возвращаются в свои родные края для организации бизнеса, строительства учебных заведений, больниц и других благотворительных проектов, влияя или изменяя местный культурный ландшафт или структуру, и в то же время распространяя родную культуру за границей. Эта особая культура, которую развивают и распространяют китайцы, называется «китайской культурой хуацяо». Как особая категория китайской культуры, она сформировалась после Опиумной войны. Хуацяо — это особая социальная группа, которая живет за границей, но корнями уходит на родину. С одной стороны, эти китайцы сохраняют свой родной язык, национальные обычаи, этику и ценности и имеют глубокие корни в своей собственной культуре; с другой стороны, они глубоко пропитаны культурой места постоянного жительства за границей, принимая и впитывая местную разнообразную культуру и включая ее элементы в родную культуру. Поэтому китайская культура хуацяо имеет как внутреннее, так и внешнее происхождение, обладает очевидными кросс-культурными и кросс-региональными характеристиками, находясь на грани двух или более региональных культур внешне и по содержанию. Однако для определенной региональной культуры в Китае она является продолжением и пространственной оккупацией этой культурной системы за рубежом, как, например, культура провинций Гуандун и Гуанси, у которой есть зарубежные китайские общины. Китайская культура хуацяо также имеет ярко выраженный смешанный межнациональный характер,

будь то в плане землепользования, архитектуры поселений, языка и письменности, обычаев, одежды или даже поведения и мышления, и либо отличается от местной культуры, либо глубоко в нее вплетена. Это результат трансплантации родной культуры в регионе постоянного проживания. Большое количество зданий в западном стиле, возведенных в заморских китайских городах Уйи, Мэйчжоу и Чаошань в Гуандуне, плантации каучука и тропических культур, разбросанные на Хайнане и полуострове Лейчжоубаньдао, английский и малайский диалекты, на которых говорят в разных местах, — все это свидетельствует о сочетании восточного и западного в китайской культуре и указывает на то, что китайская культура хуацяо является неотъемлемой частью морской культуры Южно-Китайского моря.

1. История миграции китайцев из северного побережья Южно-Китайского моря в заморские страны

Жители северного побережья Южно-Китайского моря издавна мигрировали за границу по морю, распространяя китайскую культуру и внедряя зарубежную на родину. История этого двустороннего культурного обмена никогда не прерывалась, но в соответствии с изменениями политическими и экономическими обстановками в мире, особенно с различиями во внутренней и международной миграционной политике с течением времени, история миграции жителей северного побережья Южно-Китайского моря, в основном Гуандуна, за границу через Южно-Китайское море является долгой и непрерывной, но период Новой истории является высшей точкой формирования китайской культуры Хуацяо.

(1) Этап свободной эмиграции. Это относится к периоду от династий Цинь и Хань до середины правления династии Мин, когда народ провинций Гуандун и Гуанси в течение почти 1800 лет свободно мигрировал за границу. Южане в полной мере использовали выгодное географическое положение Южно-Китайского моря, свою экономическую и культурную мощь, а также возможность бежать от войны, торговать на море и зарабатывать на жизнь.

В период династий Цинь и Хань открытие морского Шелкового пути в Южно-Китайском море, портами отправления которого были Сюэнь и Хэпу, неизбежно сделало эмиграцию южан за границу возможной, но местная историческая хроника довольно скудна, и трудно описать конкретных людей и события. Хотя в «Ханьшу: Географические описания» четко записано, что

при династии Хань группа переводчиков, купцов и моряков была отправлена двором в различные части Юго-Восточной Азии и Индийского океана по морскому шелковому пути, нет никаких сведений о том, что кто-то из них остался в этом регионе. Однако, по словам исследователя Ян Хао из Гуандунского музея, посетившего в последние годы Сурабая, Семаранг и Бали в Индонезии, он обнаружил, что в музеях этих районов выставлены кантонские бронзовые барабаны династии Хань, причем большинство из них произведено в Гуанси, а в некоторых деревенских домах вырезаны тотемы лягушек, которым поклонялся древний народ юэ из провинций Гуандун и Гуанси, а также хижины на деревьях (у инородческих племён Южного Китая) в том же древнем стиле юэ и т.д. Считается, что более двух тысяч лет назад, наши люди, особенно из Гуандуна и Гуанси, мигрировали в Индонезию[135] или посредством коммерческой торговли распространили культуру провинций Гуандун и Гуанси за границу, оставив после себя исторические реликвии, которыми восхищается современное поколение.

Во времена династии Тан Гуанчжоу стал крупным мировым торговым портом, отправной точкой «Гуанчжоуского морского прохода», что привело к образованию «кварталов расселения иностранцев», поселения в Гуанчжоу с преобладанием арабов, а также к миграции китайского населения за границу. В шестом году под девизом Цяньфу правления императора Тан-сицзуна (879 год) повстанческие войска Хуан-чао захватили Гуанчжоу, и большое количество жителей Гуанчжоу бежало на территорию современных Вьетнама и Явы. В своей книге «Золотое пастбище» арабский практик Масуди упоминал, что он путешествовал по Суматре и видел «множество китайцев, возделывающих остров, особенно в районе Балинбанг (современный Палембанг), которые приехали туда, спасаясь от беспорядков, вызванных нападением войск Хуан-чао в своей стране». Это было началом миграции народа провинций Гуанчжоу и Гуанси за границу, и поэтому до сих пор жители Южной Азии часто называют китайцев «людьми Тан», Китай — «Таншань». Сами а заморские китайцы называют свое возвращение в Китай «возвращением в Таншань».[136]

В период династии Сун в Южно-Китайском море наступила новая эра с использованием компаса для навигации и развитием южных регионов, что привело к развитию коммерции и торговли, и, естественно, больше людей из юга страны достигли Южно-Китайского моря. В конце правления династии Южная Сун (1279 год) армии Сун и Юань провели решающий бой у озера Иньчжоу в Ямэне, Синьхуэй, после чего пала Южная Сун. Часть войск Сун бежала по морю, и не исключено, что некоторые отправились

за границу. В то же время многие жители района Уйи, который был одной из главных арен войны против Юань, отправились в изгнание. Эти беженцы поселились в Юго-Восточной Азии, и стали жить в гармонии с местным населением. Они уважали местные законы, и завоевали доверие и уважение со стороны местных жителей. В то же время приезжие китайцы косвенно распространяли культуру Южно-Китайского моря.

Во времена династий Мин и Цин большую часть этого периода страна была закрыта для внешней торговли, но Гуанчжоу был исключением, чтобы поддерживать внешнюю торговлю, и морской Шелковый путь процветал как никогда, и многие южане мигрировали за границу. Чжэн-хэ совершил семь путешествий на Запад, и в Южно-Китайском море он увидел, что гуандунские китайцы уже построили свои деревни вдоль местного побережья и жили в процветании. На острове Ява обнаружена деревня с более чем 1 000 китайцев, во главе которой стоит человек из Гуандуна. Китайцы были в основном торговцами, и близлежащий порт был полон китайских и иностранных кораблей. В старом порту Суматры и в Юго-Восточной Азии жило много китайцев. Помимо обычных морских торговцев, было также большое количество людей, которые отчаянно пытались заработать на жизнь из-за запрета на мореплавание, наложенного династией Мин. Они организовали вооруженные группировки для занятия «контрабандой» и были названы «пиратскими» торговцами.

В начале правления династии Цин, в ответ на восстание Чжэн-чэнгуна (1624–1662 гг., китайский полководец; вел борьбу против дин. Цин; изгнал голландцев с острова Тайвань, где основал государство; на западе известен как Коксинга) против династии Цин, на юго-восточном побережье был введен запрет морской торговли, что вынудило большое количество южан бежать в другие страны, чтобы заработать на жизнь. «Они селились в странах Южных морей. В это время на Филиппинах, в Сиаме и на Яве жили не только китайские купцы, но и многие китайцы, которые работали фермерами-арендаторами или рабочими. Они выращивали коноплю, рис и сахарный тростник».[137] Однако начиная с XVI века, когда на восток пришли европейские колонизаторы и Юго-Восточная Азия была ими колонизирована, характер миграции китайцев за границу изменился, и период свободной миграции подошел к концу.

(2) Период миграции с целью получения средств к существованию в ответ на требования мирового капиталистического рынка труда. Этот этап длился около двух с половиной веков, с XVII века до конца Второй мировой войны. Этот период

был отмечен экспансией западного колониализма в Юго-Восточную Азию, созданием колоний в Азии, разграблением сырьевых ресурсов и развитием капиталистических рынков, что привело к всплеску современной миграции. Гуандунцы были первыми, кто мигрировал на пять континентов мира, но в основном в Азию и Америку. Согласно статистике, после Опиумной войны в бассейне Жемчужной реки проживало около шести миллионов китайцев, большинство из которых были кантонского происхождения, миллион из Гуанси и небольшое количество [138] из провинций Юньнани и Гуйчжоу. К этому времени уже были сформированы зарубежные китайские общины.

Заморские китайцы в Цзянмэнь. Фото предоставлено Музеем заморских китайцев в Уйи

Западные колониалисты, такие как испанцы, португальцы и голландцы, первыми пришли в Юго-Восточную Азию, а британцы появились позже, и вскоре стали мощнейшими. В начальные годы XVII века Манила, Малакка, Батавия, Сингапур, Бирма и Пенанг были завоеваны и разграблены этими странами, и возникла острая необходимость в большой рабочей силе для развития этих колоний. Затем они приложили немало усилий, чтобы заманить, похитить и перехватить китайских мужчин, женщин и даже детей в несметном количестве в районах вокруг Южно-Китайского моря.

В начале XVII века губернатор Ост-Индской компании писал: «Регионы Батавии, Молуккских островов, Амбона, Банды и т.д. сейчас нуждаются в большом количестве рабочих для экономического развития колоний, и нет никого в мире, кто бы лучше подходил для этой работы, чем китайцы. Сейчас, когда муссон благоприятствует, необходимо послать военные корабли к китайскому побережью, чтобы захватить как можно больше их мужчин, женщин и детей. Если мы воюем против Китая, мы должны проявить особую осторожность, чтобы поймать больше китайцев, а еще лучше — женщин и детей, и перевезти их в Батавию, Амбон, Банду и т.д., и никогда не позволять ни одной женщине вернуться в свою страну, или отправить их в места, находящиеся вне юрисдикции Компании».[139] На этом фоне, по мере роста населения, ухудшения экологии и нехватки пахотных земель во многих частях двух регионов, большое количество людей было вынуждено уехать на заработки, отвечая на требования зарубежного рынка труда. Это касалось не только населения прибрежных районов, но и народа хакка, жившего в глубине Гуандуна. В 1777 году Ло-фанбо, уроженец Мэйсяня, основал Главное управление компании Ланфанг (позже переименованное в Главную систему Датан, с Ло-фанбо в качестве первого генерального директора Датанг) в Понтианаке, Индонезия, и привлек многих китайцев для добычи золота. Согласно записям, в 1832–1834 годах общее число китайцев только на Калимантане составляло около 150 000 человек, в основном хакка, а к 1850 году около 10 000 хакка, в основном из Мэйсяня, Хуэйчжоу, Баоаня и Цзеси в Гуандуне, переехали в Саравак. Успех промышленной революции в Европе в начале XIX века был неотделим от увеличения спрос на сырье в Юго-Восточной Азии. В то время рабочие, нанятые западными странами в наших прибрежных районах, назывались «китайскими рабочими по найму». Они должны были отработать полный срок контракта, прежде чем их можно было освободить. В 1830–1840-х годах на Пенанг ежегодно привозили 2000–3000 китайских рабочих. Согласно британской официальной статистике, в период с 1881 по 1915 год в Сингапур прибыло около четырех миллионов китайских иммигрантов, в основном из Гуандуна и Фуцзяня[140]. Особенно после Опиумной войны двери страны постепенно открывались, и мигрировать за границу стало социальной тенденцией. Например, в 1870 году в США насчитывалось 5 000 человек, в 1876 году в Сан-Франциско было зарегистрировано 46 000 китайцев из Тайшани, а к 1880 году в США их численность уже достигалась до ста двадцати тысяч.[141] Открытие золотой руды Северной Америке и строительство трансконтинентальной железной дороги во второй половине XIX века привело к тому, что

большое количество рабочих из Гуандуна и Фуцзяни пополнило ряды рабочей силы, а многие другие занимались сельским хозяйством, горным делом, копали ил, работали в прачечной и сфере общественного питания, их следы можно было найти в Северной и Южной Америке, Австралии и Африке. Этим наемным китайским рабочим также называли «поросятами», и такой тип трудовых отношений назывался «торговлей тяжелым трудом». Китайские рабочие силы отправлялись из портов Макао, Гонконг, Гуанчжоу, Шаньтоу, Хайкоу и Бэйхай. К этому времени дельта Жемчужной реки, Уйи, Чаошань и Мэйчжоу, а также Бэйхай, Циньчжоу, Фанчэн и южная Юньнань стали основными районами, в которых сформировалась южная диаспора, а морская культура стала основной культурной чертой и стилем.

2. История распространения китайской культуры хуацяо за рубежом

Будучи частью китайской нации, заморские китайцы гуандунского, хайнаньского и гуансиского происхождения прошли через Южно-Китайское море и переселились за границу, они также принесли с собой традиционную китайскую культуру и идеологию, способствуя культурному обмену со своими странами и оказывая положительное влияние на мир, особенно в Юго-Восточной Азии. Эта заморская китайская культура является продолжением культуры провинций Гуандун и Гуанси в море и занимает пространство, а ее культурные характеристики носят ярко выраженный морской характер, она также распространилась за пределы Южно-Китайского моря, и поэтому относится к категории морской культуры Южно-Китайского моря.

(1) Распространение культуры хуацяо в Юго-Восточной Азии.

В истории Юго-Восточная Азия была регионом с самой большой численностью заморских китайцев, и этот регион все еще находился в феодально-крепостническом обществе, поэтому передовая китайская культура смогла быстро здесь закрепиться и развиваться, и оставила там глубокое влияние, а некоторые ее составляющие элементы даже стали основой местной культуры.

Исторически Вьетнам был неразрывно связан с Китаем, как в географическом, так и в культурном плане. Традиционная китайская культура оказала большое влияние на Вьетнам, и большая заслуга в этом принадлежала заморским китайцам. В XVII веке Чжэн-мэй (1655–1735 гг.), уроженец города Хайкан (городской уезд Лэйчжоу) провинции Гуандун, в возрасте 17 лет переехал в Камбоджу, а затем перебрался в город Хатьен

во Вьетнаме, где был назначен командующим города Хатьен за свою работу по развитию района и продвижению китайской культуры. Он основал в Хатьене «Павильон Чжаоинь», где набирал известных китайских и вьетнамских ученых и изучал quintessence китайской культуры, превратив Хатьен в центр распространения китайской культуры, а его стихи «Десять стихов о Хатьен» и «Наследие рыбалки в Минг Бо» заняли достойное место в местной истории культуры. Другой известный вьетнамский политический деятель, У-жэньцзин (1769–1816 гг.), уроженец Гуандуна, занимал несколько важных постов при дворе клана Юань и написал, в частности, книгу «Обычаи И Ань» (в соавторстве), которая оставила глубокий след во вьетнамской литературе и историографии. Растущая миграция людей из Гуанчжоу и Чаочжоу во Вьетнам позже повлияла на местный язык, и многие слова вьетнамского языка считаются заимствованными из китайского. В прошлом многие жители Сайгона (ныне г. Хошимин) говорили на кантонском языке. Вьетнамская народная музыка и театр также в значительной степени связаны с региональными культурами Чаочжоу и Гуандуна.

Китайцы из Чаочжоу начали населять Таиланд еще в поздние годы династии Мин, с годами их становилось больше и больше. Они превратили большую площадь пустошей в плодородные земли, а терновники — в рисовую и просовую плантацию, и культура Чаочжоу вскоре распространилась по всему Таиланду. Согласно «Истории зарубежных китайцев в Гуандуне», составленной Лю-цюанем, на 1000 слов тайского языка приходится 325 слов, заимствованных из китайского, а в тайском языке много слов из диалекта Чаочжоу. Тайский драматический и певческий стили также были заимствованы из чаочжоуской музыкальной драмы. Дворцовые и храмовые здания также построены в стиле Чаочжоу, например, старый дворец Маньинь в Аюттхае, который был построен по образцу храмов Чаочжоу. Китайская классика, такая как «Троецарствие» и «Речные заводы», имеет широкую читательскую аудиторию в Таиланде, эти китайские классические художественные произведения были привезены за границу именно китайскими мигрантами.

В Сингапуре уже проживало большое количество китайцев до того, как город оккупировали британцы, а после открытия порта в 1819 году китайцы были привлечены для заселения города, и туда приехало большое количество людей из провинций Гуандун и Фуцзянь, и благодаря усилиям всех этнических групп Сингапур превратился в международный портовый город, и китайцы стали самой большой этнической группой населения

этой страны, а минский, чаочжоуский и кантонский диалекты получили широкую популярность. Вэньцзи — это место, где сконцентрировано живут китайцы из Чаочжоу, а Нюэшуй — район, где сосредоточен народ из Гуанчжоу. Эти два места по праву считаются изюминками культуры Чаочжоу и Гуандуна в Сингапуре. Ху-яци, уроженец деревни Хуанпу в районе Хайчжу города Гуанчжоу, прибыл в Сингапур в 1830 году и внес большой вклад в градостроительство Сингапура, и то, что Сингапур обладает репутацией «города-сада» во многом приписывается Ху-яци. В то же время архитектурный стиль двух южных китайских провинций широко применился на территории этой страны.

Кроме того, в Малайзии, Индонезии, Филиппинах, других странах и регионах, расположенных вокруг Южно-Китайского моря, кантонские и фуцзяньские иммигранты уже осваивали территорию, занимались торговлей и распространяли китайскую культуру до прихода британцев. После того, как Америка и Океания были оккупированы западноевропейскими колониальными державами, туда потоками прибывали китайские иммигранты из Гуандуна и Фуцзяни. Они осваивали землю, вели земледельческую деятельность и принесли с собой, в большей или меньшей степени, обычаи и культуру своей родины. Но распространение китайской культуры в больших масштабах произошло в основном после Опиумной войны.

(2) Глобальное распространение китайской культуры в период Новой истории

После Опиумной войны китайцы уже населяли практически все континенты, и в результате культура провинций Гуандун и Гуанси распространялась все дальше и дальше, развиваясь и расцветая за границей.

Однако в основном это касается бытовых обычаев, культурного образования и распространения традиционной культуры за рубежом. Поскольку китайцы, живущие за границей, часто подвергаются дискриминации и даже преследованиям, им необходима поддержка традиционного гуманизма для сохранения единства их сообщества во внешнем мире. Гуандунский театр был любимым жанром китайцев и стал популярной в Юго-Восточной Азии и Америке после середины XIX века, например, в Сингапуре существовали оперные труппы, такие как «Грушевый сад» и «Восемь гармоний», а в Малайзии и Сан-Франциско артисты гуандунского театра также создали «Восемь гармоний» в местных районах, и при них существовало несколько оперных классов, причем были мужские и женские классы, и стиль была более открытой, чем на материке. В начале XX века

артисты гуандунского театра из Гуанчжоу, Гонконга и других мест в Южно-Китайском море также создавали театральные труппы для сбора средств на Синьхайскую революцию. Цюньсиньхуа, известный исполнитель гуандунского театра из Гуанчжоу, жил в различных портах Южно-Китайского моря более десяти лет, пользовался высокой репутацией. После Синьхайской революции гуандунский театр получил более широкое распространение за рубежом, в ней ставились пьесы, прославляющие революционеров, а также высмеивающие династию Цин и притязания Юань-шикая на трон. Например, пьеса под названием «Отец демократической революции», в которой рассказывалось об покушении на Юань-шикая революционерами, завоевала признание множества зрителей. К 1940-м годам гуандунский театр ставился по всей Америке и Юго-Восточной Азии, появились такие известные артисты, как Лян-шаоцзя, Лян-юаньхэн, Чэнь-фэйи, Ма-шичжэн и Бай-цзюжун, которые пользовались широкой популярностью в стране и за рубежом. Сингапур и Малайзия, где проживает большое количество зарубежных китайцев из Гуандуна, известны как «вторая родина гуандунского театральные представлений».

Дом землячества Чаочжоу в Малайзии. Фото из «Истории землячества Чаочжоу»

Акватории Южно-Китайского моря богаты пищевыми ресурсами, которые были обработаны и приготовлены таким образом,

что это привело к появлению известной культуры питания. Кантонская, хакка и чаочжоуская кухни вышли на мировой рынок вместе с китайской диаспорой хуацяо. Хуацяо не только сохранили свои исконные привычки в еде, но и открыли рестораны и кабаки как одно из основных средств к существованию. В начале миграции в США многие из них ловили рыбу, выращивали овощи или импортировали сырье и занимались ресторанным бизнесом, и в Сан-Франциско было много кантонских ресторанов. Кантонские рестораны посещали не только китайцы, но и местные жители. Они восхищались кантонской кухней и кулинарным мастерством поваров. В книге, опубликованной в 1851 году под названием «Прекрасные мечты и реальность после пробуждения», упоминается, что лучшими ресторанами в Сан-Франциско были рестораны с китайским колоритом, «подаваемые на маленьких тарелках и чрезвычайно вкусные». Вначале кантонские рестораны можно было встретить в Юго-Восточной Азии, а позже в США, Канаде, Перу, Гайане и даже в Европе, где они заняли достойное место среди многочисленных чайных и ресторанов. Кантонские лунные пряники и утренний чай, возникшие в конце династии Цин и в начале республиканского периода, стали популярны не только в Чайнатауне, но и среди иностранцев. В послевоенное время, некий филиппинский бизнесмен купил в Гуанчжоу сразу тысячу лунных пряников, чтобы местные жители могли отмечать Праздник середины осени. В Гуанчжоу есть исторически почетный ресторан, Чэнчжулоу, который славится своими маленькими жареными пирожками (обычно известными как пирожки с курицей). В прошлом, когда заморские китайцы из Юго-Восточной Азии, Европы и Америки возвращались на родину, они часто привозили такие пирожки в качестве подарков дарили своим друзьям и родственникам, что также являлось способом распространения южной культуры питания за границей.

Тот факт, что хуацяо выпускали газеты и открывали школы, также дал возможность культуре провинций Гуандун и Гуанси развиваться за границей. В 1870-х годах только в 52 городах-портах Южных морей под юрисдикцией Великобритании выходило 68 китайских газет, а в Европе и Америке их было еще больше. Эти газеты не только сыграли важную роль в защите прав, интересов зарубежных китайцев, продвижении китайской культуры, но и внесли большой вклад в продвижение революционного движения на материке. Кан-ювэй и Лян-цичао ездили в Юго-Восточную Азию и Северную Америку для пропаганды конституционной реформы и модернизации страны при помощи местной китаеязычной прессы, что оказало большое влияние на заморских китайцев. В 1891 году

первая газета современной китайской политической партии «Вэньсин» была основана реформаторами в Сан-Франциско, США, отстаивавшими идею изменения государственного строя. В 1898 году в японском городе Иокогама Лян-цичао основал журнал «Вестник чистых обсуждений», а в 1902 году китайскими экспатриантами в Японии был основан журнал «Синьминь». В 1899 году под влиянием Сунь-ятсена в США вышла первая газета демократической революции — «Сино-американская новая газета» (позднее переименованная в «Китайские и западные ежедневные новости»). С тех пор в южном Китае и Японии чередом вышли газеты, выпускаемыми демократическими революционерами. Эти газеты выступали за революцию, против монархии и сыграли важную роль в пропаганде и организации Синьхайской революции.

Проживающие за рубежом китайцы никогда не забывали о своей родине. Чтобы увековечить историю и культуру своей родины и укрепить национальную сплоченность, они уделяли большое внимание образованию на китайском языке. Еще во времена династии Цин заморские китайцы открывали частные школы в регионе, причем впервые такие школы появились во Вьетнаме, Малайзии и Канаде. В поздние годы династии Цин в китайских общинах были созданы школы нового образца, такие как школа Датун в Иокогаме, школа Суйченг в Сайгоне и школа Шэньчжоу в Индонезии. В 1906 году правительство Цин направило чиновников в США и Канаду для содействия развитию образования, и школы для зарубежных китайцев были созданы в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Чикаго, Сиэтле, Виктории и других городах. В республиканский период стало еще более популярным открывать школы за границей, причем не только обычные начальные и средние школы, но и школы для девочек и специальные торгово-промышленные школы. Многие из этих школ были названы в честь конфуцианских терминов, таких как «Уважение к Конфуцию», «Высшая добродетель» и «Гуманность», которые глубоко укоренились в конфуцианской культуре и воспитали множество учеников, глубоко преданных своей родине и нации. Некоторые из учащихся, благодаря упорному труду, стали выдающимися политиками, предпринимателями, владельцами плантаций и научно-техническими кадрами и внесли весомый вклад в региональное развитие, а также в продвижение прекрасных традиций культуры провинций Гуандун и Гуанси и сохранение доброго имиджа Китая.

Глава XI

Извилистый путь развития китайской морской культуры в Южно-Китайском море в период Новой истории

Успех Синьхайской революции в октябре 1911 года, конец режима династии Цин и образование правительства Китайской Республики, за которым последовало «Движение 4 мая», не изменили полуколониальный и полуфеодальный характер китайского общества, хотя и ознаменовали переход Китая в Новую историю. По этой причине западные державы и японский Восток усилили свое вторжение и разграбление ресурсов Южно-Китайского моря, началась борьба китайского правительства и народа за защиту суверенитета над своими территориальными водами, и это стало основным элементом современной китайской морской культуры в Южно-Китайском море.

В октябре 1949 года была образована Китайская Народная Республика, положившая конец империалистическому вторжению в территориальные воды Китая и вернувшая Южно-Китайское море и его острова в объятия социалистической родины. Южно-Китайское море стало играть все более важную роль, чем когда-либо прежде, наступил переходный период современного освоения морей и океанов. Морская культура Южно-Китайского моря в контексте сильной социально-политической и экономической системы четко делится на два основных этапа развития. В первые 20 лет после основания Нового Китая преобладала экономическая идеология, в которой упор делался на материк, а не на побережье. Приморские районы не получали достаточных людских, финансовых и материальных ресурсов. И морская культура без крепкой экономической основы пришла к упадку.

В первые годы после образования Нового Китая на страну была наложена империалистическая блокада, и повсюду в стране осуществлялась «ведение классовый борьбы», а побережье считалось самым напряженным и сложным участком фронта этой борьбы, оно фактически находилось под «морским запретом». Близость Гуандуна к Гонконгу и Макао, двум наиболее чувствительным для «вестернизации» и «капитализации» районам, ограничивает экономическую и культурную деятельность на побережье Гуандуна. Более того, зарубежные китайцы

рассматривались как диссидентская сила, их связи с материком были значительно сокращены, а их экономическая и культурная роль была подавлена, все это серьезно подорвало нормальное развитие морской культуры в Южно-Китайском море и привело к исторической низкой точке в развитии.

С момента проведения политики реформ и открытости под руководством верного политического курса, проводимого КПК и Правительством Китая, морская культура на Южно-Китайском море вступила в путь поступательного и бурного развития. Этот путь в свою очередь служит мощной поддержкой для строительства рыночной экономики с китайской социалистической спецификой и развития китайской культуры в целом. Те достижения и влияние, достигнутые на этом пути, позволили морской культуре Китая взойти на пик своего исторического развития, и этот период считается самым блестящим в истории морской культуры на Южно-Китайском море.

Раздел 1. Борьба китайского правительства и народа в защиту суверенитета Южно-Китайского моря и территориальных вод и островов Южно-Китайского моря

После Опиумной войны имперские державы, включая Великобританию, Францию, Германию, Россию, США и Японию, вторгались в Китай, и их агрессия касательно островов в Южно-Китайском море только увеличивалась, именно с тех пор началась история борьбы китайского правительства и народа за защиту суверенитета островов Южно-Китайского моря.

После Опиумной войны Цинское правительство становилось все более коррумпированным, уступая имперским державам Запада земли и выплачивая им репарации. Несмотря на это, серия интриг иностранных захватчиков на островах Южно-Китайского моря не могла не вызвать бдительности и внимания цинского правительства. В 1883 году правительство Германии направило корабль для обследования островов в Южно-Китайском море без разрешения, что было остановлено после протестов цинских властей Гуандуна.[142] Начиная с 1902 года, японец Сицзэ Цзицы неоднократно похищал фосфорит с острова Дунша и насильно оккупировал остров, цинское правительство направило офицеров для расследования ситуации на Дунша и Сиша, в дополнение к переговорам с японцами. Например, 25 марта 1909 года губернатор Гуандуна Чжан-жэньцзюнь позвонил в Министерство иностранных дел: «Я проверил карты и книги, по общественному мнению, и этот остров

(остров Дунша) числится как находящийся под юрисдикцией Гуандуна, и доказательств достаточно. Самовольная операция Сицзэ по разрушению храма и отгону кораблей, со всеми несоответствиями, на самом деле была присвоением японскими купцами, а не оставлением китайцами».[143] 19 ноября того же года власти Гуандуна отправили сменного губернатора Цай-кана на корабле «Гуанхай», чтобы официально вернуть остров Дунша. Флаг был поднят в полдень того же дня, чтобы отпраздновать и подтвердить суверенитет. В апреле 1911 года англичанин Моррис прибыл на остров Дунша для разведки фосфоритов, на что провинция Гуандун выразила протест. Сразу же после французского «Инцидента девяти островов Наньша» в 1933 году против него решительно выступила вся страна. 26 июля Министерство иностранных дел националистического правительства направило специальную телеграмму французскому правительству, в которой говорилось, что острова Спратли (Наньша) «населены только нашими рыбаками и признаны мировым сообществом китайской территорией».[144] В августе 1933 года Юго-Западная политическая конференция приняла решение «направить правительству подробную телеграмму о расположении девяти островов на карте Гуандуна и доказательствах их широты и долготы, с просьбой заявить серьезный протест французам на основе разума и обеспечить целостность территории».[145] Правительству Гуандуна было поручено «выразить протест французским властям».[146] Региональные профсоюзы, ассоциации фермеров, моряков, рыбаков, а также землячество острова Хайнань призвали китайское правительство бороться и протестовать против французской агрессии. Например, Шанхайская ассоциация профсоюзов заявила в телеграмме: «Если мы не будем протестовать, мы увидим, как империалисты, никогда не останавливаясь на достигнутом, и только будут дальше пожирать нас. Вот почему мы срочно телеграфируем и просим сделать серьезные заявления французскому правительству, чтобы оно прекратило это воровство». Крестьянский союз уезда Нинхай провинции Чжэцзян заявил: «Наш союз хотел бы, чтобы 200 000 крестьян уезда поклялись стоять за нас и молиться за скорую и энергичную борьбу за сохранение территории и укрепление морской обороны». Торговое общество городского округа Шаосин телеграфировала: «Как только это дело будет открыто, страна станет нацией, поэтому мы должны серьезно просить правительство вмешаться и поклясться защитить эту территорию».[147] Китайские рыбаки, живущие на островах Спратли, срубили французский трехцветный флаг, включая флагшток, выкопали опознавательные знаки и выбросили их в море, праведно защищая честь страны.

«Инцидент с девятью островами Наньша», особенно национальное возмущение против французской оккупации девяти островов, подтолкнул китайское правительство уделять больше внимания борьбе за защиту суверенитета островов в Южно-Китайском море. 21 декабря 1934 года Китайский комитет по пересмотру карт земель и вод принял решение о пересмотре названий островов Хуаин в Южно-Китайском море. В январе 1935 года были пересмотрены и опубликованы китайские и английские названия островов в Южно-Китайском море, включая 132 названия островов, песчаных отмелей, темных песков, рифов и темных пляжей, впервые четко разделив острова Южно-Китайского моря на четыре части: острова Дунша, архипелаг Сиша, острова Наньша (ныне острова Чжунша) и острова Туанша (ныне острова Наньша). В апреле того же года комитет подготовил и опубликовал «Карту островов Южно-Китайского моря» — более подробную карту островов, песчаных отмелей и рифов в Южно-Китайском море, она стала важной основой для будущих публикаций. На самом деле, уже в 1914 году на географической карте Китайской Республики, карте потери китайских владений, составленной Ху Цзиньсуем из Библиотеки Восточной Азии в Шанхае, границы Южно-Китайского моря были обозначены непрерывной линией со словами «граница территориального моря Китая» во многих местах рядом с линией, что, вероятно, является самой ранней картой островов в Южно-Китайском море. Впоследствии на неофициальных китайских картах, опубликованных в 1920-х годах, границы островов в Южно-Китайском море проводились как непрерывными, так и прерывистыми участками, с разной степенью покрытия, а также без линий островов. Только в 1936 году Бай Мэйчу, китайский географ и профессор Хэбэйского педагогического университета, составил вторую карту «Полной карты Китая после расширения морской границы на юг», которая стала первой полной картой с линиями островов в Южно-Китайском море, в том числе принадлежащих Китаю и расположенных на 4-й северной широте. В качестве самой южной границы Китая используется близлежащая отмель Джеймс Шол на островах Наньша. С тех пор китайское правительство и издатели карт используют этот стиль составления, и только в республиканский период в этом стиле было выпущено не менее двадцати карт или специальных карт политических регионов Китая.

После победы в войне против Японии, зимой 1946 года и весной 1947 года китайское правительство направило четыре военных корабля «Тайпин», «Чжунъе», «Юнсин» и «Чжунцзянь» для принятия островов в Южно-Китайском море. Два корабля, «Юнсин» и «Чжунцзянь», приплыли к островам

Сиша, а «Тайпин» и «Чжунье» — к островам Спратли, «Тайпин» получил приказ захватить острова Дунша. Китайцы получили острова на острове Юнсин в Сиша, установив памятник, выстрелив из пушки и подняв флаг на церемонии в честь этого события, и такая же церемония была проведена на острове Тайпин в Спратли, где были размещены войска. В то же время были измерены и составлены карты островов Южно-Китайского моря, в том числе «Карта расположения островов в Южно-Китайском море» (1:4 000 000), «Карта островов Сиша» (1:350 000), «Карта островов Чжунша» (1:350 000), «Карта островов Спратли» (1:2 000 000), Карта острова Тайпин и Карта острова Юнсин. Названия четырех крупных островов, обозначенных на Карте расположения островов в Южно-Китайском море, идентичны сегодняшним картам. В апреле 1947 года Министерство внутренних дел, Министерство национальной обороны, Министерство иностранных дел и Военно-морской флот Китая провели совещание, на котором определили, что «территориальные границы Южно-Китайского моря должны простирается до отмели Цзэнму» (т.е. Джеймс Шоал, отмель Джеймс Шол (в составе островов Наньша в Южно-Китайском море)[148]. 1 декабря 1947 года Министерство внутренних дел официально переименовало 172 острова в Южно-Китайском море и опубликовало их названия в Китае и за рубежом. Первоначальные острова Наньша были переименованы в острова Чжунша, а острова Туаньша — в острова Наньша, что в то время не оспаривалось ни одной страной. С 11 по 15 июня 1947 года правительство провинции Гуандун провело в Гуанчжоу научную и национально-оборонную выставку продуктов островов Сиша и Наньша, на которой были публично представлены различные предметы, образцы, фотографии, диаграммы и исторические реликвии. В октябре 1947 года китайское правительство определило местоположение границ Китая, их широту и долготу, при этом самой южной границей стала отмель Джеймс Шол на островах Спратли на 4° с. ш. Вышеупомянутая Карта расположения островов в Южно-Китайском море, официально опубликованная китайским правительством в 1947 году, использует 11 участков прерванных государственных границ для обозначения протяженности островов, рифов, песчаных отмелей и прилегающих вод под юрисдикцией Китая. Две линии в Тонкинском заливе были позже упразднены и превратились в нынешнюю 9-сегментную прерывистую линию государственной границы, известную как U-образная линия, или традиционная морская пограничная линия в Южно-Китайском море, которая широко видна на различных картах, изданных в Китае. Поскольку линия проведена с использованием общепризнанного

во всем мире метода проведения государственных границ, который отличается от наземных государственных границ, и согласно соответствующим положениям «Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву» 1982 года, линия по-прежнему действительна и является государственной границей морской территории Китая в Южно-Китайском море. Морская акватория в пределах этой линии, естественно, является морской акваторией Китая, а острова и рифы в этой акватории — территорией Китая. Это означает, что не может быть и речи о том, чтобы Китай перекраивал линию морской границы со своими соседями в Южно-Китайском море. Однако, поскольку эта линия границы является прерывистой и некоторые ее части все еще не определены, а согласно соответствующим положениям «Конвенции Организации Объединенных Наций по морскому праву», некоторые морские участки могут пересекаться с участками соседних стран, необходимо, чтобы обе стороны разрешили спор справедливым и разумным образом путем мирных переговоров и дополнительной демаркации неопределенных участков этой прерывистой линии границы.

После образования Нового Китая некоторые острова в Южно-Китайском море также были освобождены от контроля гоминдановской власти. На сегодняшний день на самом большом острове в архипелаге Спратли, острове Тайпин и острове Дунша в архипелаге Спратли размещены гарнизоны тайваньских войск, но некоторые острова (в основном в архипелаге Спратли) все еще оккупированы соседними странами, включая Лиле Тан, остров Махуань, остров Фэйсинь, остров Сиюэ, остров Чжунье, остров Наньяо, остров Бэйцзы, риф Сылинь, песчаный остров Анпо, остров Цзинхун, остров Хонгао, песчаный остров Дунцянь и остров Наньцзы. Подробности смотрите в таблице ниже:

Статус фактического контроля над островами Спратли[149]

Страна или регион	Название острова	Время пребывания	Страна или регион	Название
Китай	Остров Тайпин	1946 год	Вьетнам	Остров
	Риф Шуэйшу	1988 год		Отмел
	Риф Чигуа	1988 год		Отмел
	Риф Дунмэнь	1988 год		Риф Ч
	Риф Наньсяо	1988 год		Риф Би
	Риф Чжуби	1988 год		Риф Бо
	Риф Хуаян	1988 год		Риф Си
	Риф Мисчиф	1995 год		Риф Ж
	Филиппины	Остров Ма Хуань		1970 год
Риф Мисчиф		1970 год		Риф Д
Остров Чжунье		1971 год		Восточ

	Остров Наньюэ	1971 год	Риф Л
	Остров Сиюэ	1971 год	Риф На
	Отмель Шуанхуан	1978 год	Риф Бо
	Риф Малинь	1980 год	Риф На
Малайзия	Остров Бэйцзы	1971 год	Риф Гу
	Остров Лаянг	1977 год	Риф Ц
	Риф Анду	1977 год	Риф Пэ
	Риф Наньхай	1979 год	Риф Гу
	Риф Боцзи	1999 год	Риф Ва
	Отмель Юя	1999 год	Отмел
	Риф Наньтун	1982 год	Отмел
Бруней	Остров Хун Шоу	1975 год	Отмел
	Отмель Дунцянь	1975 год	Отмел
Вьетнам	Остров Наньвэй	1975 год	Риф Ся

Согласно приведенной выше таблице, в настоящее время за острова Спратли борются пять государств — Китай, Филиппины, Малайзия, Бруней и Вьетнам. За исключением острова Тайпин, все острова под контролем Китая находятся ниже линии прилива, а воды под контролем Китая почти как нефтяная зона, что создает критическую ситуацию. Правительство Китая сделало ряд официальных заявлений, в которых говорится, что «острова Наньша, Сиша, Чжунша и Дунша являются неотъемлемой частью территории Китая, и Китайская Народная Республика обладает неоспоримым суверенитетом над этими островами. Ресурсы в водах вокруг этих островов также принадлежат Китаю». Также Правительство Китая неоднократно заявляло, что «Китай — социалистическая страна, и мы никогда не посягали на чужие территории и никогда не позволим другим делать это в отношении нас». Власти Тайваня также выразили четкую позицию, что острова в Южно-Китайском море являются частью территории Китая». Когда в 1974 году началось Сражение за острова Сиша (между КНР и Южным Вьетнамом в 1974 г.), господин Цзян-цзинго (1910-1988 гг., президент Китайской республики в 1978-1988 гг.), в качестве Председатель «Исполнительной власти» Национального правительства, сделал заявление репортеру журнала «Таймс», заявив: «Много лет назад наше правительство (имеется в виду националистическое правительство Китайской республики) держало вооруженные силы в Сиша. Эти силы были лишь частью системы обороны острова Хайнань в целом. Наш вывод этих сил не означает отказ от суверенитета над островами Сиша. Острова Спратли были возвращены Китаю от Японии

одновременно с восстановлением Тайваня. В течение многих лет наши солдаты были размещены на главных островах Спратли, и мы сделаем все возможное, чтобы решительно защищать эту группу островов. Я должен четко заявить, что наши войска несут возложенную на них ответственность за защиту территории». В 1988 году, когда Вьетнам начал «Морскую войну 13-го августа», тайваньские военные заявили: «Тайвань должен помочь китайской коммунистической партии в условиях войны между ними и Вьетнамом, так как мы все — потомки Желтого императора». Это, несомненно, был мощный отпор иностранным силам, которые пытались прибрать к рукам острова в Южно-Китайском море.

За последние сто лет китайское правительство и народ также уделяли большое внимание развитию и управлению островами в Южно-Китайском море в борьбе за сохранение своего территориального суверенитета и поставили их на путь современного развития. В 1907 году Чжан-жэньцзюнь, губернатор Гуандуна, отправил своего заместителя У-цзинцзуна на острова Сиша, планируя освоить и обследовать в общей сложности 15 островов. В 1909 году, в первом году правления императора Сюаньтуна, было создано Управление островов Сиша, которое разработало план повторного обследования и развития Сиша, включая составление подробных карт, выбор мест для строительства заводов и дорог, сбор гуано, строительство соляных ферм и обследование почвы для посадки растений. В том же году, когда Ли-цзюнь совершил поездку по Сиша, он также разработал планы по разработке руды острова, ведению сельского хозяйства, радиостанций и открытию портов Юйлинь и Санья. После того как остров был отвоеван у японцев в 1910 году, правительство Цин назначило Цай-кана, члена администрации острова, разработать план развития острова Дунша, и тот руководил открытием фосфатных шахт и морских ресурсов на острове Дунша. Разработка фосфоритов была прекращена всего через три месяца из-за транспортных трудностей. После этого люди отправились на острова Дунша и Сиша, чтобы исследовать различные ресурсы, и многие бизнесмены обратились к правительству с просьбой открыть на Дунша и Сиша такие ресурсы, как гуано и морские водоросли. Однако по разным причинам различные планы развития оказались тщетными или малоуспешными. В 1928 году администрация провинции Гуандун направило 15 специалистов, в основном сельскохозяйственных и геологических работников из Чжуншаньского университета, включая известных ученых Шэнь Пэнфэя и Дин Ина, на борту военного корабля «Хай Жуй» для исследования острова Сиша, и после возвращения в

Гуанчжоу они составили отчет об исследовании островов Сиша, который стал ценным источником исследований географии, моря и природных ресурсов Сиша. Он стал ценным справочным материалом для изучения географии, моря и природных ресурсов Сиша. В апреле 1929 года предпринимателю Сун Сицюань было разрешено организовать фосфоритный рудник «Сиша гуано», который работал в течение одного года с объемом сбыта гуано в 10 000 тонн. В апреле 1931 года бизнесмен Янь Цзинцзи организовал компанию «ООО Отечественное производство фосфоритов, гуано и материалов для земледелия в архипелаге Сиша», получил разрешение на посещение шахты и открыл оптовые офисы в Гуанчжоу, Гонконге, Шаньтоу и Сямыне для сбыта биоудобрений. В 1933 году Институт промышленных экспериментов Департамента строительства провинции Гуандун подготовил проект строительства завода по производству удобрений из гуано на островах Сиша с капиталом в 22 000 юаней. Одним словом, примерно в 1930-е годы произошел небывалый бум в развитии и управлении островами Дунша и Сиша. Во время войны с Японией острова Южно-Китайского моря попали в руки японцев, и вся деятельность по освоению была приостановлена. После победы в войне китайское правительство, захватив острова в Южно-Китайском море, направило сотрудников для проведения метеорологических наблюдений на острове Юнсин (остров в архипелаге Сиша), строительства маяков и проведения природных и ресурсных исследований. На островах Спратли также работали специалисты по аквакультуре, геологии, картографии и почвоведению для проведения исследований. Метеорологические станции на островах Сиша и Наньша передают метеорологическую информацию, и эта работа играет положительную роль в международном судоходстве и прогнозировании погоды.

Раздел 2. Возникновение и развитие концепции Южно-Китайского моря Новой и Новейшей истории

После Опиумной войны все двери Китая были открыты настежь, и западные державы одна за другой вторгались в Китай по морю. Осуществляя различные политические, экономические и военные действия, западные империалисты серьезно подорвали территориальный суверенитет Китая и поставили под угрозу выживание и развитие китайского народа. В процессе распространения западных знаний на Восток некоторые образованные люди в Китае глубоко осознали,

что одной из важнейших причин слабости и унижительного положения Китая перед западными странами была утрата морского суверенитета. Западные державы бесчинствовали в мире и издевались над слабыми, так как овладели господством на море, и это стало ключевым фактором выживания Китая. Это понимание укреплялось и укоренялось по мере углубления кризиса китайской нации, что привело к появлению группы пионеров, которые одними из первых стали иметь современный взгляд на море, их размышления, слова и действия в контексте Южно-Китайского моря, также представляют собой большие достижения в современной морской культуре.

1. Предложение о присвоении статуса провинции острову Хайнань в конце правления династии Цин

Остров Хайнань, являясь крупным транспортным и береговым оборонительным узлом в Южно-Китайском море, был ограничен в своей морской территории и роли с начала правления династии Мин, когда он был отнесен к провинции Гуандун. К концу правления династии Цин, по мере углубления морского кризиса создание отдельной провинции Хайнань стало центральной темой морской концепции Китая в этот период.

Первым, кто предложил создать провинцию Хайнань, был Пань Цунь, народник из города Вэньчань. В 1883 году Пань-цунь был назначен полковым инструктором в округах Лэйчжоу и Цюнчжоу и отвечал за морскую оборону острова Хайнань. Когда Чжан-чжидун, лидер фракции Движения «Ян-У» (прим. сторонники развития заморских дел и отраслей капиталистической промышленности времен династии Цин), курировал вопросы по провинции Гуандун, Пань-цунь все еще командовал полком и имел репутацию политического деятеля, поэтому он был удостоен четвертого ранга при дворе и стал близким другом Чжан-чжидуна. Позже Пань-цунь оставил должность полкового инструктора и стал работать в трех образовательных благотворительных организациях в Хуэйчжоу и Цюнчжоу: Высшая школа Фэнху, Высшая школа Суцюань и Высшая школа Вэйвэнь. Также он принимал участие в подготовке создания Школы Сибэй, но, не дожидаясь ее открытия, Пань-цунь вскоре ушел из жизни. При жизни Пань-цунь, проконсультировавшись с представителями интеллигенции острова Хайнань и написал «Причины и проект предложения по присвоению статуса провинции острову Хайнань», которую затем представил Чжан-чжидуну. В «Проекте» Пань-цунь подробно изложил шесть важных причин необходимости присвоения острову Хайнань статуса провинции с точки зрения

географического положения острова, политики, военного дела, экономики, транспорта и культуры. К сожалению текст «Проекта» до сих пор не смогли найти, в том числе и в сборнике «Сочинений Пань-цуня».[150]

Чжан-чжидун считал предложение Пань-цуня обоснованным, поскольку после официального присвоения острову Тайвань статуса провинции, следует сделать то же самое и в отношении острова Хайнань. Он, а затем и губернатор Гуандуна Цэнь-чуньсюань последовательно докладывали об этом императорскому двору, но не получили позитивного отклика. Вскоре после этого Чжан-чжидун переназначили на другой пост, и он покинул Гуандун. Так закончилась первая попытка образования провинции на острове Хайнань, однако предложение Пань-цуня оставило глубокий след в истории административного управления Южно-Китайским морем.

2. Морские концепции Сунь-ятсена

Сунь-ятсен является самой значимой фигурой в истории морского суверенитета в Южно-Китайском море. Чтобы свергнуть имперскую строй и установить демократическую республику, Сунь-ятсен долгое время находился за границей, наблюдая западную морскую цивилизацию и многократно пересекая Тихий, Индийский и Атлантический океаны, и понимал, что море — это вопрос жизни и смерти для страны и народа. Поэтому Сунь-ятсен основательно излагал свои морские концепции в своих трудах и публичных речах.

В исторической перспективе Сунь-ятсен обобщил уроки длительного запрета морской торговли и пренебрежения морской мощью Китая, что привело к потере национального территориального суверенитета и вторжению западных держав, и глубокомысленно указал, что отвоевание морской мощи у империализма является важным условием для достижения китайской национальной независимости и процветания.

В XX веке, после окончания Первой мировой войны, Тихий океан стал центром морского соперничества между западными державами и их борьбы за господство. Сунь-ятсен, морской стратег, считал, что юрисдикция по морским делам имеет решающее значение. Чтобы приобрести морской суверенитет, он подчеркивал необходимость отвоевать у империалистов таможенную, арендованные (иностранным государством) территории и консульскую юрисдикцию. Он решительно выступал за то, чтобы Китай направил делегацию в США для участия

в Тихоокеанской конференции, которая была важна для восстановления морских прав Китая.

Основываясь на горьких уроках китайско-японской морской войны, во время которой был уничтожен бэйянский флот, Сунь-ятсен считал, что для того, чтобы государство могло защищать морской суверенитет, оно должно иметь средства для контроля над морем и построить мощный морской флот, который является «основой национального богатства и силы». Он отмечал, что в то время «китайский флот насчитывал всего сотню военных кораблей разных размеров, его корабли и пушки на них не были такими сильными и меткими, как у иностранных государств. Военно-оборонительные сооружения на побережьях не были так хорошо укреплены, поэтому иностранные военные корабли могли в любой момент ворваться в нашу страну и уничтожить нас. Без сильного флота мы не только потеряем нашу военно-морскую мощь, но даже потеряем нашу страну». 1 января 1912 года было образовано правительство Китайской Республики, а Сунь-ятсен вступил в должность Временного президента. В тот же день он объявил о создании военно-морского флота Китайской Республики. Для этого было учреждено Министерство ВМФ в составе центрального правительства, и оно тут же приступило к подготовке создания китайского ВМФ.

Чтобы построить военно-морской флот, необходимо было развивать судостроительную промышленность и создавать флот с самыми передовыми технологиями и оборудованием. Сунь-ятсен указал на необходимость расширить масштаб военно-морского флота таким образом, чтобы он стал одним из самых мощных в мире и тем самым позволить Китаю стать мировой державой. С этой целью Сунь-ятсен также разработал систематический план развития военно-морского флота. Однако, в связи с изменчивыми социально-политическим обстановками в стране и кончиной Сунь-ятсена в 1925 году этот проект не был реализован.

Как великий сын народа Южно-Китайского моря, Сунь-ятсен придавал большое значение развитию морской экономики как важному средству создания и укрепления военно-морской обороны и защиты морского суверенитета. В своей «Стратегии развития нации: Промышленные проекты» он разработал стратегию развития морского хозяйства, наметив большие и подробные планы развития. Например, в плане строительства морских портов Сунь-ятсен предложил построить три крупных порта на севере, востоке и юге страны, четыре порта второго класса в Инкоу, Фучжоу, Хайчжоу и Циньчжоу и 15 портов третьего класса от Ляонина до острова Хайнань. Среди

них были порты Шаньтоу, Дяньбай и Хайкоу на побережье Гуандуна, сформировавшие систему морских портов Китая. Сунь-ятсен объединил строительство портов со строительством военно-морских баз, считая, что освоение морских ресурсов, укрепление внешней торговли и развитие морского судоходства неотделимы от строительства военно-морских баз. Южно-Китайское море, несомненно, было одним из главных объектов плана Сунь-яйсена по развитию побережья и созданию военно-морского флота.

Острова Тайвань и Хайнань — два глаза китайского моря и крупные базы военно-морской обороны. Сунь-ятсен был очень озабочен освоением моря вокруг острова Хайнань и строительством военно-морской обороны. Он отметил, что остров Хайнань является «воротами южных провинций», «важнейшим морским районом и природным щитом, защищающим юг страны», он подчеркивал стратегическое положение острова Хайнань в военно-морской обороне Китая и необходимость превратить его в важную «военно-морскую базу». И в первую очередь, с точки зрения «прочной морской обороны», Сунь-ятсен предложил присвоить острову Хайнань статус провинции.

11 сентября 1911 года Сунь-ятсен прибыл в Пекин для обсуждения стратегических вопросов о национальном развитии, где его ждал земляк Лян-шии (1869–1933 гг., политический деятель Китайской Республики, премьер-министр в 1921–1922 гг.). Был проведен торжественный прием в честь приезда Сунь-яйсена, который на этой же встрече выступил с докладом о создании провинции Хайнань. Сунь-ятсен дал проницательные комментарии к вопросам, поднятым Чэнь Фатаня о ценности Хайнаня для страны и необходимости создания провинции в пользу кантонской иммиграции и развития. Сунь-ятсен, Лян-шии, Чэнь-фатань и 36 других[151] написали совместный доклад в Национальное собрание с предложением присвоить острову Хайнань статус провинции. Предпосылкой составления доклада является сравнение острова Хайнань с островом Тайвань. В то время как Тайвань был захвачен Японией, Хайнань был островом сокровищ, где собирались купцы и товары, где было изобилие природных ресурсов, поэтому, чтобы обратить внимание нации на эти реалии, необходимо превратить остров Хайнань в провинцию. Причины были такие: 1) укрепление национальной обороны; 2) освоение природных ресурсов; 3) проведение политики этнического равенства; 4) проведение политики внутренней миграции; 5) облегчение административной работы. Обоснование также опровергает аргумент о том, что остров Хайнань был неподходящей провинцией из-за ее небольшого размера и отсутствия финансовых ресурсов. Сунь-ятсен

сравнивал Тайвань с Хайнанем с исторической точки зрения и отметил, что «остров Тайвань по размеру равен острову Хайнань, и с тех пор, как японцы вторглись на Тайвань, ежегодный доход исчислялся десятками миллионов. Если остров Хайнань будет преобразован в провинцию, то через нескольких лет развития, несомненно, доходы будут такими же значительными».

После того, как это предложение было выдвинуто, сородичи Хайнаня, проживающие в городе Гуанчжоу, создали «Ассоциацию содействия по присвоению статуса провинции острову Хайнань» и обратились в Национальное собрание с просьбой включить этот вопрос в повестку дня. Однако это предложение не было реализовано из-за неудачи Второго Северного похода (прим. Национально-Революционной Армии против северных милитаристов, 1926–1927 гг.).

13 марта 1925 года Сунь-ятсен скончался от болезни в Бэйпине (ныне Пекин). Таким образом, присвоение статуса провинции острову Хайнань было отложено в дальний ящик из-за междоусобных войн региональных милитаристов и беспорядка в государственных делах. В 1935 и 1947 годах Чэнь-цэ, командир крепости Хумэнь в Вэньчане, а также в апреле 1949 года Чэнь-цзитан, губернатор Специального административного района Хайнань, предложили или даже начали подготовку к созданию провинции Хайнань, но из-за политических неурядиц и других обстоятельств этого так и не произошло.

В первые года после образования КНР остров Хайнань также выступил с предложением о создании провинции и предложил название «Провинция Цюнья» (историческое название острова Хайнань) и даже «Печать народного правительства провинции Цюньи» была выгравирована, но она так и осталась не использованная, и сейчас хранится в Музее провинции Гуандун.[152] Лишь после начала проведения политики реформ и открытости и изменения внутренней и международной политических обстановок решение о создании провинции Хайнань было принято. Это произошло 13 апреля 1988 года, на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей 7-го созыва. И соответствующее постановление вступило в действие в тот же день. Только после этого исторический процесс о создании провинции Хайнань, на решение которого ушло 105 лет, был успешно завершен. Это не только было событие первой важности в истории административного деления Китая и развития острова Хайнаня, но и значимое событие в истории морской культуры Южно-Китайского моря. В этом большая заслуга Сунь-ятсена, это

событие — триумф его морских концепций.

Раздел 3. Потеря и возвращение территориального суверенитета Гонконгом и Макао

Хотя португальцы арендовали Макао в 1553 году во время правления минского императора Чжу-шицзуна, территориальный суверенитет все же принадлежал Цинской империи, только после подписания «Китайско-португальского договора о мире и торговле» в 1887 году Португалия фактически колонизировала Макао, подорвав территориальный суверенитет Китая над городом. Однако, в силу различных обстоятельств, Макао не обладал статусом португальской колонии, а особым политическим регионом на территории Китая, где суверенитет и управление были разделены, в то время как Гонконг был китайской территорией, уступленной британцам во время Опиумной войны и колонизированной британцами. Потеря территориального суверенитета Гонконга и Макао была результатом силовой политики западных держав. Она произошла в то время, когда Китай не имел никаких прав на свои территориальные воды, и фактически была вопросом морских прав Китая, в то время как возвращение двух городов Китаю не изменило их природу и, естественно, подпадало под сферу и морских прав.

1. Британская оккупация Гонконга в Новой истории

В августе 1842 года Китай потерпел поражение в Опиумной войне и был вынужден подписать «Цзяннинский (или Нанкинский) договор» с Великобританией, который включал уступку Гонконга, изложенную в третьем пункте: «Поскольку британские торговые суда часто повреждаются и нуждаются в ремонте во время их длительных путешествий по морям, им будет предоставлено место на побережье для ремонта их судов и хранения использованных материалов. Великий Император настоящим предоставляет Государю Великобритании и его преемнику в качестве наследственного государя остров Гонконг для владения и управления в соответствии с законодательством».[153] 26 июня 1843 года между Великобританией и Китаем состоялся обмен актами договора, и в этот день британское правительство официально объявило Гонконг своей колонией.

24 октября 1860 года в результате поражения во Второй опиумной войне Китай вновь был вынужден подписать с

Великобританией «Пекинские договоры». Согласно его условиям Коулун (Цзюлун) (полуостровная часть городской зоны Гонконга), ранее входивший в административный район округа Баоань, переходит под власть Великобритании, он был добавлен к колониальному Гонконгу. Это расширило границы Гонконга до материковой части Гуандуна, а воды между островом Гонконг и Коулуном стали «закрытыми морями» Гонконга.

Каменная стела «Новые территории» (Гонконг). Предоставлена Управлением по делам культуры, телерадиовещания и печати города Шэньчжэнь

В марте 1898 года Великобритания, воспользовавшись случаем, когда Китай потерпел поражения в китайско-японской войне, был вынужден подписать «Договор Магуань», и расчленение

Китая западными империалистическими державами достигало эпопеи, заставила цинское правительство подписать «Договор об аннексии Гонконга», согласно которой территория к югу от кратчайшей прямой линии между морем Сатхаукок и заливом Шэньчжэнь, к северу от границы и близлежащих островов и двух заливов Дапэн и Шэньчжэнь сдавалась в аренду на 99 лет.

В октябре 1898 года британское правительство издало Указ о Новых территориях, в котором объявлялось, что «Новые территории» являются «неотъемлемой частью колонии Ее Величества Гонконга» и что «губернатор Гонконга имеет право издавать законы» для управления Новыми территориями. «Все законы и постановления, действующие в Гонконге», должны были действовать и на Новых территориях. После переговоров между британской и китайской сторонами в качестве границы арендованной земли была использована река Шэньчжэнь. Эта территория, позже известная как Новые территории, стала частью британской оккупации Гонконга.

27 декабря 1899 года губернатор Гонконга и Исполнительный совет Гонконга издали указ, объявляющий Крепость Коулун, укрепленный город Коулун (до 1993 г. автономный город, не зависимый от Китая и Англии) на «Новых территориях», который ранее находился под юрисдикцией Китая, «частью колонии Ее Величества Гонконга». Хотя цинское правительство немедленно заявило, что город Коулун является китайской территорией и что юрисдикция остается за Китаем, оно не смогло принять эффективные защитные меры, и британцы де-факто аннексировали укрепленный город Коулун.

Таким образом, британская оккупация острова Гонконг, полуострова Цзюлун и арендованных «Новых территорий», а также других насильственно захваченных островов, образовала регион Гонконг, который был отделен от политической области Гуандун рекой Шэньчжэнь и стал особой политико-географической областью под британским контролем. После основания Нового Китая, чтобы показать разницу между районом Гонконга и материковой частью Гуандуна, на картах, изданных в Китае, район Гонконга был дополнен пунктирной линией. Это специальная линия, которая отличается от пометки общих границ провинций (районов), городов и уездов, не говоря уже о государственной границе, и применяется только для обозначения границ района Гонконга.

2. Создание специальных административных районов Гонконг и Макао

После долгой и решительной борьбы китайского правительства и народа за восстановление суверенитета Гонконга и Макао, особенно тяжелых переговоров с британским и португальским правительствами с 1980-х годов, и на фоне мирного подъема Китая после проведения политики реформ и открытости, Гонконг и Макао, наконец, вернулись в объятия родины. Был возвращен Китаю суверенитет над этими территориями, и созданы два специальных административных района Гонконг и Макао, что также является инновацией в создании морской администрации с точки зрения морской институциональной культуры и имеет уникальное морское культурное значение.

(1) Специальный административный район Гонконг

19 декабря 1984 года китайское и британское правительства официально подписали «Китайско-британскую совместную декларацию по вопросу Гонконга», в которой китайское правительство объявило миру, что решило возобновить осуществление суверенитета над Гонконгом 1 июля 1997 года, а британское правительство заявило, что вернет Гонконг Китаю 1 июля 1997 года.

4 апреля 1990 года на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей седьмого созыва было принято Решение о создании специального административного района Гонконг. В решении говорится, что специальный административный район Гонконг будет создан с 1 июля 1997 года. САР включает в себя остров Гонконг, полуостров Коулун, острова и прилегающие воды под его юрисдикцией. Карта административного района САР Гонконг будет опубликована отдельно Государственным советом. Это первый случай, когда время создания САР Гонконг и границы административной территории под его юрисдикцией четко определены.

Собрание также приняло «Основной закон Специального административного региона Гонконг Китайской Народной Республики». Статья первая «Закона» гласит: «Специальный административный район Гонконг является неотъемлемой частью Китайской Народной Республики». Статья пятая гласит: «Социалистическая система и политика не должны практиковаться в Специальном административном районе Гонконг, а прежняя капиталистическая система и образ жизни должны оставаться неизменными в течение 50 лет». Статья двенадцатая гласит: «Специальный административный район Гонконг является местным административным районом Китайской Народной Республики, который пользуется высокой степенью автономии и находится под прямым управлением Центрального народного правительства». Также статья

седьмая гласит: «Земля и природные ресурсы на территории Специального административного района Гонконг принадлежат государству». Все эти положения отражают принцип государственного суверенитета и уточняют правовой статус Специального административного района Гонконг.

Специальный административный район Гонконг отличается от обычных провинций и регионов Китая четырьмя особенностями: во-первых, это специальный административный район Китая с унитарной системой, т.е. страны с единой конституцией и единым высшим государственным административным органом, и его статус эквивалентен статусу провинции или муниципалитета, непосредственно находящегося под юрисдикцией Центрального народного правительства. Во-вторых, его система и политика определяются «Основным законом Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики», принятым высшим органом государственной власти, Всекитайским собранием народных представителей. Его наделили высокой степенью автономии, включая исполнительные, законодательные, независимые судебные и окончательные судебные и другие полномочия; иностранные дела и оборона находятся в ведении Центрального народного правительства; глава администрации и основные должностные лица исполнительных органов назначаются Центральным народным правительством. Глава и основные должностные лица органов исполнительной власти назначаются Центральным народным правительством. В-третьих, он подчиняется Центральному народному правительству и пользуется высокой степенью автономии, которая не имеет аналогов в мире. В-четвертых, «одна страна, две системы», то есть капиталистическая система будет продолжать практиковаться в САР Гонконг в течение 50 лет, а социалистическая система будет сосуществовать с социалистической системой на материке в рамках одной единой страны в течение длительного периода времени. Два политических строя должны сосуществовать мирно, не причиняя вреда друг другу, оказывают друг другу помощь и выгоды в целях общего развития.

Создание специального административного района Гонконг, его правовой статус и вышеуказанные характеристики создают основу для установления Гуандуном и другими провинциями и регионами политических и пространственных отношений с ним, а также для возможного влияния на него в различных аспектах.

(2) Специальный административный район Макао

В соответствии с «Совместной декларацией правительств Португалии и Китая по вопросу о Макао» от 13 апреля 1987 года,

правительство Китая возобновит осуществление суверенитета над Макао 20 декабря 1999 года и одновременно создаст Специальный административный район Макао.

Решение о создании Специального административного района Макао Китайской Народной Республики было принято на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 31 марта 1993 года. Данное решение предусматривает следующее:

Учредить Специальный административный район Макао 20 декабря 1999 года.

Территория Специального административного района Макао включает полуостров Макао, остров Тайпа и остров Колоан. Административная карта Специального административного района Макао будет опубликована отдельно Государственным советом. ВСНП также приняло «Основной закон Специального административного района Макао Китайской Народной Республики», который стал очередным административным кодексом САР после «Основного закона Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики» (далее именуемые соответственно «Основной закон о Гонконге» и «Основной закон о Макао», а вместе – «Два Основных закона»).

«Основной закон о Макао» подтверждает, что «Специальный административный район Макао является неотъемлемой частью Китайской Народной Республики» и что он является «местным административным районом с высокой степенью автономии и непосредственно подчиняется Центральному народному правительству». Наряду с вышеупомянутым решением, САР Макао обладает теми же основными характеристиками национального административного района, что и САР Гонконг, воплощая в себе политику «одна страна, две системы» и «аомэнем управляют аомэньцы», и становится основой для установления и развития политических, пространственных и других отношений с Гуандуном и другими провинциями и регионами. Он также является основой для установления и развития пространственных и других отношений с Гуандуном и другими регионами КНР. Возвращение суверенитета Гонконгу и Макао, и создание двух специальных административных районов ознаменовало начало новой страницы в истории двух последних колонизированных морских территорий Китая и начало новой морской культуры в едином суверенном государстве.

Раздел 4. Возникновение современной морской деловой

культуры

Южно-Китайское море всегда было литером среди морских районов Китая в плане морской коммерческой культурой, а в период Новой и Новейшей истории эта культура доминировала и доминирует в Южно-Китайском море.

1. Извилистый путь развития морской торговли Китая в Южно-Китайском море в период Новой истории

После Опиумной войны прибрежные провинции Южно-Китайского моря первыми вступили в полуколониальное и полуфеодальное общество и были вынуждены открыться по всем фронтам, города Гуанчжоу, Шаньтоу, Хайкоу, Бэйхай, Цзюлун, Гунбэй, Сانشуй, залив Гуанчжоу (Чжаньцзян), Хуэйчжоу, Синьхуэй, Ганьчжу, порт Сянчжоу, порт общественного благосостояния, порт Чжуншань и порт Лэйчжоу были открыты всему миру. Во время войны, чтобы прорвать японскую экономическую блокаду, в провинции Гуандун были дополнительно открыты еще 12 портов, включая Шаньвэй, Гуанхай, Янцзян, Дяньбай и Шуйдун. В 1947 году в стране насчитывалось в общей сложности 27 таможен, из которых шесть находились в Гуандуне, а именно: Гуандунская таможня, Цзюлунская таможня, Чаоская таможня, Гунбэйская таможня, Цзянмэньская таможня и Лейчжоуская таможня, которые в основном связывали северную часть Южно-Китайского моря. Это свидетельствует о том, что позиция Гуандуна в морской торговле Китая укрепилась, в этом отношении Гуандун занимал важное место в стране, однако, наблюдалась и определенная нестабильность.

После Первой мировой войны пять портов были открыты для бизнеса, центр тяжести внешней торговли Китая переместился в Шанхай, а позиции Гуанчжоу в стране снизились. Во время Первой мировой войны у западных держав не было возможности уделять надлежащее внимание Востоку, поэтому Япония и США воспользовались случаем, и объем торговли между Гуанчжоу с Японией и США увеличилась. Согласно статистике Гуандунской таможни, в 1931 году объем внешней торговли в Гуанчжоу был почти в пять раз меньше, чем в 1921 году, и в два раза меньше[154], чем в 1912 году, но в 1932 году во внешней торговле было более 20 миллионов таможенных лянов, это свидетельствует о сильном контрасте между превышением экспорта над импортом. Об этом свидетельствует и структура импортируемых и экспортируемых товаров, в 1930-е годы Гуандун импортировал шерстяные ткани,

бензин, цемент, химикаты, железо и сталь, машины и другие промышленные товары, в то время как экспортировал в основном сельскохозяйственную продукцию, включая шелк-сырец, шелковые вышивки, ткани домашнего производства, табак, черный чай, сырые бычьи шкуры, свиную щетину и свежие яйца. Разница в стоимости импорта и экспорта была очень велика, что отражало полуколониальный характер внешней торговли Гуандуна. Во время войны сопротивления японским захватчикам и гражданской войны внешняя торговля Гуандуна также колебалась в зависимости от изменения военной ситуации. Например, накануне основания Нового Китая власть Гоминьдан переместилась на юг и пытался спастись за счет внешней торговли. В 1949 году импортная стоимость порта Гуанчжоу составляла 13,53%, а экспортная — 29,97%, оба показателя занимали второе место в стране[155] после Шанхая. Другие порты, такие как Цзюлун, Шаньтоу, Гунбэй, Цюнчжоу и залив Гуанчжоу, также характеризовались подобными изменениями, поднимаясь и падая в зависимости от социально-политических обстановок того сложного исторического периода.

Одним из крупнейших событий в торговле в Южно-Китайском море в этот период стало превращение Гонконга в международный торговый порт. Благодаря своему узловому положению в Тихом океане и глубоководной гавани, а также обширной внутренней территории материкового Китая, Гонконг вскоре заменил Макао и открыл океанские маршруты из Гонконга к побережью Китая и Макао, а также в Европу, Америку и Японию. Открытие Суэцкого канала в 1869 году сократило путь из Европы на Восток. В 1880 году около 1/5 импорта и 1/3 экспорта Китая перегружались и распределялись через Гонконг. К 1900 году 50% объема товаров, которыми торговали Европа и Америка с Китаем, перегружалась через Гонконг. В конце XIX и начале XX века Гонконг превратился в международный торговый порт, и в 1930-х годах экспорт на материк составлял одну треть от общего объема экспорта Гонконга. В то же время экспорт Гонконга на материк составлял 40% и 30% от общего объема экспорта соответственно, причем торговля Гонконга с южным Китаем составляла около половины его торговли с материковым Китаем.[156] Поскольку Гонконг является узлом международных морских и внутри китайских речных путей, ведущих к основным портам мира и провинциям Китая, из Гонконга отправляли суда с экспортными товарами из материкового Китая, сюда же приплывали суда, возившие импортные товары. Сбор и распределение товаров с всего мира были основными функциями и основной деятельностью порта

Гонконга, и такая ситуация сохранялась до кануна основания Нового Китая.

Под британским контролем Гонконг принял колониальную и капиталистическую политическую и экономическую систему и политику свободного порта, что позволило западной культуре, в основном британской морской культуре, распространиться, укорениться и развиваться в Гонконге, а также объединиться с местной культурой и сформировать своеобразную гонконгскую культуру. Она, затем, распространялась на материке, в основном в дельте Жемчужной реки. Конечно, культура материка также распространилась в Гонконге, создавая двустороннее культурное взаимодействие. Средствами такого распространения были, с одной стороны, перемещение людей, а с другой — товарный обмен по морю. Последнее, в частности, было связано с массовым притоком иностранных товаров с моря в Китай после войны, причем провинции Гуандун и Гуанси приняли на себя основную тяжесть, и традиционная феодальная натуральная экономика была вскоре разрушена и заменена полуколониальной, полуфеодальной экономикой.[157] Эти перемены, как справедливо заметил кто-то того времени: «Наш шелк нынче проигрывает американскому, наш хлопок — индийскому, наш чай — японскому, а наша бумага — странам Европы и США». Все эти изменения были неразрывно связаны с ролью Гонконга как перевалочного пункта мировой торговли, и как прямое следствие этого Гуандун, особенно дельта Жемчужной реки, были втянуты в мировую капиталистическую систему и стали частью периферии этой системы, тем самым фактически привнося в Гуандун больше мировых морских культурных характеристик и интегрируя его как часть морской культуры Южно-Китайского моря, что было очень важным историческим сдвигом.

2. Подъем морской торговли в Южно-Китайском море в современном Китае

В период начиная с основания Нового Китая до начала проведения реформы и открытия в 1978 году в Китае существовала высокоцентрализованная и плановая экономическая система, а внешняя торговля была одной из основ экономики трех провинций в Южно-Китайском море. При такой системе производство экспортных товаров было сокращено, а позже была принята система экспортной производственной базы, при которой в основном производилась сельскохозяйственная продукция на экспорт с целью получения иностранной валюты, в то время как поощрялся выборочный импорт, в основном

импорт сырья, а затем переработка его в товары для экспорта в Гонконг, Макао, Юго-Восточную Азию и несколько стран Европы и Америки. Такая экспортно-импортная схема приносила с очень ограниченную экономическую выгоду. Поэтому некоторые специалисты отмечают, что до 1978 года «прибрежные районы Гуандуна регрессировали от региональной торговой экономики и надлежащей системы промышленно-отраслевого разделения труда к монотонной натуральной экономике». А во время Культурной революции «внешняя торговля относительно сократилась, и Китай вновь вступил в путь к самоизоляции... Такой сценарий развития можно считать как исторический регресс»[158], и это был также период, когда коммерческая культура «морского бизнеса» в Южно-Китайском море была на самом низком уровне развития.

После начала проведения политики реформ и открытости в 1978 году три прибрежные провинции Южно-Китайского моря в полной мере использовали преференциальную политику и гибкие меры, предоставленные центральным правительством, учитывая преимущества соседства с Гонконгом и Макао, большое количество зарубежных китайцев и удобный выход к Юго-Восточной Азии, эти провинции активно развивали внешнюю торговлю. Они проводили беспрецедентно активную морскую экономическую деятельность, не только значительно увеличивали общий объем товарооборота, но и добились больших успехов в внешней торговле и внедрения передовых технологий. Таким образом, была улучшена инвестиционная среда, что привело к новой модели роста морской торговли в регионах Южно-Китайского моря.

В начале политики реформ и открытости внешняя торговля Гуандуна (включая Хайнань) прошла через процесс от жесткой централизации к децентрализации власти, и после извлечения различных исторических уроков, наконец, перешла от прямого государственного вмешательства к макроконтролю, что позволило внешнеторговой деятельности Гуандуна развиваться бурными темпами. Согласно статистике, объем экспорта Гуандуна выросла с 2,115 млрд долларов США в 1984 году до 5,56 млрд долларов США в 1987 году, то есть в 2,21 раза, а в 1984 году по общему объему экспорта Гуандун занимал первое место в стране.[159] Это изменение статуса свидетельствует и об возвышающей позиции Южно-Китайского моря в морской торговле.

В период 1978–1987 годов во внешнеэкономической деятельности Гуандуна и Хайнаня наблюдалось множество теневых экономических явлений, которые проявились во внешней торговле в форме

контрабанды и борьбы с контрабандой. Первые использовали китайское золото, серебро, антиквариат, лекарства китайской медицины и жемчуг в качестве «валюты» в обмен на импортную бытовую технику, автомобили, компьютеры и различные элитные потребительские товары, которые наводнили рынки трех провинций Южно-Китайского моря и затем всей страны. Впоследствии эта теневая экономическая деятельность была сурово пресечена. Согласно некоторым статистическим данным, в 1982 году, во время национальной кампании «молниеносного и сурового» наказания лиц, занимавшихся нелегальной экономикой деятельностью, многие государственные чиновники, совершившие преступления, были приговорены к смертной казни, и на Гуандун приходилось более одной десятой части из 10 000 преступников, приговоренных к смертной казни в стране.[160] Один журналист подытожил уроки борьбы с контрабандой и контрабандой в этот особый период, отметив: «История прибрежных районов Гуандуна говорит нам, что, поскольку феодальное общество было по сути «ориентировано на сельское хозяйство и не поощряло бизнес» и часто проводило политику закрытых дверей, участились случаи морских запретов и «контрабанды», в результате чего на побережье Гуандуна часто возникала экономика свободной торговли. В результате экономика свободной торговли вдоль побережья Гуандуна часто объявлялась правительством вне закона как контрабанда... На самом деле эта форма экономической деятельности, которая называется «контрабандой», но по сути является свободной торговлей, исторически прогрессивна и мощно живуча, поскольку в большей степени соответствует объективным законам социально-экономического развития и даже в какой-то степени отражает тенденцию исторического развития. Поэтому, как только общество стало более благоприятным для свободной торговли, она быстро превратилась в новую экономическую форму, — морскую экономику».[161] Глубокий культурный корень этого заключается в том, что морская культура поддерживает развитие морской экономики. Эти аргументы постепенно проверялись после 1990-х годов. По мере дальнейшего открытия страны прямое вмешательство государства в экономические дела поэтапно сокращалось, а рыночная экономика постепенно переходила от «лэссер-фэр» (экономическая доктрина, проповедующая минимальное вмешательство государства в экономику) к регулируемой. В общую стратегию внешней торговли Гуандуна были внесены новые коррективы, а именно: полностью использовать преимущества порта, развивать современную экспортно-ориентированную экономику с акцентом на внешней торговле, включить корректировку промышленной структуры и структуры продукции в колею

открытости внешнему миру, создавать высокотехнологичные отрасли, участвовать в международной конкуренции и стимулировать общее оживление экономики провинции. Эти преобразования еще больше активизировали преимущества судоходства и торговли в Южно-Китайском море и вскоре продемонстрировали свои экономическую эффективность.

Согласно таможенной статистике, в 2006 году общий объем импортно-экспортной товарооборот провинции Гуандун составил 527,21 млрд долларов США, что на 23% больше, чем в предыдущем году, из которых объем экспорта составил 301,95 млрд (прирост — 26,8%), объем импорта — 225,26 млрд (прирост — 18,7%).^[162] Это показывает, что Китай взял на себя инициативу в морской торговле в Южно-Китайском море. По данным Министерства торговли, в провинции Гуандун было подписано 8 452 соглашения о реализации проектов прямых иностранных инвестиций, стоимость контрактов составила 24,57 млрд долларов США, прирост составил 3,5%, а объем фактических инвестиций составили 14,51 млрд долларов США, увеличившись на 17,4%. Провинция Гуандун утвердила проекты строительства 108 новых зарубежных предприятий с согласованными инвестициями в размере 633 млн. долларов США, были подписаны контракты на 5 млрд. долларов США по зарубежному инженерному и трудовому сотрудничеству, что на 38,9% больше, чем в предыдущем году. Сумма оборота составил 3,82 млрд долларов США, прирост составил 37,4%.^[163] Эти показатели свидетельствуют о дальнейшем повышении качества иностранных инвестиций в Гуандуне: многие транснациональные компании инвестируют в Гуандун, а самый быстрый рост реальных инвестиций из развитых стран, таких как Великобритания, Италия, Испания и Швейцария, показывает, что Гуандун еще больше увеличил свое присутствие на мировом финансовом рынке. По объему экспорта провинция Гуандун занял первое место в Китае, производимые в провинции товары начали экспортировать в страны Ближнего Востока, Южной Америки и Африки, что свидетельствует о значительном росте интернационализации. Крупные предприятия, безусловно, являются основным органом для выхода за границу и на мировой рынок, в последние годы частные предприятия также не хотят оставаться в стороне, и они присоединились к мощному экспортному потоку Гуандуна. Например, Корпорация сельского хозяйства и мелиорации провинции Гуандун создала заводы по переработке каучука во Вьетнаме и Таиланде, а затем расширила свою деятельность на Малайзию для создания заводов и выращивания каучука. Страны третьего мира стали входить в огромное пространство

влияния морской экономики Гуандуна. В частности, со вступлением Китая в ВТО провинция Гуандун превратилась не только в один из крупнейших бенефициаров, но и одно из самых активных участников, а экспортно-ориентированная экономика продолжает развиваться и взлетать, неразрывно связанная с международным рынком. Это принесло не только значительные экономические выгоды, но и обновление и замену систем управления, ценностей и образа жизни, которые были и остаются преобразованными морской культурой Южно-Китайского моря в эпоху морской экономики.

Раздел 5. Большие культурные обмены между Востоком и Западом в условиях политики реформ и открытости

В условиях сложных международных обстановок в первые годы после образования КНР, культурный обмен между Китаем и Западом, связующим звеном которого было Южно-Китайское море, был в значительной степени прерван. Только в Гуанчжоу поддерживалась Ярмарка экспортных товаров Китая, которая была главным средством для зарубежной материальной культуры, чтобы поддерживать контакт и обмен с китайской культурой. В целях сохранения неприкосновенности социалистической идеологии на материке, культурные обмены различных институциональных и духовных культур, включая Гонконг, Макао и зарубежных китайцев, были в основном прерваны, что практически стало, к сожалению, линией разлома в морской культуре Южно-Китайского моря. Такое положение дел продолжалось почти 30 лет, до 1978 года, когда политика реформ и открытости привела к новому движению от материка к морю, открыв эпоху великого культурного обмена между Востоком и Западом. Такое положение дел глубоко изменило культурный ландшафт региона Южно-Китайского моря и привело его в соответствие с тенденцией XXI го века — морской эпохи, и к морской культуре Китая снова приковано внимание всего мира.

1. Культурный обмен и взаимодействие между провинцией Гуандун, Гонконгом и Макао

Гуандун, Гонконг и Макао изначально представляют собой единый региональный культурный комплекс, но на фоне изолированности материка каждый из них развивался в независимом направлении. Прежде всего, культура Гонконга и

Макао постоянно обновлялась и совершенствовалась, формируя свой собственный культурный стиль и накапливая высокий культурный потенциал, который оказывал определенное влияние на материковый Китай.

С 1950-х и 1960-х годов Гонконг пережил стремительный экономический взлет и стал одним из «четырёх азиатских малых драконов» (неофициальное название экономик Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и Тайваня, демонстрировавшие очень высокие темпы экономического развития с начала 60-х до финансового кризиса 90-х годов XX века), в то же время превратившись в правовое общество с мультикультурализмом китайской и западной культур, традиционных и современных культур, колониальных и местных культур, коммерческих и некоммерческих культур, а также с совместным процветанием и сосуществованием культур. Глубокие корни этой закономерности лежат в основном модернизационном сознании жителей Гонконга, концепции верховенства закона, концепции эффективности и утилитаризма, что способствовало быстрому развитию производительности, а также обеспечило социальную стабильность и процветание, что полностью соответствует коннотации культурной инновации.

Культура Макао, растущая между культурами Гуандуна и Гонконга, сумела привлечь все лучшее из двух культур, что привело к созданию наиболее характерного открытого, совместимого и гармоничного культурного стиля.[164] Был сделан вывод о том, что: «Макао действительно мутировал под воздействием всех сил «творческой адаптации» китайской культуры, которые коснулись его образа жизни, мутировала «этническая принадлежность» и даже языковое выражение давно поселившихся в Макао португальцев. Также удивительно, что португальцы, будучи морским народом, утратили свой дух приключений, как только «осели» на китайской земле Макао. Смешение времени, пространства и людей в Макао порождает характерный неевропейский, неазиатский образ жизни, характерный португальский образ жизни, отличающийся от обычаев других народов, способность к сосуществованию, стремление следовать обычаям других, не вмешиваясь в них, и желание мира между различными образами жизни в мире».[165] Способность Макао сохранять свою самобытность в условиях мультикультурализма также является результатом его собственной сильной культурной адаптации и инноваций.

Начатая в Китае в 1978 году политика реформ и открытости полностью ликвидировала барьеры долгой изоляции не только в экономическом, но и в культурном плане, и культурное

сближение и инновации Гуандуна, Гонконга и Макао достигли беспрецедентного пика. Во-первых, приток гонконгских культурных концепций в Гуандун, включая экономическое сознание, рыночные концепции, ценности, нормы поведения и образ жизни, способствовал культурным инновациям в Гуандуне. Например, жители Шэньчжэня осмелились впервые в Китае процитировать лозунг «Время — деньги, а эффективность — жизнь», который к тому времени был популярен в США уже более 100 лет. Подобных примеров было много. Гонконг и Макао также пережили беспрецедентные культурные инновации после возвращения на родину в 1997 и 1999 годах соответственно. Успешная реализация идеи «одна страна — две системы» в Гонконге и Макао стала свидетельством большой институциональной инновацией в китайской культуре. Введение официальной нормы китайского языка в Гонконг и Макао, в частности в школьное образование, увеличение числа молодых людей из Гонконга и Макао, посещающих школы в Гуандуне, участвующих в летних лагерях, военных подготовках, спортивных соревнованиях, конкурсах по пению и танцам, а также увеличение потоков туристов трех районов обогатили содержание и ускорили процесс культурных инноваций в Гонконге и Макао.

В особенности, провинция Гуандун, Гонконг и Макао имеют свои собственные ценности и системы ценностной культуры. Культурный утилитаризм гонконгцев, сосуществование множества ценностей среди гонконгцев и маргинальность гонконгской культуры между китайскими и западными культурными ценностями стали характерными чертами культуры ценностей Гонконга. Это неотделимо от двойного влияния западной культуры и традиционной китайской культуры, вызванного столетием британского колониального правления в Гонконге. Напротив, относительно низкий экономический статус Макао и слабость португальской культуры привели к культурной гармонии между традициями и современностью, умеренной культуре, придерживающейся среднего пути, и культурной стабильности, которая меньше меняется в зависимости от времени. Культурная открытость к иностранным культурам, рациональность и совместимость суждений также являются характеристиками кантонской ценностной культуры. Различия в культуре ценностей между тремя районами, а также дифференциальность во уровнях управления и экономического статуса, которые регулировали распространение культуры, сделали неизбежным влияние трех мест друг на друга и пространственный обмен ценностями и культурами. До начала 1950-х годов, когда экономика Гуанчжоу превзошла экономику

Гонконга, многие гонконгцы вернулись в Гуанчжоу; в 1950-х годах и в начале реформы и открытости многие люди с материка были привлечены экономическим процветанием Гонконга и вызвали волну легальной и нелегальной иммиграции. В частности, в начале 1980-х годов культурные ценности Гонконга стали наиболее популярными среди жителей Гуандуна: мода, поп-музыка, кино и телепередачи, устная речь, социальный этикет и поклонение знаменитостям проникли в Гуанчжоу, а затем и на материк. Однако эта тенденция вскоре сошла на нет после 1990-х годов, когда экономический подъем дельты Жемчужной реки сократил экономический разрыв между Гуандуном, Гонконгом и Макао. Культурное взаимодействие характеризовалось взаимодополняющими преимуществами и двусторонними потоками между двумя регионами. Очевидно, это связано с уникальной историей и культурой Гуандуна, Гонконга и Макао и неразрывными связями родства, истории и этнической принадлежности. В результате этого взаимодействия, с одной стороны, ценности Гуандуна изменились, а такие понятия и модели поведения, как материальные блага, утилитарность, развлечения и потребление, стали все больше и больше выравнивались гонконгскому и макаоскому стандартам, что привело к формированию культурного ландшафта, который бросается в глаза в таких городах, как Гуанчжоу и Шэньчжэнь, где количество саун и массажных салонов с различными названиями не меньше, чем в Гонконге и Макао. С другой стороны, официальная норма китайского языка становится все более популярным в Гонконге и Макао. Это также является изменением в культурном ландшафте Гонконга и Макао, которое меняет ценности жителей Гонконга и Макао по отношению к материкам. В анкетном опросе, проведенном в начале 1990-х годов среди студентов вузов Гуанчжоу, 32,4% из них ответили, что одобряют половые отношения до брака, в то время, как только 21% опрошенных студентов провинции Сычуани ответили на этот же вопрос положительно, что явно ниже[166], чем у студентов Гуанчжоу. Это показывает, что Гуандун более открыт для ценностей, чем материк, которые очень похожи на культурные ценности Гонконга и Макао.

Что касается структуры семьи, то три региона также имеют общие ценности и влияют друг на друга в плане брака, рождаемости, размера семьи и статуса мужчины и женщины в семье. Согласно некоторым исследованиям, молодые люди в трех регионах выступают за свободную любовь и рассматривают отношения как основу брака, подчеркивают свободу и равенство между членами семьи, при этом мужчины играют ведущую роль, а женщины — ведущую роль в разделении семейного

труда. В условиях высокоразвитой коммерческой экономики безбрачие становится все более популярным среди мужчин и женщин в трех регионах, а уровень разводов и второбрачия растет. В этом районе наблюдается высокая концентрация «супружеских измен» и «скрытых любовных связей».[167] Степень поклонения гуандунцев материальным благам и идее имущественной собственности все больше приближает к гонконгской, что говорит о том, что гонконгская культура находится в сильной позиции, и, соответственно, гуандунцы чаще восхищаются гонконгскими ценностями и следуют им. Однако с экономическим подъемом Гуандуна в последние годы и возвращением Гонконга и Макао в состав Китая, независимо от того, происходит возвращение культуры Гонконга и Макао или нет, общность культурных ценностей между Гонконгом, Макао и Гуандуном растет, и степень дифференциальности все больше снижается. На первый взгляд, Гонконг и Макао распространились на Гуандун в основном в плане поведения, потребления и популярной культуры, а Гуандун повлиял на Гонконг и Макао в плане политической системы и идеологии. Тот факт, что первое распространяется легко, а второе — труднее, говорит о том, что распространение ценностей не является взаимным.

После начала проведения политики реформ и открытия английский язык начал активно проникать в кантонский диалект, многие речевые выражения и лексические единицы английского языка стали широко употреблять в повседневном языке жителей Гуандуна. Согласно статистике, до 1949 года в кантонском диалекте было более 160 лексических единиц, заимствованных с английского, а сейчас их более 400[168]. Английский и китайский языки интегрированы в Гонконге в особый «гонконгский стиль китайского языка», существует большая разница с нормативным китайским языком, и «有» (иметь, есть) часто используется как статический глагол. Такой «китайский язык в гонконгском стиле» в настоящее время стало популярным в городских и сельских районах Гуандуна.

В начальный период Китайской Республики (около 1911 г.), Войны сопротивления Японии и Гражданской войны большое количество жителей Шанхая переехало в Гонконг, и диалекты У (группа восточных диалектов — пров. Цзянсу и Чжэцзян) просочились в Гонконг, а слова «китайский мохнаторукий краб» и «иметь (заводить) связь» стали употреблять в кантонском диалекте в Гонконге. Позже эти выражения распространились в городах Гуандуна и широко употребляют сегодня. Эти лексика и выражения сначала из Гуанчжоу попали в Гонконг и Макао в ранние времена, а затем по мере социально-экономической

модернизации гонконгского общества, они обратно вошли в бытовую речь жителей Гуандуна и дальше распространялись в другие провинции, включая крупные и средние города по всей стране. Их широко употребляют сегодня, хотя многие так и не знают их происхождения.

Обычаи и традиции — это более стабильное культурное измерение, которое передается из поколения в поколение, но в Гуандуне, Гонконге и Макао нет недостатка в культурных инновациях, которые очень быстро распространяются в условиях культурного слияния Востока и Запада и считаются барометром культурного взаимодействия между тремя регионами.

Смешение китайских и западных обычаев традиций зародилось в Гонконге и Макао, а затем распространилось на материковый Китай, в провинцию Гуандун. В Гонконге и Макао китайские и западные традиции полностью переплелись. Традиционные праздники на материке отмечаются наравне с западными, причем китайский Новый год, Пасха и Рождество проходят так же оживленно, а западные праздники, такие как День святого Валентина, День матери и День дурака, особенно популярны среди китайской молодежи. Во время Праздника Весны миллионы людей из Гонконга и Макао стекаются на материк, чтобы навестить своих родственников — обычай, который редко встречается в мире.

«Вариантные» обычаи и традиции Гонконга и Макао были активно внедрены в Гуандун с момента экономического бума Гонконга и Макао и начала проведения политики реформ и открытости в материковой Китае. Западные праздники стали отмечать в Гуанчжоу, Шэньчжэне и других крупных городах, а старые кантонские обращения, такие как «господин», «хозяин», «госпожа», «прабабушка», «мисс» и другие, были вновь введены из Гонконга и вскоре заменили слова «товарищ», «официант», «товарищ по работе» и так далее. В древнем Китае и за рубежом перед именами и девичьими фамилиями замужних женщин стояли фамилии их мужей. Такой смешанный культурами Востока и Запада обычай был популярен в Гонконге и Макао в течение многих лет, а затем распространился в Гуандун, под так называемым понятием «новые составные фамилии». Однако, в материковой Китае этот обычай пока не получил широкого признания.

Модернизация Гонконга привела к наплыву западного фастфуда, а «культура быстрого питания» завоевала большую долю рынка и теперь находится на одном уровне с китайской кухней. В последние годы Гонконг быстро вышел на рынки Гуандуна и материка. KFC, McDonald's, Pizza Hut, Fairwood, «Кантонская

кухня в гонконгском стиле» и «Гонконгские знаменитые повара» — самые привлекательные вывески в городе, культурный ландшафт, который никогда не был виден раньше. Среди молодежи Гуандуна распространяются такие слова, как «вечеринка» и «носить Nike», а гонконгские сценические конструкции и рекламные идеи распространяются в городах Гуандуна. Гонконгские средства массовой информации и культура развлечений также подражают Гуандуну. Стиль потребления гонконгцев развивается в ногу со временем, и различные торговые бренды и товары-эксклюзивы со всего мира появляются на гонконгском рынке каждый сезон и каждый месяц, и используются сначала гонконгцами, а затем распространяются на материке, начиная с Гуанчжоу и Шэньчжэня, что также является беспрецедентным культурным явлением.

Литература и искусство считаются отражением общественной жизни. В этом плане поскольку провинция Гуандун, Гонконг и Макао имеют общие исторические корни, и в условиях различия в социально-экономическом строе, а также постоянного обмена наблюдалось динамичное изменение инновационной и интерактивной обстановки. В первые годы существования Китайской Республики Гонконг и Макао в основном находились под влиянием Гуандуна, и стиль искусство перетекало из Гуанчжоу в Гонконг и Макао. Например, известные исполнители кантонского театра попеременно выступали в этих трех регионах. В 1930-х годах кантонский театр получил инновационное развитие в Гонконге, включив в себя северную школу кун-фу, ушу из Пекинской оперы, школу Мэй-ланьфана, кинематографическую выразительность, западные декорации и содержание, а «Дама с камелиями», «Ромео и Джульетта» также были переставлены в кантонский театр, ставили даже на английском языке некоторые репертуары[169], которые в одно время пользовались популярностью.

В 1950-1970-х годах на фоне независимого развития трех регионов в Гонконге и Макао возникла популярная литература и искусство, или популярное искусство, включая романы, песни, фильмы и телесериалы, которые отвечали коммерческому, развлекательному и утилитарному менталитету аудитории Гонконга и Макао и набрали большой размах. Романы о боевых искусствах Цзинь Юна и Лян Юшэна были популярны и вскоре распространились на материке, завоевав большое количество читателей. Эти литературные формы были созданы не в Гонконге и Макао, а на Западе, но были приняты и новаторски преобразованы литераторами Гонконга и Макао, например, использование приемов написания современных западных

романов и фильмов для преобразования традиционных романов о боевых искусствах в произведения нового стиля. Популярные песни на базе официальной нормы китайского языка были переписаны и исполнены на кантонском диалекте. В словах этих песен присутствуют традиционные китайские понятия, но и описание западного образа жизни. Содержание и форма этих песен глубоко отражают социальные изменения в Гонконге и Макао, менталитет, идеалы и стремления людей, и они не только завоевали большую аудиторию слушателей в Гонконге и Макао, но и распространились среди хуацяо и даже иностранцев, став для них способом познания китайской культуры.

Начиная с 1980-х годов, литература и искусство Гонконга и Макао, включая кино, телевидение и поп-музыку, в большом масштабе стали распространяться в Гуандуне и вскоре захватили каждый уголок этой провинции. Хотя Гонконг, несомненно, был крупнейшим центром производства подобных произведений, Гуандун также перешел от подражания к инновациям, сформировав свой собственный региональный стиль. В 1979 году Гуандунское телевидение в сотрудничестве с гонконгским TVB провело в Гуанчжоу Новогодний гала-вечер «Счастливого вечера» в честь Праздника Весны, который стал сенсацией и положил начало развитию индустрии телерадиовещания Гуандуна в сторону развлечения и коммерциализации. Гонконгские фильмы о кун-фу были использованы для проникновения на европейский кинорынок, и это также дало толчок развитию киноиндустрии Гуандуна, которая после 1980-х годов выпустила большое количество отличных фильмов и телепрограмм, таких как «Сунь-ятсен», «Чжоу Эньлай», «Хун-сюцюань», «Желтая земля», «Любовь в Жемчужной реке» и «Рыбная лавка Ямаха». Сочетание кино, телевидения и популярных песен стало моделью и инновацией в развитии искусства Гонконга. Радио Гуандуна создало первую в стране эстраду поп-музыки в 1980-х годах, а телевизионные станции проводили конкурсы поп-песен, благодаря которым появился целый ряд признанных на национальном уровне певцов и авторов песен, и все это было бы невозможно без перенесения и развития гонконгской модели искусства.

2. Большой культурный обмен с внешним миром

Помимо культурных обменов с Гонконгом и Макао, китайская диаспора за рубежом также является незаменимым каналом для культурных обменов, и на протяжении истории было бесчисленное множество примеров культурных обменов, проведенных китайской диаспорой. В настоящее время в

провинциях Гуандун, Гуанси, Хайнань, проживает около 20 миллионов зарубежных китайцев, которые составляют подавляющее большинство зарубежных китайцев в стране. Со времени проведения политики реформ и открытости заморские китайцы Гуандуна, Гонконга и Макао пожертвовали материку около 36 млрд юаней, что составляет около 70% от общей суммы по стране; они пожертвовали более 24 000 строительных объектов, включая дороги, мосты, школы, больницы, библиотеки и спортзалы; и создали около 3000 различных благотворительных фондов. В провинции насчитывается 36 800 предприятий с капиталовложением зарубежных китайцев (включая Гонконг и Макао), что составляет 63% от общего числа предприятий с иностранным капиталовложением в Гуандуне. Зарубежные соотечественники из материкового Китая, Гонконга и Макао вложили в региональную экономику Гуандуна 96,5 млрд долларов США, что составляет 64% [170] от общего объема накопленных иностранных инвестиций провинции, а также привезли большое количество кадров, передовых технологий и концепций управления, сети которых распространяются на пять континентов, что делает провинцию одной из крупнейших платформ культурного обмена.

Культурный обмен всегда идет по двум встречным направлениям и охватывает все уровни культуры. С 1980-х годов количество культурных и творческих групп, направляемых из Гуандуна для культурных визитов, выступлений, выставок, лекций и учебных поездок, увеличивается год от года. Например, акробатическая труппа Гуанчжоу подготовила десятки акробатов для таких стран, как Йемен, Кения, Шри-Ланка и Австралия. Региональные музеи, художественные галереи и группы исполнительских искусств также активно принимают участие в международном обмене. Согласно статистическим данным, за период девятой пятилетки культурные организации провинции Гуандун провели 736 мероприятий двусторонних обменов с 8568 участниками, что было самым высоким показателем в стране. За период десятой пятилетки Гуандун все еще был лидером в этом отношении. Начиная с 2000 года качество таких обменов заметно повысилось. Региональные организации по искусству и культуре Гуандуна активно участвуют в таких мероприятиях, как «Год китайской культуры» и «Неделя китайской культуры», которые проходят во всех уголках мира. Эти мероприятия сыграли важную роль в продвижении культуры провинций Гуандун и Гуанси и внедрения лучшего из зарубежной культуры. [171]

Более того, со времен проведения политики реформ и открытости обучение за рубежом стало социальной тенденцией, а количество

учащихся, географический охват и спектр дисциплин стали больше, чем в любое другое время в истории, что позволяет внедрять передовые теории, технологии, информацию и опыт управления из-за рубежа в области естественных, общественных и технических наук. Южно-Китайское море сыграло огромную роль в повседневной жизни людей и других социальных областях, глубоко изменив идеологию, производство и образ жизни людей. Оно произвело важный экономический, социальный и экологический эффект, продемонстрировав, что культурный обмен с внешним миром необходим для построения сильного социалистического государства. Южно-Китайское море было, есть и будет мощным каналом и платформой для осуществления такого обмена.

^[1] См. Сюй Чжилян, «Исследование культурного духа Китая в отношении моря», в Гуандунской ассоциации по изучению культуры Яньди и Хуанди (основатели древнекитайского государства) и городское народное правительство Янцзяна, редакторы (Пять [наиболее известных в Китае] горных хребтов - Чуньцю — Сборник статей о морской культуре (IV), Издательство China Ocean Press, 2003, стр. 67.

^[2] См. Сюй Чжилян, «Исследование культурного духа Китая в отношении моря», в Гуандунской ассоциации по изучению культуры Яньди и Хуанди (основатели древнекитайского государства) и городское народное правительство Янцзяна, редакторы Пять [наиболее известных в Китае] горных хребтов - Чуньцю - Сборник статей о морской культуре (IV), Издательство China Ocean Press, 2003, стр. 68.

^[3] Тань Цисан: «Различия между периодами и региональные различия в китайской культуре», «Вестник Фуданьского университета», 1986, № 2, с. 5

^[4] Сюй Сяован: «Народ Тянь Хоу Мацзу - исследование морской культуры Фуцзяни и Тайваня», Изд. Сюэ Линь, 1999, стр. 19.

^[5] Гегель «Философия истории», изд. Саньянь, 1956, с. 135

^[6] Фридрих Энгельс «Диалектика природы», Народное издательство, 1971, с. 12.

^[7] Сюй Сяован: «Народ Тянь Хоу Мацзу - исследование морской культуры Фуцзяни и Тайваня», Изд. Сюэ Линь, 1999, стр. 12.

^[8] Ляо Цзунлинь, «Тенденции правосознания в развитии морской культуры Китая после присоединения к ВТО», в Гуандунской ассоциации по изучению культуры Яньди и Хуанди (основатели древнекитайского государства) и городское народное правительство Янцзяна, редакторы Пять [наиболее известных в Китае] горных хребтов- Чуньцю - Сборник статей о морской культуре (IV), Издательство China Ocean Press, 2005, стр. 140.

^[9] Фэн Тяньюй и др: «История китайской культуры», Шанхайское Народное издательство, 1990, стр. 26

^[10] Сюй Сяован: «Народ Тянь Хоу Мацзу - исследование морской культуры Фуцзяни и Тайваня», Изд. Сюэ Линь, 1999, стр. 16-17.

^[11] Сюй Цзешунь: «Эссе о теоретических основах морской культуры», Ляо Цзунлинь, «Тенденции правосознания в развитии морской культуры Китая после присоединения к ВТО», в Гуандунской ассоциации по изучению культуры Яньди и Хуанди (основатели древнекитайского государства) и городское народное правительство Янцзяна, редакторы Пять [наиболее известных в Китае] горных хребтов - Чуньцю - Сборник статей о морской культуре (IV), Издательство China Ocean Press, 2005, стр. 65-66.

^[12] Согласно Чэнь Вэймину, «Из Китая в мир: морские купцы Гуандуна и Фуцзяни с середины 16-го века до начала 20-го века», Китайское зарубежное издательство, 2003, стр. 17-18.

^[13] Письмо автору от профессора Ху Чжаогана, Пекинский университет.

^[14] Китайская академия наук, Государственная комиссия по планированию, Комитет по комплексному изучению природных ресурсов, «Сборник данных о земле и ресурсах Китая», том 1, печать 1989 г., стр. 320

^[15] См. Сыту Шанцзи, «Морские территории провинций Гуандун и Гуанси», Народное издательство Гуандун, 1996, стр. 11.

^[16] Гуандунский комитет по составлению краеведческих материалов (Описание провинции Гуандун - Китайцы, живущие за границей), Народное издательство Гуандуна, 1996, с. 57.

^[17] Сыту Шанцзи, ред: «Исторический атлас Гуандуна», Издательство карт Гуандуна, 1995, стр. 49, 126.

^[18] Сюй Гуйлин и Сыту Шанцзи, «Культурный географический ландшафт заморских китайцев в Гуандуне и его региональное разделения», см. «Географических исследованиях», 2004, № 2, с. 419.

^[19] Вэй Мэйчан: «Характеристики, преимущества и перспективы культуры Макао», в Сюй Сисян и Ли Пин, ред: «Культурные отношения между Гуандуном, Гонконгом и Макао», Издательство университета Чжуншань, 2001, стр. 30.

^[20] См. Хуан Цичен: «Общая история Макао», Гуандунское образовательное издательство, 1959, с. 132.

^[21] Вэньцин и др. ред.: «Начало и конец подготовки дел, связанных с зарубежными странами», «Даогуан» (девиз царствования 1821-1850 гг.), т. 30.

^[22] Сюй Гуйлин и Сыту Шанцзи, «Размышления о формировании регионального культурного комплекса в Гуандуне, Гонконге и Макао», см. «Географические исследования», 2006, № 3, стр. 495-506.

^[23] См. Чжан Чжэньхун, «Южные инородцы - не инородцы», China Review Academic Press, 2010, стр. 47, 51, 52, 136, 162, 217.

^[24] Сяо Итин «Доисторическая рыболовная культура северного побережья Южно-Китайского моря», China Review Academic Press, 2009, стр. 102.

^[25] Цзян Юнсин: «Древняя молитва народа юэ о благополучном плавании - одна из тайн каменной резьбы на скале Баоцзинвань», в книге «Весна и осень в провинциях Гуандун и Гуанси», под редакцией Гуандунской ассоциации исследования культуры Яньхуан, Гуандунское народное издательство, 1997, с. 143.

^[26] Сюй Хэнбинь и Лян Чжэньсин, «Открытие и изучение наскальных рисунков и древних мест в Баогэнвань, остров Гаолань», в книге «Весна и осень в провинциях Гуандун и Гуанси - сборник очерков о морской культуре», Гуандунское народное издательство, 1997, стр. 138.

^[27] Ши Чжунцзянь, «Исследование древнекитайского настенного искусства: наскальная резьба», в Динамика этнических исследований, № 4, 1991.

^[28] Сыту Шанцзи «Исследование развития земель в истории острова Хайнань», Народное издательство Хайнаня, 1987, стр. 73.

^[29] Линь Хуэйсян «Отношения между малайцами Южного Китая и древними народами Южного Китая», в журнале Сямэньского университета, 1958, № 1, стр. 218-223.

^[30] Цэнь Цзяву «Культура доисторического Гуандуна», в «Образование и культура Гуандуна», т. 2, № 3, январь 1951 г.

^[31] Лю Яоцюань «Некоторые проблемы древней истории острова Хайнань», в Гонконге, Новый азиатский академический журнал, № 6, 1986, стр. 269-278.

^[32] См. Жун Гуанься, «Сборник статей о антологии и этнографии человека», Nationalities Press, 2003, стр. 199-191.

^[33] Дэн Цун: «Ткань из коры - великий вклад Китая в мировую систему одежды», в Памятники культуры Китая, 19 ноября 2000 г., стр. 3.

^[34] Дэн Цун: «Доисторическое монгольское этнографическое морское рассеяние», в журнале «Юго-восточная культура», 2000, № 11, с. 14.

^[35] Дэн Цун: «Исследование морского расселения доисторических монгольских видов», в «Юго-восточной культуре», 2000, № 11, с. 17.

^[36] Гегель Философия истории, издательства Саньянь, 1956, с. 135.

^[37] Сыту Шанцзи «Биография Жемчужной реки», Издательство Хэбэйского университета, 2009, с. 52.

^[38] Янь Гэньци, «Исследование древней архитектуры острова Хайнань», Издательство Хайнаня, 2008, стр. 15.

^[39] Пэн Нянь: «Пионеры древнекитайской морской культуры», в Китайском исследовательском обществе истории эпохи Цинь и Хань и т.д., «Избранные доклады семинара по историческим местам государства Наньюэ», Издательство вэньу, 2005, стр. 214-215.

^[40] Ли Цзяньшэн и Чэнь Дайгуан «Южно-Китайское море, Морской шелковый путь, порт отправления - город Лейчжоу»,

Ocean Press, 1995, стр. 29.

^[41] По мнению исследователей истории сельского хозяйства, хлопок был завезен на Хайнань из Индии через Вьетнам, а затем на материк, и уже в начале правления династии Хань был широко распространен на острове, что свидетельствует о том, что предки народа Ли освоили методы выращивания и обработки хлопка в доисторические времена. См. Нанкинский сельскохозяйственный колледж «История китайской агрономии» (предварительный проект), Научное издательство, 1984, стр. 3.

^[42] Комитет по составлению краеведческой литературы Гуанси-Чжуанского автономного района. Народное издательство Гуанси, 1995, с. 188.

^[43] Речь исследователя Ян Хао произнесенная на научном семинаре Профессионального комитета исторической географии Гуандунского географического общества 1 апреля 1995 года.

^[44] Хуан Цзышэн и Хэ Сыбин «История заморских китайцев на Филиппинах», Гуандунское издательство высшего образования, 1987, стр. 425.

^[45] «История морского Шелкового пути в Гуандуне», под редакцией Хуан Цичэня, Гуандунское экономическое издательство, 2003, стр. 126-131.

^[46] Чжан Синьян и др: «Сборник исторических материалов о китайском и западном транспорте», т. 2, Китайское книгоиздательство, 1977, стр. 204.

^[47] Ли Цинсинь «Земля на море - исследование истории торговли и китайско-иностранных отношений в Южно-Китайском море», Китайское книгоиздательство, 2010, стр. 134.

^[48] В Фуцзянь, Цюаньчжоу, «Воссоздание памятника храма Цинцзин», однако многие ученые считают, что храм Хуайшэн был создан во времена династии Тан.

^[49] Воссоздание памятника храма Цинцзин в Цюаньчжоу, Фуцзянь, но многие ученые считают, что храм Хуайшэн был создан во времена династии Тан.

^[50] Ван Циньжуо, «Цэ фу юань гуй, Изначальное зеркало книгохранилища», Сокровища библиотек (историческая энциклопедия)», т. 999

^[51] «История династии Сун», т. 489, «Зарубежные страны – Чжаньчэн».

^[52] Ли Фан: «Императорская энциклопедия эпохи Тайпин», т. 286.

^[53] Об этом см. Лян Цичао, «Китайские иностранные студенты полторы тысячи веков назад», в книге «История буддийских исследований в Китае», издательство Саньянь, 1988, с. 65.

^[54] Цжэньжэнь Юанькай, под редакцией Ван Сяньгуна: «Восточная экспедиция великого монаха династии Тан», Китайское книгоиздательство, 2000, стр. 47.

^[55] Цзэн Чжаосюань, «Предварительные исследования бронзовых лодок в Гуанчжоу во времена династии Тан», см. в «Современный и древний Гуанчжоу», 1991, № 2, с. 44.

^[56] Лян Цичао «Место Гуандуна в мировой истории», в Хуан Шусэнь, ред, «Гуандун в девяти главах», Народное издательство Гуандуна, 2006, стр. 35–37.

^[57] См. Хуан Цичен «История морского Шелкового пути в Гуандуне», Гуандунское экономическое издательство, 2003, с. 349–352.

^[58] Управление иностранных дел Народного правительства провинции Гуандун, Гуандунская академия общественных наук «Гуанчжоу и морской шелковый путь», напечатано в 1991 году, стр. 43.

^[59] Ле Чжи, Вэнь Бин и Ли Мин: «(Морской Дуньхуан) - точное местоположение Наньхай 1», «Яньцзян дэйли», 1 июля 2007 г.; Пан Вэйгуо и Гэ Чэнсюэ, «Наньхай 1 поражает члена Академии США У Цзина», «Яньцзян дэйли», 14 мая 2004 г.

^[60] Профессор Сян Да, «Морская карта Чжэн Хэ», Китайское книгоиздательство, 2000, стр. 40

^[61] Су Гуйфэнь и Цю Личэн, ред: «Новые результаты третьей национальной переписи культурных реликвий провинции Гуандун», Управления по вопросам культурного наследия провинции Гуандун, Офис третьей национальной переписи культурных реликвий провинции Гуандун, Фонд охраны памятников культуры провинции Гуандун, 2011, стр. 10.

^[62] Хуан Тин и Ду Цзинго «Исследование производства зерна в Чаошане во время династий Мин и Цин», в Исследованиях по изучению морских приливов (3), Издательство Шаньтоуского университета, 1995, стр. 124-129.

^[63] Хэ Бинди, «Введение и распространение американских культур и их влияние на производство продовольствия в Китае», в книге «Дагун бао, 30-летие восстановления в Гонконге, юбилейный сборник», опубликованной Дагун бао, Гонконг, 1978, стр. 681.

^[64] «Избранные произведения Маркс и Энгельс», т. 1, Народное издательство, 1972, с. 252.

^[65] Хоу Куаньчжао «Флора Гуанчжоу», Научное издательство, 1956, стр. 588, 708.

^[66] Сыту Шанцзи «Культурная география Гуандуна», Народное издательство Гуандуна, 2001, с. 103.

^[67] Этот термин относится к древней практике, когда женщины укладывали волосы наверх, как в случае с замужними женщинами, чтобы показать свою решимость умереть в одиночестве и никогда не выходить замуж на всю жизнь.

^[68] Сыту Шанцзи «Морская культура в Южно-Китайском море», Издательство Чжуншаньского университета, 2009, с. 49.

^[69] Цянь Баоцзун: «История китайской математики» Научное издательство, 1964, стр. 230

^[70] Хуан Цичен «Всеобщая история Макао», Гуандунское образовательное издательство, 1999, с. 137-139.

^[71] Шэнь Фувэй «История культурного обмена между Китаем и Западом», Шанхайское народное издательство, 1715, с. 467.

^[72] Пэй Хуасин, перевод Гуань Чжэньмин «Критическое жизнеописание Маттео Риччи», Коммерческая печатная книга, 1993, стр. 150-151.

^[73] Джозеф Нидэм «История науки и техники в Китае», т. 4, раздел 2, Научное издательство, 1975, с. 639.

^[74] [США] Джон Ф. Кэди: «Историческое развитие Юго-Восточной Азии», Шанхайская переводческая пресса, 1988, стр. 203, 418.

^[75] Яо Сянхао: «Материалы для истории современной внешней торговли Китая» (Книга I), Китайское книгоиздательство 1962, стр. 66.

^[76] [Англия] В. Кэйт «Экономическое положение китайцев в Голландской Индии», Издательство университета Сямэнь, 1988, стр. 62.

^[77] См. Ци Цичжан «История подъема и падения военноморского флота в конце правления династии Цин», Народное издательство, 1998, стр. 26.

^[78] «Опиумные войны» (III) Шанхайское народное издательство, 1957, с. 472.

^[79] Начало и конец организации иностранных дел (период правления Даогуан) V, Китайское книгоиздательство, 1964, pp. 2470-2741.

^[80] Цзоу Чжэньхуань «Западная география в Китае в конце династии Цин», Шанхайское издательство древних книг, 2000, стр. 73-74.

^[81] Училище, впервые учрежденное в 1862 году в Пекине для обучения китайцев иностранным языкам и наукам, в 1902 году вошло в состав Столичных учительских палат, позже преобразованных в Пекинский университет

^[82] Фэн-гуйфэнь: «Протест в Сяобиньлу», см. «История культуры провинций Гуандун и Гуанси» (1985), № 2, с. 116.

^[83] Нянь Шиан: «Движение за развитие заморских дел» (III), Шанхайское народное издательство, 1961, с. 460.

^[84] Нянь Шиан: «Движение за развитие заморских дел (III)», Шанхайское народное издательство, 1961, с. 7

^[85] Чэнь Чжэнь, ред: «Материалы для истории современной китайской промышленности», 3-й выпуск, издательство Саньянь, 1961, стр. 210.

^[86] «Полное собрание сочинений Чжан Вэньсян-гуна» т. 11, с. 16.

^[87] Сюй Синьфу: «Хроника гуанчжоуских гравюр», Цзююань цзиньмо, т. 4, с. 1.

^[88] Нянь Шиан «Движение за развитие заморских дел» (IV), стр. 385.

^[89] Сюй Дэсинь и У Чэнмин, ред.: «История развития капитализма в Китае», т. 2, Народное издательство, 1990, с. 465.

^[90] Чэнь Яньфа: «Создание и разрушение железной дороги Синьнин - второй гражданской железной дороги в Гуандуне», в литературных и исторических материалах Гуанчжоу, 3-я серия.

^[91] См. Цинь Яньхуан и Ляо Гойи, ред., «История Гуанси», Издательство Гуансиского педагогического университета, 1999, стр. 241–245.

^[92] Цинь Яньхуан и Ляо Гойи, редакторы «История Гуанси», Издательство Гуансиского педагогического университета, 1999, стр. 249.

^[93] Приведенные выше цифры см. в переводе Института религии Китайской академии общественных наук, «Китай возвращается к Господу: статистика о христианском деле в Китае, 1901–1920», глава 3, раздел 12, Издательство общественных наук Китая, 1987.

^[94] «Гуандунские литературные и исторические материалы», 14 серия, Гуандунский провинциальный комитет по изучению литературных материалов Китайского народного политического консультативного совета, напечатано в 1963 году, стр. 165.

^[95] Сыту Шанцзи: «Биография Жемчужной реки», Издательство Хэбэйского университета, 2001, с. 321

^[96] [Германия] Адольф Райхвейн, перевод Чжу Цзецин, «Контакт между китайской и европейской культурой в XVIII веке», Коммерческая пресса, 1991, стр. 71.

^[97] Маркс: «Теория прибавочной стоимости», книга I, Народное издательство, 1975, стр. 28.

^[98] Сюй-гуанци: «Установление порядка на границах и управление народами севера», в Чэнь Цзылун и т.д., «Постигать смысл управления страной», том 490.

^[99] Сюй Гуанци: «Полная книга по управлению сельским хозяйством», том 3, Китайское книгоиздательство, 1956.

^[100] Цзю Цзяо и У Юхуи: «Адам Смит и Богатство народов», Издательство Цзилиньского университета, 1986, с. 16.

^[101] Цзю Цзяо и У Юхуи: «Адам Смит и Богатство народов», Издательство Цзилиньского университета, 1986, с. 16.

^[102] См. Хуан Вэйцзун и Сыту Шанцзи, ред.: «Культурная история Жемчужной реки в Китае», Гуандунское образовательное издательство, 2010, стр. 1239-1242.

^[103] Шэнь Фовэй: «История культурного обмена между Китаем и Западом», см. Хуан Вэйцзун и Сыту Шаньцзи, редакторы, «Культурная история Жемчужной реки в Китае», Гуандунское образовательное издательство, 2010, стр. 1243

^[104] [Франция] Вольтер, «О духе обычаев народов», ср. Хуан Вэйцзун и Сыту Шаньцзи, ред, Культурная история Жемчужной реки в Китае, Гуандунское образовательное издательство, 2010, стр. 1246.

^[105] Пан Цзисин: «Вестернизация китайской культуры и ее влияние на Дарвина», см. также Хуан Вэйцзун и Сыту Шанцзи, ред., Культурная история Жемчужной реки в Китае, Гуандунское образовательное издательство, 2010, стр. 1246.

^[106] [Англия] Чарльз Ральф Боксер, ред. и перевод Хэ Гаоцзи, «Путешествие по Южному Китаю в XVI веке», Китайское книгоиздательство, 1990, стр. 98.

^[107] Фань Цунжун: «Китайская культура в Англии эпохи Просвещения», перевод в Хуан Вэйцзун и Ситу Шаньцзи, ред.

^[108] [Германия] Х. Позер, ред. и перевод Ли Вэньчао: «Лейбниц и Китай», см. Хуан Вэйцзун и Сыту Шанцзи, ред., «Культурная история Жемчужной реки в Китае», Гуандунское образовательное издательство, 2010, с. 1254.

^[109] Мао Цзэдун: «О демократической диктатуре народа», в Избранных произведениях Мао Цзэдуна (Собрание сочинений), Народное издательство, 1991, стр. 1358.

^[110] Хун Сюцюань «Оригинальный путь к пробуждению мира», в Тайпин Тяньго (I), Шанхайское народное издательство, 1957, стр. 92.

^[111] Энгельс «Анти-Дюринг», в Маркс Энгельс, Избранные произведения, том 3, Народное издательство, 1972, стр. 354.

^[112] Жун Ин: «Записи о распространении западных знаний на Восток», глава 5 в книге «Собрание сочинений Выход на мировую арену», Юэлу Шушэ, 1985, с. 85.

^[113] Лю Шэнъи и Сун Хуахуа, «Эссе о современной культуре провинций Гуандун и Гуанси», Издательство Чжуншаньского университета, 2007, с. 172.

^[114] Жун Ин: «Записи распространения западных знаний на Восток», глава 10, «Расследование армии тайпинов», в серии «Навстречу миру», издательство Юэлу Шушэ, 1985, стр. 94.

^[115] Лян Цысюнь: «Воспоминания о Соломенной хижине», в сборнике Гуандунского провинциального комитета Китайской народной политической консультативной конференции, Избранная литература и история, № 25, напечатанном в 1979 году.

^[116] Ляо Чжунъи: «Обзор второго визита Кан Ювэя в Гуйчжоу», см. «Литературно-исторических материалах Гуйлиня», № 2, перевод в Цинь Яньхуань и Ляо Гойи, ред. в «Рукописи истории Гуанси», Издательство Гуансиского педагогического университета, 1998, стр. 201.

^[117] Кан-ювэй: «Исследование реформ Японии», Музей Гугун, Гуансуй 24, в линейном переплете, том 4, примечание, стр. 137 Комментария.

^[118] «Договор об учреждении Сюэ Гу Тана», в «Серии побед господина Янь Фаньсюня», перевод в «Всеобщей истории Гуйчжоу», т. 3, Современное издательство Китая, 2002, с. 619.

^[119] Кан-ювэй: «Просьба Гуанчжоу о переводе японских книг и отправки студентов зарубеж», в «Собрании политических высказываний Кан Ювэя», т. 1, Китайское книгоиздательство, 1983, с. 301.

^[120] См. Дин Баолань, изд: «Биографии исторических мыслителей юга страны» и «Биография Кан Ювэя», Гуандунское народное издательство, 1985.

^[121] Шу Синьчэн: «История обучения за границей в современном Китае», перев. в Ли Цзиньцюань, У Сижэо и др.: «История мысли провинции Гуандун и Гуанси», Гуандунское народное издательство, 1985, с. 336.

^[122] Кан-ювэй: «Исследование реформ Японии», Музей Гугун, Гуансуй 24, издание в линейном переплете, том 1, комментарий.

^[123] Лян-цичао, «Эссе об эволюции китайской прогрессивной политики», в сборнике «Магазин ледяной питьевой воды - собрание сочинений», № 9, Китайское книгоиздательство, 1989, 5960 стр.

^[124] См. Ли Цюаньши, Ли Минхуа и др.: «Культура провинций Гуадун и Гуанси», Гуандунское народное издательство, 1993, с. 237.

^[125] См. Ли Цзиньцюань, У Сичжао и др.: «История мысли провинций Гуадун и Гуанси», Гуандунское народное издательство, 1113, с. 343-344.

^[126] Мао Цзэдун: «Памяти господина Сунь Ятсена», в «Синьхуа полумесячный», 1956, № 2.

^[127] «Вспоминая Мао Цзэдуна», том 2, издательство Литература Чжунцзя, 1993, стр. 560.

^[128] «Избранные произведения Сунь Ятсена», под редакцией Центра по изучению партийных документов при ЦК КПК, Народное издательство, 1981, стр. 693-694.

^[129] См. Ли Цюаньши, Ли Минхуа и др., «Культура провинций Гуадун и Гуанси», Гуандунское народное издательство, 1993, стр. 241.

^[130] Сунь Ятсен: «Текст договора Общества возрождения Китая в Гонолулу», в Полном собрании сочинений доктора Сунь Ятсена, том 1, стр. 20.

^[131] Сунь Ятсен: «Текст договора Общества возрождения Китая в Гонолулу», в Полном собрании сочинений доктора Сунь Ятсена,

том 1, стр. 20.

^[132] Сунь Ятсен, «Учение Сунь Ятсена», в Полном собрании сочинений Сунь Ятсена, т. 6, с. 242.

^[133] См. Ли Цзиньцюань, У Сичжао и др., «История мысли провинций Гуандун и Гуанси», Гуандунское народное издательство, 1989, с. 380.

^[134] Вышеприведенная ссылка относится к Ли Цзиньцюань, У Сичжао и т.д.: «История мысли провинций Гуандун и Гуанси», Гуандунское народное издательство, 1993, стр. 390–393.

^[135] Презентация исследователя Ян Хао на академическом семинаре Комитета исторической географии Гуандунского географического общества 1 апреля 1995 года.

^[136] Цитируется по Вэнь Гуаньи и др.: «История зарубежных китайцев в Индонезии», Издательство Океан, 1985, с. 55.

^[137] См. Ван Моу, составлено Яо Нань, «Торговля в Южно-Китайском море и китайцы в Южно-Китайском море», Китайское книгоиздательство, Гонконг, 1988, стр. 221.

^[138] См. Сыту Шанцзи: «Описание Жемчужной реки», Издательство Хэбэйского университета, 2001, с. 346.

^[139] Цитируется у Лю Цюань: «История зарубежных китайцев в Гуандуне», Гуандунское народное издательство, 2002 г., стр. 128.

^[140] Жао Шандун: «История иммиграции хакка в Восточной Малайзии», см. Се Цзянь и Чжэн Чицю, редакторы: «Международный симпозиум по изучению хакка», Китайский университет Гонконга, 1994, стр. 129.

^[141] 1931 г. «Бюллетень правительства округа Тайшань», со ссылкой на Чжан Госюн, Лю Синбан и др.: «Происхождение культуры уи», Издательство высшего образования провинции Гуандун, 1998, стр. 56.

^[142] Шао Чжуанъя: «Острова Сиша - территория Китая», в полугодовом выпуске Синьхуа, № 16, 1956.

^[143] «История дипломатии династии Цин», том 2.

^[144] «Шэньбао», 27 июля 1933 года.

^[145] «Шэньбао», 29 июля 1933 года.

^[146] «Шэньбао», 2 августа 1933 года.

^[147] «Шэньбао», 15, 18, 22 августа 1933 года.

^[148] Цзюй Цзиву: «Юрисдикция Китая над островами в Южно-Китайском море на протяжении веков», в Китайской академии наук, Комплексная научно-исследовательская группа Наньша: специальный сборник исторических и географических исследований по островам Наньша, Издательство Чжуншаньского университета, 1991, стр. 84.

^[149] См. Чжан Яогуан, «Политическая география морей и океанов Китая», Научное издательство, 2001, с. 129.

^[150] См. Тан, Линьлин и Чжоу Вэймин, «Краткая история острова Хайнань», Издательство Хайнань/Южное издательство, 2008, стр. 415.

^[151] Сунь Ятсен: «Пиьсменная мотивировкаа присвоения статуса провинции отсрова Хайнань», в Полном собрании сочинений Сунь Ятсена, том 12, Китайское книгоиздательство, 1986.

^[152] См. Тан Линьлин и Чжоу Вэймин, «Краткая история острова Хайнань», Издательство Хайнань/Южное издательство, 2008, стр. 420.

^[153] Дэн Кайсун и др: «История современных отношений между Гуандуном, Гонконгом и Макао», Народное издательство Гуандуна, 1996, стр. 67

^[154] «Проблемы внешней торговли Китая» (ежемесячник «Чжунсин»), том 5, № 1, июль 1930 г.

^[155] Чэн Хао: «История порта Гуанчжоу» (современная часть), Издательство «Океан», 1985, стр. 289, 311.

^[156] Чжэн Тяньсян и др.: «Экономико-географическая сеть дельты Жемчужной реки с Гуанчжоу, Гонконгом и Макао в качестве центра», Журнал университета Сунь Ятсена, редакционный отдел, 1991, стр. 76.

^[157] Ли Вэньчжи: «Источники современной китайской сельскохозяйственной истории» (2), Издательство Саньянь, 1987, с. 449.

^[158] Ван Жунву, Лян Сун и др: «Океаническая экономика Гуандуна», Народное издательство Гуандуна, 1998, стр. 223.

^[159] Ван Жунву, Лян Сун и др: «Океаническая экономика Гуандуна», Народное издательство Гуандуна, 1998, стр. 248.

^[160] Ван Жунву, Лян Сун и др: «Морская экономика Гуандуна», Народное издательство Гуандуна, 1998, стр. 240.

^[161] Ван Жунву, Лян Сун и др: «Морская экономика Гуандуна», Народное издательство Гуандуна, 1998, стр. 243.

^[162] Се Пэнфэй, ред: «Синяя книга развития Гуандуна», Издательство Южной ежедневной газеты, 2007, с. 67.

^[163] Се Пэнфэй, ред: «Синяя книга развития Гуандуна», Издательство Южной ежедневной газеты, 2007, с. 67.

^[164] Вэй Мэйчан, «Культурные особенности Макао - сильные стороны и перспективы», в журнале «Культурный журнал» в Макао, 1996.

^[165] Лю Юэлянь, Хуан Сяофэн: «Культурная интеграция Макао на протяжении столетия с точки зрения исторической афазии», см. Ву Чжилян, главный редактор: «Культурный обмен между Востоком и Западом», опубликованный Фондом Макао, 1994.

^[166] Сюй Сисян и Ли Пин, редакторы: «Культурные отношения между Гуандуном, Гонконгом и Макао», Издательство университета Чжуншань, 2001, стр. 200.

^[167] Ли Вэймин, ред: «Социальные отношения в Гуандуне, Гонконге и Макао», Издательство Чжуншаньского университета, 2001, стр. 40-43, 50.

^[168] Сюй Гуйлин и Сыту Шанцзи, «Историческое влияние распространения английского языка в провинции Гуандун и Гуанси», см. «История провинций Гуандун и Гуанси», 2003, № 4, с. 49.

^[169] Сюй Сисян и Ли Пин, ред.: «Культурные отношения между Гуандуном, Гонконгом и Макао», Издательство университета Чжуншань, 2001, с. 119.

^[170] Хуан Вэйцзун и Сыту Шанцзи, ред.: «Культурная история Жемчужной реки в Китае, Гуандунское образовательное издательство», 2010, с. 1963.

^[171] Ли Цзунгуй: «Культурных дух освещает Гуандун - 30 лет культурного развития в Гуандуне», Народное издательство Гуандуна, 2008, с. 52-53.

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>